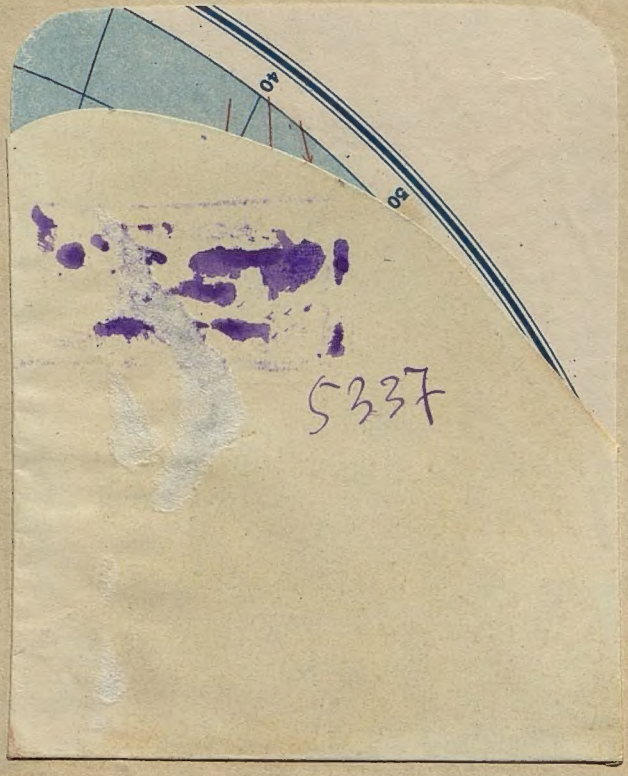
000802392

691



5337

1956

К/66/1698
10164
89/4937

5337

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
Кабинет Ленинизма

V

П-12

К·А·ПАЖИТНОВ

5912

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ

ПЕРИОД СВОБОДНОГО ДОГОВОРА
В
УСЛОВИЯХ САМОДЕРЖАВНОГО РЕЖИМА
(с 1861 по 1905 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ПУТЬ К ЗНАНИЮ"
ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ ШТАБА Р·К·К·А·
ЛЕНИНГРАД 1924

Кабинет
Ленинградский
Индустриальный Институт
Кабинет Ленинизма
ИНСТИТУТА

ПУТЬ К ЗНАНИЮ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

КС 15
П 12

Проф. К. А. ПАЖИТНОВ

БИБЛИОТЕКА ЭФ
СТАТИСТИЧЕСКИЙ
КАБИНЕТ
СПБГУ
5919

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ

Том II

ПЕРИОД СВОБОДНОГО ДОГОВОРА В УСЛОВИЯХ САМОДЕРЖАВНОГО РЕЖИМА (с 1861 по 1905 г.)

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ЗАНОВО ПЕРЕРАБОТАННОЕ

5397

Ленинградский
Индустриальный Институт
Кабинет
Ленинизма

000802392
ЭФ СПБГУ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
Индустриальный Институт
Кабинет Ленинизма

9/47/3.
+334(09)(47)

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ К ЗНАНИЮ“ ВОЕН. ТИП. ШТ. Р.-К.К.А.
ЛЕНИНГРАД — 1924

Фундаментальная Библиотека
№ 222408
Л.П.И. им. М.И. Калинина.

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
Шт. Р.-К. К. А.
Пл. Урицк. 10.
Ленинградский
Гублит № 3363.
Тираж 4000.
Заказ № 82.

БИБЛИОТЕКА
Экономического
факультета
СПбГУ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Второй том „Положения рабочего класса в России“ охватывает собою тот период, который открывается уничтожением крепостного права и продолжается до 1905 г. В нем можно отметить две фазы: первая характеризуется торжеством фритредерства, приведшим к забвению или отмене того, что было сделано раньше для охраны интересов труда; во вторую же вновь начинается систематическая работа по созданию фабричного законодательства. Несмотря на такое резкое по внешности различие, обе эти фазы можно об'единить в один период, проникнутый некоторым общим духом.

Падение крепостного строя сделало свободный договор найма единственной формой отношений между трудом и капиталом. Это преобразование было необходимым условием внедрения в Россию капитализма, который до того представлял собою еще худосочное растение и для своего оживления нуждался в известной степени европеизации страны, модернизации ее устаревших институтов в соответствии с требованиями нового времени. Составляя conditio sine qua non общего экономического прогресса страны, оно оставило глубокий след и в жизни самого рабочего класса. Свободный договор устранил или во всяком случае ослабил ту апатию, вялость и малопродуктивность, которые характеризовали крепостного рабочего, расширил его запросы, поднял дух личной инициативы, увеличил интенсивность труда; его влияние на судьбы рабочего класса неоспоримо и огромно.

Однако реформы 60-х годов не довели европеизацию страны до ее логического конца, и потому изучаемый период истории рабочего класса представляет такие особенности, которые неизвестны другим странам. Рабочий получил право самостоятельного распоряжения своим трудом, но результат свободного соглашения его с предпринимателем определяется не одним

личным желанием сторон, а объективным соотношением их сил. Поскольку единому предпринимателю противостоят многие разрозненные рабочие, перевес естественно находится на стороне первого. Освобождение труда поэтому неизбежно выдвигает на очередь задачу организации его. В то время как на Западе эта мысль получила уже общее признание, у нас она продолжала считаться несовместимой с основными началами нашего государственного строя. Профессиональные союзы для защиты интересов рабочих не допускались; стачки рассматривались, как уголовное преступление. Когда же, несмотря на запрещение закона, на фабриках и заводах начались коллективные выступления рабочих, государственная власть не замедлила пустить в ход меры полицейского воздействия. Циркуляром министра внутренних дел от 6 июля 1870 г. губернаторам предписывалось на основании высочайшего повеления высылать зачинщиков стачек, не доводя дела до судебного разбирательства, в одну из особо перечисленных губерний. Основанием для этого выдвигалось соображение об отсутствии у нас почвы для „рабочего вопроса" в западно-европейском смысле... Но даже после того как наличность последнего была признана и началось систематическое вмешательство государственной власти во внутренние условия найма, отношение ее к борющимся сторонам продолжало сохранять характер патриархальности. При выработке законопроектов представители промышленности неизменно приглашались в соответствующие комиссии, но там не было места для представителей труда. При возбуждении в 1867 г. вопроса об образовании особой комиссии для пересмотра устава о личном найме министром юстиции С. Замятиным была высказана, правда, мысль о желательности приглашения в нее наравне с хозяевами и представителей от рабочих разных отраслей. Но эта простая мысль, логически вытекающая из признанной уже законом гражданской равноправности сторон, не могла найти себе осуществления по соображениям политического характера в течение всего рассматриваемого периода вплоть до 1905 г., когда в комиссию Шидловского впервые были приглашены представители труда. Подобное же третирование последнего имело место в губернских присутствиях по фабричным и горнозаводским делам, которым по закону 1886—92 г.г. предоставлялось издание обязательных постановлений по различным сторонам жизни рабочих. Являясь лишь объектом воздействия государственной власти, последние не имели голоса даже в деле выявления своих нужд и потребностей. Наконец, имелись обширные категории труда (напр., железнодорожники, судо-

рабочие, грузчики), которые в течение всего изучаемого периода оставались лишенными даже той несовершенной охраны, какою пользовались другие группы. Все эти обстоятельства, затрудняя борьбу рабочего класса за улучшение своего положения, порождали в нем все растущее чувство недовольства и раздражения, которые создали благоприятную атмосферу для возникновения и укрепления революционных организаций и содействовали тому, что несмотря на свою сравнительную малочисленность промышленный пролетариат явился тем классом, который нанес самодержавию решительный удар в бурный 1905 год, открывший страницы новой главы в его истории.

Первое издание книги, посвященное исключительно изучению рассматриваемого здесь периода, вышло в 1906 г., а следующее с некоторыми дополнениями—в 1908 г. В настоящем издании она подверглась коренной переработке вследствие как изменения общего плана работы, так и привлечение новых источников, которые появились или стали доступными лишь в позднейшее время.

Январь 1924 г.

ГЛАВА I.

Развитие крупной промышленности.

Падение крепостного права и переход к свободному труду первое время болезненно отразился на некоторых отраслях или районах, которые не обнаружили достаточной гибкости, чтобы приспособиться к новым условиям деятельности. Так, напр., на Урале производство чугуна с 14.513.000 пуд. в 1860 г. упало до 10.467.000 пуд. в 1862 г. и затем стало возрастать лишь чрезвычайно медленно. Еще сильнее пострадал Алтайский горный округ. Накануне реформы, в 1860 г. Кабинетом добывалось 1.060 пуд. серебра, 33 п. 10 ф. золота, 32.000 пуд. меди, 98.000 пуд. чугуна. Благодаря сделанным при даровом труде запасам руды, флюсов, угля и пр. в течение целых восьми лет производство поддерживалось на прежнем уровне, но затем с некоторыми перерывами стало неуклонно падать и в 1883 г. добыча серебра понизилась уже до 368 пуд., золота—до 4 п. 30 ф., меди—до 14.000 и чугуна—23.000 пуд. После некоторых преобразований в постановке дела производительность снова несколько повысилась, но так как дефицитность не исчезла, то в конце концов решено было ликвидировать почти полностью горнозаводское производство [1]).

Но в общем и целом реформы шестидесятых годов очень скоро же обнаружили свое благотворное действие на усиление предприимчивости и повышение производительности страны. Вместо закрывшихся или сокративших свои операции предприятий стали открываться новые, более крепкие; рядом с районами, обнаружившими признаки захирения, как Алтай и Урал, возникают другие, проявившие небывалый до сих пор размах предпринимательской деятельности. Донецкий и Дом-

[1]) П. Голубев—Ликвидация горнозаводского дела на Алтае. „Русское Богатство“, № 11 за 1892 г.

бровский бассейн становятся центрами добычи каменного угля, а добыча железной руды сосредоточивается в Криворожском районе. Малоизвестный доселе Апшеронский полуостров приобретает громкую известность своими нефтяными источниками и становится центром тяготения даже международного капитала.

Нефтяные источники были известны давно, но вследствие малой потребности разрабатывались в самом ничтожном размере; так, в 1832 г. добыча нефти в разных местах Кавказа составляла 261.000, в 1834 г.—358.000, в 1844 г.—328.000 и в 1849 г.—255.000 пудов. Только после того, как открытие богатых месторождений ее в Америке сделало нефть крупным предметом торговли, началась более усиленная разработка и у нас. Центром добычи нефти издавна служил Апшеронский полуостров, где уже в 1863 г. существовало 220 колодцев с общим количеством добычи до 340.000 пудов; в 1864 г. эта цифра увеличилась до 535.000 и в 1865 г.—до 547.000 пуд. [1]). Но протяжении же сорока лет добыча нефти составляла цифру, в тысячу раз большую.

Наконец, золотопромышленность обогатилась новыми районами на дальнем востоке. Присутствие золота в долине р. Зеи (Амурской области) было открыто еще в конце сороковых годов; однако опасения местной администрации, что открытие частных золотых промыслов и связанная с этим закупка значительного количества хлеба для рабочих могут вызвать затруднения в продовольствии войск и переселяемых на Амур казаков, помешали в то время проявлению частной предприимчивости. Только в 1865 г. последовало разрешение частной золотопромышленности в Амурской и Приморской областях за исключением участка, пограничного с Нерчинским округом, а также дозволено было нанимать на промыслы рабочих китайцев. В семидесятых годах число рабочих на промыслах Амурской области колебалось от 1.606 до 3.606 и в Приморской—от 116 до 482 чел. Но в 1895 г. в Амурском горном округе считалось уже до 6.000 и в Приморском—1.007 рабочих.

Нижеследующая таблица показывает общую картину развития горнозаводского дела в течение изучаемого периода:

	1860 г.	1904 г.
Золото	1.491 пуд.	2.262 пуд.
Платина	61½ пуд.	306 „
Серебро	1.070 пуд.	360 „
Цинк	— „	647.868 „
Свинец	54.000 „	5.513 „
Медь	315.694 „	600.438 „

[1]) Военно-статистический сборник. 1874 г., 312—3 стр.

	1860 г.	1904 г.
Чугун	18.174.125 пуд.	181.447.624 пуд.
Соль	26.109.602 „	116.500.186 „
Каменный уголь	8.000.000 „	1.197.106.906 „
Нефть	— „	664.679.252 „ [1]

Разложение натурального хозяйства и усиление товарообмена придало исключительное значение развитию новой отрасли транспорта—железнодорожным путям сообщения, которые начали входить в употребление только в конце предшествующего периода.

Первая железная дорога из Петербурга в Царское Село протяжением в 25 верст была построена в 1838 году. Затем в период с 1842 по 1852 г.г. была закончена Николаевская жел. дорога, и всего к концу 1860 г. значилось открытыми 1.250 верст.

Дальнейший рост железнодорожного строительства представляется в следующем виде:

1861—1865 г.г.	2.021 вер.
1866—1870 „	6.801 „
1871—1875 „	7.558 „
1876—1880 „	3.387 „
1881—1885 „	3.117 „
1886—1890 „	4.338 „
1891—1895 „	5.994 „
1896—1900 „	15.019 „
1901—1905 „	7.186 „

В общем в Европейской и Азиатской России к концу 1904 года насчитывалось (без Финляндии) 56.333 версты железных дорог, из коих 54.280 верст были дорогами общего и 2.053 вер.—местного значения. Товарные перевозки по ним составляли в 1904 г. 4.523 и в 1905 г. 4.139 милл. пудов.

Что касается водного транспорта, то первый пароход у нас был построен Бердом в 1813 г., но распространяться пароходство стало лишь с двадцатых годов. В 1853 г. насчитывалось уже 142 и в 1860 г.—412 пароходов. К концу изучаемого периода в одной Европейской России число паровых судов равнялось около 2.800 и непаровых (емкостью более 200 тонн)—11.000; грузооборот достигал 1.831.232 милл. пудо-верст. Общее же развитие водяного транспорта представляется в следующем виде [2]:

[1]) См. Памятная книжка для русских горных людей. Год второй 1863 г. 135—6 стр. и Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в 1904 г.

[2]) Военно-статистический сборник. Вып. IV. 1871 г. Доклад Вольского третьему с'езду представителей промышленности и торговли—Основы торговопромышл. политики России, 1908 г. Статистич. сборник м-ва путей сообщения за 1904 г.

	Паровой флот.		Непаровой.	
	Количество.	Мощность в 1.000 номин. сил.	Количество.	Грузоподъем. в млн. пуд.
1884 г.	1.246	72	20.095	462
1890 „	1.829	102	20.725	401
1895 „	2.539	130	20.585	527
1900 „	3.295	165	22.859	671
1906 „	3.897	192	23.175	786

Что касается обрабатывающей промышленности, то переход к вольнонаемному труду только в исключительных случаях имел здесь своим последствием сокращение производства. Сюда относится, например, суконная промышленность, опиравшаяся главным образом на помещичьи фабрики, работавшие руками своих крепостных: число их с 432 в 1860 г. упало до 365 в 1863 г., а количество рабочих—с 94.721 до 71.797 чел.

Остальные же отрасли уже и раньше пользовались преимущественно вольнонаемным трудом, а потому подобных задержек в своем развитии не обнаруживали. Правда, в течение изучаемого периода имели место серьезные промышленные кризисы общего характера — в начале семидесятых годов, середине восьмидесятых и, наконец, с 1900 по 1909 г., но и несмотря на них завоевания капитализма оказались весьма значительными.

Точное начертание картины роста фабрично-заводских предприятий чрезвычайно затрудняется или даже делается просто невозможным вследствие крайне неудовлетворительного состояния нашей статистики прежнего времени. Основным источником ее служили ведомости, доставляемые ежегодно заводчиками и фабрикантами в министерство финансов. Но при этом инструкции, которая давала бы ясное определение того, что нужно считать фабрикой или заводом, выработано не было; поэтому в разных местах они понимались различно, и в общую ведомость вошло таким образом большое количество мелких предприятий ремесленного или кустарного типа.

Сообразно с этим статистическим материалом общее количество фабрик и заводов (исключая горно-заводскую промышленность исчислялось для 1863 г. в 16.695 и для 1865 г. в 23.050 [1]). Но если выделить из них те предприятия, которые имеют не менее 16 рабочих, то таковых окажется—по подсчетам Н. Ленина—только $2^1/_2$—3 тысячи. Дальнейший рост этого типа предприятий выражается следующими цифрами: в 1879 году — около $4^1/_2$ тысяч, в 1890 году — около 6, в 1894—1895 г.г.—около 6,4 и в 1903 г.—около 9 тыс. [2]).

[1]) Военно-статистический сборник. Вып. IV. 1871 г. 318 стр.—М. Туган-Барановский. Русская фабрика. 1898 г. Ч. II, первая глава.

[2]) Развитие капитализма в России. Изд. 1923 г. 380 стр. А. Финн-Енотаевский. Современное хозяйство России (1890—1910 г.г.) 1911 г.

По данным фабричной инспекции, число предприятий, подчиненных ее надзору, на 1 января 1905 г. составляло 14.615. Формальным признаком для включения предприятий в эту группу служит теперь наличность 20 рабочих; но главному по фабричным делам присутствию предоставляется подчинять надзору заведения и с меньшим количеством рабочих, если имеются какие-нибудь особые обстоятельства (напр. механический двигатель). Таковых предприятий, имеющих до 20 включительно рабочих, насчитывалось 5.363 или 36,7% общего их числа. Данные фабричной инспекции поэтому не совпадают вполне с цифрами И. Ленина, так как последний отбрасывает все предприятия, имеющие меньше 16 чел. Но в общем на основании как тех, так и других можно принять с большей долей вероятности, что число фабрик и заводов увеличилось в течение изучаемого периода от трех до четырех раз.

Если взять производства, не обложенные акцизом, которые представляют наиболее благоприятные условия для сравнения, то развитие промышленности представляется в следующем виде [1]):

	1863 г.	1900 г.
Число предприятий	11.810	12.702
Сумма производства (в тыс. р.) . . .	247 613	2.003.873
Количество рабочих	357.835	1.343.279

Как видно отсюда, сумма производства увеличилась приблизительно в 8 раз, а количество рабочих—почти в 4 раза. Количество же предприятий изменилось очень мало; что об'ясняется как усилившейся концентрацией капитала, так и тем обстоятельством, что статистика 1863 года учитывала большое количество мелких заведений, впоследствии уже не регистрировавшихся.

При этом особенно энергичный рост обнаруживают наиболее крупные предприятия, о чем свидетельствуют данные акционерного строительства.

Первое акционерное общество (Американская компания) было основано у нас в 1779 г. с капиталом в 1.112.000 руб. и в течение целого полустолетия к нему прибавилось еще только 2 новых организации этого типа. Но затем число их начинало быстро возрастать и в 1858 г. составляло уже 110 с основным капиталом в 242½ милл. руб. (из них капитал железнодорожных обществ равнялся 150.595.626 руб., промышленных — 45.902.685, пароходных — 30.714.000 и страховых—15.287.800 руб.). А к 1905 г. число акционерных

[1]) Статистический Временник Российск. Имп. Вып. I. 1866 г. Отд. 11, глава 111.—Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г. VIII стр.

обществ выросло уже до 1.369. Сюда не входят еще железнодорожные общества; в конце 1904 г. в руках их находилось 9 дорог общего значения и 14 дорог местного значения. Если принять таким образом число железнодорожных компаний за 23, то общее количество акционерных обществ к концу изучаемого периода выразится в цифре 1.392, что составляет увеличение в двенадцать раз. Акционерный и облигационный капитал их составлял в 1904 г. 2.636.372.000 р., не считая железнодорожных компаний. Общая же сумма капитала сооружений последних выражалась в цифре 1.784.491.884 руб. Таким образом, всего капитала в означенных 1.392 обществах было вложено 4.420.863.884 руб., т.-е. в десять раз более против 1858 года.

Еще более увеличился капитал, вложенный в казенное железнодорожное хозяйство. К началу шестидесятых годов руках государства находилась лишь одна Николаевская дорога, на постройку которой было отпущено 75.000.000 р. Между тем в конце 1904 г. общая сумма капитала сооружений казенных железных дорог, каковых было уже 23, исчислялся в 4.069.778.841 р., что составляет увеличение более чем в 50 раз [1]).

Что касается территориального распределения фабрично-заводской промышленности, то первое место в 1904 г. по прежнему занимала Московская губерния с 1565 заведениями и 306.826 рабочими; затем идут: Владимирская губ.—348 предпр. и 158.235 раб., Петербургская губ.—873 предприятия и 152.383 раб., Петроковская губ.—918 предпр. и 128.103 раб., Варшавская губ.—854 предпр. и 70.025 раб., Костромская губ.—231 предпр. и 67.680 раб., Киевская губ.—480 предпр. и 60.360 раб., Лифляндская губ.—349 пред. и 49.472 раб., Харьковская губ.—292 предпр. и 38.431 раб., Ярославская губ.—214 предпр. и 34.002 раб., Тверская губ.—233 предпр. и 33.496 раб., Херсонская губ.—552 предпр. и 31.496 раб., Нижегородская губ.—451 предпр. и 31.372 раб., Подольская губ.—271 предпр. и 29.704 раб., Пермская губ.—237 предпр. и 27.018 раб., Екатеринославская губ.—285 предпр. и 26.646 раб., Орловская губ.—228 предпр. и 22.234 раб. В остальных же из 60 губерний, подчиненных надзору фабричной инспекций, насчитывалось в каждой менее 20.000 рабочих [2]).

---

[1]) Военно-статистический сборник. Вып. IV. 1871 г. 839—40 стр.—Статистический сборник М-ва Путей Сообщений за 1904 г. Том 85, таблица I, 1—19 стр.—Доклад совета с'ездов промышленности и торговли о современном положении промышленности и торговли 1914 г. 28—29 стр.

[2]) Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г. 34—35 стр.

Таким образом, если центральный промышленный район продолжает удерживать свое первенствующее положение, то в остальных губерниях наблюдается по сравнению с крепостным периодом определенный сдвиг промышленности с востока на запад, где образовались мощные центры в Петербургской и Лифляндской губ. с одной стороны и в Петроковской и Варшавской—с другой, а затем на юг, где Тульская, Тамбовская и Калужская губ. уступили свое место Киевской, Херсонской, Подольской и Екатеринославской.

Проследить движение внутренней торговли за данный период представляется очень затруднительным вследствие недостатка надежных данных; рост же внешнего товарообмена представляется в следующем виде: в 1860 г. привоз составлял 159.303.405 и вывоз—181.383.281 руб., а в 1904 г. привоз—651.403.000 и вывоз 1.006.384.000 руб. В среднем на голову населения общая сумма привоза и вывоза выражается теперь в цифре 11,4 р., а сорок пять лет тому назад—только 4,8 р.; это составляет увеличение в $2^1/_2$ раза.

ГЛАВА II.

Численность и состав рабочего класса.

Соразмерно с ростом и укреплением капитализма наблюдается в течение изучаемого периода значительное увеличение численности класса наемных рабочих. Наиболее заметной чертой экономии данной эпохи является разложение натурально-хозяйственного уклада, усиление товарообмена между городом и деревней, с одной стороны, и внутренним рынком и заграницей—с другой. Поэтому наиболее резкое увеличение приходится именно на долю рабочих, занятых в транспорте. Общее количество железнодорожных служащих и рабочих равнялось в 1904 г. (без Финляндии) 711.922 человек, что при эксплоатационной длине дорог общего значения в 54280 верст составляет в среднем 13,1 человек на одну версту. Но в 1890 г. на 1 версту приходилось 9,5 и в 1886 г.—9,0 человек. Исходя из последней нормы, количество железнодорожных служащих и рабочих для 1860 г. можно принять не свыше 12.000 челов. Таким образом, в течение изучаемого периода эта группа выросла почти в 60 раз. Из означенной цифры 711.992 челов. 386,557 приходится на долю постоянных служащих и рабочих, 37.397—на долю временных и 287.968 являются поденными рабочими [1].

[1]) Статистический сборник Министерства Путей Сообщения за 1904 г. Вып. восемьдесят пятый. Табл. XII.

Количество лиц, занятых в водном транспорте, менее значительно, но все же выражается в крупных цифрах. Так, в 1884 г. команда на паровых и непаровых составляла 112.766 человек, а в 1900 г.—около 140.000 чел.

Всего таким образом в железнодорожном и водном транспорте было занято к концу изучаемого периода непосредственно свыше 850.000 человек. Сравнение с периодом 40—50 лет тому назад представляется невозможным, так как в то время перевозка грузов происходила преимущественно гужевым способом и на непаровых судах. Правда, количество рабочих рук, требующихся для перемещения определенного груза при прежней технике, было более значительным, чем ныне. Но так как общее количество грузов выросло очень сильно (в 1868 г. было перевезено 439 милл. пуд., а в 1904 г.—уже 4.523 милл. пуд.), то и категория населения, занятого непосредственно транспортированием их, должна была увеличиться довольно значительно.

Значительно выросла также группа горнозаводских рабочих. Железо, каменный уголь и нефть—это краеугольные камни современной крупной индустрии и чрезвычайный рост добычи их резко бросается в глаза. Общее количество лиц, занятых в горном деле к концу крепостного периода, составляло около 240—250 тысяч человек. Но среди них было очень много лишних рук, и в первые же годы после освобождения означенная цифра сильно уменьшилась.

„По обычаям времени крепостного права все живущие в заводе и способные к работе крестьяне каждый день должны были являться на заводские работы, и заведующий работами волей-неволей должен был дать им работу, от чего происходило то, что на работу, которую в состоянии был исполнить один рабочий, назначалось нередко два и три. Освобождение рабочих, сделав труд вольным, избавило заводы от громадного числа этих, так сказать, лишних ртов, требующих плат и пенсионов, но не приносящих заводу никакой пользы... Так в 1860 г. на всех Кыштымских заводах числилось 17.503 рабочих, но на работу употреблялось только 7.297 человек, остальные 10.466 составляли контингент престарелых, увечных, больных и т. п., получавших пенсионы и вспомоществование. В 1871 г. рабочих было уже только 4.412 человек и в 1875 г.—5.123, а между тем производительность значительно увеличилась [1]).

---

[1]) Сборник Пермского Земства за 1876 г., № 4—6.

Благодаря подобному сокращению штатов общее количество горнозаводских рабочих в первое десятилетие после реформы стало меньшим, чем было до нее, но затем в связи с общим оживлением предпринимательской деятельности начинается быстрое увеличение его, как это видно из нижеследующей таблицы:

1861	год	170.792	1885	год	349.319
1865	„	173.301	1890	„	135.668
1870	„	223.000	1895	„	198.351
1875	„	267.990	1900	„	515.497
1880	„	283.414	1904	„	599.276 [1]).

Таким образом, число горнорабочих увеличилось приблизительно в $3\frac{1}{2}$ раза. Из общего количества 599,276 человек, занятых в горнозаводской промышленности в 1904 г., наибольшая часть приходится попрежнему на Урал, где сосредоточено 231.397 рабочих; затем идут: Юг России с 160.670 человек, царство Польское—50.748, Кавказ—41.108, Подмосковный район—36.903, Восточная Сибирь—36.242, Западная Сибирь—22.858, Северная Россия—14.432, Финляндия—3.750 и Закаспийская область—1.168 рабочих.

Что касается распределения их по производствам, то первое место занимают металлургические заводы, где было занято в 1904 г. 255.282 рабочих; затем идет каменноугольная промышленность с 117.743 человек, золотые и платиновые прииски—80.898, добыча железных, медных и марганцевых руд—17.718, каменоломни—40.935, нефтяные промыслы—27.075 и соляные копи—19.174 [2]).

Что касается обрабатывающей промышленности, то в 1860 г. числилось, по сведениям департамента мануфактур и внутренней торговли, в Европейской и Азиатской России, кроме Царства Польского, 15.388 фабрик и заводов с 565.142 рабочими. Что касается Польши, то в ней насчитывалось в 1857 г. 12.542 фабрики с 56.361 рабоч. Между тем к началу 1905 г. в ведении фабричной инспекции состояло (включая и Польшу) 14.701 предприятий с 1.663.080 раб.

Таким образом, число фабрично-заводских рабочих за 45 приблизительно лет возросло, по оффициальным данным, немногим менее, чем в 3 раза. Однако, данные эти не вполне

[1]) Уменьшение числа рабочих после 1900 г. объясняется не только наступившим затем промышленным кризисом, но также отчасти переходом некоторых заводов в ведение министерства финансов.

[2]) Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1904 г.

000802392

сравнимы, так как в отчеты 1860-го года в большом количестве входили такие мелкие предприятия, которые в позднейшее время не регистрировались. Так, в Царстве Польском в 1857 г. считалось 12.542 фабрик и заводов с 56.364 рабочими, а в 1904 г. около 266.000 раб. приходилось всего на 3.454 заведения. В Архангельской губернии в 1860 г. попало в отчет 569 заведений с 1.416 рабочих, а в 1904 г. под надзором фабричной инспекции состояло лишь 43 заведения с 11.286 рабочими.

В виду этого можно сказать, что количество рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности, увеличилось с 1860 г. по 1904 г. более, чем в 3 раза, но в $3^1/_2$ или в 4, а может быть и более—у нас нет данных сказать определенно.

Как же распределяется эта огромная масса рабочего населения по районам и отраслям производства?

Первое место по числу рабочих занимает промышленность по обработке волокнистых веществ: в 1900 г. здесь насчитывалось 621.500 рабочих, при чем при обработке хлопка было занято 372.136 челов., при обработке шерсти—127.796, при обработке льна—71.515, шелка—24.774 и смешанных веществ—25.320 челов. Второе место занимает промышленность по обработке металлов: в 1900 г. 235.785 рабочих.

Обработка минеральных веществ занимала 127.970 челов. На свеклосахарных и рафинадных заводах—118.000. Промышленность по механической обработке дерева привлекала 73.964 челов., по обработке питательных продуктов—71.042 и т. д. [1]).

Промышленность по обработке волокнистых веществ сосредоточена в 3 районах,—центральном (Московск., Владимирск., Костромск., Тверск., Ярослав. губерниях) во главе с Москвою; Прибалтийском во главе с Петербургом и Польском во главе с Лодзью и Варшавой. За последнее время стали возникать крупные мануфактуры и на юге,—в Петровске, Баку, Тифлисе и других местах, с целью перерабатывать хлопок туземного происхождения и приготовлять товар для сбыта в Персию, Китай, Бухару и прилегающие области. Металлообрабатывающая промышленность естественно тяготеет к тем районам, где укоренилась горнозаводская промышленность, доставляющая ей основные материалы для переработки; наибольшее развитие получила она на юге России, в Прибалтийском и Привислинском крае.

[1]) См. Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г. и по производствам, обложенным акцизом, за тот же год.

Свеклосахарное производство ограничивается в настоящее время 5 юго-западными и южными губерниями, 9 центральными и всеми привислинскими, кроме Сувалкской. Раньше посевы свекловицы производились и дальше на север во многих губерниях. В 1901—1902 г.г. числилось 277 сахарных заводов с 109.778 рабочими и 23 рафинадных завода с 13.205 рабочими.

Киевская, Подольская и Харьковская губ. являются главным центром, так как здесь сосредоточено 154 сахарных завода с 63.600 рабочими и 8 рафинадных заводов с 6.900 рабоч. Затем идет Привислинский край.

Стеклянные заводы почти до 70-х годов возникали и развивались исключительно в местностях, особо богатых лесом. Вследствие этого наибольшее развитие эта отрасль промышленности получила по отдельным районам: средне-восточному с Владимирск. и Рязанск. губ., средне-западному с Орловск. и Смоленск. губ. и северному с Тверск., Новгородск. и Петербургской губерниями. Все эти районы, заключая в себе значительные лесные пространства, находятся на небольшом расстоянии от главнейших рынков России: Москвы, Нижнего-Новгорода и Петербурга. Только с 70-х годов к этим главнейшим районам русского стеклоделия присоединились еще два района с каменноугольным топливом — Донецкий бассейн и группа губерний Царства Польского, а также за последнее время район с нефтяным топливом—южная часть России близ Каспийского моря.

Писчебумажное производство стало развиваться главным образом с 80-х годов, когда на рынке появился новый продукт, суррогат тряпья, под именем древесной массы и целлюлозы. Главными районами писчебумажного производства нужно считать Финляндию, Петербургско-Балтийские губернии, Царство Польское и юго-западные губернии—Могилевскую, Виленскую, Киевскую, Волынскую.

Целый ряд других отраслей промышленности рассеян более или менее по всей стране, концентрируясь лишь в главных промышленных и населенных центрах. Так напр., кожевенная промышленность получила распространение более, чем в 80 губерниях, но Варшава, Петербург, Москва являются ее средоточиями. Эти города составляют центр и для химической промышленности, для производства изделий из золота и серебра и т. д. Лесопильные заводы, будучи распространены и во внутренних губерниях, сосредоточены главным образом в Лифляндской, Петербургской и Архангельской губерниях (1/3 всей производительности России).

Вместе с ростом капитализма победа крупного производства над мелким становится у нас все более заметной, и если раньше процесс концентрации русской промышленности подвергался большому сомнению, то теперь его отрицать уже никто не может, ибо в этом отношении Россия может поспорить даже с более развитыми странами.

В 1860 г. в Европейской и Азиатской России, по сведениям департамента мануфактур и внутренней торговли, считалось 15.388 фабрик и заводов с 565.142 рабочими, да кроме того в Царстве Польском насчитывалось 12.542 промышленных предприятия с 56.364 рабоч. В 1885 г. ведению фабричной инспекции подлежало 24.913 предприятий с 869.828 рабоч., а к 1 января 1905 года — 14.701, в которых работало 1.663.080 человек...

Эти последние распределяются следующим образом:

251 фабрика (т.-е 1,3% всего их числа) насчитывающих свыше 1.000 человек каждая, занимают 561.308 рабочих, т.-е. 30% общего их количества; 393 заведения, с числом от 501 до 1.000 рабочих каждое, занимают 273.791 чел.; 2.042 заведения — от 101 до 500 рабочих — насчитывают 165.955 челов.; 2.063 заведения—от 51 до 100 рабочих—занимают 146.643 челов.; 4.602 заведения—от 21 до 50 рабочих—занимают 151.785 челов. и, наконец, в 5.349 предприятиях—до 20 рабоч. на каждое—находится 63.598 челов.

Эти цифры говорят сами за себя: 644 наиболее крупных предприятия, т.-е. около 4% общего числа фабрик и заводов, сосредоточивают в себе 800 слишком тысяч человек, т.-е. около 50% всех рабочих!..

В том же направлении совершалось развитие и горнозаводской промышленности [1]).

Распределение промышленности по губерниям и уездам происходило весьма неравномерно. В очень промышленных уездах на ряду с местностями, которые в силу более или менее значительного сосредоточения в них промышленных заведений могут быть названы настоящими фабричными центрами, встречаются целые волости, почти лишенные всякой фабричной промышленности. И наоборот, в уездах, вообще бедных фабриками

[1]) Так, напр., в главном центре нашей каменноугольной промышленности,—юге России,—на долю крупных предприятий с годовым производством не менее 3 милл. пуд. приходилось из общей добычи:

в 1876 г.	25%	в 1894 г.	80%
„ 1880 „	44%	„ 1902 „	около 85%

и заводами, бывают районы, в которых в более или менее значительной степени развился тот или иной промысел, при чем рядом с кустарными избами возникли и более крупные заведения со всеми аттрибутами крупного производства.

По данным 1902 г. оказывается, что свыше половины общего числа фабрик (57%) и рабочих (58%) сосредоточиваются вне городов. А именно, в городах расположено было 11.131 заведение с 783.000 рабочих и вне их—16.537 заведений с 1.104.700 рабочими.

Только на Кавказе, а также в Польше и Сибири наблюдается скопление крупных промышленных предприятий преимущественно в городах [1]).

Это преобладание у нас в России крупных фабрик и заводов, расположенных вне городов, имеет огромное социальное значение, ибо благодаря ему роль промышленного рабочего класса, как проводника новых понятий, взглядов и навыков в патриархальный быт необ'ятной крестьянской массы, становится значительно большей, чем можно судить на основании одного только % занятых в индустрии рабочих рук.

Большой интерес затем представляет вопрос о связи населения, занятого в промышленности, с землей. В первой половине XIX века в литературе нередко можно было встретить суждения об отсутствии у нас промышленного рабочего класса в собственном смысле слова. В то время это мнение могло еще иметь под собой почву, хотя уже и тогда оно нуждалось в целом ряде существенных ограничений.

С падением крепостного права и развитием капитализма отрыв населения, втягиваемого в промышленности, от земли совершался с возрастающей силой.

[1]) Более подробное распределение представляется в следующем виде.

	Евр. Россия.		Привисл. край.		Кавказ.		Сибирь.	
	Зав.	Раб. (в тыс.).	Зав.	Раб. (в тыс.).	Зав.	Раб. (в тыс.).	Зав.	Раб. (в тыс.).
В городах:	7,854	608,7	1,509	117,1	955	44,2	813	13,1
Менее 5 раб. . .	1,908	5,5	233	0,7	324	1,0	314	0,9
От 5 до 49 раб.	4,131	78,1	859	17,9	475	7,0	457	6,1
„ 50 „ 499 „	1,585	218,4	373	53,6	141	17,4	40	3,6
„ 500 раб. и более.	230	306,7	44	45,0	15	18,8	2	2,5
Вне городов:	11,311	949,0	1,888	117,2	1,986	22,0	1,352	16,5
Менее 5 раб. . .	3,227	9,3	434	1,4	1,076	3,5	879	2,3
От 5 до 49 раб.	5,911	95,1	1,085	14,8	858	9,9	413	5,5
„ 50 „ 499 „	1,783	278,8	269	44,0	49	5,8	58	7,4
„ 500 раб. и более.	390	565,7	40	57,0	3	2,8	2	1,3

См. А. Погожев.—Учет численности и состава рабочих в России. 1906 г.

Но старый взгляд имел свою привлекательность, с одной стороны, для тех сфер, которые были заинтересованы в сохранении старых устоев, а с другой—для народнических кругов интеллигенции.

Поэтому он по инерции продолжал поддерживаться и в позднейшее время, и даже к концу изучаемого периода в оффициальных изданиях можно найти заявления, что фабрично-заводский труд в России „не составляет профессии, не служит естественным средством существования, а только лишь подспорьем к труду земледельческому, является придатком к тому, что он получает от своего поземельного участка". „Тогда как на Западе",—замечает в том же духе Н. Каблуков [1]),—„труд на фабриках составляет для рабочего единственный источник существования, у нас, за сравнительно небольшими исключениями, рабочий считает труд на фабрике побочным занятием, его более тянет к земле".

Между тем в действительности предполагаемые исключения давно уже превратились в общее правило. По данным, собранным фабричной инспекцией Московского округа за 11 лет (с 1883 по 1893 г.) и относящимся к 1263 фабрикам, оказалось, что около 82% рабочих работало на них круглый год и только 18% уходило летом на родину.

Работающие круглый год большей частью не имеют уже земли и занимаются фабричным трудом по отсутствию таковой. А именно, фабрично-заводские рабочие, проживающие постоянно на фабриках и не уходящие на родину для сельских работ, по данным 1883—93 г.г., распадались на шесть разрядов:

1) крестьяне, сдающие свои земельные наделы в общество или кому-нибудь из односельчан, 2) запасные и отставные нижние чины, 3) крестьяне бессемейные и затем такие, которые проживают уже давно в городских поселениях и отвыкли от сельских работ, 4) крестьяне несовершеннолетние, которых отдали родители на фабрики и заводы для обучения и которые затем остаются навсегда промышленными или ремесленными рабочими, не умея обрабатывать землю или не чувствуя к этому склонности, 5) крестьяне, не имеющие земли (бывшие дворовые, фабричные и горнозаводские рабочие разного рода) и 6) мещане, цеховые, лица духовного звания, солдатские дети и другие, не имеющие земельного надела.

Что касается других районов, то данные, собранные фабричной инспекцией в 1893 г. относительно 12.663 предприятий с 763.041 рабочим, рисуют следующую картину:

[1]) Лекции по экономии сельского хозяйства. 1897 г.

Округа.	Число заведений.	Общее число рабочих.	Число работающих круглый год	%
Петербургский	288	81.573	72.783	89.22
Виленский	3.000	34.000	29.789	87.61
Петроковский	678	76.808	65.538	85.32
Варшавский	222	39.486	32.745	82.92
Московский	1.225	213.128	171.508	80.47
Владимирский	296	132.776	106.527	80.23
Харьковский	249	29.562	14.392	48.78
Киевский	4.417	92.005	39.117	42.50
Воронежский	2.288	63.763	15.133	23.73
	12.663	763.041	547.523	71.75

Таким образом, для всей Европейской России работающие круглый год составляют около 72%, при чем для шести округов этот процент колеблется от 80 до 89 и только в трех округах опускается до 23—48%.

ГЛАВА III.

Детский и женский труд.

Крепостной период, как было показано в 1-м томе, не исключал детского труда, но общие условия того времени не благоприятствовали чересчур широкому его применению. Малоподвижность была вообще характерной чертою быта, а тяжелые и далекие пути сообщения еще более затрудняли отход как женщин, так и детей; в пределах же до 12-летнего возраста в законодательных актах неоднократно проводилась мысль о недопустимости подобной эксплоатации.

С падением крепостного права и проведением прочих реформ шестидесятых годов деревня стала все сильнее и сильнее втягиваться в товарообмен, железные дороги сократили расстояния, подвижность населения возросла. Вместе с тем старые ограничительные меры утратили свою силу; только по отношению к казенным горным промыслам и заводам в положении 8 марта 1861 г. сохранилось постановление, что дети моложе 12 лет не могли быть принимаемы в заводские работы и что малолеты ниже 15 лет должны употребляться в работу не более 8 часов в сутки и не иначе, как днем, а при рудниках только на поверхности, а не внутри оных. Правилами 4 июня следующего года о порядке поступления свободных людей в заводские работы и службу на частных горных заводах и рудниках означенные нормы были распространены и на

последние [1]); но так как никакого надзора организовано не было, то реального значения это не имело. Так, по наблюдениям д-ра Иортугалова детей можно было встретить не только на поверхности, но и в подземной работе. Работают они по 12 часов в сутки. Возраст их различный; встречаются и 10 летние[2]).

Что же касается фабричной промышленности, то она была совершенно лишена каких бы то ни было руководящих указаний в этом отношении и предоставлена всецело естественному ходу вещей, который определенно вел в сторону расширения сферы применения дешевого детского труда.

Департамент торговли и мануфактур определял число малолетних до 17-летнего возраста, занятых в фабрично-заводской промышленности (кроме производств, необложенных акцизом), в Европейской России и царстве Польском для 1879 г. в 172.132 человека или в 25% общего их количества (688.529 ч.[3]). Цифру эту нужно, однако, признать значительно преувеличенной; принимая ее, департамент не обнаружил достаточно критического или даже просто внимательного отношения к источникам. Правда, на Тверской фабрике Морозова при 4.566 рабочих малолетние до 15 лет составляли около 17%; но распространять это единичное наблюдение на всю промышленность было бы, конечно, слишком смело. Если же обратиться к переписи Петербурга 1869 г., о которой упоминается между прочим департаментом, то она говорит иное. При общем количестве занятых в обрабатывающей промышленности рабочих в 139.290 человек малолетних до 15 лет насчитывалось здесь 13.586 или 9,9%, а в возрасте до 17 лет—22.975 или 16,5%.

Данные же обследования, произведенного во всероссийском масштабе, показывают, что цифра эта должна быть понижена еще более.

Так, из материалов, собранных фабричной инспекцией в 1885 г., видно, что в 4.264 предприятиях на 458.701 взрослых рабочих приходилось 26.896 малолетних ниже 15 лет; это составляет 4,53% к общему числу рабочих.

Наибольшее по абсолютным цифрам количество малолетних приходится на предприятия по обработке волокнистых веществ,

[1]) 2-е Полное собрание законов, № 38339.—В положении о вольнонаемных мастеровых и рабочих в артиллерийских технических заведениях, утвержденном 15 августа 1870 г., также содержится запрещение принимать малолетних ниже 12 лет.

[2]) Архив судебной медицины. Кн. № 4 за 1870 г.

[3]) Архив Государственного Совета, дело.—О мерах к ограничению работы и об образовании малолетков и подростков, занятых на фабриках и заводах (1882 г.).

а именно—14.828; по обработке пищевых веществ—4.584, минеральных веществ—3.587, металлов—1.541, дерева—482, живописных веществ—258 и прочих—1.616 человек.

При первом посещении промышленных заведений фабричными инспекторами обнаружено было даже несколько большее количество малолетних, а именно—30.800 челов., что составляет уже 6,3% общего числа рабочих. Из них в возрасте от 12 до 15 лет насчитывалось 28.122, от 10 до 12 лет—1.531 и от 7 до 10 лет—92 челов.[1]).

Если принять численность рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности, для начала 80-х годов в 700.000 человек, то общее количество малолетних до 15 лет выразится в цифре около 42.000 чел. С тех пор количество детей, занятых в промышленности, стало уменьшаться не только относительно, но даже и в абсолютных цифрах. Запрещение детского труда ниже 12 лет, проведенное законом 1 июня 1882 г., не произвело никаких особенных перемен, ибо и раньше количество детей этого возраста было очень незначительно. Но установление 8, а затем и 6-часового рабочего дня для лиц от 12 до 15 лет и затем возложение на предпринимателей обязанности предоставить им возможность получать школьное образование ослабили в значительной степени действие той приманки, которая заключалась в дешевизне детского труда. Вот данные, относящиеся к концу изучаемого периода [2]):

Годы:	Число малолетних.		
	м. п.	ж. п.	Всего.
1901	20.308	13.738	34.046
1902	18.641	12.569	31.210
1903	16.520	11.842	28.362
1904	15.174	9.713	24.887
1905	14.655	9.440	24.095

Отсюда видно, что применение детского труда в возрасте от 12 до 15 лет сократилось за 5 лет на 9.951 чел., понизившись с 2% по отношению к общему числу рабочих до 1,4%. Если же взять для сравнения период, предшествующий государственной регламентации, когда малолетние до 15 лет составляли по меньшей мере 6% общего числа фабрично-заводских рабочих, то тогда окажется, что за 25-летний промежуток времени применение детского труда сократилось более, чем в четыре раза.

Значительно менее заметно влияние фабричного законодательства на применении женского труда.

---

[1]) О деятельности фабричной инспекции. Отчет главного инспектора за 1885 г. 34—36, 78 и 81 стр.

[2]) Свод отчетов фабричных инспекторов за 1905 г.

Общие условия нового времени вели к тому, что деревня стала выбрасывать все большие и большие количества излишних ртов, а усиление промышленной конкуренции побуждало направлять их во все новые и новые отрасли производства.

Поэтому с падением крепостного права сфера применения женского труда стала быстро расширяться, особенно в тех районах, где была развита текстильная промышленность.

По данным переписи Петербурга 1869 г., среди рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, женщин насчитывалось 25,2%.

В 1885 г. лица женского пола в обследованных фабричной инспекцией предприятиях составляли 31,41% общего числа рабочих.

Наибольшее количество их было занято в группе предприятий по обработке волокнистых веществ, а именно 117.112 чел.; затем идут предприятия по обработке пищевых веществ—22.601, по обработке минеральных веществ—6.388, по обработке дерева—2.612, по обработке животных веществ—1.458, по обработке металлов—1.157 и проч.—1.217.

В текстильной группе участие женского труда достигло уже 40%; но если принять во внимание, что в Англии женщины составляют около 60% общего количества текстильных рабочих, то можно было думать, что вовлечение женщин в промышленную работу примет еще более широкие размеры. Однако этого не случилось, и в 1901 г. из 1.691.356 фабрично-заводских рабочих на долю женского пола приходилось 453.352 чел., что составляет лишь 26,8%.

Это уменьшение, может быть, об'ясняется тем, что законом 3 июня 1885 г. воспрещалась в дальнейшем ночная работа не только подросткам, но и всем вообще женщинам на хлопчато-бумажных, полотняных и шерстяных фабриках. Впоследствии этому запрещению подверглись и все остальные отрасли промышленности по обработке волокнистых веществ, а в 1898 г. оно было распространено также и на те работы при фосфорно-спичечных фабриках, к которым не допускаются малолетние, т.-е. отделения для плавления массы, мокальное, сушильное и укладка спичек в коробки.

Первоначально ночным считалось время от 9 часов вечера до 5 часов утра, но затем, чтобы облегчить переход к двухсменной 9-часовой работе, этот промежуток был сокращен: от 10 час. вечера до 4 час. утра.

Так как недостатка в мужских и во многих случаях тоже дешевых рабочих руках не было, то эти ограничения на пер-

вых порах повлекли за собой некоторое ослабление спроса на женский труд; в дальнейшем однако оно стало проходить.

„Говоря вообще—читаем мы в своде отчетов фабричных инспекторов за 1901 г.—применение женского труда на фабриках видимо возрастает. В течение года во всех фабриках, подчиненных надзору инспекции, в то время как число мужчин даже уменьшилось на 13 тысяч, число рабочих женского пола увеличилось на 12 тысяч. Это увеличение происходит однако не от увеличения применения труда малолетних, которое наблюдается лишь в ничтожных цифрах, но главным образом от увеличения численности взрослых женщин и отчасти подростков". На бумагопрядильных фабриках Владимирской губ. это явление „вызывается переходом с мюльного прядения на ватерное, при котором труд подростков и женщин находит более широкое применение; на ткацких же фабриках это об'ясняется большей внимательностью, трудолюбием и воздержанностью женщин, а также их уступчивостью и меньшей требовательностью относительно платы". В Киевском округе применение труда женщин „возросло, главным образом, в табачном, спичечном и гильзовом производствах, а также (в Одессе) в пробочном и изделии из жести; причина этого увеличения заключается, повидимому, в дешевизне их труда, оплачиваемого в некоторых случаях поразительно низко". Так. напр., на одной гильзовой фабрике в Умани заработок подростков и женщин составлял 2—4 руб., а на табачной фабрике в Житомире—2 руб. 50 коп. в месяц за редкими исключениями, в которых заработок папиросниц достигал 9 руб.

Что касается горнозаводской промышленности, то здесь наши сведения гораздо более скудны. Официальная статистика горного департамента упорно игнорировала вопрос как о поле, так и о возрасте рабочего населения. Правда, большого распространения женский и детский труд здесь не имел по техническим условиям производства, но все же он существовал; на поверхности и в дневное время допускается он также законом 9 марта 1892 г. и 20 февраля 1895 г.

Согласно обследованию, произведенному Пермским земством в 1873 г., „мальчики вступают в заводские работы с 12—13 лет и употребляются первоначально для легких работ, как, напр., для погона лошадей при перевозке руд и угля, для уборки кусков железа и обрезков, для укупорки их, приготовления угольного мусора для катального производства и т. п.

В цехах механическом, столярном и слесарном, равно как и в доменном при фуршовке, мальчики употребляются в качестве учеников, при чем им полагается обыкновенно и плата

от 7 до 15 коп. и более, смотря по возрасту и успеху. В настоящие заводские работы, при огневом действии, рабочие вступают от 18 до 20 лет" [1]).

На Сысертском заводе на одного полного работника в возрасте от 18 до 60 лет приходилось 1,04 несовершеннолетних и престарелых. Эта цифра очень значительная и об'ясняется тем, что на Урале постоянные рабочие, выполняющие специальные технические операции, составляли только $^1/_3$ или $^1/_4$ общего количества занятого рабочего населения, а остальные $^2/_3$ или $^3/_4$ приходятся на случайные или вспомогательные работы, где труд несовершеннолетних и престарелых может находить себе широкое применение. Но как велика именно группа малолетних от 12 до 15 лет, поставленная под особую охрану закона, исследование ничего не говорит.

По данным обследования, произведенного Министерством Торговли и Промышленности, 1 июля 1904 г. на 257.000 чел., занятых основными и вспомогательными горнозаводскими работами, значилось всего только 597 малолетних. Это составляет 0,2%, т.-е. в семь раз менее, чем в фабрично-заводской промышленности.

В действительности количество малолетних более значительно, ибо для того, чтобы обойти закон об охране труда администрация показывает их иногда подростками. Для того, чтобы посмотреть, как применяется закон 9 марта 1892 г.— указывает Л. Либерман—стоит только на любом из рудников зайти в здание углеподъемных и других машин или же в так называемое ламповое отделение, где наливаются, зажигаются и выдаются рабочим „предохранительные лампы". В этих помещениях, особенно в „ламповых", где воздух до такой степени насыщен парами наливаемого в лампы бензина, что вызывает головокружение и тошноту, можно увидеть целые вереницы крошек-мальчуганов, движущихся среди батареи ламп, вытирающих, наливающих их, заряжающих пистонами и т. п.

С бледными, истомленными лицами, перепачканными копотью и сажей, с черными руками, замасленные до нельзя быстро движутся они под недремлющим оком десятника. Большинству из них трудно дать и 13 лет; сильно и рядом попадаются дети лет 11. Но если вы спросите любого, сколько ему лет, он к вашему изумлению ответит: пятнадцать. Делается это часто по распоряжению низшей администрации, выполняющей, таким образом, закон, да, кроме того, не в интересах и самого мальчика открыть истину: он может лишиться места,

[1]) Сборник Пермского Земства, сент.—окт. за 1873 г.

а в результате—недоедание, вечные попреки в лени, дармоедстве. Так исполняется закон о возрасте работающих детей, так же точно соблюдается он и относительно продолжительности рабочего дня и ночных работ. На одном руднике малолетние работают в 2 смены днем и ночью, по двенадцати часов каждая. Впрочем, если точнее высчитать, то рабочий день выразится цифрой много большей двенадцати. На вопрос, когда приходят, заведывающий ламповым отделением ответил, что обязаны они приходить в 6 час. утра или вечера и уходить через 12 часов. „Впрочем, добавил он, многие по своему желанию уходят и позже“ [1]).

То же явление можно наблюдать на массе крупных и мелких рудников при сортировке угля: 10—13—летние мальчики и девочки в течение 12 часов, согнувшись, выбирают руками, с помощью маленьких кочережек, попавшие в уголь кусочки горных пород, получая за это 25—35 коп. в день, в зависимости от времени года. На „конных“ шахтах, т.-е. таких, где уголь поднимается на поверхность при помощи лошадей, дети по 12 часов днем и ночью принуждены ходить по кругу, подгоняя лошадей. Отсюда так часто встречающиеся среди детей худосочность, анемичность, высокая смертность.

Но подобные злоупотребления имеются конечно, и в фабрично-заводской промышленности.

Первым фабричным инспекторам пришлось выдержать упорную борьбу с хозяевами, ибо даже в Петербургском округе были фабриканты, которые пытались не допускать их к осмотру своих заведений под тем предлогом, что у них нет совсем малолетних, при чем высказывались в очень резкой форме и даже угрожали жаловаться в м-во финансов. А между тем при осмотре оказывалось, что малолетние были, но только они скрывались, с ведома конечно фабричной администрации, на чердаках, в отхожих и др. местах. На спичечных фабриках Харьковского округа попадались 5—6-летние ребятишки... а работа продолжалась от 5 ч. утра до 11—12 ч. ночи. Платили им, конечно, грош, но бедность окрестного населения так велика, что многие матери со слезами на глазах умоляли допустить их ребенка снова на фабрику...

В позднейшее время эксплуатация детского труда несколько сократилась, но и теперь еще она нередко обходилась на практике. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. констатирует, что было обнаружено 351 случаев нарушений правил о работе малолетних и подростков.

[1]) Вестник фабр. законодательства. № 1 за 1905 г.

Поэтому разницу между степенью распространенности детского труда в обрабатывающей и горнозаводской промышленности нужно считать реальной и весьма значительной.

Что касается женского труда, то здесь разница была менее значительна. По данным того же обследования, в 1904 г. на 256,465 горнозаводских рабочих приходилось 31,972 женщины, что составляет 12,5% или в два раза менее, чем в фабрично-заводской промышленности.

Еще меньшим распространением пользовался женский труд на железных дорогах: на 374,666 постоянных железнодорожных служащих и рабочих, состоявших в 1905 г. членами пенсионных и вспомогательных касс, женщин приходилось всего 33,903 человека, что составляет около 9% общего их числа.

ГЛАВА IV.

Рабочий день.

На продолжительности рабочего дня отмена крепостного права не отразилась сразу резко бросающимся в глаза образом, и те порядки, которые сложились в предшествующую эпоху, продолжали существовать и теперь, хотя некоторые коррективы и стали в них вноситься.

Двухсменная 12-часовая работа, господствовавшая раньше в непрерывных производствах горнозаводской промышленности, сохранялась в полной мере в течение всего второго периода, распространяясь также на новые районы, которые стали играть теперь очень важную роль—Юг России и Бакинские нефтяные промыслы. Но перерыв для отдыха или принятия пищи стал уже более продолжительным: раньше он составлял один час, теперь же—$1^1/_2$ и 2 часа.

По данным обследования 1873 г. на уральских заводах рабочая смена в цехах продолжалась 12 часов, из коих 2 отводится на отдых; для дневных же односменных рабочих, как на заводах, так и в рудниках она продолжается 14 с перерывом на три часа для отдыха. Таким образом, чистой работы приходится 10—11 час. [1]). В некоторых же случаях распределение времени для отдыха в пределах смены предоставляется самим рабочим, а кое-где (как, например, на Сысертском заводе) упоминается даже о 8 часовой работе для пудлинговосварочных, катальных и кричных рабочих.

[1]) Сборник Пермского Земства, № 9—10 за 1873 г., № 1—4 за 1874 г. и № 4—6 за 1876 г.

На юге России работы в конях обыкновенно ведутся в 2 смены, например, с 6 ч. утра до 6 ч. вечера и с 6 ч. вечера до 6 ч. утра, т.-е. по двенадцати часов: но из них на перерыв для принятия пищи дается летом три и зимою — один час.

„Для крестьян-земледельцев, говорится в обследовании начала 80-х годов, вообще рудничные работы, вследствие непривычки, являются крайне изнурительными, 12-часовая тяжелая работа в полутьме и при недостатке чистого воздуха в шахтах быстро подрывает их силы. Из 9 месяцев в году, в течение которых пешие рабочие бывают на шахтах, рабочего времени у самых усердных выходит не более 6 месяцев; по изнурительности рудничных занятий, после месяца работы в шахтах каждому рабочему-крестьянину необходим двухнедельный отдых“ [1])...

На нефтяных промыслах в 60-х и 70-х годах преобладала частью ручная, частью конная работа по тартанию в одну 12-часовую смену с часовым перерывом на обед. В конце 70-х и начале 80-х годов при тех же технических приемах устанавливается двухсменная 12-часовая работа. Затем с распространением парового бурения появляется работа в 4 вахты или смены—при двух комплектах рабочих — по шести часов каждая, с общей продолжительностью рабочего дня в 12 часов. Только в виде исключения, на промыслах Бенкендорфа Л. Бертенсон встретил в середине девяностых годов трехкомплектную работу с 8-часовым рабочим днем. Характерной особенностью нефтяных промыслов является то, что рабочие, занятые в непрерывных производствах (по добыче, бурению и переработке нефти), не имеют свободных дней в неделе, за исключением немногих крупных праздников в году. Рабочий же день односменных рабочих продолжался обычно 12 ч. с 1 — $1^1/_2$ час. перерывом, а количество рабочих дней составляло до 290 в году [2]).

„Хотя условия производства работ и добычи нефти на промыслах отчасти и являются причиною того, что рабочий лишается отдыха в праздники, говорится в отчете горного департамента за 1894 г., но тем не менее большая доля вины в этом отношении лежит и на нефтепромышленниках, которые, стремясь возможно более сократить расходы на эксплуатацию промыслов, доводят штаты служащих до ненормально ограни-

[1]) Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ. 1886 г. Т. II и III.

[2]) А. Степани.—Заработная плата и рабочий день бакинских нефтепромышленных рабочих. 1910 г. 43—65 стр.

ченного числа, заставляя последних работать с крайним напряжением".

Проработавши напряженно и при неблагоприятных условиях, сколько позволяют силы, — лето, год, два и больше, — рабочий поэтому уже спешит уйти на родину, для отдыха.

Официальное издание министерства финансов „Россия в конце XIX века" констатирует, что на нефтяных промыслах работа производится непрерывно, днем и ночью, в будни и праздники (кроме немногих очень больших праздников), в две смены по 12 ч. каждая, с двумя часами отдыха. „Работа и ее условия слишком тяжелы, и по силам она только молодым (до 30 лет); перешедшие же этот возраст принуждены искать применения своим силам в других отраслях труда, а инвалиды чаще всего возвращаются на родину"... В этом сообщении есть однако неточность: двухчасовой перерыв для двухсменных рабочих не являлся общим правом, и позднейшее обследование м-ва торговли и промышленности за 1904 г. принимает продолжительность рабочего дня для них в 11,8 часа. Еще Л. Бертенсон, командированный министерством зем. и гос. имущ. в 1896 г. на бакинские промыслы и заводы, настаивал на необходимости введения 8-часового рабочего дня, хотя бы для некоторых категорий, например, тартальщиков, кочегаров, рабочих на кислотных заводах.

На золотых приисках, где производство носило обычно сезонный характер, продолжаясь от 5 до 7 месяцев, рабочий день также отличался большой продолжительностью.

По мере того как техника производства совершенствовалась, требуя затраты более значительных капиталов, среди предпринимателей усилилось стремление к повышению нормы выработки на каждого рабочего в интересах удешевления производства. В виду этого законом 1870 г. устранялись те ограничения, которые были установлены в предшествующем периоде, а именно—закрепление в договорах рабочего дня в пределах от 5 час. утра до 8 час. вечера с перерывом на обед, окончание осенних работ к 10 сентября и запрещение урочных работ по ночам и в воскресные дни. „На приисках Томской губернии, как и в других местностях Сибири,—говорит В. Семевский,—рабочие обязывались в договорах работать ежедневно, не исключая воскресных дней. Праздников в известных нам договорах назначалось весьма немного—от 9 до 13. В Мариинском округе . . . наиболее обычным являлось предоставление рабочим 10 праздничных дней, в том числе один день Рождества, Новый год, один день масляницы, три дня Пасхи, Троица, Ильин день; но по некоторым договорам праздновали

еще 1 октября (Покров богородицы), 6 декабря (Николин день), не один, а два дня Рождества и масляницы, но не праздновали Ильина дня. В договорах упоминается еще об одном льготном дне в месяц, но с различными оговорками: по одним только в течение летней операции, по другим—в те месяцы, в которые не приходится какого-либо праздника или праздников Рождества, масляницы, Пасхи. При таких оговорках установление одного льготного дня в месяц мало увеличивало количество дней отдыха" [1]). В отчете окружного инженера Южно-Енисейского округа за 1889 и 1890 гг. отмечается, что годовой рабочий имеет льготных 44, рабочих же 321 день, а сезонный, считая операции с 1 марта по 1 октября—20 льготных и 190 рабочих дней. Только законом 1895 г. эта свобода договора была несколько ограничена и установлено правило, что с 1 апреля по 1 октября каждый рабочий на промыслах имеет право быть уволенным от работ на два дня в месяц [2]).

Что касается продолжительности рабочего дня, то она представляла большое разнообразие в зависимости как от времени года, так и от местных условий и личных взглядов предпринимателя. В общем, по официальным сведениям, число рабочих часов в Западной Сибири равнялось в начале девяностых годов с 1 октября по 1 марта—8 час., с 1 марта по 1 мая—10 и с 1 мая по 1 октября—12 час. Так как главная масса рабочих на приисках занята весною и летом, то среднюю продолжительность рабочего дня в этот период можно принять от 10 до 12 или около 11 часов.

В тех случаях, где добыча золота производится путем устройства орт или шахт, работы ведутся в две или три смены, без перерывов. Подземные работы стали распространяться с шестидесятых годов, при чем наибольшее распространение получили в Олекминском округе, где большая часть золота стала добываться именно таким способом.

Рассмотрим теперь продолжительность работы в обрабатывающей промышленности. Двенадцать часов в сутки—было наиболее распространенным рабочим днем (не считая перерывов); эта норма была принята в 36,8% тех 1214 наиболее типичных предприятий, которые были обследованы фабричной инспекцией в 1885 г. Сюда относятся наиболее важные отрасли промышленности, как-то: обработка волокнистых веществ (бумаго-прядильн. и бумаго-ткацкое, шерсто-прядильн. и шер-

[1]) Рабочие на Сибирских золотых промыслах. Т. II. 1898 г. 93 стр.

[2]) Число годовых рабочих исчислялось в половине 80-х годов в Северо-Енисейском округе в 5—8%, а в Южном—свыше 35% общего их числа.

Фундаментальная Б... № 222408 Л.П.И. им. М.И. Калинина

сто-ткацкое, суконное и др. производства), особенно в Московско-Владимирском районе: затем на сахарных заводах, лесопильных, стеклянных, писчебумажных, на паровых мельницах и маслобойнях, химических, спичечных и гвоздильных фабриках и так далее. На одних фабриках и заводах 12-часовой рабочий день является в виде одной смены, как, например, на сахарных и писчебумажных заводах, и тут разрушающим образом действует на здоровье рабочих именно столь продолжительное напряжение силы или внимания без отдыха. Но еще хуже обстоит дело там, где рабочему приходится работать две смены в сутки, по 6 часов каждая.

А почти на всех суконных фабриках, по словам Янжула, существовал такой распорядок очередей: [1])

Дневная смена:
- с $4^1/_2$ ч. утра до 8 ч. утра $= 3^1/_2$ часа.
- с $8^1/_2$ ч. утра до $12^1/_2$ ч. утра $= 4$ часа.
- с $1^1/_2$ ч. дня до 8 ч. вечера $= 6^1/_2$ часов.

Ночная смена:
- с 8 ч. веч. до $4^1/_2$ ч. утра $= 8^1/_2$ часов.
- с 8 ч. утра до $8^1/_2$ ч. утра $=$ полчаса.
- с $12^1/_2$ ч. дня до $1^1/_2$ ч. дня $= 1$ час.

В результате мы видим, что вся жизнь рабочего при этой системе очередей, в течение, по крайней мере, недели, когда на его долю приходится ночная смена (а очереди меняются по неделям), складывается крайне неестественно,—и он совершенно не имеет возможности достаточно набраться сил или выспаться; работая такими короткими урывками после утомительной, как всякая ночная, работы, ему дается здесь на сон лишь $3^1/_2$ ч. (предполагая, что его жилое помещение близко), и затем его будят на $^1/_2$ часа для того только, чтобы машина не стояла, после этого он опять имеет на сон всего лишь $3^1/_2$ часа, как в час снова свисток призывает его к работе, и только после половины второго ему оставляется свобода в 6 час. для еды, питья чая и остального сна; об удовлетворении других его потребностей не может быть и речи в рабочий день.

Но не в редкость считалась и гораздо более продолжительный рабочий день. Так, в Московской губ. Янжул наблюдал 12-часовой рабочий день на 55 фабриках или их отделениях. От 12 до 13 час. работают на 48 фабриках; от 13 до 14 час.—на 34 фабриках; от 14 до 15 час.—на 9; $15^1/_2$ часов работают на двух и 18 часов на трех фабриках.

Выше 16 часов и до 18 в сутки работа продолжается постоянно на рогожных фабриках и периодически—в ситцевых,

[1]) Фабричный быт Московской губ. 1884 г.

в отделениях красильном, на барабанах, в складальной и набивном корпусе, а также изредка на мануфактуре № 66...; а нередко достигает одинаковой высоты рабочее время при сдельной работе на некоторых фарфоровых фабриках". В Харьковском округе „по 16—17 часов работают мелкие ватные и костопальные заводы, а по 18 часов парусино-ткацкие заведения, овчинно-шубные и спичечные фабрики в последнюю треть года". В Виленском округе наибольшая продолжительность рабочего дня существует на винокуренных заводах, где „работа обыкновенно начинается около 2 часов ночи и длится до 6—8 час. вечера. В течение 16—18 часов рабочий, хотя и не занят непрерывно, но завода не покидает до конца затора". На других заводах работа обыкновенно продолжается от 5—6 часов утра до 7—8 часов вечера, или в 2 смены, поровну с одним перерывом.

Из Казанского округа сообщается, что до применения закона 1 июня 1882 г. даже работа малолетних продолжалась на некоторых льно-прядильных, льно-ткацких фабриках и кожевенных заводах 13½ час.; на суконных фабриках—14—15 час.; в саножных и шапочных мастерских, а также маслобойнях—14 час.

В овчинно-шубных заведениях работа продолжается от 5 ч. утра до 10 ч. вечера с перерывом для обеда на 2 ч. и три раза пьют чай.

На других овчинных заведениях, (а также на спичечных фабриках—„от утренней зари до вечерней". Как такая работа разрушает силы организма, видно из того, что даже и взрослые рогожники, по выражению одного из хозяев, перед Пасхой и прекращением работ на лето (а великим постом идет усиленная работа) до того ослабевают физически, что их „ветром качает".

Рогожники г. Рославля (Смоленской губ.), напр., встают в час полуночи и работают до 6 час. утра. Затем дается ½ часа на завтрак и работа продолжается до 12 час. После ½-часового перерыва для обеда работа возобновляется до 11 ч. ночи. Итого—для ночного отдыха два часа [1])! А между тем, по словам Янжула, почти половина из работающих в рогожных заведениях—малолетние, из коих весьма многие не достигают 10 лет, и встречаются малютки, работающие около своих матерей, даже трех лет. Рогожники спят в праздники по целым суткам, а в летние месяцы занимаются полевыми работами. Лишь благодаря этому они переносят такой режим.

[1]) Неделя, № 133 за 1878 г.

Чрезвычайной продолжительностью рабочего дня, отсутствием регулярного отдыха и даже праздников отличается также работа в некоторых ремесленных заведениях крупного типа, напр., в большей части булочных.

Здесь рабочие отдыхают и спят лишь урывками, когда и как придется,—и так как сил человеческих не может хватить на работу при таких каторжных условиях, то выработался обычай—отпускать рабочих в отпуск и на поправку каждый год месяца на полтора.

Правда, такие промышленные заведения, где человек „измочаливается" до того, что его „ветром качает"—составляют меньшинство, но во всяком случае они не были только исключением. По словам главного фабричного инспектора, в 80% промышленных заведений число часов работы не превышает 12. Значит, в 20% всех предприятий,—а это цифра немалая рабочий день отличался еще большей продолжительностью.

Кроме того, нередко там, где работа и не превышает 12 часов в сутки, она захватывает ночное время; в Московско-Владимирском районе сюда относится наиболее важная отрасль промышленности—по обработке волокнистых веществ.

В Харьковском округе из 55 производств ночная работа практикуется только в 14, по наблюдениям фабричной инспекции, но число рабочих, употребляемых на ночную работу, очень велико, именно—до $^1/_3$ всех рабочих, что об'ясняется многочисленностью рабочих на сахарных заводах и суконных фабриках. В Привислинском крае—в Лодзи и в Варшаве—ночная работа почти не встречается, но зато „Сосновица блестит всю ночь своими электрическими фонарями, и почти все ее фабрики не знают покоя ни днем, ни ночью"; то же самое—на сахарных заводах. В Петербургском округе—ночная работа редко встречается. Во всяком случае, если не число производств и предприятий, то число рабочих, которые принимают участие в ночной работе, довольно значительно.

Между тем ночная работа не только разрушает силы организма, но и дает большее количество несчастных случаев.

К тому же промышленники не брезговали и тем, чтобы урвать у рабочих еще некоторое время сверх 12 час. работы. Так, мы узнаем, что „почти на всех фабриках праздничная остановка в работе... означает собственно остановку паровой машины, но не работы".

Если смены чередуются в 6 и 12 час., то паровые машины останавливаются в воскресенье в 6 час. утра, но рабочие не распускаются, а обязаны вычистить и привести в порядок

машины, что занимает у них сверхурочной работы не менее ½ часа, обыкновенно же час, а иногда и более [1]).

Точно так же смена, начинающая работу в понедельник, является на час раньше назначенного времени, не в 6 ч. у., напр., а в 5. И эти обязательные сверхурочные часы никогда фабрикантами не оплачиваются. На Измайловской же бумагопрядильной фабрике употребляются особые часы, которые умеют в течение недели отставать ровно на час. Каждое воскресенье они ставятся на час вперед, и смена, начинающая работу в понедельник, начинает ее не в 5, а уже в 4 часа, так что общая остановка фабрики в праздник равняется всего 22 часам.

С подобными же фокусами часы регулируют время и на бумаго-шерстопрядильной фабрике купчихи Богомоловой.

В начале недели они ставятся на ½ часа вперед, а затем постепенно к концу недели отстают, так что получается выйгрыш в пользу хозяина на полчаса в течение недели.

Что касается рабочего дня меньшей продолжительности, то одиннадцатичасовой рабочий день был обнаружен в 20,8% обследованных фабричной инспекцией предприятий, десятичасовой—в 18,1% и от 6 до 9 часов—в 4,3%.

Как видно отсюда, колебания—очень значительные, но в качестве общего правила наибольшая продолжительность работы наблюдается в тех заведениях, которые „устроены и обставлены примитивно и принадлежат хозяевам, мало или совсем незнакомым с техническими усовершенствованиями или не желающими ими пользоваться по каким-либо причинам“ [2]).

Ночные работы встречались в 20% всех осмотренных предприятий, при чем наиболее часто—во Владимирском и Московском округе. Там же, где работа ведется только днем, в огромном большинстве случаев, именно в 74% предприятий—она начинается не ранее 5 часов утра и кончается не позже 9 часов вечера.

Рабочее время в транспортной промышленности в течение всего изучаемого периода оставалось вне законодательного регулирования. Так как производство здесь относится к числу непрерывных, то наиболее распространенной нормой была двухсменная 12-часовая работа.

[1]) Сборник статистич. сведений по Московской губ. Общая сводка по санитарн. исследов. 339 стр. На фабрике Балина и Макарова работа прекращается в праздники в 6 час. утра, но по окончании ее рабочие обязаны чистить свои машины, что продолжается нередко до 9 и даже до 10 часов (Исслед. Клинск. у.).

[2]) Отчет главного фабричного инспектора за 1885 г. 52 стр.

Начальники станций и их помощники, стрелочники и сцепщики, составители поездов и пр. дежурят обычно в две смены, одинаково в будни и в праздники, зимою и летом, и только в редких случаях—для стрелочников на больших станциях, для начальников станций и их помощников—устраиваются три смены. Двенадцатичасовая работа полагается и паровозному персоналу, но „в виду местных условий дороги или каких-либо особых обстоятельств (запасов, крушений и т. п.) допускается бессменное нахождение паровозной бригады на паровозе во главе поезда и свыше 12 часов, не более однакоже, 16". Непрерывный отдых каждые сутки должен быть не менее 8 часов, а в течение каждых 10 служебных дней—не менее 120 часов.

На пассажирских поездах движение отличается большей регулярностью, чем на товарных, и потому время работы и отдыха распределяется здесь более равномерно. По записям, сделанным одним товарным машинистом на Курско-Харьково-Севастопольской линии в 1903 г., ему пришлось с 30 сентября по 31 октября пробыть на службе 382 часа и на отдыхе—368 час.,—т. е. другими словами, ему приходилось в среднем работать ежедневно свыше 12 часов, не имея свободных дней; если же выделить последние, то продолжительность суточной работы станет уже более значительной. Кондукторские бригады находятся в пути обычно от 7 до 13 часов, но нередко работа затягивается до 20 час. Между тем в Швейцарии беспрерывная служба для них продолжается от 6 до 7 часов и только в редких случаях срок этот удлиняется до 14 час., при чем полагается безусловный отдых не менее 10 часов.

В железнодорожных мастерских рабочий день был установлен в десять часов. Для рабочих же, занятых ремонтом пути, он продолжался (по словам С. Трегубова) от $9^1/_2$ час. зимою до 13 час. летом. По свидетельству же Н. Островского, рабочий день зимою составлял в среднем 8 часов, весною и осенью—10 и летом 12 час.; в среднем за год это дает десять часов на день. Так как продолжительность работы определяется здесь условиями природы, то последние цифры нужно считать ближе отвечающими действительности; ибо для зимних месяцев в виду раннего наступления темноты цифра в $9^1/_2$ час. слишком велика, чтобы быть низшим пределом колебания.

При охране пути применяется обычно такой порядок: двое соседних сторожей дежурят по очереди, обходя сразу по два участка, при чем каждый дежурит 8 час. днем и 4 часа ночью.

Характерной особенностью железнодорожных служащих является то, что они в отличие от рабочих некоторых других непрерывных производств не имеют праздников. Между тем в Германии они имеют 24 свободных дня, во Франции—путевые 26, станционные и поездные 12, паровозные 36, в Швейцарии 52 дня в году.

Вопрос о нормировке их труда был поднят у нас еще в 1876 г. в комиссии Баранова, но дело ограничилось лишь выражением пожелания о выработке норм, каждой дорогой в отдельности, на основании опыта.

Только в 1890 г. циркуляром 21 февраля были воспрещены 24 часовые дежурства для стрелочников, телеграфистов и пр., так как министерство путей сообщения пришло к заключению, что, будучи крайне утомительными для служащих, они являются „положительным абсурдом" с точки зрения безопасности движения поездов и „никуда негодными" с точки зрения продуктивности. Однако, ряд железнодорожных несчастий, случившихся затем, обнаружил, что старые порядки продолжают существовать попрежнему. Поэтому циркуляром 1897 г. на ряду с подтверждением запрещения суточных дежурств предписывалось, что очередное дежурство каждого телеграфиста при аппаратах по приему и передаче путевых депеш не должно быть выше 12 часов, после чего столько же часов беспрерывного отдыха; на станциях же со значительной корреспонденцией продолжительность дежурства не должна быть свыше 8 час. в сутки. Очередные дежурства стрелочников и сигналистов на постах с бойким движением также не должны быть более 8 час., а на постах с малым движением—до 12 час. Но и после этого отступления продолжались [1]).

В 1900 г. совещательный с'езд представителей службы движения обратился с ходатайством к министру путей сообщения о нормировке законодательным путем рабочего дня железнодорожных служащих. В ответ на это министерством был издан циркуляр от 9—13 ноября того же года, снова лишь подтверждающий запрещение суточных дежурств телеграфистов, стрелочников, сцепщиков и пр. и устанавливающий для них различные нормы в зависимости от интенсивности движения на линии и других обстоятельств; для кондукторских же бригад признавалось возможным допускать и 18 часовые дежурства, а с особого на то разрешения министра—даже 24 часовые [2]).

[1]) Ю. Танский.—О переутомлении железнодорожных служащих. 1902 г.
[2]) С. Трегубов.—Опыт изучения в санитарном отношении быта железнодорожных служащих в пределах Курско-Харьково-Севастопольской жел. дороги. 1904 г. 27—37 стр.

Отсутствие праздников компенсировалось до некоторой степени предоставлением служащим отпусков, которые по установившимся правилам не превышали в среднем двух недель.

Однако, не все повидимому ими пользовались. „Сберегая свое право на непредвиденные случаи, служащие пользуются отпуском весьма осторожно, так что фактически оно осуществляется относительно небольшим % их“ [1]).

В водном транспорте также практиковалась обычно двухсменная работа. Все матросы делились на две смены (вахты), и каждая из них обязана работать по 12 часов в сутки; при этом, согласно обычным правилам, „во время нагрузки, грузки, перегрузки, отлива воды, нагрузки дров, переводки судов никто ни под каким предлогом отказываться от работы права не имеет, хотя бы работать и понадобилось во время отдыха“ [2]).

2 июня 1897 г. был издан закон, который ограничивал рабочее время дневных рабочих $11^1/_2$ час., накануне праздников—10 час.; рабочие, занятые хотя бы отчасти в ночное время (т.-е. время от 9 ч. вечера до 5 ч. утра для работающих одною сменою и от 10 ч. вечера до 4 ч. утра при двух сменах) не должны работать более 10 ч.

Этот закон распространялся на все отрасли как фабрично-заводской, так и горно-заводской промышленности. Время, употребленное рабочим свыше означенной нормы, считается сверхурочной работой и должно оплачиваться особо.

В договор найма могут быть включаемы условия только о таких сверхурочных работах, которые необходимы по техническим условиям производства.

Необязательные же сверхурочные работы при повременном найме могут производиться только с особого каждый раз соглашения между предпринимателем и рабочим. Общее количество часов сверхурочной работы не должно превышать 120 в год на каждого работника. Но уже 5 января 1898 г. циркуляр министра финансов отменил эту норму для булочных и хлебопекарен, а циркуляр 14 марта 1898 г. для всех вообще фабрик и заводов (состоящих в ведении министерства финансов).

Установлено было празднование воскресных дней и двунадесятых праздников, всего 66 в году, а в 1900 г. прибавлено еще 3 дня. Отступления от этого правила допускаются для

[1]) Н. Островский.—О работе и отдыхе железнодорожных служащих. 1896 г.—В этой работе автор (начальник Николаевско-Харьковской дороги) высказывает между прочим пожелание, чтобы служащим, деятельность которых связана с движением поездов, предоставлялось по одному дню в месяц и три дня в год на удовлетворение духовных потребностей, а всего 15 свободных дней в году.

[2]) В. Канель.—Судорабочие и судовладельцы. 1906 г. 33 стр.

работ непрерывных, которые не могут быть прерываемы без порчи приборов, обрабатываемых материалов или приготовленных изделий. В этих производствах рабочий должен иметь в месяц 3 или 4 дня отдыха. Ограничения рабочего времени не распространяются на вспомогательных рабочих, так что они должны работать и в то время, когда фабрика стоит или когда другие рабочие освободились. Кроме того, установленные законом нормы не распространяются также на те случаи, когда в договоре ничего не сказано о рабочем времени, напр., при подрядах на сдельную работу. Поэтому, здесь и количество сверхурочных часов не ограничено, и правило о повышенной их оплате не имеет места. За сверхурочное время платят только на поденных работах, а штучникам никакой платы за это не полагается. Мастер может заставить вас работать сколько угодно часов, хотя про эти-то часы он даже и не заикнется, а просто скажет лишь—„чтобы было к завтрему сделано“, и конец, а там уж когда хотите, тогда и делайте. При этом особенно часты жалобы рабочих на произвольно назначаемые цены на сдельные работы „по согласию“ среди срока найма, без засвидетельствования инспекцией расценок. Сдельные рабочие заявляют, что им невыгодно увеличивать свою продуктивность, так как все равно этим заработка не увеличишь, а только себя обременишь, ибо, если рабочий начнет вырабатывать больше каких-нибудь изделий, то расценки на них немедленно сбавляются „для уравнения цен“, и таким образом ловкость, умелость рабочего ничем не поощряется. Это было засвидетельствовано напр., фабричной инспекцией Московской губ.

Закон 2 июня 1897 г. имел тем не менее большое значение в борьбе за сокращение рабочего дня. С одной стороны им об'являлось недопустимым такое безобразное явление, как 14—16—18 часовой рабочий день, применявшийся в довольно значительном количестве отсталых предприятий, а с другой—дал толчок к распространению двухкомплектной работы в таких производствах, где не разрешалась ночная работа, и где поэтому на долю каждого комплекта приходилось в среднем около 9 часов. Поэтому, средний уровень рабочего дня к концу изучаемого периода нужно считать несомненно более низким, чем в начале его, а некоторыми, довольно крупными по своей численности группами рабочего класса, достигнуты даже весьма значительные завоевания.

Сюда относится напр., промышленность по обработке волокнистых веществ, которая занимает первое место по количеству занятых в ней рабочих рук. По данным обследования, произведенного министерством финансов в 1845 г. т.-е. в конце

крепостного периода, на большей части бумагопрядильных и на немногих шерстопрядильных фабриках Московской губ., коих насчитывалось—первых 23 и последних 10, практиковалась двухсменная работа в 11—11½ час.; на фабриках же, где работа ведется одним комплектом, она продолжалась за исключением перерывов от 13 до 14 час. Между тем в 1904 г., т.-е. к концу второго периода, продолжительность труда в хлопчатобумажной промышленности для двухкомплектных рабочих составляла уже только от 9,1 (женщ. и подростки), до 9,4 часа (мужч.) и для однокомплектных 11,1—11,2 час. Таким образом, сокращение рабочего дня достигает круглым счетом 2 часов в первом случае и 2½ час. во втором. При этом менее продолжительная двухсменная работа, будучи распространенной в Московской губ., в общем не имела в крепостном периоде господства по всей стране; между тем в 1904 г. ею было занято 193.434 рабочих против 144.034, занятых в одной смене [1]).

Далее, заметное сокращение можно констатировать в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. В крепостную эпоху рабочий день здесь составлял обычно 11 и 12 часов, и только в виде редкого исключения положениями о казенных оружейных заводах в Туле и Сестрорецке предписывалось производить работу от 10 до 11 час. С переходом на вольнонаемные работы во всех технических заведениях артиллерийского ведомства, на основании положения 1870 г. введен был 10 часовой рабочий день [2]). На частных заводах последний продолжал оставаться более значительным; так, по данным официального обследования 1895 г. в Петербургской, Эстляндской, Московской, Нижегородской и Ярославской губерниях он составлял обычно или 11—11½, или 12 часов.

Но в 1904 г. средний рабочий день по всей России в металлообрабатывающей промышленности равнялся уже 10½ ч. Таким образом здесь достигнутое сокращение выражается в цифре от 1 до 1½ часа в день.

Наконец, с изданием закона 2 июня 1897 г. был положен

---

[1]) Данные о продолжительности рабочего времени за 1904 и 1905 г.г. Изд. Министерства Торговли и Промышленности. 1908 г.

[2]) Гораздо более резкую эволюцию пережило адмиралтейство. Как известно, на основании Петровского регламента 1722 г. продолжительность рабочего дня в нем составляла зимою в среднем около 10 и летом до 13 час. Между тем, после крестьянской реформы в адмиралтействах и на заводах морского ведомства, в освещаемых по вечерам мастерских, а также в неосвещаемых и на открытом воздухе в то время года, когда дневной свет позволяет работать одиннадцать часов в сутки и более, обязательным числом рабочих часов—согласно Св. морск. постановл. кн. V, изд. 1886 г.—стало считаться десять.

предел эксплоатации рабочих теми предпринимателями, которые применяли у себя рабочий день свыше 11½ час., доводя его до 13, 14, 15 и даже иногда более часов. По данным фабричной инспекции в 1885 г. на 36,4% всех обследованных заведений работа продолжалась 12, а на 20%—еще более часов. Таким образом, закон 1897 г. коснулся не менее половины общего количества промышленных предприятий, подлежащих надзору. В среднем, по всем отраслям фабрично-заводской промышленности по данным официального обследования 1904 г. продолжительность рабочего дня равнялась 10,6 часа. Если же разбить рабочих на группы по полу и комплектам, то получится следующая картина: для женщин, работающих одним комплектом—10,9, двумя—9,6 час.; для мужчин, работающих как одним, так и двумя комплектами—10,8 час.

Что касается горнозаводской промышленности, то положение дел здесь к концу рассматриваемого периода представляется в следующем виде [1]):

Название производств.		При одном комплекте.		При двух комплектах.	
		Мужчин.	Женщин.	Мужчин.	Женщин.
Чугунолитейного, сталеделательного и кузнечно-слесарного.		10,3	10,1	11,2	11,1
Добыча железа	на поверхности	10,5	10,4	10,3	10,3
	в рудниках .	10,5	11,2	10,3	10,0
Добыча угля	на поверхности	10,3	10,3	10,9	10,4
	под землей .	10,5	10,8	10,1	10,3
Добыча нефти		10,2	11,0	11,8	—
Добыча золота	на поверхности	9,6	9,4	10,0	9,7
	под землей .	9,3	9,5	9,7	10,0

В качестве нового симптоматического явления нужно отметить также появление восьмичасового или даже еще более короткого рабочего дня. В предшествующем периоде об этом не

[1]) Данные о продолжительности рабочего времени за 1904 и 1905 г.г. Изд. 1908 г.

было и речи. Теперь же подобные нормы начинают практиковаться то здесь, то там, хотя и не в небольшом, но постепенно все возрастающем числе случаев. В записке, представленной вице-директором медицинского департамента Розовым в комиссию Валуева по пересмотру договора о найме, мы встречаем между прочим первое публично-официальное выступление в защиту положения, что работа в копях и рудниках не должна превышать 8 часов в сутки для каждого рабочего и в случае непрерывности производства днем и ночью должна вестись не менее как 3 сменами. Трехсменная работа существует уже на некоторых рудниках, как, напр., в Туринском; но лучше было бы еще установить работу в 4 смены [1]).

В 1904 г. работами в 3 комплекта было занято уже в фабричной промышленности 19.422 рабочих обоего пола (не считая детей), а 4 комплектами—5.692 челов.; в горнозаводской же промышленности 3 комплектами работало 30.404, а 4 и 6—5.132 челов. Всего, таким образом, восьмичасовым или даже еще более коротким рабочим днем пользовалось 60.650 рабочих, что составляло около 4% по отношению к общему числу (1.566.312) обследованных рабочих.

Однако, степень распространенности этой нормы была весьма неодинакова: в фабричной промышленности 1,9% и в горнозаводской—16,5%. Особенное значение они получили при добыче нефти, где из общего количества 9.014 обследованных рабочих, 3.778 человек или более 40% работало в три комплекта по 8 час.; затем на золотых приисках из 5.103 обследованных рабочих 2.169 человек или 42,5% относится к этой же категории.

Но наряду с этим надлежит отметить, что вследствие слабости надзора со стороны государства и отсутствия профессиональных рабочих организаций, статистические величины не всегда совпадают с реальными, и указания на удлинение рабочего дня свыше нормы, на понуждение к сверхурочным или недостаточную их оплату встречались нередко. Так, на совещании чинов фабричной инспекции Киевского округа в 1900 г. „присутствующими чинами было высказано, что во всех губерниях округа замечается несоблюдение п. б. ст. правил о предоставлении рабочим, занятым в непрерывных производствах, суточного отдыха 4 раза в месяц. Далее, почти повсеместно обнаруживаются злоупотребления необязательными сверхурочными работами, и требуемое ст. 17 правил соглашение с рабо-

[1]) Архив д-та полиции исполнит., дело № 281 за 1870 г. — Труды комиссии, ч. I.

чими является передко фиктивным“ [1]). Целые фабрики работают круглые сутки двумя сменами рабочих, и такая работа не находится в противоречии с законом. В самом деле, после отмены 120-часовой нормы владелец промышленного предприятия входит со своими рабочими в соглашение работать лишних $^1/_2$—$2^1/_2$ часа в сутки; в результате такого соглашения и закон 1897 г. не нарушен, и правила о сверхурочных работах вполне соблюдены... Если фабриканту выгодны сверхурочные работы, то рабочие из боязни потерять место в огромном большинстве случаев бывают принуждены согласиться на предложение хозяина. Если же иногда рабочего соблазняет перспектива заработать лишнюю копейку, то в этом он нередко обманывался.

Для иллюстрации приведем несколько примеров из области механического производства (г. Москвы), где рабочий день, нужно заметить, в общем менее продолжителен, часов 10.

„Отказаться от сверхурочных работ,—пишет один рабочий [2]),—это означает в глазах работодателей и мастеров протест, за что рабочий получает выговор и очень часто отказывают ему от места“. „Под влиянием сверхурочных работ,—пишет другой,—нравственное чувство глохнет, умственная способность уничтожается, одним словом, человек перерождается к худшему“... „Я могу описать одного рабочего,—пишет третий,—который работал под ряд дней 8 и как он чувствовал себя в один день после этих дней с сверхурочными работами: „проснуться-то я проснулся, а встать с постели не могу. Голова и все тело тяжелое, как будто налиты свинцом, везде больно и как будто от побоев; поднял руку, хотел достать кувшин с водой, она так и ослабела, так и не мог ею двинуть; в ушах какой-то звон, во рту сухо, противно, в глазах, кажется, какие-то звездочки мелькают, то делается в роде затмения. Вот так лежу и думать-то не могу, хочу, хочу сообразить что-нибудь, не могу. Проклял я тут все. Дал слово, что не буду больше гнаться за большим. А когда рассчитался, то за 8 дней с сверхурочными работами получил лишку самую малость. А когда подсчитал расходы домашние, они оказались больше, чем в дни без сверхурочных работ. Вот и барыш. Отказаться от сверхурочных работ мы не в силах“. Насколько добровольны необязательные сверхурочные работы, можно видеть из того факта, что, по данным свода отчетов фабричных инспекторов, было принесено жалоб рабочими на „принуждение“

[1]) Промышленность и здоровье. 1904 г., кн. № 1.

[2]) См. записку о рабочем вопросе в России П. Озерова. „Русь“, № 8 за 1905 г.

к сверхурочным работам: в 1901 г. 186 единоличных и 2.064 коллективных жалобы; в 1902 г. 249 единоличных и 3.025 коллективных: в 1903 г.—2.263 жалобы и в 1904 г.—2.899 жалоб [1]).

По минимальным данным фабричной инспекции Киевского округа, сверхурочные работы составляют до 300 часов в год т.-е., другими словами, рабочий день в непрерывных производствах длится по меньшей мере 13 часов.

В Нерехте (Костр. г.) 22 февраля 1905 г. на ткацкой и льнопрядильной фабрике Брюханова все рабочие (около 800 человек) прекратили работу, выставив в числе требований, кроме повышения расценок, уменьшение рабочего дня до законных пределов (11½ час.). Дело в том, что, когда владелец фабрики получил казенный заказ, то он, не долго думая, увеличил рабочий день на 2 ч.—работа идет с 5 ч. утра до 8 ч. вечера вместо обычного—с 6 ч. утра до 7 ч. в. Добавочной платы за сверхурочную работу не выдавалось.

На Сормовских заводах (где более 10.000 рабочих), вопреки закону и правилам внутреннего распорядка, сверхурочные работы по праздникам и воскресным дням оплачиваются, как обычные урочные работы. До 20 рабочих предъявили иск на всю недоданную сумму около 5.000 р. Мировой судья, рассмотрев исковое прошение одного из рабочих, признал иск подлежащим удовлетворению.

На железных рудниках Кривого Рога, по личным наблюдениям инженера Преображенского за 1898—99 гг., во всем районе только на 3 рудниках (из 23—25) работа ведется 12-часовыми сменами. На остальных же работа ведется без смены только днем и продолжается от 4 часов утра до 7½ ч. веч. или от 4½ ч. до 8 ч., с 2-х часовым перерывом, т.-е. 13½ ч. в день. Между тем закон 2 июля 1897 г. установил наибольшую продолжительность рабочего дня в 11½ ч., при чем если захватывается часть ночного времени, как в данном случае на криворожских рудниках, то продолжительность работы не должна превышать 10 ч. По словам Преображенского, „весь район не обращает равно никакого внимания на закон 2 июня 1897 г. о продолжительности рабочего дня. Когда мне приходилось спрашивать о причине такого странного отношения к закону, то на это отвечали, что ходатай-

[1]) Во время исторических стачек в Баку (декабрь 1904 г.), затем Петербурге, Иваново-Вознесенском районе и везде, где прокатилась огромная волна стачек 1905 года, — уничтожение сверхурочных работ, как нормальной системы, являлось одним из пунктов экономических требований рабочих.

ствовали о причислении работ в криворожских рудниках к сельско-хозяйственным, т.-е. о праве применять к рабочим пословицу: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю" [1]).

Параллельно с сокращением продолжительности рабочего дня, а иногда и независимо от этого в обрабатывающей и горнозаводской промышленности наблюдается тенденция к удлинению рабочего периода, сокращается количество праздничных дней или время отпуска на летние работы.

Особенно это заметно в сезонных производствах. Так, напр., на золотых приисках вводятся работы даже в воскресные дни, и с этой целью отменяется в 1870 г. запрещение, установленное двадцать два года тому назад. В контрактах рабочие стали обязываться работать и по праздникам, за исключением 9—13 наиболее крупных, да летом им предоставлялось по одному (редко—по два) льготному дню в месяц. На горных промыслах и заводах Урала при крепостном праве количество рабочих дней в году определялось в 250; теперь эта цифра повышается до 260.

На Юге России в начале изучаемого периода каменноугольные рабочие делали обычно от 15 до 20 упряжек в месяц; к концу же его средняя цифра рабочих дней определяется в 22,5 в месяц. Точно так же в металлургической промышленности число рабочих дней в году заметно увеличилось.

Что касается обрабатывающей промышленности, то по подсчетам Н. Ленина, произведенным на основании данных 1894—5 г., в 11 из всех 12 отделов, на которые разделены производства в нашей статистике, число рабочих дней в году для предприятий с числом рабочих от 100 до 499 равняется 259, для следующего разряда (от 500 до 929 раб.)—271 и для наиболее крупных заведений с числом рабочих свыше тысячи—272 [2]).

Таким образом фабричный и горнозаводский рабочий все более и более уходил из-под власти земли и превращался уже в типичного городского пролетария, живущего интересами промышленности.

ГЛАВА V.

Заработная плата в связи со стоимостью жизни.

Приступая к изучению экономического положения рабочего класса, мы остановимся прежде всего на Урале, который занимает в этом отношении особое положение.

[1]) Известия О-ва Горных Инженеров, № 4 за 1900 г.
[2]) Развитие капитализма в России. Изд. 1923 г. 440 стр.

Начиная с Петра I и вплоть до второй половины XIX в. правительство употребляло все меры к тому, чтобы обеспечить как казенные, так и частные заводы необходимыми рабочими руками. С этой целью к заводам приписывались селения государственных крестьян, заводчики насильственно переселяли крепостных людей на Урал из внутренних губерний, и давалось разрешение заводовладельцам из недворянского сословия покупать крепостных и поселять их на заводах. Так образовалось здесь оседлое население, занимавшееся из поколения в поколение горнозаводским трудом. Но это был труд принудительный, труд из-под палки. Не разбежится ли горнозаводское население, когда будут сброшены, наконец, оковы крепостного права? — Вот вопрос, под давлением которого намечались и проводились в жизнь новые реформы.

Законом 19 февраля и 8 марта 1861 г. все население казенных, посессионных и частных уральских заводов было разделено на 2 категории: мастеровых и сельских работников. В первую категорию входят лица, занимающиеся техническими горнозаводскими работами; во вторую—те, которые выполняют различные вспомогательные, преимущественно конные работы и кроме того занимаются хлебопашеством [1]).

Сельские работники в отношении поземельного устройства ставились в то же положение, в какое—большинство крестьянского населения России. „Не то с мастеровыми: земельного надела, за исключением усадебной оседлости и 1 десятины покосов, они по закону не получали. Стремясь прикрепить население к горнозаводским работам, заводовладельцы все усилия направили к тому, чтобы сократить число лиц, имеющих право на полный земельный надел.

Командированный в начале 60-х годов министерством внутренних дел чиновник Мордвинов указывал в своей докладной записке, что „почти все горнозаводское население Уральского хребта отнесено по уставным грамотам к сословию мастеровых, тогда как этим населением исполнялись все заводские работы, как технические, так и вспомогательные: последние по отзывам сведущих лиц составляли $^3/_4$ или $^4/_5$ всех заводских работ“.

При прочтении грамот заводские люди не соглашались на наделение их по 1 только десятине покосов, тогда как для отправления обычных работ им необходимо до 3 лошадей на каждого работника и, по свойству местности, до 3 десятин покосов на душу; не могли они также признать справедливой

[1]) 2-е Полное Собр. Законов, №№ 36667 и 36719

установленную статьей 14 дополнительных правил за покосы повинность, которая далеко несоразмерна с наемной ценой земли в соседних с заводами местностях. К этому нужно добавить, что покосы издавна расчищались мастеровыми без всякого препятствия со стороны заводоуправления: по понятию народа труд, употребленный на расчистку, давал неоспоримое право на владение покосами; продажа их от одного хозяина другому совершалась постоянно и часто этот переход записывался и укреплялся в заводских книгах... „Заводские люди не только не соглашались подписывать грамот (уставных), но энергически протестовали против них; одни при этом случае делали такие заявления, которые не могли быть записываемы в протокол и заменялись общепринятым выражением „законных возражений не пред'явлено"; другие отказывались от покосов по предоставленному им праву, а иногда вместе с тем и от усадебной оседлости. В немногих протоколах обозначено, что мастеровые отказываются от покосов вследствие недостаточности размера их и тяжести повинностей". Не желая лишать себя рабочей силы (конной), заводчики должны были сделать некоторые уступки: по дополнительным условиям они большею частью предоставляли все прежние покосы в безвозмездное пользование тех из мастеровых, которые продолжали работать при заводах...

„Поверка и введение в действие уставных грамот для сельских работников и крестьян, приписанных к частным горным заводам, сопровождались по большей части теми же явлениями, как и в заводских селениях. Сознательно подписанных крестьянами грамот самое незначительное число. В составленных при поверке протоколах или заявлено требование крестьян о понижении повинностей, или, как удостоверяют многие из мировых посредников, при уклонении крестьян от слушания грамот, от выбора уполномоченных и при более резких протестах—значится, что „законных возражений не пред'явлено" [1]. При этом нужно заметить, что первоначальный отвод надела был произведен без предварительного измерения земли и поверки надела мировым посредником для исключения неудобной земли. Что касается отношений к заводу, то их ликвидация совершалась следующим образом.

При об'явлении Положения 8 марта 1861 г. администрации предписывалось на месте составить по каждому заводу, руднику и промыслу списки нижних и рабочих чинов, подлежащих увольнению за выслугу 20 лет, и представить горному

[1]) Материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения Пермской губ. в продовольственном отношении. 1900 г.

начальнику, который, по мере представления списков, утверждает увольнение людей в отставку с выдачей им увольнительных свидетельств, не допуская никакого незаконного повода к задержанию людей на обязательной службе. При этом управляющие заводами и прочие, имеющие команду офицеры должны были об'яснять увольняемому рабочему, что, сделавшись свободным и с тем вместе лишась жалованья и дарового провианта, он может продолжать горнозаводские занятия по добровольному найму для пропитания себя и своей семьи и для уплаты денежных повинностей, что завод, предоставляя ему выгодный заработок на месте жительства, обеспечивает его в болезнях, нуждах и старости и что, таким образом, собственная выгода должна побуждать его не уклоняться от постоянного горного труда в звании мастеровых или рабочих, из которых будут учреждены горнозаводские товарищества, дающие членам его особые льготы и преимущества. Затем, всякий, непрерывно прослуживший по контракту 3 года на заводских работах, мог откупиться от воинской повинности за триста рублей, а прослуживший в первое десятилетие 6 лет избавлялся совсем от этой повинности; за контрактных рабочих заводоуправление должно было исполнять натуральные общественные повинности и выдавать им бесплатно некоторое количество дров.

Гнетущие воспоминания прошлого были, однако, так велики, что все эти льготы не производили желаемого действия. „В настоящее время — говорится в журнале заседания Алтайского Горного Совета 19 декабря 1861 г.—в рудниках и заводах не из'являет никто желания наниматься в горнозаводские рабочие по контракту не только на 3 года, но даже на несколько месяцев, исключая редких случаев найма на один год нижних чинов и караульщиков. Являются работать на некоторое время только из задельной платы и попедельно. Причины уклонения мастеровых от заключения контрактов на продолжительные сроки следующие: освобожденные весьма недавно от обязательной службы мастеровые считают заключение контрактов равносильным прежней обязательной работе, и все старания управляющих заводов и приставов рудников убедить их в различии того и другого рода найма относительно приобретения прав остаются до сих пор напрасными... Избавление от рекрутской повинности за прослужение в заводах или рудниках 6 лет не заключает для мастеровых в настоящее время ничего важного, потому что уволенные ныне работники за выслугу 20 и более лет, получив права отставных, и без того уволены от этой повинности".

Но и те мастеровые, которые прослужили менее 20 лет и для которых эта льгота имела значение, также спешили расстаться с ненавистными им местами, и до самого прекращения кабинетских золотых промыслов, последовавшего в 1873 г., прежних рабочих на них оставалось ничтожное количество [1]).

Подобное же явление наблюдалось на Урале. В Гороблагодатском округе „в первое время после освобождения, рабочий народ совсем потерял голову и до сих пор не может опомниться и приспособиться к новому своему положению".

Из Богословского округа ушло около 3.000 взрослых мужчин, что при населении в 10.000 душ обоего пола составляет $^3/_4$ всего мужского населения. Бывших заводских рабочих так тянуло бросить постылые заводы, что усадьбы, дома и огороды продавались совершенно за бесценок, а иногда даже отдавались даром.

Из 12-тысячного населения Миасских заводов до 2.000 семейств, т.-е. около $^2/_3$, ушло после освобождения в другие места искать работы. Между тем заводоуправление, несмотря на повышение платы втрое или даже более сравнительно с эпохой крепостного труда, встречает чрезвычайные затруднения в найме рабочих. В качестве крайней меры оно прибегло к доставке на прииски издалека до 2.000 башкир. С Березовского завода за одно лето ушло около 800 лучших рабочих [2]).

Оставшиеся же рабочие и здесь также уклонялись заключать длительные соглашения, относясь с недоверием к заявлениям администрации. Первые контракты, напр., на Нижнетурском заводе были заключены на $1^1/_2$ и 2 месяца и только с течением времени, когда мастеровые убедились, что контракты не так страшны, некоторые решились заключить их на год. К концу 1864 г. число законтрактованных рабочих достигло 100 [3]).

В некоторых случаях дело доходило даже до приостановки производства и закрытия заводов.

„Когда я об'явил людям вольные платы, которых многие из них заранее требовали, — говорит о Сергинском и Уфалейском заводах инж. Котляревский [4]), — заводское действие остановилось на 2 года. Показались ли сначала людям малы платы, по их понятиям они, как вольные, вольны были требовать, что хотели; или вернее захотелось им вдосталь насладиться

[1]) В. Семевский — Рабочие на сибирских золотых промыслах. Т. I. 1898 г. 467—486 стр.
[2]) В. Безобразов.—Уральское горное хозяйство. 1869 г.
[3]) Горный журнал, № IX за 1863 г.
[4]) Горный журнал, № 1 за 1864 г.

свободой, имея в виду льготный провиант, — что бы ни было, но на работы никто не являлся и больших хлопот стоило нам удержать даже сторожей. Вскоре после этого пронесся между людьми слух, что все те, которые войдут в соглашение с заводоуправлениями, лишатся свободы“...

Давление экономической необходимости скоро рассеяло преувеличенные ожидания от воли рабочего населения, с одной стороны, и таковые же опасения предпринимателей—с другой.

Здесь не редко повторялось то же, что в меньшем масштабе имело место при ликвидации поссессионных фабрик.

При освобождении поссессионных рабочих Большой Ярославской мануфактуры в 1843 г. они—по словам чиновника министерства финансов—„совершенно обезумели при слове „свобода“ и, не имея ни куска хлеба, сделали заговор, чтобы не работать на мануфактуре и тем заставить управляющего платить им, что они потребуют; самые благонамеренные люди боятся работать, чтобы не заслужить упреков безумной толпы; многие начали уже искать работы по уездам, да почти все нищенствуют по городу и окрестным деревням“.

Однако, им скоро уже пришлось испытать тяжелое разочарование, и в поданной ими через два года жалобе указывается, что „со времени увольнения их от мануфактуры Яковлевых, по уменьшению производства на оной против прежнего, почти все они лишились, кроме самого малого числа, с малолетства привычных прежних работ... и доведены до крайности по неимению работ на мануфактуре и неотысканию таковых на стороне, около Ярославля“.

Подобное же явление не раз наблюдалось и теперь. Когда весною на Симском заводе Балашевых мастеровые кричного цеха потребовали значительного увеличения заработной платы, управление распорядилось о закрытии кричной фабрики в том предположении, что голод заставит мастеровых просить об ее открытии. Этот расчет оправдался: не найдя заработка поблизости завода, мастеровые стали просить о возобновлении производства, чтобы иметь по крайней мере насущный хлеб. В 1865 г. в Томскую и Тобольскую губ. переселилось около 1.527 душ мужского пола из горно-заводских крестьян Благовещенского завода и свыше 2.000 мастеровых Симского и отчасти Миньярского заводов в поисках лучшей жизни, но не найдя ее, большинство их вскоре опять возвратилось на прежние заводы [1]).

---

[1]) Архив истории труда в России. Книга четвертая 1922 г. и № 6—7 1923 г. Л. Айзенберг—горнозаводские крестьяне в Оренбургском крае.

Падение крепостного права естественно усилило мобилизацию труда, увеличило предложение рабочих рук; между тем развитие горно-заводской промышленности в течение шестидесятых годов не отличалось большой интенсивностью. Поэтому соотношение сил в борьбе между трудом и капиталом не было особенно благоприятным для сколько-нибудь значительных домогательств со стороны первого. Тем не менее уничтожение обязательных отношений повлекло за собой довольно резкое повышение заработной платы. По словам Безобразова, в Богословском округе плата высшим мастеровым в период с 1862 по 1866 г. удвоилась против платы до 1862 г., а плата рабочим низшего разряда возросла даже в семь раз (с 5—8 коп. до 25—60 коп. в день). По свидетельству другого официального источника, при цеховых работах заработная плата на Уральских заводах повысилась в общей сложности до 75%, а при работах поторжных или надворных, где она при крепостном праве была неимоверно низка, более чем удвоилась [1]).

На частных заводах разница в оплате труда до и после освобождения выступает еще более рельефно. Так, на чугуноплавильных и железоделательных заводах Осинского и Красноуфимского уездов за рубку дров с сажени в период с 1850 по 1862 г. платилось 50—60 к., а в 1863 г. и далее—1 р. 20 к. Плата кайловщика при добыче руды увеличилась за это время с 9 до 20—35 к., кузнеца — с 10 до 30—40 к., чернорабочего— с 9 до 18—30 к. в день, старшего мастера по выплавке чугуна — с 72 до 168 р. и мастера по выплавке меди — с 48 до 108 р. в год, т.-е. от $2^1/_4$ до 3 раз.

На заводах Кунгурского уезда поденный заработок чернорабочего с 1850 по 1861 г. составлял от 3 до 7 к. и кайловщика — от $3^1/_2$ до 7 к.; с 1862 по 1867 г. он колеблется уже для первого от 20 до 25 к. зимою и от 28 до 33 к. летом, а для второго составлял постоянную цифру в 45 к. Месячная плата литейного мастера поднялась в эти же самые промежутки времени с 1 р. 17 к.—2 р. до 11 р. и катального мастера с 2 р. 17 к.—3 р. до 20 р. Катальные рабочие получали раньше от 3—$3^1/_2$ до 4—6 к. в день, а затем от 25 до 35 к. зимой и от 30 до 40 к. летом; плата кузнецов и токарей равнялась соответственно $3^1/_2$—7 к. и 30—48 к. [2]). Здесь повышение колеблется от 5 до 9 раз. Это была целая революция в экономических отношениях, напоминающая ту, которая происходила в первые десятилетия

[1]) Уральское горное хозяйство. 1869 г. 316 стр.—Историко-статистический обзор промышленности России. Т. I. 1883 г. 4 стр.

[2]) Безобразов—Статистические таблицы. 1869 г.

XIX века под влиянием обесценения нашего ассигнационного рубля, но отличающаяся тем, что она завершилась в более короткий срок и носила местный характер.

Значительная часть этого повышения об'ясняется уничтожением даровой выдачи провианта и переходом к оплате труда исключительно уже в денежной форме, а также ростом цен на предметы первой необходимости; но в некоторой доле здесь имело место и реальное улучшение положения получившего свободу рабочего населения. Не для всех слоев его это улучшение было одинаково; на первых порах некоторые категории оказались в очень тяжелом положении, заставившем их иногда выражать пожелание о возвращении старого.

В Гороблагодатском округе „в первое время после освобождения народ совсем потерял голову — сообщает, напр., известный уже нам В. Безобразов,—и до сих пор не может опомниться и приспособиться к новому своему положению. Лишиться права на даровой провиант, заботиться о прокормлении своих семей, переносить бремя от малолетних детей.., самому отыскивать работу и не получать ее при малейшей оплошности и т. д.—все это казалось немыслимым для народа. Главный предмет жалоб составляет прекращение поголовной раздачи хлеба. Люди старого и возмужалого поколения готовы и ныне итти на царскую службу, как называет горнозаводское население свой прежний обязательный труд".

Так как часть заводов после реформы должна была закрыться, а оставшиеся проявляли определенную тенденцию к сокращению чрезмерно разбухших при обязательном труде штатов, то все это вместе с прекращением дарового пайка создавало благоприятную почву на Урале для жалоб. Но по существу дела реальный заработок горнозаводского рабочего нужно признать в общем увеличившимся. „Нельзя не согласиться с тем,—говорится в обследовании, произведенном в 1873 г. по поручению Пермского земства о Кыштымском округе,—что экономическое состояние рабочих значительно улучшилось со времени освобождения. Если вспомнить, что цены на необходимые жизненные припасы с 1861 г. в этой части Урала почти не изменились и что задельная плата рабочих увеличилась почти вдвое, то нельзя не приписать жалобы рабочих на свое в сравнении с прошлым обеднение обыкновенному в русском крестьянстве недовольству настоящим и привычкой вечно жаловаться на свою бедность".

В дальнейшем, однако, положение дел стало складываться для уральских рабочих неблагоприятно. Центр тяжести горнозаводской деятельности переместился в другие районы, поэтому

прирост населения обгонял спрос на рабочие руки. К тому же клочки земли и усадебная оседлость, которые достались горнозаводскому населению, стесняли его в свободе передвижения, прикрепляя к родному месту. По словам Е. Рагозина, посетившего данный район в конце изучаемого периода, „громадное количество уральских заводов располагает устойчивым контингентом рабочих рук, навсегда прикрепленных к данному заводу земельной собственностью. В некоторых случаях заводы располагают рабочими даже в избытке, так что иногда одновременно работы не хватает на всех желающих и способных работать. В таких случаях разделяют рабочих на партии, которые поочередно на 2 недели в месяц допускаются к заводским работам... Общим признаком для массы заводов Урала (кроме очень немногих 7—8 новых заводов) надо считать наличность коренного населения, удовлетворяющего в избытке надобность в рабочих руках для каждого данного завода“ [1]).

В 1900 г. Пермская губернская земская управа выпустила „Материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения Пермской губ. в продовольственном отношении“, где собраны очень ценные сведения. Общее число горнозаводского населения этой губернии равняется приблизительно 663.000 человек: из них 562.801 (84,8%), т.-е. подавляющая часть, принадлежит к бывшим горнозаводским мастеровым и только 100.578 (15,2%)—к бывшим сельским работникам горных заводов.

361 тыс. душ, или 64,2% горнозаводских мастеровых, совсем не имеют пашни, а из имеющих пашню—более половины населения владеет ею в размере менее $^1/_2$ десятины на наличную душу мужского пола. Что касается сельских работников, то 53,6% их имеет менее 1 десятины на душу, тогда как для полного обеспечения нужно 6,5 десятин на мужск. душу. 22,4% (22.686 душ) совсем не имеют пашни. Но если хлебопашество, таким образом, не имеет значения для огромного большинства горнозаводского населения, то спрашивается, насколько оно может быть обеспечено горнозаводскими работами?

На основании сведений, собранных в 1897 г. Пермской управой от заводоуправлений (из 88 действующих в Пермской г. заводов дали ответ 81), можно приблизительно сказать, что на всех горнозаводских работах, как цеховых, так и вспо-

[1]) Железо и уголь на Урале. 1903 г. 8—9 стр.

могательных, занято из бывших мастеровых только 49,1% мужчин рабочего возраста (от 18 до 55 лет), или 72.327 из 147.426.

При этом оказывается, что на 9 заводах работами занято или все мужское население в рабочем возрасте, или количество свободных рук не превышает 10%. На 14 заводах рабочие руки, не занятые заводскими работами, составляют уже до 20%; на 9 заводах—до 30%; на 7 заводах—до 40%; на 8 заводах—до 50%; на 16 заводах—до 60%; на 4 заводах—до 70%; на 7 заводах—до 80%; на 6 заводах—до 90% и наконец на 29 заводах, вследствие прекращения производства, число рабочих рук, свободных от работ, равняется 100%.

Вследствие избытка рабочих рук, многим приходится дожидаться очереди, когда можно будет стать на работу, а до тех пор—предаваться вынужденному бездействию. „Гулевых дней" не существует на 22 заводах (полный рабочий месяц при этом принимается в 24 дня). На 2 заводах число гулевых дней на некоторых цеховых работах — 10%, на 20 заводах — число гулевых дней доходит уже до 25%, на 24 заводах—до 50% и на 13 заводах—до 75%! Кроме гулевых дней, на некоторых заводах вследствие той же причины, т.-е. избытка рабочих рук, существуют частые смены цеховых рабочих в течение дня, и они, вместо обычных 10—12 часов, отрабатывают только по 8 и даже по 6 часов в сутки.

Таким образом, положение горнозаводского населения Урала характеризуется тем, что земля не кормит, а заводы—не дают работы. Отсюда неизбежная дешевизна рабочих рук. По словам Е. Рагозина, рудокопы довольствуются поденщиной (на собственных харчах) от 40 до 60 коп., углекопы от 50 до 60 коп., т.-е. в среднем 12—13 р. в месяц. Такую же плату, говорит он, получают чернорабочие при заводах и местных заготовках. Женская поденщина на 15 коп. ниже мужской. Конная поденщина составляет от 65 до 80 коп. В „Материалах к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения Пермской губ. в продовольственном отношении" указывается, что конному рабочему платится 60—70 коп., чернорабочему 25—35 коп., подростку 15—20 коп. и женщине 15—20 коп. в день. Одним словом, выше 75 коп. получают только квалифицированные рабочие. Но и труд специалистов-рабочих оплачивается очень дешево: напр., по доменному цеху—подмастер получает 92 к., рабочий—75 к., засыпка—92 к., нагребщик—67 к., рудобой—25 к. Машинист при машинах получает 60 к., при котлах—50 к. Шуралям платится: при котлах 30 к., при печах 25 к., при генерато-

рах 35 к., будильщику 15 к. В кузнечном цехе—кузнец получает 50—60 к., молотобоец—30 к. По слесарно-механическому цеху: слесарь и токарь получает 35—60 к. Столяры, плотники и каменщики—от 35 до 60 к.

На золотых приисках по своему положению рабочие делятся на контрактовых и вольных. Контрактовые нанимаются или при окончании работ, т.-е. по истечении срока предыдущего договора, или на рынках найма, куда золотопромышленники командируют для этой цели особых лиц, или наконец являются в городские конторы промышленников[1]).

Вольными называются рабочие, явившиеся на прииски по личному желанию в поисках за работой, т.-е. не заключившие предварительного договора. Они делятся на два разряда: одни получают помесячную плату и называются окладными рабочими, а другие, работающие артелью и получающие сдельную плату, называются отрядными. Окладные и отрядные рабочие приходят обыкновенно к началу промыслового сезона, на свой собственный счет; так как в это время оказывается нужда в большом количестве рабочих рук, то они нанимаются на условиях, более выгодных, чем общеконтрактные рабочие. По роду занятий приисковых рабочих можно разделить на несколько разрядов: 1) горных работников; 2) мастеровых, куда относятся плотники, кузнецы, слесаря, шорники, печники и пр.; 3) надворные—конюха, хлебопеки, кашевары, прислуга и т. д., и 4) отрядные рабочие, которые занимаются рубкой и распилкой леса, дров и перевозкой их. Собственно горными работами бывает занято от 40 до 60% общего числа рабочих; напр., в 1889 г. из 1.160 общеконтрактных рабочих Мариинского округа только на горные работы употребляется половина, т.-е. 580 человек, при чем они распределяются следующим образом: 1/3 забойщиков, 1/3 возчиков и 1/3 состоящих при машинах, отвальщиков, галечников и машинистов.

Как общее правило, золотопромышленные рабочие жили на хозяйском содержании. Ржаной хлеб выдавался по одним договорам в неограниченном количестве, по другим—по 4 ф. на

[1]) Кроме контрактных и вольных рабочих, получающих поденную, помесячную или сдельную плату, есть еще рабочие, которые работают с золотника добытого золота. Они нанимаются частью по контрактам, частью „вольно“ и называются „золотничниками“. За плату с золотника работают также окладные и отрядные рабочие, употребляя для этого свободное от работ время: дни отдыха, праздники, а также несколько часов по окончании урока. Таким путем эти рабочие—старатели—стремятся увеличить свой скудный бюджет, так как заработной платы едва хватает на удовлетворение насущнейших потребностей.

день или соответственное количество муки. Мяса обычно полагалось по 1 ф. на день, но иногда $1^1/_4$ и более. Сверх того отпускалась крупа, сало и соль[1]). Размер пайка сам по себе был достаточен, но иногда возникали жалобы на однообразие пищи или недоброкачественность продуктов.

Перейдем теперь к заработной плате. На приисках Томского горного округа в 1889—1890 г.г. плата равнялась с 1 октября по 1 марта—в будни 30 коп., в праздники 45 коп., с 1 марта по 1 мая—в будни 40 коп., а в праздники 60 коп., с 1 мая по 1 октября на торфах в будни 60 коп. и в праздники 90 коп., на песках—в будни 60—65 коп., а в праздники 1 руб. 5 коп.—1 руб. 20 коп. В зимнее время обыкновенно, а нередко и летом, вознаграждение за исполнение хозяйского урока горнорабочие получают в виде месячного жалованья. Мастеровые как раньше, так и теперь получают месячное жалованье.

В Енисейском округе в 60-х годах месячное вознаграждение для горных рабочих было в обычае лишь в зимнюю операцию. Но после того как прежние „старательские“ работы окончательно слились с „хозяйскими“, эта форма вознаграждения стала обычной и в летний сезон. Вознаграждение с сажени добытого торфа или добытого и промытого песка стало менее распространенным. В Южно-Енисейском округе, по отчету горного исправника за 1880 г., чернорабочие получали зимою 6—9 руб. в месяц, а летом, т.-е. со времени промывки, 9—24 руб.; по отчетам 1883—85 г.г., зимою—7—14 руб., а летом за 30 будних дней от 15 до 25 руб., а в праздничные дни—повышенную плату от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. в день. По отчету 1888 г., чернорабочие получали зимою 6—10 руб., летом 12—22 руб., а по отчету 1890 г., средняя заработная плата чернорабочих зимою—8—10 руб., летом 18—22 руб.

Местный золотопромышленник г. Саввиных, сравнивая вознаграждение за труд в 50-х и 80-х годах, говорит: „как мог быть довольным своим положением в то время (в первой половине 50-х г.г.) рабочий на приисках, когда он получал зимой и летом плату от 3 до 4 руб. 50 коп. в месяц? Есть ли что-нибудь схожее в положении прежнего рабочего с положением нынешнего, получающего в месяц зимою от 9 до 15 руб. и летом от 18 до 34 руб.?“ Но дело в том, что прежнее жалованье в 3—4 руб. 50 коп. в месяц представляло лишь вознаграждение за так называемую хозяйскую или урочную работу;

[1]) Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. II, 1898 г. 191—196 стр.

дополнением к нему служила плата за старательский труд; а жалованье, указываемое г. Саввиных для конца 80-х годов, заключает в себе и прежнюю старательскую плату.

По уставу о золотопромышленности 1870 г. прежний обязательный срок окончания промывки золота был уничтожен. Продолжительность операции, т.-е. количество рабочих дней, должно было увеличиться, и это обстоятельство необходимо иметь в виду, когда говорят о возвышении заработной платы.

На приисках Олекминского округа плата за горные работы была преимущественно поурочная, т.-е. за исполнение известного урока в день. Лишь в немногих договорах встречается зимой поденная плата на торфах в будни 15—20 коп., в праздники 50—60 коп.; обыкновенно же зимой и летом полагается поурочная плата,—или одинаковая в будни и праздники, или в праздники повышенная. В первом случае, плата за исполнение урока в день равнялась 50—90 коп.; во втором случае рабочий получал в будни 50 кол.—1 руб. 20 коп., а в праздники от 1 руб. до 2 руб. 10 коп.

Месячное жалование мастеровых и разночинцев в 70-х годах колебалось для взрослых рабочих мужского пола между 6 и 30 руб., а летом—между 15 и 40 руб.; в 80-х годах оно равнялось зимою 9—40 руб., а летом 15—50 руб.

Что касается приисков Амурской области, то на промыслах, напр., Ниманской К° в 1877 г. средний заработок равнялся 68 коп., в 1878—79 г.г.—83 коп., в 1880—81 г.г.—91 коп., а затем с увеличением уроков заработок увеличился и в 1882—86 г.г. равнялся 1 руб. 9 коп.—1 руб. 31 коп. Но в других компаниях заработки были ниже и падали в 1885—86 г.г. на приисках Бутиных до 81 коп., Тетюкова до 68—69 коп. в день.

При вычислении размера заработка нужно принять во внимание, что работы на золотых приисках ведутся главным образом летом, т.-е. с апреля по октябрь, и лишь в немногих случаях они продолжаются и зимой, т.-е. ведутся круглый год.

Так, на промыслах всего Томского горного округа на весь год в 1889 г. оставалось 19%, а в 1890 г. 14% летнего приискового населения. В Северно-Енисейском округе рабочие, пробывшие на промыслах весь год, составляли в 1881 г. лишь 8% всего числа рабочих, а в 1888 г., по отчету окружного инженера, еще менее—5%. Напротив того, в Южно-Енисейском округе, благодаря более мягкому климату и большему распространению ортовых и шахтовых (т. е. подземных) работ, они составляли по отчетам горных исправников, в 1883 г.—35%, в 1884 г.—33% и в 1885 г.—34%.

В Олекминском округе ортовые и шахтовые работы очень распространены, и в 1883 г. из 47 действовавших промыслов они производились на 20. В 1896 г. $^5/_6$ всего золота было добыто здесь подземными работами. В Амурской области подземные работы мало распространены, и большинство рабочих остаются лишь на лето, т.-е. 4—6 месяцев.

Благодаря тому, что работа в течение круглого года является уделом меньшинства, средний заработок рабочих на золотых приисках не особенно значителен. По отчету о золотопромышленности в Западной Сибири, в 1885 г. рабочие мужского пола получали годовой платы в сложности, кроме бесплатных помещения и продовольствия, в Мариинском и Алтайском округах до 180 руб. В северной части Енисейского округа средний годовой заработок за 9 лет с 1881 по 1889 г. В. Семевский определяет в 118 руб., а в южной части—за 3 года с 1883 по 1885 г.—в 146 руб. В Олекминском округе по отчетам горных исправников средний заработок равнялся: в 1885 г.—189 руб., в 1887 г.—195 руб., в 1888 г.—161 и в 1889 г.—187 руб. Наконец, на амурских промыслах средний заработок равнялся в 1885 г.—245 руб., в 1886 г.—233 руб.

„По расчетным листкам рабочих (Олекминского округа),—говорит в своем донесении генерал-губернатору г. Калагеорги в 1882 г.—видно, что сравнительно незначительное число их зарабатывает 300 руб. в год, большинство же около 200 руб. Сумма эта, при полном хозяйском содержании, может показаться и не особенно малой, но, принимая во внимание расходы рабочих на дорогу, на одежду и обувь, на улучшение своей пищи и на уплату податей по произвольному требованию волостного начальства, нельзя признать заработок в 300 руб. достаточным".

Расстояния, которые приходится преодолевать рабочим—с места жительства до приисков—действительно очень значительны: они измеряются 300—500 верст в Енисейской губ., а для северной ее части 500—1.000 верст; от Иркутска до Бодайбинской резиденции (Олекминского окр.) расстояние еще более значительно и составляет около 1.700 верст. Если работы на приисках начинаются в первых числах апреля, то рабочие должны явиться в определенные при найме сборные пункты еще в половине февраля. В пути до сборного пункта и отсюда до прииска они проводят месяц и более, но заработной платы за это время не получают.

Из Сибирской тайги перенесемся теперь на юг России, центр каменноугольной и металлургической промышленности. Из каких элементов слагалось рабочее население в этом пу-

стынном еще недавно крае?—Тяжелые и непривычные условия труда в подземелье, естественно, не могли привлекать хороших рабочих, а потому неудивительно, что в числе первых рабочих на рудниках значительный % составляли беглые и беспаспортные, издавна находившие себе приют в Новороссии. Они-то, можно сказать, и составляли ядро горнорабочих южной России.

Постепенно с увеличением числа рудников и их развитием начали появляться новые элементы, в виде крестьян из захудалых уездов разных губерний. Но рабочие эти появились уже с паспортом и, следовательно, на законном положении.

Появилась ряда, определенное жалованье, и срочный расчет, раз или много два-три раза в год. Одно удерживалось всего дольше—это выдача в счет жалованья, вместо денег, товара.

Недостаток постоянных и опытных рук долгое время, однако, продолжал оставаться здесь хроническим злом. В виду этого некоторые шахтовладельцы напали на мысль о выписке постоянных рабочих из-за границы, при чем, конечно, расписали грушевские рудники в самом розовом свете: хлеб, мясо, овощи были выставлены по самым дешевым ценам, обещаны просторные каменные помещения—отдельно для женатых и холостых—и плата назначена по 3 коп. с выработанного пуда угля... Около 1.000 человек горнорабочих из Пруссии соблазнились рекламою и в июне 1860 г. явились в г. Новочеркаск. Уже здесь на них напало сомнение, при первом знакомстве с пустынным краем—мясо стоило 10 коп. фунт, а овощей нельзя было достать и за дорогую цену... Когда же прибыли в Грушевку и увидели грязные землянки местных рабочих, увидели местность, лишенную на пространстве десятков верст какой бы то ни было растительности; когда, наконец, им пришлось начать работу инструментами, приспособленными к мягкому каменному углю, а не твердому антрациту—тогда... заграничные пришельцы потребовали возвращения на родину!

Вследствие их жалоб прусское правительство выхлопотало им возвращение, и только человек 30 осталось на шахтах... В 1869 г. рабочие руки на юге России вздорожали так сильно, что в Петербург было сделано даже предложение применить к добыче каменного угля ссыльно-каторжных. На VI с'езде в 1881 г. углепромышленников юга России углепромышленник и инженер Данилов убеждал собрание, что в настоящее время есть единственный способ обеспечить угольные работы рабочими: это—размещение в центре копей... арестантов.

Не согласившись с этим, с'езд, однако, постановил ходатайствовать о переселении на рудники крестьян из внутренних

губерний, и по 9 пункту их ходатайства переселенцы обязывались в течение первых 5 лет служить у владельца, их переселившего, по цене, определенной условиями, а если оставят новое местожительство, то обязаны в течение 5 лет платить удвоенную плату...

Вследствие тех же причин, т.-е. недостатка и дороговизны рабочих, осенью 1899 г. начальник главного тюремного управления Саломон предложил углепромышленникам предоставить в их распоряжение 10.000 арестантов. Цель, которую с своей стороны преследовало при этом главное тюремное управление, заключалась в том, чтобы „компенсировать проектируемую в будущем отмену ссылки в Сибирь распределением ссыльных в других районах государства“. Однако, углепромышленники сочли неудобным столь очевидное приправнение своих предприятий к „местам не столь отдаленным“ и отклонили предложение тюремного управления на том основании, что развитие продуктивности труда может происходить лишь при свободе его.

Нет нужды, конечно, доказывать справедливость этой точки зрения. Но в 1900 г., в виду рабочего кризиса Штейнфельд вновь стал предлагать привлечь из внутренних губерний „часть голодающего населения, как недорогих рабочих, в промышленные центры“. Это бы еще ничего. „Необходимо только,— продолжал Штейнфельд, —чтобы меры эти (т.-е. меры привлечения рабочих) были решительно проводимы в жизнь, а где нужно не останавливались бы даже перед принуждением, потому что этого одновременно требуют интересы промышленности, общества и самих принуждаемых“.

Не так уж, очевидно, сладко было жить и работать в копях, если даже голодающих нужно водворять туда силой!

Общие условия работ на славяно-сербских и мнусских шахтах, читаем мы в Сборнике статистических сведений по Екатеринославской губ., [1]) одинаковы с условиями на бахмутских рудниках: те же двенадцатичасовые (поденные и ночные) смены рабочих, то же время на еду, без отдыха после обеда, тот же порядок пользования инструментами от рудников, те же артели общежития, для удешевления „харчей“ помещающиеся в казармах, где, как и в Бахмутском уезде, рабочие спят на нарах. Только кое-где в лампах рабочих горит не масло, а рыбий жир, но от этого воздух в подземельях чище не бы-

[1]) Т. II. Бахмутский уезд, 1886 г., 327 стр.

вает. Для постоянных работ шахтовладельцы нанимают артели, составляющиеся из рабочих, приходящих из великорусских губерний. Эти артели нанимаются с залогом в исправности работ; кроме того, администрации рудников и потому еще дорожат артелями, что рассчитываются с ними не деньгами, а марками, которые местные торговцы принимают за отпускаемые рабочим товары со скидкой известного % с суммы, обозначенной в марках. Местные рабочие из Бахмутского уезда не составляют артелей по непривычке к артельным работам, неимению средств на залог в обеспечение аккуратности и своевременности в исполнении работ и, наконец, потому еще, что в летнее время большинство из них уходит домой на полевые работы и, стало быть, не может обязываться постоянною работою на рудниках. В виду всего этого местные крестьяне земледельцы нанимаются на шахты лишь временно и по одиночке, требуют аккуратной расплаты деньгами, а не марками; поэтому они являются для рудников менее выгодными, нежели великорусские артельные рабочие, принимаются на работы менее охотно и по более низкой цене, при чем нередко оттягивается выдача заработка. Обыкновенная плата на хозяйских харчах: при урочной работе 12 р. в месяц или 50 коп. в день, при задельной—1 р. от аршина выбитого угля. Но вследствие об'ясненных неблагоприятных для местных рабочих условий, многие из них нанимаются по нужде и за более низкие цены: на своем продовольствии помесячно 8—12 руб., поденно 40—50 коп., издельно 7—8 (летом) руб. за одну куб. саж. угля, вынутую на поверхность. На рудниках Мпусского округа г.г. Иловайского, Юза, Рыковского и др. работают, главным образом из Скотоватской и Авдеевской волостей, с Покрова до Пасхи и до Троицы. О заработной плате можно судить по данным, собранным от работавших на руднике Иловайского. Помесячно получают от подрядчика:

	На хозяйск. продовольствии.	На своем продовольствии.
Забойщики	12—15 р.	17—20 р.
Саночники	8—10 „	13—15 „
Вагонщики	10—12 „	15—17 „

При месячной работе полагается урок: забойщику вырубить в упряжку пласт $^1/_2$ арш. в длину и ширину, в 2 арш. толщиною, а саночнику и вагонщику—прибрать уголь, т.-е. доставить к стволу. Издельная плата забойщикам—от аршина 50—60 коп.

Большая часть рабочих на хозяйском содержании, на своем же только те немногие, которые находятся на шахтах более продолжительное время. Цены продуктам те же, что и в Бахмутском уезде, а стало быть и расходы рабочих одинаковы: свои харчи с чаем, сахаром и табаком обходятся не дешевле $8^1/_2$ руб. на человека в месяц. Хотя подрядчиковы харчи (без чаю, сахару и табаку) оцениваются дешевле на 2 руб., но зато и рабочие, пользующиеся ими, живут постоянно впроголодь, питаясь недостаточной и крайне неудовлетворительной в качественном отношении пищей.

Обратимся теперь к другим категориям рабочих. Работы по добыче каменного угля ведутся хозяйственным и подрядным способами.

Главная часть горнорабочих вообще на всех шахтах нанимается по одиночке, при чем каждый рабочий самостоятельно получает свой заработок по расчету поденной, месячной или задельной платы, и только меньшинство состоит из артельных рабочих, которые нанимаются через выборного артельщика („старосту"), через него ведут расчет с конторой или подрядчиком и делят заработок поровну или соответственно числу „упряжек", количеству и свойству произведенной работы. Артели составляются для подземных и отдельно для наружных работ и состоят из 3—15 человек каждая.

Таким образом, заработная плата горнорабочих изменяется сообразно с системой оплаты труда (поденная, месячная или изделыная) и в зависимости от того, ведутся ли работы хозяйственным или подрядным способом, артелями или в одиночку нанимающимися рабочими.

Первоначально уголь отбивается забойщиком; затем его доставляют ползком, на тачках, к продольным штрекам саночники; отсюда уголь отвозится в вагончиках рабочими—вагонщиками—или лошадьми (рабочие коногоны или коноводы) к стволу; здесь стволовые ставят его на клетки или высыпают в бадьи и поднимают наверх, где уголь принимают и откатывают для ссыпки верховые. Последняя работа по добыче угля—очистка его от „глея".

Глеевщиками обыкновенно бывают мальчики, которые иногда нанимаются и для чистки котлов, получая по 30—40 коп. в день, а взрослые 70—80 коп.

Приводим здесь таблицу, показывающую размер годового заработка для разных категорий рабочих в крупно-капиталистическом предприятии.

Рабочие.	Число рабочих.	Общая сумма заработка.	Приходится на 1 рабочего.
Глеевщики	19	3.012 р.	159 р.
Саночники	206	40.580 „	197 „
Разные рабочие—отчасти стволовые и верховые	161	33.908 „	211 „
Молотобойцы	11	2.476 „	225 „
Вагонщики	272	61.806 „	227 „
Стволовые и верховые	50	11.466 „	229 „
Крепильщики и бутчики	78	17.855 „	229 „
Кочегары	29	6.677 „	230 „
Забойщики	940	235.549 „	251 „
Итого	1.766	413.329 р.	234 р.

Мастеровые.	Число рабочих.	Общая сумма заработка.	Приходится на 1 рабочего.
Плотники	81	23.431 р.	289 р.
Слесаря	20	7.038 „	352 „
Кузнецы	23	8.115 „	353 „
Машинисты	33	12.721 „	386 „
Итого	157	51.305 р.	327 р.

Одинокие рабочие живут и продовольствуются артелями, а семейные отдельно. Месячный расход артельного рабочего на продовольствие колеблется между 8 и 11 руб., а семейного 4—5 руб. на душу. На основании записей действительных расходов артельных рабочих обычная трата на продовольствие одного человека в месяц определяется в 8 руб. 20 коп. Кроме того—чай $^1/_2$ ф. 50 коп.; сахар—3—4 ф. 74 коп.; табак $^1/_2$ ф.—12 коп., освещение—6 коп. Таким образом, средний расход в месяц на продовольствие и освещение жилища 9 руб. 62 коп. Затем расход на инструменты и на масло в лампу при подземных работах и ночью на поверхности определится в 2—3 руб. в месяц. Таким образом, на одежду, обувь, белье и уплату податей у рабочих—одиночек или малосемейных—остается, и то не у всякого, не более 7—8 руб. в месяц: у некоторых получаемой за труд платы хватает лишь на прокормление себя и семьи и на покупку и ремонт инструментов, а у других заработок не покрывает и этих крайне ограниченных расходов.

Уклонения от выведенных средних величин заработной платы, особенно в сторону понижения, довольно значительны вследствие временных приостановок работ (по случаю завалов, залития шахт водою и др.), вычетов и штрафов за время болезни и за прогулы и других, более случайных причин. Кроме

того, на мелких шахтах рабочая плата вообще ниже, чем на больших рудниках, и притом чаще всего производится не издельно, а помесячно и от упряжки. Там забойщики получают от 12 до 20 руб., саночники 8—12 руб., вагонщики 12—15 руб., верховые и стволовые по 12 руб., погонцы 3—6 руб. в месяц, на хозяйских харчах, стоимость которых 20 коп. в день, так что даже и с ними месячный заработок взрослого рабочего составляет зимою от 14 до 18 руб., летом от 18 до 26 руб., стало быть в среднем вообще не более 19 руб. в месяц.

Подобные же цифры заработка приводит и Верещинский [1]), бывший управляющим на одном из крупных рудников области войска Донского. Забойщик получает от 2 руб. 50 коп. до 4 руб. 50 коп. за погонную сажень; в среднем более 5—6 четвертей даже хороший опытный работник выработать в смену не может; обыкновенно вырабатывает от $3^1/_2$ до 4 четвертей. Саночники зарабатывают от 80 коп. до 1 руб.; вагонщики 1 руб.—1 руб. 10 коп.; стволовые и верховые—90 коп.—1 руб. 10 коп. Это за 12-часовую смену. В среднем у трудолюбивых заработок не превышает 25 руб. в месяц; обыкновенно же от 18 до 20 руб.

Что касается металлургической промышленности, то земское статистическое исследование половины 80-х годов коснулось только Юзовского завода. При обыкновенном течении дел завод обходится наличными рабочими силами и приходящими из селений Бахмутского уезда, при чрезвычайном же поступлении заказов в прежнее время приходилось посылать агентов для найма недостающего числа рабочих в Харьковской, Воронежской и Черниговской губерниях. В последние годы нередко бывает, что размеры заказов не только не требуют добавления рабочих сил со стороны, но не занимают всего времени и у наличных рабочих. Так было, напр., зимою 1883—4 г.г., когда вальцовщики вместо полного месячного заработка в 25—30 руб. могли заработать лишь 7—10 руб. в месяц, а иные не более 3 руб. Некоторые кочегары и простые рабочие на заводе по той же причине вовсе не имели работы и всю зиму проживали в долг, который и должны были выплачивать из летнего заработка.

Заводские работы производятся днем и ночью; дневная смена рабочих становится на место в 6 час. утра и уступает его ночной смене в 6 час. вечера. На завтрак рабочим полагается $^1/_2$ часа и на обед час.

[1]) Верещинский. Рабочий шахтер в Донецком бассейне, 1892 г.

Мастера, мастеровые и рабочие распределяются по занятиям и получаемой заработной плате следующим образом:

	Количество трудящихся.	Плата в день от:	Средняя сумма заработка на одного человека в мес.	в год.
1) Мастера и машинисты	69	90 к. до 3 р. 70 к.	60 р.	720 р
2) Литейщики и вальцовщики	317	40 „ „ 3 „ 70 „	40 „	480 „
3) Слесаря, токари, медники и обжимщики	68	80 „ „ 3 „ 70 „	30 „	360 „
4) Столяры, плотники, кузнецы, печники, колесники и пр.	171	40 „ „ 3 „ — „	25 „	300 „
5) Котельщики, сварочники и костыльщики	94	30 „ „ 1 „ 70 „	23 „	250 „
6) Рабочие под доменными печами, кочегары и проч.	184	70 „ „ 1 „ 90 „	20 „	240 „
7) Заводские рабочие при производстве, для подвозки материалов и т. п.	419	20 „ „ 1 „ 40 „	17 „	200 „
8) Модельщики, правельщики (рельсов), горновые и т. п.	54	35 „ „ 1 „ 80 „	15 „	180 „
9) Помощники машинистов, молотобойцы и т. п.	29	40 „ „ 1 „ — „	12 „	140 „

Колебания в размере поденной платы, как видно отсюда, очень значительны. Большая часть мастеровых и рабочих получает в течение года и поденную, и издельную плату, и месячное окладное жалованье. Все эти перемены контора завода производит по своему усмотрению, нисколько не стесняясь с заключенными с рабочими условиями. Вследствие превышения предложения рабочих рук над спросом заработная плата зимой понижается. Затем лишь немногие могут работать в течение месяца более 20 дней, большинство же работает дней 15—20, потому что на остальные дни на заводе не оказывается дела. И это не только зимою, но и летом.

Артельных работ на заводе нет; все работают в одиночку, самостоятельно. Подрядные работы бывают, но занимают незначительное число лиц.

Из приведенной выше таблицы видно, что только первые три группы, составляющие 454 человека, зарабатывают от 30 до 60 руб. в месяц, остальные же шесть групп в количестве 951 чел. получают от 12 до 25 руб. в месяц или от 140 до 300 руб. в год. При этом почти все высшие оклады даются иностранцам.

Интересно проследить теперь движение заработной платы в последующие два десятилетия, которые совпадают с периодом наиболее интенсивного роста нашей промышленности.

На Урале после той ломки, которая произошла в начале шестидесятых годов, с дальнейшим повышением платы за труд стало тихо.

По данным, собранным советом с'езда уральских горнопромышленников, заработная плата здесь равнялась [1]):

	1900 г.	1901 г.	1902 г.
1. На заводах	209 руб.	215 руб.	196 руб.
2. На горных работах . . .	172 „	191 „	200 „
3. На приисках	166 „	210 „	209 „
4. По лесному хозяйству, перевозке и заготовкам . .	123 „	137 „	140 „

Таким образом, средний заработок за три года получается равным—на заводах—206$^2/_3$ руб., на горных разработках—188$^2/_3$ руб., на приисках—195 руб. и по лесному хозяйству, перевозке и т. д.—133$^1/_2$ руб.—или средний заработок рабочего на Урале—181 руб. в год.

Считая рабочих дней в году 260, получим среднюю плату для всех рабочих—70 коп. Но здесь включены мастера и подмастерья. При выделении их, поденная плата на заводах и горных разработках сведется:

Чернорабочему	43—54 коп.
Рабочему	59—65 „

Заглянем теперь на Юг России, где золотым дождем рассыпались в 90-х годах иностранные миллионы... Насколько выросла здесь к концу изучаемого периода заработная плата,—вот вопрос, на который отвечают нижеследующие данные, полученные с одного из крупных рудников Донецкого бассейна и применимые в общем ко всему району [2]).

Профессия. Взрослые рабочие.	С 1 мая по 1 ноября.	С 1 ноября по 1 мая.
Коногон	1 р. 20 к.	1 р. 10 к.
Дорожный	1 „ 20 „	1 „ 05 „
Крепильщик	1 „ 20 „	1 „ — „
Стволовой	1 „ 10 „	1 „ 10 „
Плитовой	— „ 90 „	— „ 85 „
Вагонщик	— „ 90 „	— „ 80 „
В среднем . . .	1 р. 08 к.	— р. 98 к.

[1]) Уральское Горное Обозрение, № 10 за 1904 г.
[2]) Вестник фабричного законодательства, № 1 за 1905 г. Либерман—Условия труда горнорабочих в Донецком бассейне.

Профессия: Подростки.	С 1 мая по 1 ноября.	С 1 ноября по 1 мая.
Дверовой	— р. 70 к.	— р. 60 к.
Тормозной	— „ 60 „	— „ 55 „
Лампонос	— „ 60 „	— „ 55 „
В среднем	— р. 63 к.	— р. 57 к.

Таким образом, заработная плата равняется в среднем 1 руб. 8 коп. в день взрослому рабочему и 63 к. подростку с 1 мая по 1 ноября. В 6 зимних месяцев плата понижается на 10% и равняется 98 к. для взрослых и 57 к. для подростков. Принято считать, что чернорабочий в среднем делает 24 „упряжки"—рабочих дня—в месяц. Но эта цифра оказывается на деле преувеличенной. По рабочим книжкам число всех праздничных дней—годовых и воскресных—95. За вычетом их число рабочих дней определится в 270 (в год) или 22,5 в месяц. Месячный доход взрослого рабочего, исключая „забойщиков", получающих сдельную плату, выразится таким образом в $22{,}5 \times \frac{1\text{ р. }8\text{ к.}+98\text{ к.}}{2} = 23$ р. 17 коп., а годовой—в 278 р. 4 к., при условии, что человек в течение года ни одного дня не проболеет и не получит ни одного штрафа.

Расход члена артели на продовольствие определяется на основании цифровых данных, относящихся к артели из 14 чел., в 9 р. 33 к. на каждого; эта цифра очень близка к той, которую мы приводили выше для половины 80-х годов. На одежду и обувь расходуется 3—4 руб. в месяц, на прочие мелкие расходы—нужно minimum отнести 3 руб.; за этими вычетами у одиноких рабочих получается еще некоторый остаток. Если же взять семейного человека—с женой и двумя детьми, то не только не получится излишка, но окажется, что для полного питания рессурсов рабочего не хватает. Для покрытия дефицита семейные рабочие в большинстве случаев принимают нахлебников, платящих за стол и стирку белья 10 р. 50 к. в месяц [1]).

При столь скудном заработке для семейного рабочего является неизбежной неправильность питания, недоедание, что ведет к более быстрой инвалидности, а с другой стороны, ненормальная скученность населения в одной квартире; отсюда же вытекает, наконец, необходимость посылать на работу

[1]) Из 200 семейств, живших на руднике, лишь 74 семьи или 37% обходились без столовников, остальные же без этого вида поддержки не могли обойтись и принимали от 1 до 7 человек. Большинство из этих 37%, несомненно, приходится на долю десятников, машинистов и забойщиков.

малолетних детей, забрасывая школу и изнуряя неокрепшие организмы часто непосильным трудом.

Итак, годовой заработок взрослого рабочего определяется ныне в 278 р.

Из данных земского статистического исследования половины 80-х годов мы уже видели, что годовой заработок саночника равнялся 197 руб., вагонщика—227 руб., стволового и верхового—229, крепильщика—229 р.; разного рода рабочих—211 р. В среднем, на человека приходится 219 руб. в год. Разница—59 руб., т.-е. выходит, что заработная плата увеличилась за последние 15—20 лет почти на 27%. Однако, при этом нужно принять во внимание следующее. Цифра 278 р. получилась от умножения поденной платы на количество рабочих дней (270). Очень возможно, что прирост платы на 27% об'ясняется просто увеличением рабочего периода. По крайней мере большое количество „свободных" дней служило предметом непрекращающихся жалоб со стороны горнопромышленников, забывающих, что частые перерывы в работе есть неизбежный спутник тяжелых условий труда. Среднее количество упряжек в месяц земским статистическим исследованием половины 80-х годов определяется в 19—20, а количество рабочих дней в году—в 240. Наше соображение подтверждается и сопоставлением размера поденных плат.

Большинство вагонщиков на главных рудниках, говорится в Сборнике статистических сведений по Екатериносл. губ. [1]), нанимаются поденно или от упряжки по 70 к.—1 р. 10 к. (в среднем 90 к.). Стволовые или рукоятчики на низу и на верху получают поденно 1 р. 15 к.—1 р. 20 к., точно так же как и верховые—от 70 к.—до 1 р. 20 к. Крепильщики на Рудченовском и Корсунском рудниках и на шахте при заводе Юза работают поденно от 1 р. до 1 р. 10 к.

Почти все коногоны на Рудченовском руднике работают артелями по 60 к. с вагона и зарабатывают по 90 к. в день. Сопоставляя эти цифры с заработной платой в настоящее время,—вагонщик 80—90 к., стволовой 1 р. 10 к., крепильщик 1 р.—1 р. 20 к., коногон 1 р. 10 к.—1 р. 20 к.,—мы видим, что разницы почти нет. Другими словами, повышение годового заработка, о котором говорилось выше, нужно отнести не столько к увеличению ставок на труд, сколько к тому обстоятельству, что труд углекопа стал более регулярным.

Но на Юге России пышно расцвела за последнее время не только каменноугольная, но и металлургическая промы-

[1]) Т. II, 1886 г., стр. 312—317.

шленность. Так, до половины 80-х годов здесь было лишь 2 завода—Юза и Пастухова. В 1887 г. открылся еще завод Брянского О-ва, в 1895 г. их действовало уже 7, в 1898—12, в 1900 г.—16, а в 1902 г.—20! Под защитой запретительного тарифа началась вакханалия грюндерства с помощью иностранных капиталов; миллионы рублей расплывались ежегодно по рукам разных посредников задолго до того, как заводы приступали к действию. Более старые заводы успели пожать и плоды: Юз зарабатывал чуть не 100% прибыли; Южно-Днепровское металлургическое о-во, при основном капитале в 5 милл. р., выдало в дивиденд: в 1893—94 г.—1 милл. р., в 1894—95 г.—1½ милл. р., в 1895—96 г.—2 милл. р., в 1896—97 г.—2 милл. р., в 1897—98 г.—2 милл. руб., в 1898—99 г.—2 милл. р., в 1899—1900 г.—2 милл. руб. и в 1900—1901 г.—2¼ милл. руб.

А что же получил рабочий класс? На доменных и передельных заводах к 1 июля 1904 г. работало уже 53.271 человек. На Юзовском заводе в 1884—85 г. было 1.405 челов., а к 1898 г. уже более 10.000 человек.

Мнение, что иностранные капиталы щедро облагодетельствовали и русских рабочих, получило у нас широкое распространение. Особенно над этим постарался Б. Брандт, перу которого принадлежит специальное исследование „Иностранные капиталы".

„Какая громадная разница—восклицает он, говоря о Юзовском заводе, — между размером заработной платы прежде и теперь"! Посмотрим, действительно ли это так.

Всех рабочих по эксплуатации завода было в декабре 1897 г., 9.377 и по производству капитальных сооружений 812, а всего 10.189. Рабочие второй категории получили в общей сложности 17.960 руб., что составляет на одного рабочего 22 р. 15 коп. Из рабочих первой категории 5.454 работали поденно, 2.866—сдельно, 795—по ремонту машин и 262—по ремонту инструментов. В общем эти 9.377 рабочих получили 256.185 р. или в среднем 27 р. 35 к. на человека, при чем на долю работавших сдельно (2.866) пришлось 105.775 руб., или в среднем 37 р. на человека, на долю же работавших поденно (6.511, включая рабочих по ремонту)—в среднем 23 р. на человека. Считая 25 рабочих дней в месяц, выходит, что рабочие по производству капитальных сооружений получили по 89 к. в день, поденные рабочие (в том числе и по ремонту)—92 к., а сдельные рабочие—1 р. 44 к. [1]).

[1]) Б. Брандт. Иностранные капиталы. Ч. II, 1899 г., 251—252 стр.

Итак, что же оказывается: поденные рабочие (в том числе и по ремонту) численностью 6.511 чел. получают, в среднем, при 25 рабочих днях 23 руб. в месяц, т.-е. столько же, сколько поденные рабочие в каменноугольной промышленности при 22,5 рабочих днях! Если же цифра их заработка оказалась выше, чем в 1884—5 году, то только потому, что продолжительность рабочего периода в то и другое время была различна. В 1897 г. Брандт считал в месяце 25 раб. дней, между тем земские статистики 80-х годов отмечали, что только немногие могут работать более 20 дней и полные 30, большинство же работает дней 15—20.

Директора, инженеры, вообще высшие служащие на наших металлургических заводах юга России получали баснословные оклады. Небольшая группа рабочей аристократии получает 4—5 и 6 р. в день. Старшие при доменных печах на заводе Юза получают, напр., 250 руб. в месяц; но таких рабочих только несколько человек, преимущественно англичане.

Под'ем заработной платы коснулся именно высшей категории труда, так как при быстром увеличении числа заводов и недостатке у нас обученных и опытных рабочих и мастеров последних переманивали с одного места на другое. Что касается широкой массы рабочих, то „поразительные“ успехи в смысле повышения цен на труд, о чем поспешили разблаговестить вульгарные экономисты, относятся к области вымысла.

В самом конце изучаемого периода министерством земледелия было обследовано в Европейской России 678 предприятий горной и горнозаводской промышленности с числом рабочих более 50. Средний месячный заработок рабочего оказался равным в 1904 г. 23 р. 83 коп., что при 260 рабочих днях составляет 241 р. 45 коп. в год против 242 р. 41 коп. в предшествующем году. При распределении на группы величина заработка представляется в следующем виде: [1])

	1903 г.	1904 г.
I. Добыча руды (кроме золота и платины)	158 р. 43 к.	179 р. 13 к.
II. „ угля и кокса	268 „ 85 „	274 „ 78 „
III. „ нефти	267 „ 32 „	284 „ 31 „
IV. „ повареной соли	— „ — „	— „ — „
V. „ золота и платины	— „ — „	— „ — „
VI. Обработка руд в металлы (кроме золота и платины)	236 „ 54 „	245 „ 65 „
VII. Обработка металлов	253 „ 15 „	237 „ 85 „

Как видно отсюда, величина заработка находится в известной зависимости от трудности и опасности производства: наи-

[1]) Горный журнал № 8 за 1905 г. Инж. Зайцевский.—О влиянии войны на производительные силы предприятий горной и горно-заводской промышленности.

меньшую плату получают рабочие, занятые добычей различных руд и соли в значительной части на поверхности земли, наивысшую же — рабочие по обработке металлов и каменноугольные; исключение составляют нефтяные промыслы, где при легкой работе плата стоит на довольно высоком уровне вследствие дороговизны жизни в Бакинском районе. Нижеследующая таблица показывает, что местные условия при огромности нашей территории до сих пор еще вызывают резкие различия в уровне заработной платы.

	I гр.	II гр.	VI гр.	VII гр.	Среднее.
Урал	128 р. 04 к.	159 р. 34 к.	150 р. 13 к.	184 р. 66 к.	155 р. 51 к.
Запад . . .	165 „ 01 „	255 „ 88 „	288 „ 40 „	273 „ 71 „	247 „ 50 „
Юг России .	286 „ 78 „	284 „ 75 „	386 „ 66 „	389 „ 19 „	336 „ 91 „

Таким образом, в Царстве Польском заработная плата в 1,6 и на Юге России в 2,1 раза выше, чем на Урале. Но это не значит, конечно, что соответственно велика разница в материальном положении населения. „Уральские рабочие большей частью пользуются надельной землей от своих владельцев, получают бесплатно или на льготных условиях отопление, живут в собственных усадьбах, имеют свои огороды и пользуются бесплатно или также на льготных условиях покосом, выгоном и другими угодьями. Это подспорье в бюджете дает возможность уральскому рабочему жить в условиях лучших, чем живут рабочие Юга, Запада и Кавказа, несмотря на их более высокий заработок“.

Посмотрим теперь, как обстоит дело в обрабатываемой промышленности.

Так как главная масса рабочих рук, занятых в ней уже в конце крепостного периода принадлежала к числу вольнонаемных, то переход к новым условиям не произвел здесь резких изменений. „Как бы ни была развита промышленность,—писал во второй половине 60-х годов Н. Флеровский,—но кроме Москвы и Петербурга, во всех наших промышленных губерниях заработная плата регулируется заработками земледельца“.

При значительном избытке рабочих рук в деревне, уничтожение обязательных отношений лишь усилило подвижность населения и предложение труда. Поэтому цены на него во многих местах оказались очень низкими. По словам того же автора, „за фабричный труд, не требующий особого искусства, четыре с полтиной в месяц на своем содержании—это часто встречающаяся цена... Если сравнить заработную плату фабричных и заводских рабочих в Пермской губернии, то она не окажется выше среднего уровня сибирской заработной платы.

В то время как в Сибири среднюю заработную плату нужно считать от трех до пяти рублей в месяц на своем содержании, плата эта в Пермской губ. составляет 20 коп. в день или 4 р. 80 к. в месяц; но и кроме того там существует детский труд, который дает некоторым счастливцам два рубля пятьдесят копеек. ...Возьмем такую губернию, где не только хлеб дешевле, но и все предметы потребления рабочего стоют меньше вследствие близости промышленных центров, а именно Калужскую губ. На заводах этой губернии, точно так же как и в Пермской, пригоняют заработную плату к среднему уровню двадцати или двадцати пяти копеек серебром в день". При поштучной работе слесарь получает в среднем 5 р. 50 к., кузнец 4 р. 50 к., литейщик 3 р. 50 к. в месяц. На пищу же ему нужно 2 р. 17 к. (1 п. 30 ф. муки на $87^1/_2$ коп., 20 ф. гречневой крупы на 30 к. и приварок—1 р.).

В Самарской губ. взрослый рабочий получает на фабриках и заводах от 3 р. 30 к. до 6 р. 50 к. Только в Ярославской губ., где промышленность и отхожие промыслы были развиты значительно более, плата колеблется от 6 р. и 6 р. 50 к. до 20 р. в месяц; дети моложе 14 лет получают от 3 до 5 р., а старше—до 10 р. [1]).

Относительно начала и середины восьмидесятых годов имеется уже довольно богатый материал в трудах земских обследований и отчетах первых фабричных инспекторов.

Прежде всего нужно отметить тот факт, что производства, в которых рабочий день наиболее продолжителен, а условия работы наиболее неблагоприятны или даже вредны, отнюдь не лучше оплачивают труд, чем производства менее тяжелые или вредные, а даже хуже.

Так, в Московском округе наивысшая плата приходится на производство золотых и серебряных вещей (35 р. в месяц для взрослого мужчины) и на машино-строительные и литейные заводы — 30 р. в месяц. Наименьшая — падает на позументные фабрики — 7 р. в мес., шерсто-прядильные. — $9^1/_2$ р., затем спичечные фабрики—12 руб.

В Харьковском округе высший заработок получают мужчины в чугунно-литейных, механических и машиностроительных заводах — 22 р. 50 к., затем в водочных — 21 р., а в гончарном производстве — 7 р. 50 к., в химическ. заводах 8 р., парусино-ткацких фабриках—9 р., в сахарных и винокуренных заводах—10 р.

[1]) Положение рабочего класса в России 1869 г. 308, 310, 356, 364 стр.

Злополучные рогожники зарабатывают на стан из 4 человек (2 мужч. + женщина + малолетний) 28 р. 48 к. в месяц, т.-е. мужчина зарабатывает всего 8 р. 89 к. Одним словом, „в течение месяца суточный час работы у рабочих по всем прочим производствам оплачивается по 88,7 к., у рогожников же лишь 40 к., т.-е. более чем вдвое меньше, и это при совершенно невозможных условиях жизни в мастерских“ [1]).

Что касается территориальных различий, то само собой бросается в глаза то обстоятельство, что по западной окраине заработная плата выше, чем в центральном районе. Так, в Харьковск. округе, согласно отчету фабричного инспектора за 1885 г., средний заработок по 50 слишком производствам определяется цифрой: $12^1/_4$ р. для мужчины, $7^1/_2$ для женщ. и $4^1/_2$ для малолетних в месяц (24 дня). Средний заработок по 20 производствам в Московском округе (отчет Янжула за 1885 г.) равнялся: $18^1/_2$ руб. для мужч., 9 р. для женщ. и $6^2/_3$ р. для малолетнего. В Виленском округе средний заработок по всем производствам в 1885 г. составляет для мужч. 20 р. 92 к., для женщ. 9 р. 20 к, но для малолетних значительно ниже—3 р. 44 к. Что касается Польши, то в 7 производствах по обработке волокнистых веществ заработная плата в среднем составляет (в рублях):

	Империя, центр. район.	Царство Польское.	
Мужч. . . .	15,2	20,1	т. е. на 32,2% выше.
Женщ. . . .	8.8	15.3	т. е. на 73,9% выше.
Малолетн. .	5,5	8,8	т. е. на 60% выше [2]).

При этом, общее количество рабочих часов на польских фабриках меньше, чем на русских. Отчасти это различие об'ясняется тем, что в Привислинском крае рабочий, как правило, получает только заработную плату и больше ничего; внутри же России — сюда еще присоединяется квартира от хозяина для значительной части рабочих. Подобные помещения считаются, правда, бесплатными, даровыми, но это только с первого взгляда, в действительности же, несомненно, стоимость их учитывается путем понижения заработной платы. Но это об'ясняет указанную разницу только отчасти, потому что стоимость хозяйской квартиры с точки зрения рабочего не превышает 1 р. в Харьковском и 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. в Московском округе.

[1]) Дементьев—Фабрика. 1897 г., 152 стр.

[2]) И. Янжул—Отчет по исследованию фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском, 1888 г.

Притом, если произвести более детальное расчленение производств и соединять вместе лишь тожественные отделения, то указанная выше средняя цифра заработной платы понизится довольно значительно. Так, по исследованиям Дементьева (1884—85 г.), средний заработок рабочих (всего было исследовано 26,725 чел.), живущих на своих харчах, в среднем, по 24 производствам и отделениям равняется: 13 р. 75 к. для мужч., 10 р. 27 к. для женщ. и 5 р. 08 к. для малолетних.

Для Петербургск. губернии средний заработок мастеровых можно принять в 25—30 р. в месяц; у фабричных — он равняется 15—17 р. в месяц, а чернорабочие получают от 50 к. в день, а летом и по 60 к.

Это на фабриках и заводах, а хозяева небольших промышленных заведений и подрядчики платят им иногда по 30 к. в сутки. Женщины получают от 8 до 12 р., средним числом 10 р., а дети — от 5 до 9 р., в среднем 7 р. в месяц. На кирпичных заводах подрядчики нанимают рабочих из провинции на все лето, т.-е. около шести месяцев за 25—85 р. (в среднем за 60 р.) на хозяйской квартире и харчах... [1])

Относительно позднейшего времени мы имеем данные, собранные фабричной инспекцией и относящиеся к 1900—1901 г. Они касаются 1.275.102 рабочих, занятых в 12.702 промышленных предприятиях по 12 группам производств, необложенных акцизом. На одного рабочего, безотносительно к полу и возрасту, приходилось заработной платы [2]):

I.	гр.	обработка хлопка	372.136	челов. около	180 р.
II.	„	„ шерсти	127.796	„ „	172 „
III.	„	„ шелка	24.774	„ „	178 „
IV.	„	„ льна	71.515	„ „	140 „
V.	„	„ смеш. матер. и вол. вещ.	26.320	„ „	227 „
VI.	„	произв. бум. массы и полиграф.	66.713	„ „	218 „
VII.	„	механич. обраб. дерева	73.964	„ „	189 „
VIII.	„	обраб. металл., произв. машин и т. д.	235.785	„ „	342 „
IX.	„	обработка минеральн. веществ	127.970	„ „	206 „
X.	„	„ животн. продуктов	46.633	„ „	198 „
XI.	„	„ питательн. продуктов	71.042	„ „	187 „
XII.	„	„ химическ. произв.	30.430	„ „	260 „

В среднем на 1 человека приходится 215 руб.

Из общего числа рабочих 1.275.102 на долю малолетних (от 12 до 15 лет) приходится 34.255. Если принять, что их заработок равняется $^1/_3$ заработка взрослого, то заработная плата лиц обоего пола старше 15 лет поднимется до 219 р.

[1]) См. Санитарный отчет за 1879 г.

[2]) Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, необложенным акцизом, за 1900 г. Министерство Финансов. 1903 г.

Женщин свыше 15 лет насчитывается 334.467 ч. Если принять, что их заработок равняется $^3/_5$ заработка мужчин, то заработная плата последних поднимется до 242 руб. Таким образом, в среднем, месячный заработок определится для мужчин в 20, а для женщин в 12 рублей.

На первом месте по высоте среднего заработка стоит металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность (VIII группа)—342 рубля на человека. Это об'ясняется тем, что здесь применяется, главным образом, труд квалифицированный; кроме того, работа женщин здесь не в употреблении: на 226.444 мужчин (свыше 15 лет) приходится всего 6.670 женщин. На противоположном конце—по высоте заработка—стоит наша главная промышленность—по обработке волокнистых веществ (первые четыре группы). Здесь именно преимущественно употребляется простой труд необученных рабочих, а также женщин. Так, в I группе (обработка хлопка) на 196.406 мужчин приходится 167.372 женщин, во II гр.—на 79.806 м.—45.285 ж.; в III гр.—на 11.165 м.—11.848 ж. и в IV гр.—на 36.422 м.—32.280 ж. Поразительно низким уровнем заработной платы отличается эта последняя группа — промышленность по обработке льна—около 140 р. на человека независимо от пола и возраста. Если даже выделить отсюда малолетних и женщин по принятой нами норме, то все же окажется, что мужчина получает 177 р. в год или менее 15 р. в месяц.

По данным свода отчетов фабричных инспекторов, заработная плата, в среднем, на 1 человека равняется: в 1901 г.—201 р. и в 1902 г.—202 р. Полученная нами цифра несколько больше—именно 215. Это происходит потому, что в сумму заработной платы мы включили также расходы на харчи и дополнительные выдачи и на жилища для рабочих, всего (6,614 т. р.+4.869 т. р.) 11.483.700 р. Кроме того, все приведенные данные относятся лишь к рабочим, занятым в производствах, необложенных акцизом: сюда не вошли производства, облагаемые акцизом, а между тем именно в них рабочие (250.000 чел.) получают более низкую плату. Таковы табачные, спичечные фабрики, сахарные заводы и т. д. При об'езде по фабрикам округа, киевскому окружному инспектору пришлось констатировать заработок подростков и женщин на одной гильзовой фабрике в Умани в 2—4 р. в месяц, а на табачной фабрике г. Житомира в 2 р. 50 к. в месяц; за редкими исключениями, в них заработок папиросниц достигал 9 р. в месяц. Между тем, на табачных фабриках женский труд занимает господствующее положение: на 10.722 взрослых мужчин в 1902 г. приходилось 22.152 женщины; кроме того,

было 3.481 малолетних. На сахарных заводах в 1901—1902 г. приходилось на 94.492 мужчин—13.781 женщин и 1.505 малолетних. Размер заработка виден из прилагаемой таблицы (в рублях за месяц):

Годы.	На собствен. содержании: мужч. средн.	колеб.	женщ. средн.	колеб.	На заводск. содержании: мужч. средн.	колеб.	женщ. средн.	колеб.
1897—1898 . . .	16	4—60	7	4—15	10	4—10	5	3—12
1898—1899 . . .	15	4—60	7	3—16	10	3—36	5	3—10
1899—1900 . . .	15	4—60	7	4—16	10	3—48	5	3—10
1900—1901 . . .	18	4—70	7	4—15	11	3—48	5	3—11
1901—1902 [1]) . .	18	4—70	7	4—15	10	5—48	5	3—10

Посмотрим теперь, в каком направлении и как сильно изменялись цены на предметы первой необходимости. Разложение натурально-хозяйственного строя всегда и всюду сопровождается ростом цен на товары. Нет ничего удивительного поэтому, что и у нас усиленная постройка железных дорог, рост городов и развитие товарообмена, которые так резко бросаются в глаза при изучении экономики данного периода, вызвали к жизни подобное же явление. Наиболее заметное повышение цен приходится при этом на 60-е и 70-е годы, когда именно происходила самая энергичная ломка того экономического уклада, какой был завещан крепостной эпохой. К этому присоединился еще усиленный выпуск кредитных билетов под влиянием войны с Турцией: в конце 1876 г. их было в обращении на 790 милл. р., а к 1 января 1881 г. уже 1133 милл. р. Курс рубля на золото упал и товарные цены сделали скачек вверх. „В нашем народе—писал по этому поводу В. Безобразов—укоренилось убеждение, что каждая война должна непременно производить дороговизну. Такое народное убеждение весьма естественно, так как у нас не было войны без выпусков бумажных денег". Новая волна повышения рыночных цен подымается с начала XX в., но результаты ее обнаруживаются уже после 1905 г.

Вот как изменялись, напр., цены на хлеб и мясо в обеих наших столицах [2]).

Москва.	1851—1860 г.г.	1887—1890 г.г.	1891—1900 г.г.	1901—1904 г.г.
Куль ржан. муки в 9 п. .	4 р. 62 к.	8 р. 60 к.	9 р. 86 к.	9 р. 58 к.
Пуд ржаного хлеба . . .	— „ 44 „	— „ 69 „	— „ 72 „	— „ 75 „
1 фунт мяса { 1 сорт . .	— „ — „	— „ 14 „	— „ 14 „	— „ 14 „
1 фунт мяса { 3 „ . .	— „ „	„ 08½ „	„ 06½ „	„ 07 „

[1]) Статистика производств, облаг. акцизом, за 1902 г. М-во Ф., 1904 г.

[2]) См. справочные цены в „Моск. Вед." за 1859 г. №№ 15, 87, 112, 161, 170, 196, 204, 220, 274.—Хлебопекарный промысел в Москве. 1887 г.—Статистический Ежегодник гор. Москвы. Год 1-й. 1908 г. 110—111 стр.—А. Рыкачев. Цены на хлеб и на труд в С.-Петербурге. 1911 г.—К. Пажитнов. Современная дороговизна на Западе и в России. 1912 г.

Петербург.	1851—1860 г.г.	1887—1890 г.г.	1891—1900 г.г.	1901 1904 г.г.
Куль ржан. муки в 9 п.	5 р. 72 к.	7 р. 15 к.	8 р. 12 к.	8 р. 07 к.
1 ф. печен. хлеба	1,3 к.	1,8 к.	2.1 к.	2 к.

Как видно отсюда, мука и хлеб подорожали от $1^1/_2$ до 2 раз. Что касается цен на мясо, то в Петербурге пуд его в среднем за 1850—59 г.г. стоил 2 р. 67 к., в 1860—69 г.г. 3 р. 51 к., 1880—89 г.г. 4 р. 75 к.; 1890—99 г.г. 4 р. 44 к. и 1900—904 г.г. 4 р. 78 к. Повышение составляет, следовательно, около 80%.

В Москве за последние годы крепостного режима мясо первого сорта стоило около $7^1/_2$ коп. за фунт, а третьего—около 5 к.; таким образом, повышение для 1901—904 г.г. составляет от полутора до двух раз.

Что касается провинции, то она, повидимому, испытала еще более резкое вздорожание. Хотя население обеих наших столиц увеличивалось очень быстро, но относительная густота железнодорожной сети, преимущества крупного оптового рынка и налаженность коммерческих отношений позволяли им разрешать задачу снабжения его продовольствием более благоприятно, чем для многих других районов. Так, относительно Харькова сообщается, что несмотря на значительность коммерческих оборотов, на редкое изобилие в товарах южной и северной России и все прочие, казалось бы, очевидные удобства в продовольствии, жители его в середине 50-х годов не могли похвалиться дешевизной предметов первой необходимости. „Даже в ярмарочное время на все эти предметы устанавливались самые высокие цены: так, грубая мебель стоила вдвое дороже, нежели в Москве, между тем как здесь и содержание работников, и грубый материал обходились несравненно дороже; на сукно, на железные вещи, даже на сорочинское пшено и разные другие предметы, доставляемые в Москву через Харьков, набавляли против столичных цен 15 и 20%... Даже хорошая говядина попадалась редко, потому что московские и белгородские промышленники еще на сельских ярмарках скупали лучший скот для прогона во внутренние губернии. Вкусная телятина была еще реже и продавалась весьма дорого в сравнении с московскими ценами. Довольно трудно об'яснить себе это странное явление. Однако, не в том ли заключается главная причина его, что оптовые торговцы, не желая снизойти до продажи по мелочам и в рознице, к тому же не слишком уважая ограниченные средства и изящный вкус провинциальных покупщиков, мало хороших товаров оставляли в губернии, а спешили отправить скорее в Москву, где предполагали найти потребителей

более многочисленных, образованных и богатых". Цены на базарные продукты были таковы: пуд говядины первого сорта 2 р., третьего 1 р. 40 к.; четверть ржаной муки—3 р., пшеничной 2-го сорта—5 р. 50 к., пшена и гречневой крупы—по 7 р. В промежуток же времени с 1902 по 1904 г. пуд мяса стоил от 3 р. 35 к. до 3 р. 78 к., пуд средней ржаной муки 70 к., пшеничной 2 сорта 1 р. 04 к., пшена 1 р. 10 к. и гречневой крупы 1 р. 16 к. Таким образом, пшено и гречневая крупа подорожали за это время приблизительно на 50%, мука ржаная и пшеничная—на 100 и мясо на 110% [1]).

Горнозаводский Урал жил раньше замкнутой хозяйственной жизнью, но в своих пределах он заключал большое разнообразие почвенных и климатических условий: на севере земледелие было мало развито и хлеба недоставало, на юге же его было в избытке. В среднем по Пермской губернии, по данным В. Безобразова, пуд ржаной муки стоил в период с 1855 по 1860 г. 42 коп. В 1901 г. стоимость его колебалась от 59½ до 97½ коп.; в 1902 г. 81—98, в 1903 г. 70—85 и в 1904 г. 55—65 коп.; в среднем это составляет за четырехлетие 77 коп. Оптовые цены изменялись следующим образом:

	1862—70 г.г.	1871—80 г.г.	1881—90 г.г.	1891—900 г.г.	1901—904 г.г.
Четверть ржаной муки . .	5 р. 4 к.	5 р. 7 к.	6 р. 32 к.	6 р. 60 к.	6 р. 45 к.
„ ячневой крупы .	8 „ 6 „	8 „ 90 „	11 „ 39 „	— —	10 „ 15 „

Мясо вздорожало более значительно. В пятидесятых годах оно продавалось обычно от 70 к. до 1 р. или в среднем 85 к. за пуд. Между тем в 1901 г. оно стоило от 2 р. 33 к. до 2 р. 90 к., в 1902 г. 2 р. 32 к.—3 р. 52 к., в 1903 г. 2 р. 74 к.—3 р. 38 к. и в 1904 г. 2 р. 83 к.—3 р. 40 к.; в среднем за четырехлетие это составляет 2 р. 92 коп. [2]).

Таким образом, цена хлеба повысилась немного менее, чем в два раза, а мяса—почти в три с половиною раза.

В общем, следовательно, из рассмотрения означенных четырех районов выясняется, что стоимость хлеба выросла в течение изучаемого периода несколько менее, чем в два раза, а мяса—более чем вдвое (за исключением Урала, где вздорожание мяса было значительно более резким). Теперь возникает вопрос, в каком соотношении находятся между собой изме-

[1]) Д. Багалей и Д. Миллер—История города Харькова за 250 лет его существования. Том второй. 1912 г. 519—522 стр.—Г. Харьков. Справочник по городскому общественному управлению. 1913 г. 60 стр.

[2]) Архив М-ва вн. дел, земск. отд. продов. часть. Дело о справочн. ценах № 3 за 1901 г., № 9 за 1902 г., № 3 за 1903 г. и № 36 за 1904 г. О ценах при крепостном праве см. I т.

нения в заработной плате и в ценах на предметы первой необходимости: увеличился ли реальный заработок рабочего населения или нет?

Сам по себе материал о ценах на труд колоссален, но привести его в удобную для сравнения форму удается только в немногих случаях.

Наиболее заметную перемену мы находим в положении бывшего крепостного населения. Накануне эмансипации рабочие Уральских казенных заводов получали в зависимости от разряда 4, 5 и 7 копеек в день. Если присоединить сюда еще стоимость хлебного пайка (6 пудов ржаной муки для семейных в месяц, считая по 40 коп. за пуд), то это составит около 8 коп. в день. Таким образом, поденный заработок колебался от 12 до 15 коп. Между тем к концу изучаемого периода он составлял уже от 50 до 60 коп. Таким образом, несмотря на неблагоприятные условия Урала, где промышленность развивалась туго и население отличалось малой подвижностью, экономическое положение его, несомненно, стало в общем значительно лучшим, чем оно было пятьдесят лет тому назад.

На Алтайских заводах и промыслах, принадлежавших Кабинету, движение годовой заработной платы представляется в следующем виде: [1])

	С 1849 г.	С 1864 г.	С 1889 г.
Плавильщики . .	41 р.	84—100 р.	125—200 р.
Машинисты . . .	38 „	96 р.	100—200 „
Рабочие при печах и горнах	35 „	70— 80 „	138 р.
Горные рабочие .	35—37½ р.	80—150 „	100—200 „
Плотники	35—39 „	60— 90 „	84—184 „
Кузнецы	39—47 „	100—200 „	150—250 „
Шлаковозы и рудоразборщики (подростки)	12—14½ „	50— 70 „	60—100 „

Как видно отсюда, оплата труда по сравнению с крепостным периодом в общем выросла почти в 4 раза, а для подростков—даже более (от 5 до 6 раз). При этом наиболее резкое повышение приходится на начало шестидесятых годов, когда прекращались обязательные отношения мастеровых к заводам; последующий же рост определяется, главным образом, подъемом цен на предметы первой необходимости.

---

[1]) П. Голубев—Ликвидация горнозав. дела на Алтае. Русское Богатство, № 11 за 1892 г.—При крепостном праве заработная плата слагалась из стоимости хлебного пайка (6 пуд. муки в месяц семейному и 2 п.—одинокому рабочему) и денежной выдачи от 6 до 12 р. в год.

По отношению к остальному населению разница представляется менее значительной, ибо вольнонаемные рабочие уже и при крепостном режиме получали в главных промышленных районах более высокую плату.

Нижеследующая таблица рисует движение цен на труд в Петербурге.

	1853–60 г.г.	1861—70 г.г.	1871–80 г.г.	1881–90 г.г.	1891–900 г.г.	1901–904 г.г.
Слесаря	113	104	107	127	145	172
Столяры	93	102	105	121	140	180
Каменьщики	91	99	102	110	129	134
Маляры	87	92	96	109	135	141
Плотники	82	88	101	110	124	138
Штукатуры . . .	80	93	94	116	143	150
Чернорабочие . . .	52	68	69	70	78	96
Средняя . . .	85	92	97	109	128	144

Как видно отсюда, средняя плата для указанных семи профессий повысилась в течение сорока пяти лет с 85 коп. до 1 р. 44 к., т.-е. на 70%. Так как цены на муку поднялись за это время на 41% и на мясо—на 80%, то выходит, что движение заработной платы не отставало в общем от вздорожания жизни, а несколько даже обгоняло его [1]).

Что касается данных всероссийского масштаба, то за более или менее значительный промежуток времени они имеются лишь для железнодорожных служащих и рабочих, соответственные материалы о которых стали разрабатываться министерством путей сообщения с 1883 г. Движение годовой платы представляется здесь в следующем виде: [2])

[1]) А. Рыкачев, l. c. 4—7 стр.
[2]) Статистическ. Сборники М-ва Путей Сообщения. Вып. 10, 46 и 85.

Годы.	Постоянные служащие и рабочие.	Поденные рабочие.
1883	348,9 руб.	237,7 руб.
1884	356 0 „	250,0 „
1885	362,7 „	257,1 „
1886	366,1 „	246,8 „
1887	371,1 „	248,4 „
1888	367,4 „	236,1 „
1889	368,1 „	241,0 „
1890	370,4 „	248,8 „
1891	379,1 „	242,4 „
1892	376,2 „	237,2 „
1893	375,2 „	234,3 „
1894	377,6 „	222,6 „
1895	379,4 „	238,4 „
1896	381,3 „	233,4 „
1897	386,2 „	233,7 „
1898	390,0 „	243,3 „
1899	391,4 „	236,0 „
1900	400,5 „	242,3 „
1901	398,6 „	239,7 „
1902	413,8 „	241,7 „
1903	416,0 „	246,5 „
1904	415,7 „	245,3 „

Как видно отсюда, заработная плата поденных рабочих, число которых увеличилось с 61.008 человек в 1883 году до 237.171 челов. в 1904 г., не выросла за это время или даже несколько уменьшилась. Об'ясняется это вероятно тем, что железнодорожные линии чем далее, тем больше стали прорезывать глухие местности страны, где труд поденщиков был дешевле. Вознаграждение же постоянных рабочих и служащих, число которых выросло с 150.090 до 339.478 челов., обнаруживает неуклонную тенденцию к повышению и в трехлетие с 1902 по 1904 г. составляло в среднем 415 р. в год против 356 р. для 1883—5 г.г. или почти на 17% больше.

Индексов роста цен на предметы первой необходимости во всероссийском же масштабе за данный период не имеется [1]. Но если исходить от цен московского района, которые в виду его центрального положения можно считать близко подходящими к средним, то мы должны будем прийти к заключению о некотором увеличении реального заработка железнодорожников.

Все материалы говорят, таким образом, о более или менее значительном росте цен на труд в течение изучаемого периода, и можно считать, что это повышение носило не только

[1]) Правда, с 1890 г. у нас публикуются официальные „Своды товарных цен на главных русских и иностранных рынках", но случайный подбор продуктов и незначительность пунктов учета лишают выводимые в них средние серьезного научного значения.

номинальный, но в общем и реальный характер. Уничтожение обязательных отношений, облегчение передвижения и соприкосновение с городской цивилизацией содействовали несомненно пробуждению личности в рабочем, расширению его запросов и потребностей и дали возможность ему путем перехода с одного места на другое или коллективных выступлений добиться условий труда лучших, чем те, с которыми мы познакомились в первом томе. Уже в шестидесятых годах П. Флеровский неоднократно останавливается в своих очерках на росте потребностей среди населения промышленных губерний.

„Потребность обстанавливать себя сколько-нибудь порядочным образом—такая сильная потребность в русском рабочем, что делать для него слишком затруднительным ее удовлетворение—варварство и бесчеловечие. Потребность эта в высшей степени законная, это лучший залог будущего нашего прогресса и благосостояния... Ради этой потребности он с жадностью кидается на всякую работу, позволяет алчному капиталисту делать с собой все, что только тот желает, во вред его здоровью и благополучию. ... Ловкость и изворотливость отличает всех работников промышленных губерний, не исключая таких, как, напр., Калужская. Всякий здесь старается прикрыть свои лохмотья наружным видом благосостояния, ради избы с резными украшениями и красивого наряда он готов попадать в самые тяжелые положения... В то время как крестьянин северной и восточной России часть года апатично сидит без работы, не имея даже надежды ее приобрести, работник в промышленной России никогда не бывает спокоен“[1])...

Относительно столиц, где раньше и сильнее всего прививались новые потребности и вкусы, мы уже говорили, что борьба со стремлением „к роскоши“ среди фабричных занимала Московского генерал-губернатора еще в конце крепостной эпохи. Повышение заработка прежде всего шло, можно думать, на улучшение продовольствия и одежды. Наем с хозяйским содержанием, который широко практиковался в конце старого и начале нового периода, теперь стал решительно выходить из употребления, и в этом можно видеть благоприятный симптом; ибо переход от натурального снабжения к денежному давал возможность лучше приспособлять последнее к индивидуальным потребностям. С ликвидацией крепостных отношений прекратилась выдача хлебного пайка на горных заводах Урала, Алтая и других районов. На Юге России

[1]) Положение рабочего класса в России. 1869 г. 357,362 стр.

в начале шестидесятых годов встречался наем на хозяйских харчах, но в обследовании Екатеринославского земства половины 80-х годов господствующей формой является уже самоснабжение. В конце девяностых годов совершился переход от хозяйского содержания к собственному на золотых приисках Сибири. Пока размер продовольствия определялся усмотрением хозяина, старый обычай продолжал еще держаться. Но когда горнозаводские присутствия на основании предоставленного им права начали регулировать это дело, промышленники поспешили перейти к выдаче харчевых денег рабочим на руки [1]).

Что касается обрабатывающей промышленности, то санитарное обследование Московской губ. восьмидесятых годов отмечает, что в семидесятых годах и ранее обычно харчи отпускались рабочим хозяевами; но вследствие возникавших нередко недоразумений многие хозяева затем прекратили этот обычай. В описании цементного акционерного завода в Подольском у. вскрываются между прочим следующие обстоятельства.

По названному заводу, до конца 1880 г. все рабочие были на хозяйских харчах но вследствие жалоб рабочих администрация завода вынуждена была перевести их на свое продовольствие. „Жалобы эти были совершенно основательны; они состояли в том, что несущие более тяжелый труд находили заводскую пищу для себя недостаточною; наоборот рабочие, несущие менее тяжелую работу и ео ipso получающие меньшую заработную плату, сообразно которой они везде ведут и свои харчи, находили ее, всем одинаковую, для себя слишком дорогой. [2])

Техническая дифференциация фабричного труда приводила к образованию в рабочей массе отдельных групп, более или менее значительно отличающихся по высоте заработной платы и своим потребностям, а это неизбежно вело к отмене обыкновения держать рабочих на хозяйском содержании. Только в предприятиях мелких или ремесленного типа последнее продолжало еще сохраняться.

[1]) Томским присутствием была выработана в 1896 г. следующая норма довольствия: ржаной муки 1½ пуда в месяц, пшена 20 ф., крупы 10 ф., масла коровьего 1 ф. и столько же топленого сала, соли 3 ф., чаю ¼ кирпича и мяса свежего или соленого с 1 окт. по 1 апреля по 1¼ ф., а в остальное время—по 1½ ф. на день и капусты квашеной с декабря по май по ½ ф. в день. Подобные же нормы были установлены Иркутским Присутствием для приисков Восточной Сибири. „Вестник Финансов", № 27 за 1909 г.

[2]) И. Козьминых-Ланин. Артельное харчевание фабричных рабочих Московской губ. 1915 г. 3 стр.

Благодаря повышению заработка промышленный рабочий стал также по одежде и другим чертам своего быта все более и более выделяться из той крестьянской массы, откуда он выходил, и приобретать отпечаток особого социального класса.

Описывая промышленное село Катуники Нижегородской губ., автор исследования отмечает, что некоторая щеголеватость в домашней обстановке, в костюме, в манерах, разгульный в большинстве случаев образ жизни и малая забота о завтрашнем дне, смелая, подчас витиеватая речь, некоторая гордость перед деревенским мужичьем составляют общие у них черты со всем фабричным русским людом[1]).

„Проезжая по любой нашей железной дороге и окидывая взглядом публику на станциях,—говорил пятнадцать лет спустя инж. Голгофский на торгово-промышленном с'езде 1896 г.[2])—на многих из этих последних невольно обращает на себя наше внимание группа людей, выделяющихся из общей станционной публики и носящих на себе какой-то особый отпечаток. Это люди, одетые на свой особый лад: брюки по европейски, рубашки цветные на выпуск, поверх рубашки жилетка и неизменный пиджак; на голове суконная фуражка; затем, это люди по большей части тощие, со слабо развитою грудью, с бескровным цветом лица, с нервно бегающими глазами, с беспечно-проническим на все взглядом и манерами людей, которым море по колено и нраву которых не препятствуй... Незнакомые с окрестностью места и не зная его этнографии, вы безошибочно заключите, что здесь вблизи есть фабрика. И где бы вы ни путешествовали по нашей необ'ятной России, везде, где существует фабрика, вы встретите один и тот же тип людей—тип фабричного рабочего. Он, этот фабричный рабочий, так сформировался и обособился в среде других классов населения России, что вы сразу узнаете его между сотнями и тысячами людей, вы узнаете его на севере и западе, на юге и востоке России".

Сокращение рабочего дня, достигнутое в конце изучаемого периода, и распространение образования в свою очередь еще более содействовали росту потребностей и вместе с тем обострению чувства недовольства настоящим положением. Ибо, благодаря тем преградам, которые самодержавие воздвигло на пути коллективных выступлений и стремления к организации рабочих масс, завоевания в области улучшения материального положения за исключением разве некоторых категорий квали-

[1]) Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности Вып. IX.

[2]) Труды Всероссийского Торгово-промышлен. С'езда. 1896 г. Вып. V.

фицированного труда, составляющих, так сказать, рабочую аристократию, были в общем очень скромны. В сравнении с крепостной эпохой нравы смягчились, конечно, и уровень жизни рабочего стал несколько выше; но если некоторые рьяные публицисты стали говорить о превосходстве его положения перед западно-европейским, то это было уже или явное невежество, или низкое угодничество, принесшие только большой вред тому классу, для которого это делалось. Так как материалы, необходимые для детального обсуждения данного вопроса, относятся преимущественно к периоду после 1905 г., то мы остановимся на нем в третьем томе.

ГЛАВА VI.

Жилищные условия.

Жилищный вопрос наименее острым является на Урале; здесь он, в сущности, не составляет вопроса, так как рабочий класс состоит из местных жителей, обладающих усадебной оседлостью. Согласно Положению 8 марта 1861 г., принадлежащие горнозаводским людям усадьбы, т.-е. строения, с усадебной землей под оными, равно под огородами, садами, конопляниками и др. подобными угодьями, а также с правом общего пользования водопоем и необходимым выгоном, оставляются нынешним домохозяевам безвозмездно в собственность, хотя бы строения возведены были при пособии от казны лесом или денежною ссудою.

Что касается частных заводов, то принадлежавшие мастеровым, имевшим там при крепостном праве оседлость, усадьбы оставлялись за ними в постоянное пользование, при чем если заводовладелец не предоставлял их безвозмездно, то мог взимать денежное вознаграждение из расчета по 6 р. с десятины в год[1]). В общем таким образом рабочее население размещалось здесь в жилищах, принадлежащих им самим. Это не относится только к золотопромышленным рабочим, которые как на Урале, так и в Сибири поставлены в этом отношении, пожалуй, в наиболее скверные условия. Золотые прииски находятся у нас вдали от населенных пунктов, работы на них производятся не круглый год, и состав рабочих на каждом отдельном прииске меняется чуть не ежегодно. Таким образом, на золотых приисках нет ни оседлого местного рабочего населения, ни

[1]) 2-е Полное Собр. Законов, № 36667 и № 36719.

частных квартир, которыми могли бы пользоваться рабочие, и им поневоле приходится довольствоваться теми жилищами, которые строятся предпринимателями. А русские золотопромышленники о требованиях гигиены и санитарии имеют очень смутное понятие, и что они настроили—об этом свидетельствуют приводимые ниже данные.

Еще в 1870 годах д-р Португалов оставил нам описание золотых приисков на речке Салде (Урал), где их расположено очень много. Работы производятся здесь в пустынной глуши, в самой болотистой, лесной местности. Пребывание рабочих тут временное, а потому устраивается лишь временное помещение для них. „Казармы большею частью низки, тесны, грязны и душны. В одной казарме, в 14 сажен длиною, 3 саж. шир. и 1 саж. вышиною, помещается 40 чел., которые лежат в ней буквально как сельди в боченке“ [1]).

„Зимой казармы переполняются до невероятной степени тесноты“—говорится 20 слишком лет спустя в записке лесничего Дергента „О санитарных условиях труда и жизни рабочих Нижне-туринской дачи Гороблагодатского округа“. Это об'ясняется отчасти условиями самого золотопромышленного дела, но, главным образом, конечно, инстинктами эксплоататорской бережливости золотопромышленников. Так, при начале работ на новом прииске (большею частью поздней осенью и зимой) наскоро заводятся жилые постройки, возможно более минимальных размеров. По мере расширения работ и возрастания числа рабочих строятся новые казармы уже вследствие почти физической невозможности вместить в прежних лачужках весь работающий люд.

„Строятся помещения преимущественно из тонкомерных бревен, даже в 3 вершка толщиною; зато при 30° и более холода такая стена не доставляет много защиты“ [2]). Потолок обыкновенно отсутствует, дверь открывается прямо на двор, и для борьбы со страшным холодом беспрестанно нагреваются до красного каления железные печки. Пространства на человека полагается достаточным в 1 аршин, так что, принимая среднюю высоту казармы в 1 саж., а ширину в 3 сажени, на человека приходится ½ кубич. саж. воздуха! „С наступлением ночи казарма быстро наполняется прозябшими и промокшими рабочими; в печках усиливается огонь; на гвоздях, жердях и веревках, вокруг печек и близ них развешивается мокрая одежда, саноги, онучи. Вследствие высокой темпера-

[1]) Архив судебной медицины и обществ. гигиены. Кн. 4 за 1870 г.
[2]) Горный Журнал, февраль 1892 г.

туры верхних слоев воздуха (разница с температурою на полу достигает до 20°) от сушащихся вещей поднимается густой пар и вместе с тем нестерпимый едкий запах прелого пота. Если прибавить к этому густой дым обильно раскуриваемой махорки, запах керосина от коптящих лампочек, гари от раскаленных железных печей, да еще совершенно специфический „татарский" запах, то получается до того невыносимая атмосфера, что вполне здоровый, но непривычный человек с трудом переносит ее в течение лишь нескольких минут, после чего чувствуется головная боль, стук в висках, тошнота... О морально разлагающих условиях казарменной скученности людей, где теснятся вперемежку оба пола, можно легко судить и без фактических данных".

На приисках Мариинского и Алтайского округов Томской губернии рабочие помещались в „казармах длиною и шириною от 8 до 10 арш., с нарами кругом стен, с чрезвычайно узкими окошечками и, конечно, без всякой вентиляции. При этом полы никогда не моются, накапливается толстый слой грязи, а с нею появляется бесчисленное множество насекомых" [1]). На приске Королева мариинский окружной врач нашел в 1883 г., что, не говоря уже о грязи в рабочих помещениях, в них на каждого человека не приходится даже и ½ куб. саж. воздуха! В Енисейском округе—то же самое. Даже с точки зрения горного исправника Лукьянова, наблюдения которого относятся к середине семидесятых годов, оказывается, что помещения для рабочих „лишь на немногих приисках удовлетворяют потребностям, а большею частью состоят из тех остатков, которые выстроены еще до обеднения тайги золотом и только кое-как поддерживаются". В отчете окружного инженера северной части Енисейского округа за 1888 г. говорится, что помещения для рабочих „устроены в высшей степени плохо. Не говоря уже о том, что в общей казарме, не разделенной даже перегородкою, помещаются мужчины, женщины, дети... они тесны, отапливаются железными печами, у которых рабочие сушат промокшую обувь и одежду, не проветриваются и содержатся крайне грязно, короче—помещения эти невозможны и в гигиеническом отношении". Точно так же в отчете окружного инженера Южно-Енисейского округа за этот же год прямо указывается, что казармы, где помещаются рабочие, за немногими исключениями, устроены крайне неудовлетворительно как по несоответствующему коли-

[1]) Сибирская газета, № 20 за 1882 г.

честву заключающегося в них воздуха сравнительно с числом людей, так и в отношении опрятности. „На некоторых промыслах казарменные здания по своей ветхости не отвечали своему назначению, доставляя рабочим в дождливое время даровые души".

Относительно Олекминского округа горный исправник в донесении генерал-губернатору Восточной Сибири в 1872 году сообщает, что большая часть казарм не отличается опрятностью. На некоторых приисках казармы старой постройки до того низки, что приходилось стоять, наклонив голову; другие же хотя и недавно выстроены, но с нарами в 2 яруса, и в них, особенно наверху, в ночное время воздух удушливый. Окна отчасти стеклянные, отчасти слюдяные, а есть и обтянутые коленкором, как, напр., на приисках миллионера Базанова... Ряд других официальных свидетельств за 80-е годы показывает, что улучшений в этой области не было заметно. Личные наблюдения В. И. Семевского во время поездки 1891 г. на Витимскую и Олекминскую системы привели его относительно жилищ большинства рабочих к неблагоприятным выводам. Все старые казармы были в высшей степени неудовлетворительны, не исключая и казарм на главном стану таких богатых компаний, как К° Промышленности и Прибрежно-Витемская. Новые казармы выше и лучше, но это только отдельные попытки, также не вполне удовлетворительные (хотя бы, напр., по отсутствию особых помещений для сушки одежды); огромное же большинство казарм по тесноте помещения, по размещению вместе холостых и женатых, по грязи и обилию клопов и других насекомых представляли весьма печальное зрелище. Никакого освещения в казармах не полагалось, поэтому желающие иметь вечером освещение должны были сами покупать свечи [1])...

Относительно помещения для рабочего люда на нефтяных промыслах и заводах в отчете горного департамента за 1893 г. говорится: почти все рабочие, за исключением местных жителей, живут в помещениях (казармах), даваемых им нефтепромышленными фирмами, и хотя вследствие холеры предшествовавшего года и целого ряда протоколов санитарных комиссий землянки, нередко служившие до того жильем для рабочих, почти вышли из употребления, но все-таки и ныне существующие казармы мало удовлетворяют своему назначению. Света в них почти всегда очень мало, вентиляции никакой, они сплошь заставлены нарами, на которых вповалку спят

[1]) Рабочие на сибирских золотых приисках, т. 2, стр. 367.

рабочие; отопление почти во всех казармах нефтяное, производящее вследствие первобытного устройства печей грязь и угар и грозящее постоянно пожаром, не говоря уже о той копоти, которую подобные печи выделяют из труб. Есть и такие фирмы, которые, в видах экономии, держат казарму на половинное количество своих рабочих, которые в таких случаях отдыхают в них посменно... Л. Бертенсон, командированный в Баку в конце 1896 г., замечает, что эта общая характеристика остается верной „и по сейчас"; можно еще добавить что сплошь и рядом в казармах, предназначенных для спанья, приготовляется кушанье и печется хлеб; кроме того встречаются помещения, в которых холостые рабочие живут бок-о-бок с женатыми; вследствие грязи, потому что прислуги для уборки помещений почти нигде нет, они представляются в отвратительном виде.

Помещений, которые могли бы назваться удовлетворительными в полном смысле этого слова, вовсе нет; таких же, которые, при тех или других недостатках, в общем не дурны—весьма не много: некоторые казармы т-ва бр. Нобель, Каспийско-Черноморского о-ва, т-ва Бенкендорф и К° и Шибаева. ...Помещений, не выдерживающих и самой снисходительной критики,—огромное большинство [1]). На Балаханской площади—в помещениях 6 промыслов отмечено всего лишь 0,5 куб. саж. воздуха на человека! На Сабунчинской площади „много имеется казарм с таким минимумом, что приходится удивляться, как в них могут жить люди; к этой категории принадлежат казармы на промыслах: Мнацаканова, Аллавердова, Туманьянца (0,25—0,4 куб. саж.), бр. Мирзоевых, Манташева" и целый ряд других. К тому же „все эти казармы темны и содержатся до-нельзя неряшливо". На Биби-Эйбатской площади у Тагиева большинство помещений содержат до 0,5 куб. саж. воздуха. Это—на промыслах; что же касается заводов, то большинство владельцев дает квартиры только холостым рабочим, предоставляя семейным людям нанимать помещение где либо на стороне, на свой счет, или отпуская на это в виде прибавки к жалованью от 2 до 5 р. в мес. Некоторые же заводовладельцы даже и холостым не дают у себя помещения, а есть заводы, на которых, кроме приказчиков и машинистов, никто из рабочих не живет. По словам представителя горной инспекции, „имеющиеся при заводах жилые помещения для рабочих почти все без исключе-

[1]) Л. Бертенсон—Бакинские нефтяные промыслы и заводы в санитарно-врачебном отношении. 1897 г., 17 стр.

ния не соответствуют элементарным требованиям гигиены и понятиям об удобствах жизни". Кроме того что они тесны, содержатся в высшей степени неряшливо (огромное большинство казарм, по словам Бертенсона, остаются по годам нечищенными),—нередко помещения для рабочих находятся в таком близком расстоянии от заводских перегонных приборов или открытых резервуаров с нефтяными отбросами, что удушливые и вредные пары или зловонные газы легко проникают в них.

Нет нужды добавлять, что настоящих ассенизационных учреждений на промыслах нет, а потому улица служит местом свалки нечистот, и первобытного устройства отхожие места, содержащиеся в крайне неряшливом виде, до-нельзя переполняются[1]). Еще хуже приходится тем рабочим, которые не получают квартир от заводовладельцев, а принуждены нанимать их на стороне. Так называемые частные квартиры во всех отношениях плохи: крохотные комнаты, до-нельзя переполненные жильцами, темные, сырые и необыкновенно грязные: отхожие места и выгребные ямы при них крайне запущены; при этом наемная плата чрезвычайно высока: за комнату с кухней от 4 до 8 р. в месяц. „В наихудшем виде, говорит губернский механик Абрамович, представляются наемные помещения Черного городка, которыми вынуждена пользоваться добрая половина работающих на нефтяных заводах людей. Помещения эти не только не дают никаких удобств для нанимателей, но еще сплошь и рядом представляют собою такие лачуги, в которых может заставить жить только крайняя и безвыходная нужда. Помимо тесноты, обусловливаемой наймом одной комнаты двумя, а иногда и тремя семьями, из коих во многих еще имеются нахлебники, большинство помещений сыры, темны и в высшей степени загрязнены. Плата за худшие комнаты 3—5 р. в месяц, а лучшие отдаются от 6 до 10 р. в месяц".

Что все это не являлось тайной для г.г. бакинских миллионеров и что относительно безобразия жилищных условий не могло быть двух мнений даже у самых предпринимателей—об этом свидетельствует доклад нефтепромышленника Бенкендорфа на XIII с'езде в Баку. „Без ужаса и содрогания, говорится там, нельзя пройти мимо рабочих казарм. Рабочие, все в засаленных, закопченных лохмотьях, покрытые толстым слоем

[1]) Один из владельцев нефтегонных заводов, которому надоели преследования полиции за неопрятное содержание отхожих мест и расходы по очистке последних—вовсе упразднил их и после того уж нанимал рабочих с условием, чтобы они не требовали этих служб и отправляли свои естественные надобности, где им заблагорассудится!

копоти и пыли, кишат, как пчелы, в своих необычайно грязных и тесных помещениях. Отвратительная вонь ударит вам в нос, как только вы попробуете подойти близко к окну". Такое жалкое существование влачат почти 40.000 трудящегося люда, мужчин, женщин и детей. Бенкендорфом исследовано 1.437 квартир, в которых помещается 11.365 человек. По закону требуется, чтобы отношение световой поверхности к поверхности пола было в казармах не менее 1 : 5, а в квартирах—1 : 6. А между тем, в осмотренных квартирах это отношение нигде не соблюдается. В 40 помещениях это отношение равняется 1 : 20, в 40—1 : 15, в 28—1 : 12, в 38—1 : 10, в 37—1 : 8.

Кроме того, из осмотренных помещений (квартир) 17 подвалов оказалось совершенно без окон, при чем нелишне заметить, что часть этих подвалов принадлежит самим нефтепромышленникам...

Но, бесспорно, первое место по безобразию и зловредности жилищных условий занимает Юг России—нынешний центр нашей каменноугольной и железоделательной промышленности. Как обнаружили земские статистические исследования, рабочие даже еще в середине восьмидесятых годов обычно жили здесь в землянках, ими же самими вырытых. С поверхности этих жилищ и не видно, так как они покрыты землею же. „Размеры, воздух, нечистота таких помещений поистине ужасны, даже летом. На Голубовском руднике, в землянке в 10 саж. длиною и 9 арш. шириною, летом помещается 18 человек; в той же землянке, по словам рабочих, зимою бывает до 60 человек". Есть землянки гораздо меньше описанной. Окон или совсем не полагается, или, если они имеются, то не более $1^1/_2$ четвертей величиною. В самый яркий летний день в этих помещениях царит полумрак; в них едва можно писать, да и то лишь у самого окна. Во время дождей внутренние стены протекают, воздух постоянно сырой, с запахом гнили. Просидевши в таком помещении один час, выходишь из него почти одурелый, с головной болью. Это в Славяносербском уезде, но то же самое и в других местах, а именно в Бахмутском уезде и в Мпусском округе Донской области. Жилища здешних рабочих—землянки, два—три „балагана" для помещения артелей, вводят в заблуждение подезжающих к шахтам,—так говорится про Семеновские и Александровские шахты Новороссийского О-ва. С первого взгляда можно подумать, что здесь работы производятся в ничтожных размерах, потому что жилищ для рабочих виднеется очень мало; но заблуждение скоро обнаруживается: оказывается, что

в шахтах постоянно работает 100—150 человек. Едва заметные возвышения над поверхностью земли вокруг шахты указывают на жилища рабочих... Дверь низка, пройти в нее можно только согнувшись... Пол земляной, потолка нет, его заменяет крыша подземелья на стропилах; кровати попадаются как исключение... Сквозь крышу и стену проникают в подземелье сырость и влага, и от всего этого в жилище постоянно, даже летом, воздух затхлый и гнилой. Крошечные окошечки с нечисто содержимыми стеклами пропускают внутрь жилища тусклый полусвет. Таким образом, рабочие, задыхаясь в спертой и тяжелой атмосфере подземных галлерей во время своих ночных и дневных работ и портя зрение при тусклом мерцании чадящей масляной лампы, лишены возможности пользоваться достаточным светом и чистым свежим воздухом даже во время своего отдыха[1]).

Посещая для опросов землянки в Корсунском руднике, земские статистики не могли, по их собственным словам, пробыть в них более 2—3 минут—до того неприятен и тяжел в них воздух даже при открытых дверях, но в этой смрадной обстановке живут не только взрослые, но и дети. Нередко приходилось в землянках заставать бедных женщин, кое-как покрытых грязными лохмотьями, сидящих на голом земляном полу с штопаньем в руках, с грудным ребенком, валяющимся около, на куче нечистого вонючего рванья, и окруженных другими детьми, чумазыми, корявыми и полунагими малютками, высохшими, как спички, с сине-бледными, до-нельзя болезненными личиками... В одной такой землянке в углу лежал больной мальчик, едва было оправившийся от оспы, но снова заболевший горячкой. Тут же кругом ходили и кудахтали куры и хрюкали поросята.

Очень печальную картину представляют также жилища для рабочего населения в местечке Юзовке, где расположен известный завод Юза. Заводские сооружения окружены принадлежащими заводу жилыми домами—„балаганами“ и „каютами“. Служащие—англичане живут в домах, в „балаганах“ помещаются служащие из русских и рабочие, а в „каютах“—исключительно рабочие. Балаганы представляют из себя довольно длинные здания с несколькими жилыми отделениями, большими и малыми; но внутри их грязно и они до тесноты наполнены жильцами. Каюты лепятся по окраинам, по берегу реки Кальмиуса и вообще в отдалении; это—просто землянки, низкие, невзрачные; есть из них такие, что сразу их и не

[1]) Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ. за 1886 г. Т. II и III.

заметишь,—так не велико возвышение над поверхностью земли, представляемое их крышами, состоящими из земли и мусора. Проникнуть в „каюту“ можно только спустившись в землю по нескольким ступеням земляной лестницы; каюты темны и тесны, воздух в них сырой, затхлый и удушливый; вообще обстановка этого жилья вполне антигигиенична, а между тем в них нередко живут семейные рабочие с грудными детьми...

Благодаря невозможным условиям работы и отдыха, углекоп представляет из себя изможденную, малосильную фигуру с болезненно-бледным цветом лица и плохим зрением.

Даже спустя 10 лет после обследования земских статистиков Е. Рогозин мог еще наблюдать подобные помещения—„нечто в роде звериных логовищ, в которые войти было не только нравственно тяжело, но даже страшно“[1])... Правда, чтобы рассеять тяжелое впечатление, благонамеренный автор предусмотрительно добавлял, что эти дома имеют в настоящее время лишь историческое значение, но мы должны поправить его: они не исчезли еще совсем и к концу рассматриваемого периода.

Балаганы, бараки, мазанки, каютки и др. постройки—говорится в отчете старшего фабричного инспектора Екатеринославской губ.,—возведенные вопреки существующему обязательному постановлению без фундаментов, полов и потолков, чрезвычайно холодные и сырые, строго говоря, не должны отводиться под человеческие жилища. Лишь привычная заботливость и домовитость русских женщин обращает внутренний вид этих „каюток“ в сколько нибудь сносный“...[2]).

С изданием закона, воспрещающего постройку казарм-землянок, число их значительно сократилось. Но и теперь еще кое-где на отдаленных рудниках, куда редко проникает глаз горной инспекции, кстати сказать, далеко не всегда и не везде усердной, землянки такого типа все же существуют—так говорится в Вестнике фабричного законодательства и профессиональной гигиены, № 1 за 1905 г.

Но и то, что явилось в замену этих землянок, представляет очень печальную картину. „Обидно подмечать насмешливую улыбку у французов и бельгийцев при осмотре ими некоторых наших рабочих помещений.

Общие нары на 20—30 человек без отгородок, без определенного для каждого места, полопавшаяся плита, на кото-

---

[1]) Железо и уголь на юге России. 1895 г., 102 стр.

[2]) Аксенов—Фабрично-заводская промышленность и положение рабочих в Екатеринославской губ. в 1899—1900 г. 20 стр.

рой разливается варево и чадит, грязная лужа на земляном полу, корыто с так называемым бельем, тут же развешиваемым для сушки, скорлупа картофеля на полу, кости и помои в чане рядом, а в атмосфере—непечатная брань перемешивается с углекислотою и другими тяжелыми газами, висящими в воздухе. Такова обычная обстановка многих казарм, могущая, однако, вполне удовлетворить правилам о кубическом содержании воздуха в жилых рабочих помещениях. Очевидно, что требования, пред'являемые горными правилами и касающиеся только размеров помещения, слишком недостаточны для того, чтобы рабочие казармы представляли из себя что-нибудь более похожее на сносное человеческое жилище"[1]).

При этом еще нужно заметить, что вообще со времени холерной эпидемии 1892 г. помещения улучшились; что же, значит, было раньше? Даже на богатейшем заводе Юза выписанный для борьбы с холерой доктор-англичанин, осмотрев тогдашние помещения, нашел необходимым расселить рабочих чуть ли не вдвое большее количество помещений.

С легкой руки Б. Брандта, новейшего Пиндара крупного (иностранного) капитала, у нас распространялись и находили веру слухи о необычайном прогрессе в условиях жизни рабочих масс на юге России.—Не подлежит сомнению, что крупная капиталистическая промышленность пышно расцвела здесь; не подлежит, далее, сомнению, что всякого рода поощрительные мероприятия в виде, напр., высоких таможенных пошлин, казенных заказов с колоссальными переплатами и т. д., проводились под флагом „покровительства национальному труду", как выражалось наше М-во Финансов, но... на долю труда, т.-е. рабочего класса, приходились в действительности только гроши. Так и в отношении жилищ, за исключением высших служащих и незначительной части рабочей аристократии, дело продолжало обстоять очень печально.

При Таганрогском заводе, читаем мы в органе самих же горнопромышленников юга России, выстроено десятка два новых домиков (хорошо еще, что только „домиков", а то в иных местах так и дворцы построены), некоторые с довольно комфортабельной отделкой, предназначенных для главных служащих завода: инженеров, управляющих, техников и др. Что касается рабочих, то условия их жизни еще очень далеки от более или менее сносных...[2])

---

[1]) Горно-Заводский листок № 3 за 1899 г.

[2]) Горно-заводский Листок, № 24 за 1899 г.

На Каменском руднике Александровского горнопромышленного О-ва,—пишет корреспондент-горнорабочий,—казармы для рабочих грязны. Пол земляной, весь в ямах. Стены и потолок трудно отличить от пола. Стекла выбиты, вместо двух дверей—одна, и та разломана; сквозь окна и двери дует холодный ветер, так что под 30 октября было лишь 8° тепла, несмотря на то, что плиту ежедневно раскаляли до красна. Рабочим для отдыха нет никакого убежища: на каждого приходится по одной доске (5 вершков ширины) на нарах. Во время работ в две смены рабочие размещаются, но когда обе смены в казарме (под праздник и в праздники), то одна смена ложится на нары, а другая—на земляной пол или же от сильного холода греется около плиты, пока первая не уступит ей место. Помещения для семей рабочих еще хуже. Прежде всего все они без потолков, полы земляные, крыты землей, с единственным окошком в $^1/_2$—$^3/_4$ аршина. Затем об'ем их менее 2 куб. саж., перегородок нет... В таких домишках, „каютках", как зовут их рабочие, живут муж, жена, трое детей, да один-два столовника. И в них сплошь и рядом не хватает стекол, не притворяются двери и царит сырость[1])... Другой корреспондент сообщает о санитарном состоянии рудника Рутченковского Т-ва, в 5 верстах от Юзовки, следующее: казармы грязны, попадаются земляники. Клозетов сделано очень мало, да и те не разгорожены и помещены так, что пьяные сваливаются в ямы. Хотя казармы расположены в 60 саж. от них, но при малейшем ветре выйти из казармы невозможно: так и разит.

На Кальмиусо-Богодуховской копи кроме общих казарм имеются и отдельные семейные домики: их выстроено до 100. Об'ем каждого из них—4,75 куб. саж., а если исключить печь и мебель, то—4,5 куб. саж. Живущие в них распределяются таким образом, что лишь 216 человек, или 24% общего числа, пользуются нормальным количеством воздуха; остальные же 663 человека так скучены, что количество воздуха, приходящееся на каждого, ниже минимального количества, требуемого гигиеной; в четырех из них с населением в 40 человек об'ем воздуха, приходящегося на каждого жильца—0,45 куб. саж., т.-е. почти в $3^1/_2$ раза меньше нормального! На руднике О-ва Успенского бассейна еще хуже. Здесь имеется довольно большое количество домиков, сделанных в одну доску и обмазанных глиной настолько, что толщина стен равняется всего лишь 8 сантиметрам. Об'ем домиков, если исключить печь и

[1]) Вестник фабричного законодательства. № 1 за 1905 г.

мебель,—4,75 куб. саж. И в таком помещении жило от 10 до 15 и даже 18 человек, так что на каждого приходилось от 0,47 до 0,31 куб. саж. воздуха, вместо нормы в 1,5 куб. саж., и от 0,59 до 0,32 кв. саж. пола. Нужно прибавить, что полы в этих домиках глиняные, дающие массу пыли, и что натопить такой домик во время сильных морозов почти невозможно, ибо помимо тонких, легко продуваемых стен, очень часто ни двери, ни окна плотно не притворяются.

Условия жизни у холостых рабочих, живущих в общих казармах, в отношении воздуха несколько лучше,—$^2/_3$ из них пользуются достаточным количеством, но зато грязь в таких казармах страшная, и кроме того нет ни сушилок, ни отдельной кухни, и сплошь и рядом мокрые одежды и белье сушатся непосредственно в жилом помещении, заражая воздух испарениями.

На железных рудниках Кривого Рога лишь на 3—4 имеются хорошие казармы, остальные же очень плохи. „Если уж нужна средняя характеристика, то она, наверное, будет ниже среднего, так как сырость, теснота, грязь и громадное количество насекомых—черты, характеризующие главную массу рабочих жилищ на рудниках Кривого Рога“ [1]).

Относительно центрального района, т.-е. Замосковного края, нужно заметить, что заводскими работами здесь занималось горнозаводское население старинных местных заводов, которого пока с избытком хватает и на все, вновь возникающие в последнее время горные заводы; на рудничных же работах принимают участие почти исключительно местные крестьяне и только на некоторые каменоломни приглашаются рабочие из других губерний. Местные рабочие живут в собственных домах, а пришлые—в заводских казармах. Однако, особые жилые дома для пришлых рабочих имеются далеко не на всех заводах и промыслах, так что рабочим приходится или ютиться по окрестным деревням, где, конечно, живут в самых негигиенических условиях, или—при отдаленности деревень—помещаться в самодельных домах, как, напр., на Ваксунском заводе, где в зимнее время они сами устраивают, так называемые, „балаганы“,—нечто в роде пресловутых „каюток“. „Балаган“, или полуземлянка, представляет собою вырытое в земле на аршин углубление, над которым находится бревенчатый сруб и крыша, покрытая дерном; потолка нет, да и окна устраиваются редко.

По середине балагана—очаг с дымовой трубой в крыше. Подобные помещения темны, дымны и тесны. Если подобные

[1]) Известия Горных Инженеров. № 4 за 1900 г.

самодельные помещения чудовищны по своей антигигиеничности, то и весьма немногие заводские казармы и квартирные дома могут похвалиться хорошими гигиеническими условиями: в очень многих помещениях кубическое содержание воздуха не превышает 1/2 саж., в некоторых оно менее того, и нет, кажется, ни одного такого, которое имело бы 1 1/2 куб. саж. воздуха на человека, как это требуется обязательными постановлениями. „Скученность рабочих в жилых помещениях бросается в глаза не только на малых заводах и бедных промыслах, но и на крупных и богатых“ [1]). Примером может служить Брянский рельсопрокатный и механический завод, имеющий многомиллионные обороты. Относительно помещений для рабочих на этом заводе горн. инж. Иордан сообщает, что, осмотрев их в 1892 г., он нашел их совершенно неудовлетворительными в гигиеническом и санитарном отношении. Помещения устроены по нескольким типам: для одного семейства, для двух и для артелей рабочих. Все они отличаются друг от друга только размерами; условие же жизни всюду одинаковы и, в громадном большинстве случаев, не только не привлекательны, но и безусловно вредны.

В семейных квартирах еще поддерживается кое-какая чистота и опрятность; в казармах же для артелей рабочих тщетно было бы искать того и другого. „Эти помещения, без всякого преувеличения, можно лишь сравнивать с помещениями для домашнего скота: до такой степени они своим неопрятным видом и грязью мало напоминают жилье людей. Даже летом, когда окна и двери настежь открыты, воздух в них сперт и удушлив; по стенам, нарам, скамьям видны следы слизи и плесени, а полы едва заметны от налипшей на них грязи“.

Года 2 спустя несколько ветхих, уже совершенно негодных казарм было сломано и вместо них возведены новые каменные корпуса под семейные и артельные помещения; но и новые дома, хотя и заключают в себе помещение с довольно высокими и светлыми комнатами, до крайности переполнены: в некоторых квартирах вместо одной семьи живут по две, и вместо 4—5 человек—10 и больше.

Артельные дома представляют собою старые, в полном смысле слова, отвратительные помещения, с нарами в 2 яруса, с кухней тут же, служащие для спанья рабочих и для еды; они тесны и грязны...

[1]) См. Л. Бертенсон—Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Замосковных и Средне-Волжск. округов. 1895 г.

Два больших здания, переделанных из сахаро-рафинадного завода, приспособленные под казармы для 400 рабочих, хотя и не производят дурного впечатления, подобно старым артельным домам, но при посещении этих „новых" казарм рабочие скопом пожаловались горн. инж. Иордану, что от духоты спать не могут, и что клоп их заедает...

В Царстве Польском горные заводы и каменноугольные копи в отношении жилищ для рабочих обеспечены далеко неодинаково, в зависимости от места их расположения.

На некоторых заводах и копях нет ни квартир, ни ночлежных домов (напр., на цинков. заводе под Бендином с 828 рабочими, на копях „Иван" с 360 рабочими, „Мацей и Владислав" с 670 рабочими и др.); на других—они есть, но в недостаточном числе и рабочим приходится жить в окрестных деревнях [1]).

При тех копях и заводах, где существуют дома для рабочих, они выстроены по каморочной системе, заключая в себе отдельные квартиры в 1 или 2 комнаты. Большие дома—казарменного типа, в один или несколько этажей, а малые—одноэтажные здания с помещениями в 1 или 2 комнаты для 1—6 семейств. Что касается ночлежных домов, то более благоустроенные из них представляют небольшие помещения, в которых расставлены железные койки, снабженные матрацами и постельным бельем и шкафики для платья; в менее благоустроенных вместо коек — нары, устланные соломой. Для одиноких рабочих ночлежные дома, даже плохо содержимые, представляют лучшие условия, чем квартиры семейных рабочих, у которых им приходится нанимать углы, потому что каждый из них в ночлежном доме имеет более удобное ложе для спанья, а в так называемых углах им приходится спать в большой тесноте, прямо на грязном полу, имея подстилкой лишь собственное платье. Одни общества дают рабочим хорошие помещения совершенно бесплатно, а другие—и за плохие помещения—взимают довольно большие деньги.

С течением времени, однако, постройка жилищ для рабочих за счет самого предприятия получает в горнозаводской промышленности все большее распространение. В отчете Горного Департамента за 1903 год отмечается, что горнопромышленники Домбровского бассейна и все наиболее солидные заводчики западной горной области стремятся к постройке специальных домов для предоставления в них, за сравнительно низ-

[1]) См. Л. Бертенсон—Санитарно-врачебн. дело на горных промыслах Ц. Польск. Горн. журнал, 1893 г., т. 4.

кую плату, удобных помещений и квартир рабочим и их семействам.

Таких домов к концу 1903 г. насчитывалось уже в Домбровском и Сосновицком горных округах до 350, рассчитанных на помещение 3.022 семейств, за плату от 50 коп. до 4 руб. в месяц с каждого, кроме того на копи Франко-Итальянского О-ва имеется один дом для холостых рабочих, уплачивавших за квартиру с отоплением и освещением по 90 коп. в месяц.

Почти на всех крупных каменноугольных копях западной горной области устроены для бесплатного пользования бани с ваннами.

Развитие крупного производства содействовало, конечно, появлению некоторых улучшений в области жилищных условий Царства Польского; но известную роль здесь играли также близость к Западной Европе и большая культурность края.

Процесс концентрации в нефтяной, напр., промышленности совершался быстрыми шагами: если в начале 70-х годов можно было вести дело с несколькими тысячами рублей, то через 10 лет требовались уже десятки тысяч, еще через десять лет—сотни тысяч, а теперь ни одно солидное предприятие не основывается с капиталом меньше миллиона рублей. Нефтепромышленники получали неслыханные барыши; правительство выдавало им неоднократно всяческие вспоможения, напр., в виде понижения железнодорожного тарифа при перевозке нефтяных продуктов,—лишь за 3 года правительственная помощь выразилась в сумме до 10 миллионов руб., а между тем вопрос о постройке гигиенических квартир для рабочих и об улучшении их быта ничуть не подвигался вперед. Даже более того, условия быта на Бакинских нефтяных промыслах, говорится в отчете Горного департамента за 1898 г., не только не изменились к лучшему в отчетном году, но скорее ухудшились. Причинами такого грустного явления служат, как и прежде, недостаток помещений, дороговизна жизни и т. п.

В 1898 г. эти обстоятельства еще значительнее влияли на быт рабочих, так как число их, вследствие общего усиления работ на нефтяных промыслах, увеличилось в сравнении с 1897 г. почти на 60%. Вследствие высоких цен на земельные участки и недостатка последних, даже „доброжелательствующими“ фирмами для улучшения быта рабочих делается лишь самое необходимое, другие же промышленники предпочитают выдавать своим рабочим небольшие квартирные деньги и предоставляют им самим заботиться о своем жилье.

Положение рабочих у таких фирм, а также у мелких подрядчиков несравненно хуже, чем у первых, потому что им

приходится обращаться к содержателям так называемых „номеров", построившим в громадном большинстве случаев скверные подобия жилых помещений на казенных землях или в ближайших селениях Балаханы, Сабунчи, Романы и взимающим с рабочих такую высокую наемную плату за свои конуры, что рабочие вынуждены бывают целыми артелями помещаться в одном „номере" с той целью, чтобы доля каждого из них в плате за квартиру не превышала $1^1/_2$—2 руб. в месяц. В отчете за 1900 и 1901 г.г. указывается, что вследствие более интенсивной разработки промыслов и сдачи для эксплуатации казенных участков пришлось снести много построек, служивших приютами для рабочих. Однако, в виду того что число рабочих на промыслах значительно уменьшилось в 1901 г. (вследствие кризиса), в жилых помещениях все-таки не было уже такой тесноты и скученности, какие были раньше. Но явление это случайного характера и, конечно, вовсе не выражает собою заботы нефтепромышленников о рабочих, для улучшения быта которых, продолжает Горный департамент, почти ничего не было сделано.

Точно так же в позднейших отчетах—за 1902 и 1903 г.г.— констатируется, что в положении рабочих „никаких существенных улучшений" не произошло. Неудивительно, поэтому, что контингент рабочих сил в нефтяной промышленности вплоть до настоящего времени почерпается, главным образом, из пришлых элементов: сюда стекаются рабочие из приволжских губерний, из других местностей Кавказа и, наконец, из Персии.

Тяжелые условия жизни в бакинских промыслах и заводах до сих пор мешают этим пришельцам осесть на месте и образовать постоянные кадры труда: проработав лето, год или два, рабочий уже спешит уйти с заработком на родину, для отдыха...

Что касается безобразных жилищ на золотых приисках, то золотопромышленники обыкновенно ссылаются в свое оправдание на то, что не стоит тратить большие средства в таком ненадежном деле, как золотое: сегодня прииск работает, а через год—два приходится все бросать. Как 40 лет назад, так и в настоящее время жилища для рабочих совершенно не удовлетворяют самым элементарным требованиям гигиены. Томское горнозаводское присутствие издало в 1897 г. обязательное постановление с целью урегулирования жизненных условий на приисках. В общих казармах на каждого человека должно приходиться воздуху не менее $1^1/_2$ кубич. саж. Помещения для женщин и мужчин, семейных и холостых рабочих

должны быть отдельные. В каждой казарме предписывается устраивать крытый коридор, или сени, и сушильню. Сушильня и кухня непременно должны быть устроены отдельно от жилья, а печи, полы и окна—согласованы с требованиями гигиены. Но золотопромышленники, об'единенные в том же 1897 году в с'езды, энергично стали на защиту своих интересов, и сила обязательного постановления присутствия по горнозаводским делам была парализована. Томский с'езд золотопромышленников, напр., нашел, что крытые коридоры, сушильни, кухни и прачечные не достигают своей цели, а потому—излишни! Такая же участь постигла и другие пункты. Присутствие по горнозаводским делам уступило перед давлением со стороны золотопромышленников: обязательные постановления были подвергнуты 18 сент. 1898 года значительному изменению, да и в таком виде игнорируются предпринимателями.

По словам помощника начальника Томского горн. управления г. Махорова, обозревавшего в 1900 г. прииски в Северно-Енисейском округе, постановление горнозаводского присутствия „относительно устройства казарм не выполняется почти ни на одном из приисков". То же самое констатируется в других округах, и казармы продолжали строиться по прежнему излюбленному золотопромышленниками образцу.

С улучшением жилищ—замечает инж. Реутовский в № 11 Вестника Золотопромышленности за 1906 г.—дело „обстоит не лучше, чем до введения постановлений: кто хотел, и ранее устраивал, а кто не желает, не делает этого и теперь".

А в Степном крае, в Зайсанском уезде, „до сих пор еще встречаются землянки, которые вырываются самими рабочими в горах. Землянки эти, с одним входным отверстием и с совершенным отсутствием каких-либо приспособлений в виде полов, печей и пр., скорее походят на ямы, чем на жилые помещения" [1]).

Обратимся теперь к рассмотрению жилищных условий в фабрично-заводской промышленности. Как известно, на Западе устройство и содержание квартир для промышленных рабочих составляет своего рода специальную промышленность, и рабочий нанимает их сообразно с размером своего заработка, вкусом и другими обстоятельствами. У нас же очень значительная часть фабрично-заводских рабочих пользовалась помещениями от хозяина. Но последние не везде были одинаково распространены.

[1]) Вестник финансов, № 40 за 1909 г.

Царство Польское, примыкая к Западной Европе, в этом отношении сильно отличалось от внутренней, центральной России.

Здесь если фабрики находятся в больших городах, то рабочие живут преимущественно в предместьях города или даже в ближайших окрестностях, а если в небольших, то размещаются по близлежащим деревням. Даже во вновь возникшем промышленном центре—Сосновицах—значительная часть рабочих не живет у своих хозяев: или нанимают квартиры у местных жителей, или живут у себя в собственных жилищах, а иностранцы, благодаря близости границы и легкости перехода, уходят частью ночевать к себе за границу... Что касается до главного промышленного центра Польши — Лодзи, то там с давних пор путем иммиграции образовался свой самостоятельный рабочий класс, нередко имеющий свои дома и в большинстве уже в нескольких поколениях не занимающийся земледелием. Что касается третьего промышленного центра—Варшавы, то „на всех варшавских городских фабриках (дающих работу 20.000 рабочим) рабочие нигде, без исключения, не пользуются жильем от хозяев и таким образом переполняют все невозможные и неприспособленные для жилья подвалы, чердаки и углы этого большого и мало опрятного города“ [1]). Да и там, где есть жилища для рабочих при фабриках и заводах, они рассчитаны только на часть рабочих. Тип построек также иной. В отличие от русских фабричных жилищ, польские исключительно построены по коморочной системе: обширные казармы, общие спальни здесь совершенно отсутствуют. В. Святловский, бывший фабричным инспектором с 1884—1886 г.г. в харьковском, а с 1886—1888 г.г. в варшавском округе и лично осмотревший за эти 5 лет около 1.500 промышленных заведений с 125.000 рабочих в обоих округах, говорит, что он нигде не встречал в Царстве Польском казарм, общих для обоих полов; жилые дома для рабочих чаще всего представляют из себя двух- или трехэтажные здания. Средним числом на квартиру приходится одна комната, в ней и кухня, и спальня, и столовая. Бесплатно такое жилье отдается на очень немногих фабриках. В большинстве случаев плата колеблется от 50 коп. до 5 руб. в месяц за комнату (средним числом 2 руб. 40 коп. в месяц). Хозяйственных приспособлений обыкновенно никаких не полагается. Порча

[1]) Отчет Минзула по исследованию фабр.-зав. промышленности в Царстве Польском. 1888 г. Святловский.—Фабричный рабочий. Санитарное положение в Привислинском крае и в Малороссии. 1889 г.

воздуха особенно усугубляется тем обстоятельством, что кухня, спальня, прачечная и столовая соединены в одной комнате. Освещение сводится к плохой керосиновой лампе, что также содействует порче воздуха в помещениях, куда утром с непривычки войти не представляется никакой возможности. Нары нигде не встречаются, взамен их всюду деревянные кровати с соломенными тюфяками, хотя не мало людей спит и на полу. Нередко можно встретить в такой квартире кой-какую меблировку, напр., стул, комод и даже шкап. Одеяла и подушки составляют весьма распространенные предметы, в противоположность тому, что мы видим на фабриках внутри России, где эти предметы почти не встречаются. И одежда фабричного здесь, бесспорно, лучше, чем в России.

Средневековой обуви Западной Европы—лаптей—совсем не видно. Не редкость встретить на рабочем нижнее белье, которое у русского фабричного составляет такой же анахронизм, как кусок хорошего бифштекса за обедом. Одеваются по сезону: жилетки, пиджаки и сюртуки—с одной стороны, шляны, зонтики и ботинки—с другой составляют довольно распространенные принадлежности фабричного костюма.

На сахарных заводах постоянные рабочие—сплошь семейный народ, в противоположность тому, что наблюдается в России, где рабочие сахарных заводов живут без семьи. Для семейных рабочих полагается квартира, а также топливо к ней, зачастую кусок огорода под картофель, хлев для домашнего скота. Приплые рабочие, т.-е. занятые на заводе лишь в период сокодобывания, в течение $3^1/_2$, много $4^1/_2$ месяцев, также зачастую пользуются бесплатной квартирой и отоплением и лишь изредка (на 5 из 36 заводов) принято взимать плату от 15 коп. до 1 р. 5 к. в неделю за квартиру с отоплением. Квартиры в большинстве случаев переполнены жильцами и тесны. Для холостых редко имеются особые помещения; тип русских казарм для рабочих вовсе неизвестен. Такие казармы-квартиры имеются лишь на 2 заводах из 36. Обыкновенно же холостые живут у семейных или же размещаются в окрестных деревнях у крестьян. Вся квартира семейного рабочего состоит из одной комнаты с одним окном—в маленькой квартире и двумя—в большой. Тут же помещается небольшая печь и плита для приготовления кушанья без вытяжного колпака; остальное место занято кроватями, люльками, столом и всевозможною рухлядью. По утрам воздух бывает так сперт, что при всем желании трудно, при осмотрах, проникнуть дальше порога. Обыкновенно средним числом на комнату приходится от 5 до 8 человек жильцов, считая тут и детей.

В Виленском округе, обнимающем губернии Литовские, Белорусские и Курляндию, судя по отчету инспектора Городкова за 1885 г., замечается в этом отношении сходство с Царством Польским. Зданий типа казарменного здесь почти нет, но везде построены отдельные домики в один этаж. В нижнем обыкновенно 4 квартиры для женатых, а в чердачном — 2—3 квартиры для холостых. Но вообще помещения для рабочих, если не считать немногих фабрик, отдаленных от населенных местностей, встречаются редко, и они не в обычае, а рабочие уходят на ночлег домой, нередко за несколько верст. Что касается Петербургской губ., то здесь нам придется обратиться к данным земского исследования [1]). На Шлиссельбургском тракте было осмотрено и измерено более 300 жилых помещений. „Очень редко, в виде исключения, одно рабочее семейство занимает отдельную комнату с платой от 5 до 6 руб. в месяц; обыкновенно же в одной комнате помещается несколько семейств“. Типом рабочих помещений может служить помещение в доме Ратьковых-Рожновых в селе Смоленском. В комнате, имеющей 10 аршин длины, 8—ширины и $4^1/_2$ высоты, помещается 22 человека; следовательно, на каждого человека приходится немного более $^1/_2$ кубическ. сажени воздуха.

Помещения грязны, стены и потолок покрыты копотью. Вдоль комнаты в два ряда идут койки, на каждой из которых спят по 2 человека. Койки женатых завешаны пологом. Не на всех койках видны тюфяки и подушки, а если они есть, то очень грязны. О простынях же нет и помину. За помещение рабочие платят по 1 р. 30 к. с человека. За эту сумму хозяева квартиры обязаны стирать белье рабочим и готовить кушанье. Рабочие из мастеровых помещаются чище. У них нередко помещения оклеены обоями, имеется кой-какая мебель: стол и несколько стульев. Но чернорабочие живут в помещениях худших, чем у Ратькова-Рожнова. Они нередко спят на нарах без тюфяка и подушки, постелью же для них служит всякая рухлядь, а мебель состоит из большого некрашеного стола и 2—3 скамеек. Рабочие помещения при фабриках и заводах, в так называемых казармах для рабочих, в большинстве случаев лучше вышеописанных. В них по большей части приходится не менее 1 куб. сажени воздуха на человека.

Очень хороши деревянные флигеля для рабочих на Обуховском заводе и карточной фабрике; но процент живущих в них незначителен. Так, например, на Обуховском за-

[1]) Отчет земской управы Петербургского у. за 1879 г. Доклад управы о санитарном исследовании уезда в 1878—79 г.

воде из 2.000 чел. помещением пользуется лишь 40 семейств. Казармы у г. Максвелля также хороши, хотя особой комнаты для каждого семейства и нет. Но здесь квартирная плата очень высока: муж и жена за свое помещение или, как здесь говорят, за свою койку платят $4^1/_2$ рубля, да кухарке 50 коп. Холостые за одно место на койке платят по $2^1/_4$ р., да коп. 40 кухарке, в частных же квартирах—1—$1^1/_2$ руб. со стиркой. В районе Шлиссельбургского тракта расположено до 40 кирпичных заводов. Рабочие помещения на каждом из них похожи друг на друга. При всяком заводе имеются рабочие избы, состоящие из помещения для кухни и чердака. Этот последний и служит, в огромном большинстве случаев, помещением для рабочих. По обеим сторонам его идут нары, или просто на полу положены доски, заменяющие нары, покрытые грязными рогожами с кое-какой одежонкой в головах. Впрочем, кое-где встречаются сделанные из обрубков дерева подобия кроватей... „Полы в рабочих помещениях до того содержатся нечисто, что покрыты слоем глины на несколько дюймов. Чердаки часто совершенно темны, но иногда попадаются и с прорубленными отверстиями и, наконец, встречаются такие, где вставлены 2—3 окна. Живя в такой грязи, рабочие расплодают такое громадное количество блох, клопов и вшей, что, несмотря на большую усталость, иногда после 15—17 часов работы не могут долго заснуть". Ни на одном кирпичном заводе нет помойной ямы, помои выливаются около рабочих жилищ; тут же сваливаются всевозможные нечистоты, здесь же рабочие умываются. Кроме того, на некоторых заводах устроены вблизи свиные хлевы... На Петербургском тракте квартиры для рабочих в этом районе устраиваются таким образом. Какая-нибудь женщина снимает у хозяина квартиру, ставит кругом стен досчатые кровати, сколько уместится, и приглашает к себе жильцов, беря с каждого из них по 5 к. в день или 1 р. 50 к. в месяц. За это рабочий пользуется половиной кровати (кровати всегда двухспальные), водою и даровой стиркой. „Хозяйских тюфяков не полагается, и, сколько я заметил, все чернорабочие спят на голых досках, без подушек". Грязь, вонь и духота соответствуют убранству комнаты.

В линии пороховых заводов живет очень много фабричного населения. Дома здешние деревянные, по большей части одноэтажные—их до 400. „Вообще домов сносно устроенных найдется здесь очень немного, но зато—не мало таких, которые по своей ветхости и разрушенности совсем не могут быть терпимы даже и в качестве нежилых построек, а между тем в них еще и до сих пор есть жильцы. В особенности ужасен

подвал дома № 154: представляя из себя углубление в землю не менее 2 арш., он постоянно заливается, если не водою, то жидкостью из расположенного по соседству отхожего места, так что сгнившие доски, составляющие пол, буквально плавают, несмотря на то, что жильцы его... усердно занимаются осушкой своей квартиры, ежедневно вычерпывая по нескольку ведер. В таком-то помещении, при содержании $5^1/_3$ куб. сажен убийственного самого по себе воздуха, я нашел до 10 жильцов, из которых 6 малолетних". Более чем $^1/_4$ домов (118), приютивших в себе более $^1/_3$ населения, дают на каждого менее одной куб. сажени воздуха. Есть такие примеры, где на 3 куб. саж. 24 куб. аршин приходится 13 человек или на 4 куб. саж. 23 куб. арш.—20 чел. О какой-нибудь вентиляции в домах не может быть и речи; форточки в рамах окон принадлежат только разве к счастливым исключениям. Несколько в лучших условиях находятся те из фабрично-заводских рабочих, которые принадлежат к здешнему коренному населению. В большинстве случаев они имеют свои собственные дома.

Запасемся теперь мужеством и заглянем вовнутрь коренной России.

Жилища для рабочих на московских фабриках, говорится в отчете фабричного инспектора Янжула, являются в двух видах: общих спален или каморок. На немногих и, сравнительно, небольших фабриках существуют исключительно лишь казармы. В большинстве же фабрик встречаются и казармы, и каморки; в первых помещаются холостые и, в случае недостатка места, женатые, а в каморках—семейные рабочие. Впрочем, в большинстве господствует безразличное смешение полов и возрастов, и сплошь и рядом все спят рядом в одной и той же казарме или каморке.

...„Женатые и холостые, дети и взрослые девушки спят вповалку вместе, без всяких перегородок, в крайне тесной и грязной обстановке"... При этом на одной фабрике спят даже по два человека на одной кровати; на другой—два помещения находятся в непосредственном соседстве с сушильней, куда открыта постоянно дверь, с температурой свыше 25° R.

На крупных бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках, если не все, то часть рабочих имеет сравнительно лучшее помещение, но в них, при 6-тичасовых сменах, одним и тем же местом для спанья пользуются различные рабочие: один встает и уходит на работу, другой приходит и ложится на его место! Обстановка спален, будь это казармы или каморки, везде очень однообразна: по общему правилу в них обыкновенно помеща-

ются в несколько рядов досчатые, большей частью, голые нары; железные кровати имеются лишь на очень немногих фабриках и заводах, через это, пожалуй, и ставших известными (Раменская мануфактура, Ралле).

О подстилке рабочий обязан позаботиться уже сам и в большинстве рабочие спят на собственном полушубке или кафтане. Женские спальни, если только они существуют отдельно, гораздо нарядней и опрятней мужских.

На всех машиностроительных и котельных заводах рабочие нанимают квартиру на стороне.

Затем „на большинстве фабрик для многих рабочих, почти по обычаю, особых спален не делают". Это относится ко всем ручным ткачам, что бы они ни ткали: бумагу, шерсть или шелк; они располагаются спать на тех же станках, внизу или вверху. То же самое можно сказать о набойщиках и резчиках плиса, которые почти всегда спят на столах, где работают; особенно вредным нужно считать этот обычай относительно набойщиков, так как рабочее помещение, которое они занимают, всегда отличается крайне удушливой атмосферой, пропитанной целой массой красок, отчасти ядовитых. Столяры точно так же по общему правилу спят на верстаках, на которых работают, и о какой-нибудь постели для них не может, конечно, быть и речи. На рогожных фабриках рабочие всякого пола и возраста спят вместе на тех же самых, часто сырых, мочалах и рогожах, которые обрабатывают, и ими же прикрываются. Вся грязь, которая отмывается от мочалы, попадает на пол, всегда мокрый и прогнивший. „С закоптелых и заплесневевших потолков обыкновенно каплет, как в бане, с наружных же дверей, обросших толстым слоем ослизнелой плесени, текут буквально потоки воды. ...Здесь женщины рожают на глазах всего населения мастерской, здесь, захворав, „отлеживаются", здесь же и умирают, хотя бы и от заразных болезней" [1].

О том, что для здоровья человека нужно определенное количество свежего воздуха—по общему правилу нигде не принято заботиться. В казармах очень часто нары делаются в 2 яруса, так что при обычной высоте комнаты в 3—4 аршина верхний ярус отстоит от потолка на $^3/_4$ аршина.

Семейные рабочие всячески стараются выгородить себя от остальных и с этой целью отделяют свои места на нарах как-нибудь занавесками, часто просто из разного грязного тряпья. „Иногда фабриканты идут навстречу (?!) этому естественному

[1]) Дементьев—Фабрика, 1897 г., 175 стр.

стремлению рабочих, и на помосте нар делают дощатые перегородки, вышиною в 1½ арш., так что на нарах образуется ряд, в полном смысле слова, стойл на каждую пару".

Наконец, если здание разделено на каморки, ошибочно думать, что в них помещается по одной семье. Обыкновенно, в каждой каморке помещается две, три и до семи семей, да и одинокие рабочие на многих фабриках рассовываются по каморкам... По многим фабрикам содержание воздуха на человека в каморках доходит до ½ куб. сажени. „Переполнению их как будто нет предела: по выражению рабочих, они „живут друг на дружке". Общие спальни до крайности грязны и зловонны. Не говоря уже о каких-нибудь более серьезных вентиляционных приспособлениях, в огромном большинстве случаев нет даже простых оконных форток, а если и есть, то маленькие, да и те обыкновенно тщательно забиты и замазаны.

В отчете инспектора Харьковского округа Святловского за 1885 г. констатируется, что на табачных фабриках, на машиностроительных и чугуноплитейных заводах, в типографиях, маслобойнях рабочие обычно пользуются жильем от хозяина. Затем, в булочных, кожевенных заводах, овчинно-шубных заведениях рабочие помещаются в самых мастерских. Остальная масса живет в особых казармах, которые бывают двух типов: общие спальни и каморки; последние отводятся семейным рабочим или же мастерам, машинистам,—словом, рабочей аристократии. Систему отдельных домиков фабричный инспектор встретил лишь на одном заводе Новороссийского о-ва и отчасти на сахарном заводе Борисовского (Екатеринославской г.). К сожалению, в отношении чистоты они крайне несостоятельны, внутри грязь, вонь, снаружи кучи отбросов и лужи помоев. Казармы—как и раньше описанные. Нары обыкновенно деревянные, некрашенные и очень редко железные. Щели нар кишат паразитами. Одеял и подушек ни у кого не полагается. Зачастую рабочие спят, даже не снимая сапог, частью из боязни краж. Число мест на нарах обыкновенно хватает только для одной смены; рабочая смена, возвращаясь в казармы, ложится на места, еще влажные от чужого пота. Так описываются казармы суконных фабрик в Клинцах Черниговской г. К тому же „почти всюду нары устроены в 2 яруса". Точно так же на сахарных заводах. О каких бы то ни было приспособлениях для сушки онуч и мокрой одежды нет и помину, почему воздух в мужских казармах бывает всегда более или менее резко отравлен просушивающимися онучами, лаптями и всяким грязным тряпьем. На сахарном заводе Кениг и почти на всех спичечных фабриках казармы—общие для

обоих полов. На спичечной фабрике Осипова „рабочие всех возрастов и обоих полов спят вповалку на голом полу (зимою), прижавшись друг к другу“, на чердаке без окон!

То же самое можно сказать про помещения Киевского округа. На этом безотрадном фоне резко выделяются одни казармы Киевского рафинадного завода. „Повсеместно встречающиеся деревянные нары с грязными на них тюфяками заменены здесь железными кроватями; каждая кровать снабжена не только одеялом, но и подушкой; у каждых двух кроватей имеется отдельный столик и шкапчик“. Вентиляция строго рассчитана на постоянное доставление в казармы определенного количества свежего нагретого воздуха [1].

В Воронежском округе, согласно отчету инспектора Мирольского, „в заведениях, расположенных в городах и близ селений, большинство рабочих живут в своих домах и по квартирам. Рабочие пользуются квартирою от хозяина в немногих заведениях, преимущественно в тех, которые расположены вдали от селений“. В таком случае рабочие помещаются в казармах или отдельных домиках. Вообще помещения эти тесны, темны и грязны, без всяких удобств. Рабочие семейные и холостые в редких случаях имеют отдельные помещения; в большинстве же случаев все рабочие живут вместе, без разделения полов и возрастов. Особых спален для рабочих нет нигде; обыкновенно вдоль стен стоят нары, ничем не прикрытые, т.-е. просто голые доски. Спят на нарах все вповалку, кому как и где пришлось. Но и нары в тех заведениях, где работа идет сменами непрерывно, день и ночь, рассчитаны не на все число рабочих, а только на половину: одна смена уходит, а другая ложится на только что покинутые голые доски. Приспособления для умывания после сна существуют не везде; большею частью рабочие умываются у колодцев на дворе и утираются рукавами рубахи. О вентиляции жилищ никто не заботится; проветривание производится только само собою, напр., отворянием дверей при входе, топкой печи, разбитым окном. Подметаются помещения обыкновенно раз в неделю, редко два раза, а моются перед Рождеством и Пасхой, т.-е. всего два раза в год.

В Казанском округе наиболее распространенный тип жилищ—казармы. Относительно их фабричный инспектор Шидловский в своем отчете говорит, что „в большинстве фабрично-заводских заведений они более, чем неудовлетворительны, но

[1]) Отчет инспектора Киевского округа Новицкого за 1885 г.

на круподерных заводах близ Уфы и кожевенных—в слободе Нижегородке, а также на многих кирпичных заводах—это не жилища для людей, а какие-то скотские загоны, да и те в благоустроенных сельских хозяйствах мне встречалось видеть чище содержимыми. Так, на одном из круподерных заводов, в небольшом домике, который отведен для отдыха и жилья, мне при его осмотре дальше порога двери не удалось пройти, так как пришлось бы ступать по ногам и головам спящих рабочих; грязь и смрад в нем были положительно невыносимы. Немногим описанному уступают остальные круподерные, кожевенные и кирпичные заводы"...

В этом округе встречается еще особый, так сказать, четвертый тип жилых помещений: это землянки, которые могут конкурировать разве с знаменитыми „каютами" для рабочих на каменноугольных рудниках юга России... „Устройство их, по крайней мере, тех, которые я видел,—говорит Шидловский,—следующее: вырывается в земле яма, стены которой обставляются пучками хвороста, камыша и т. п., по которому делается смазка глиной, потолок составляется из жердей или накатника, сверх коего навалывается слой земли. Подобного рода помещения, правда, отличаются теплотой, но в них постоянно господствует страшная сырость, и если они могут быть допустимы при временных постройках для жилья рабочих, то вряд ли могут быть терпимы на заводах, действующих постоянно".

Что касается Владимирского округа, то здесь, говорит в своем отчете фабричный инспектор Песков, в большинстве случаев при фабриках живет только часть рабочих и притом меньшая; а на некоторых из них не имеется никаких жилых помещений. В таких случаях рабочие живут или в особых квартирах, нанимаемых ими в тех городах или селениях, где находятся фабрики, или в собственных домах, если рабочие из окрестных деревень. Из 71 фабрики и заводов, осмотренных Песковым, такой порядок существовал на 9, в 14 случаях все или почти все рабочие жили в хозяйских помещениях, а в остальных—при фабриках и заводах жила только часть и притом меньшая, рабочих.

Однако, данные, собранные несколько позже Свирским, рисуют иную картину. При точном подсчете выяснилось, что самостоятельно устраивается на квартирах только меньшая часть рабочих. Именно, на 158 заводах и фабриках с 43.437 рабочими последние пользуются от хозяина; на 175 с 35.611 рабочими, они живут на вольных квартирах или у себя дома и, наконец, на 66 заведениях с 15.703 рабочими практи-

куется смешанная система: часть живет при фабриках, а часть живет на своих квартирах [1]).

Отдельные домики для рабочих г. Песков встретил только на хрустальных и стеклянных заводах и отчасти на фабрике писчебумажной Способина. У Мальцева каждый домик (из общего числа их 298) разделен глухой стеной на 2 половины, и в каждой половине живет по одной семье; при каждой половине имеется небольшой дворик, огороженный забором, и на нем устроены некоторые хозяйственные службы: хлев для коровы, курятник и др.

Что касается казарм, то они не представляют отличий от подобных помещений в других районах. Обычная скученность населения, отсутствие вентиляции, зловоние и грязь, влажность воздуха, доходящая до 90% и отсутствие каких бы то ни было удобств. Нового мы узнаем только то, что, оказывается, и на наших фабриках существует обычай переселения на дачи.

„...Как только наступит теплое время года, рабочие почти повсеместно выселяются из своих душных каморок на своего рода дачи". Эти дачи—действительно „своего рода". „Летние помещения эти устраиваются где-нибудь поблизости фабрики, где есть свободное место, из разломанных ящиков, жердей и тому подобного хлама, видами и размерами напоминая собою скорее собачью конуру или курятник. Примитивные эти жилья тянутся длинными линиями, и на первый взгляд посторонний, непосвященный наблюдатель не заподозрит в них человеческое жилье. В этих балаганчиках летом живут целые семьи" [2]).

Подобные собачьи помещения Эрисман и Погожев встречали и в Московской губернии, исследуя санитарное состояние фабрик и заводов.

Они представляют собою небольшие ящики, сколоченные из досок; длина этих ящиков—около 1 сажени, ширина менее $1^1/_2$ аршина, а высота—$1^1/_2$—2 аршина. Вход в эти конуры имеет около 14 вершков вышины и 11 вершков ширины, так что входить в них можно только ползком, на четвереньках. Иногда такие конуры устраиваются в коридорах, и в таком случае служат жилищем для рабочих в течение круглого года. И оказывается, что в таких собачьих помещениях живет от 2 до 3 рабочих! На фабричном дворе бывает иногда до

[1]) Песков.—Фабричный быт Владимирской губ. 1885 г. Свирский.—Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губ. 1890 г.

[2]) Свирский. Фабрики, заводы Владимирской губ., 65 стр.

150 подобных конур. Хороши, стало быть, самые помещения, если „эти балаганы рабочие считают для себя благодеянием, потому что летом в кухнях (во многих казармах спальни служат и кухней) жарко, и „клопы одолевают".

Обилие насекомых составляет прямо непреодолимое препятствие для отдыха летом в жилых помещениях, особенно на кирпичных заводах, как и вообще при каких бы то ни было земляных работах. „Оставаться в жилом помещении, назначаемом собственно для ночлега, говорит Погожев, нет почти никакой возможности даже для выносливой русской натуры.

...Редко кто вынесет летнюю духоту, с одной стороны, а с другой—такое обилие блох и клопов, понятие о котором можно составить, пробыв лишь одну минуту в жилом помещении" [1]). Не помогает даже усталость от изнурительного 12—14-часового труда.

Такова обстановка, где живет и трудится фабрично-заводское население на пространстве всей России.

Таким образом, промышленные центры—как в городах, так и вне их—оказались совершенно неподготовленными к выполнению задачи: обеспечить вновь приливающим массам рабочего люда удовлетворительные в санитарном отношении условия существования. На этой почве и выросла страшная грязь, теснота и эксплуатация. По мере наплыва рабочих извне окрестные владельцы домов бросают свои прежние занятия и начинают заниматься исключительно содержанием жильцов. Семейные рабочие нанимают каморки, а холостые—размещаются, как попало. Жильцами набиваются все избы, чердаки, сараи, все, что найдется, не разбирая мужчин и женщин. Особенно ужасно, заявляет инж. Сонгин на Нижегородском с'езде 1896 г., переполнены деревенские избы при фабриках в глуши, что не раз вызывало повальные болезни. Заявления губернаторов в половине 50-х годов, что „многие фабрики за отсутствием настоящих жилищ для рабочих служат очагами заразы, разврата и пьянства", могут быть повторены губернаторами и настоящего времени. Где уж тут говорить о „гигиене", когда приходится на 1 кровати спать 2, 3 человекам и более в так называемых „свальных помещениях", как их называют фабричные рабочие в Московской губ., т.-е. в спальнях, где располагаются, как попало, рабочие разных полов и всех возрастов.

[1]) Сборник статистическ. сведений по Московск. г., т. III, вып. 1, Санитарн. исследование фабричных заведений Клинского уезда, Эрисман. 1881 г., 105 стр.—Кирпично-гончарное производство Московск. уезда. Сборник статистич. сведений по Московск. г., т. III, вып. II, 1881 г., 193 стр.

Как совершается этот процесс в крупных городских центрах, можно показать на примере Петербурга. Растущая столичная промышленность, стесненная санитарными требованиями и дороговизной земли и квартир в черте города, устремилась в прилегающие пригороды. Первым подвергся ее нашествию Петергофский участок, как наиболее близкий к городу и к железнодорожным путям. С поразительной для нас, русских, быстротою, так сказать, по-американски происходит ассимиляция пригорода с городом, со всеми отрицательными сторонами последнего, но без соответствующих коррективов. За какие-нибудь 5 лет на пустыре „Литературных мест“ возникло 17 городских улиц с многоэтажными домами и населением не менее 17—18 тысяч, с фабриками, заводами, мелкими ремесленными и торговыми заведениями. Среди огородов близ Путиловского завода за 10 лет выстроилось 12 новых улиц. Цена на землю, стоившую 15—20 лет тому назад несколько копеек за кв. сажень, теперь поднялась до 5—10—15—40 руб. за сажень. Население с нескольких тысяч возросло до 60.000.—Старинные парки вырубались, искусственные пруды и протоки заваливались навозом, столичными помоями, и на всей этой дряни, слегка прикрытой землей и гарью, воздвигались дома нелепой архитектуры. В погоне за экономией места их строители совершенно пренебрегали элементарными требованиями гигиены, уверенные в неразборчивости квартирантов-рабочих [1])...

Наиболее подробными и ценными данными касательно состояния квартир, в которых живет большая часть рабочего люда, мы располагаем относительно г. Москвы. В виду того что коечно-каморочные квартиры являются очагами заразных болезней и должны быть поэтому рассматриваемы, как зло, к устранению которого рано или поздно должны быть приняты самые энергичные меры, городское управление произвело в 1899 г. статистическое обследование для выяснения размеров этого зла. Переписью было зарегистрировано в Москве 16.140 коечно-каморочных квартир, из которых для 15.922 имеются точные данные. На окраинах города подобные квартиры занимают чаще целые дома, которые представляют собою большею частью одно- или двух-этажную деревянную постройку, а в центральных частях они расположены в каменных домах, занимая лишь части их—подвалы, мансарды, надворные флигеля, и только в виде исключения встречаются здесь дома, сплошь занятые коечно-каморочными квартирами. В этих квар-

[1]) См. Отчеты санитарн. врачей Петерб. Губ. Земства за 1902 г.

тирах сдаются жильцам каморки,—т.-е. части комнаты, отделенные досчатыми перегородками, не доходящими до потолка,—затем углы, койки, одним словом, все пространство, оставшееся свободным за размещением членов семьи квартирохозяина. Всего переписью зарегистрировано здесь 174.622 жителя, т.-е. население 4 средних губернских городов. Не думайте, что в этих квартирах ютятся нищие, босяки и тому подобные лица, которые физически и нравственно сделались уже неспособными к регулярному труду, нет—эти парии современного общества проводят дни на улицах, а ночи—в ночлежных домах, которые они обязаны покидать с наступлением утра. В коечно-каморочных же квартирах живет население оседлое, снимающее себе помещение на определенный, более или менее продолжительный срок. Это—фабрично-заводские рабочие, мелкие самостоятельные ремесленники и их рабочие, извозчики, чернорабочие, мелкие торговцы, приказчики, домашняя прислуга, низшие железнодорожные служащие, а также семейства лиц, принадлежащих к поименованным и многим другим профессиям; одним словом, цвет рабочего класса, которым создаются богатства страны, но которые в Москве называются... „черными жильцами".

Посмотрим на условия их жизни. Современные гигиенисты расходятся в определении количества воздуха, необходимого для человека в жилом помещении; но большинство их все-таки сходится в том, что минимальной нормой в хорошо вентилируемом помещении нужно признать 1½ куб. саж.; дальнейшее понижение этой нормы должно вредно влиять на здоровье и сокращать жизнь обитателей этих квартир.

Между тем в 4.909 квартирах (30,8%) на одного жителя приходится менее 1 куб. саж.; в 6.271 квартире (39,4%)—от 1 до 1,4 куб. саж.; в 2.767 квартирах (17,4%)—от 1,5 до 1,9 куб. саж.; в 1.111 квартирах (7%)—от 2 до 2,4 и в 864 квартирах (5,4%)—от 2,5 и более куб. саж. Таким образом из всех коечно-каморочных квартир Москвы 11,180 или 70,2% настолько переполнены, что на каждого человека, находящего в них приют, приходится менее 1 куб. саж., следовательно, население в них поставлено в условия, прямо сокращающие человеческую жизнь. Громадное большинство квартир—в одну комнату; переписью зарегистрировано 12.650 однокомнатных квартир. Во всех квартирах сдается жильцам 27.513 каморок и во вне-каморочных помещениях 26.234 койки. Чтобы представить себе, что представляют собою самые квартиры, приведем несколько выписок из бланков счетчиков. „Ду-

хота невыносимая от скученности населения. Квартира сырая и невероятно грязная. В 2 каморках полный мрак. Потолок до того низок, что нельзя выпрямиться высокому человеку. Специфический запах". „Квартира представляет ужасный вид,—сообщает другой:—штукатурка обвалилась, в стенах отверстия, заткнутые тряпками. Грязно. Печка развалилась. Легионы тараканов и клопов. Нет вторых рам, а потому сильный холод. Отхожее место развалилось настолько, что в него опасно ходить и детей не пускают. Таковы все квартиры в доме". „Невозможная атмосфера; испарения от людей, мокрой одежды и грязного белья; везде сырость и грязь. Дует отовсюду; в дождь вода над полом поднимается на два пальца", и т. д. и т. д. Таких выписок можно привести целыми страницами [1]).—Каморки сдаются или целиком отдельной семье, или частями, незнакомым между собой лицам. Бывали случаи, когда число таких лиц, живущих в тесной каморке с 2 койками, достигало 7 и даже 9 человек. Койки бывают одиночные и двойные. Последние сдаются либо семейным, либо двум посторонним и даже незнакомым лицам. Одиночные койки также иногда занимаются двумя лицами, из которых один спит на ней днем, а другой ночью. Этот способ совместного занятия двумя лицами одной обыкновенной или двойной койки представляет едва ли не самую худшую сторону в жизни обитателей коечно-каморочных квартир. Тут трудящийся человек уже прямо приравнивается, по условиям своего существования, к арестанту в тюрьме и к спившемуся золоторотцу в ночлежном доме.

Разделение полов, конечно, не соблюдается в рассматриваемых квартирах. В одной и той же комнате мы видим старух, молодых девушек, парней, подростков и стариков. Все эти люди живут, сводят свои счеты, меняют белье, спят рядом друг с другом, на расстоянии полуаршина и только изредка огораживая свою постель занавеской. И в этой обстановке растут 38.000 детей.

В одной каморке живут мать со своим сожителем-плотником, ее взрослая дочь, кончающая курс одного из средних учебных заведений Москвы, и посторонняя женщина; в одной небольшой комнате помещаются несколько девушек с фабрики и молодые приказчики; на одной из коек, среди мужчин и старух, живет девушка, недавно окончившая провинциальную гимназию и приехавшая в Москву искать занятий; в квартире, наполненной фабричными девушками, женщинами и

[1]) См. Известия Московской Городской Думы, 1902 г., октябрь.

чернорабочими, помещается среди них студент со своей сожительницей и т. д.

Что касается платы, взимаемой с жильцов, то за каморки зарегистрированы переписью следующие цены:

менее 4 р. в мес.	2.728	случ.	сред.	плата	2 р. 99 к.
от 4 р. до 5 р. 99 к. в мес.	9.914	„	„	„	4 „ 74 „
„ 6 „ до 7 „ 99 „ „ „	8.842	„	„	„	6 „ 49 „
„ 8 „ и более	4.468	„	„	„	9 „ 23 „

Наиболее часто за каморку платится 5 и 6 р. Средняя по Москве каморка оплачивается 5 р. 93 к. в месяц. Разделив общую квартирную плату за все каморки на число лиц, занимающих их, получим среднюю плату за одно место 2 р. 22 к. в месяц. Средняя по Москве плата за одиночную койку равна 1 р. 97 к., а за двойную 2 р. 86 к. в месяц.

Те же печальные картины рисуются и в Петербурге, по отчетам санитарных врачей и других исследователей. В Петергофском районе обычно ряд квартир, расположенных vis-a-vis, имеет один общий внутренний коридор, полутемный обычно и плохо вентилируемый. В других случаях коридор односторонний, но застроенный лестницами, чуланчиками, такой же грязный, темный и вонючий, как и внутренние коридоры. Недостаток света, затхлый воздух, вонь со двора, переполнение квартир жильцами—вот жилищные условия громадного большинства. Кроме того обилие влаги в почве препятствует ей быстро поглощать помои и всякие жидкие нечистоты. В канавах вдоль улиц, под домами—почвенные воды не пересыхают даже летом, застаиваются, гниют и издают зловония.

К этой естественной сырости почвы присоединяется с каждым годом возрастающее искусственное заболачивание всей заселенной площади. В этом районе находится известный Путиловский завод с 12.000 рабочих.

За ничтожными исключениями завод не имеет рабочих казарм; от личной инициативы каждого зависит устраиваться, как ему угодно. В виду недостаточного числа квартир и большого спроса на них—более $^2/_3$ всего числа домов сдается под квартиры рабочим с их семьями—хозяева нисколько не заботятся о качественной стороне помещений и не считают нужным исполнять какие бы то ни было санитарные правила, несмотря на то, что таковые существуют. Воздуха на человека едва приходится $^1/_4$ к. с. и даже менее. Света проникает мало, а углы и совсем темны. Содержатся эти помещения грязно, на кухне в углах целые кучи мусора; под кроватями также мусор, пыль и т. п. Воздух в квартирах удушлив, переполнен

различными испарениями и запахом одежды. Форточки встречаются редко и небольшие, да и те зимой заколачиваются. Вследствие грязного содержания помещений в них всегда масса различных паразитов и в особенности, если стены оклеены обоями или увешаны картинами, которыми жильцы так любят украшать стены. Несмотря на переполнение этих квартир жильцами, по словам местного санитарного врача Самецкого, квартиранты не протестуют против этого, ибо чем больше жильцов, тем меньше каждому приходится платить.

В Петергофском участке, так же как в Шлиссельбургском и в других, взрослые обыкновенно помещаются по двое на одной кровати, а для детей кроватей не полагается — они ложатся или на одной с родителями или на полу.

В семейных квартирах на одну кровать нередко приходится 3—4 и даже более человек, тогда как в квартирах одиноких общее правило—2 человека на кровать. Но в других отношениях, именно по отношению к чистоте и об'ему воздуха на одного семейного, семейные квартиры оказываются в лучших условиях. В семейных квартирах даже замечается стремление к комфорту: в них встречаются картины, зеркала, мягкая мебель, хорошие кровати и одеяла. В квартирах же одиноких—кровать деревянная с грязными матрацами и подушками.

При обследовании жилищ петербургских рабочих в 1896 г., пишет врач Покровская, встречались комнаты, в которых кубическое содержание воздуха на одного человека иногда было менее $^1/_2$ куб. саж., в одной комнате часто помещались 5—9 человек, а на одной кровати 4—6 человек.

В Киеве врачами амбулаторной лечебницы О-ва подачи помощи больным детям были собраны в 1897 г. сведения о 1.386 квартирах, где помещалось 7.576 душ, т.-е. $5^1/_2$ человек на квартиру. В однокомнатных квартирах живет 23,25 человек, т.-е. 4,6 человек на 1 комнату; все они, значит, сильно переполнены жильцами. Средняя месячная плата за однокомнатную квартиру равняется 6,3 р., а за угол—2 р.

Кроме частных квартир существуют еще хозяйские; наибольшее распространение они получили в центральном районе (особенно Московская и Владимирская губ.), в других местах их уже значительно меньше и меньше всего—в царстве Польском. Так, в Петроковской губ., по сведениям, собранным в 1896 г. фабричной инспекцией, из 99 тысяч рабочих фабричными жилыми помещениями пользуются только 11%. В Богородском уезде Московской губ. в 1899 г. на вольных квартирах помещалось 6.585 человек или 18,7% всего состава рабочих; в своих домах—помещалось 11,477 человек или 32,5%

и в казармах при фабриках—17,219 человек или 48,8%. Впрочем в первое число не вошли рабочие с фабрики Викулы и Саввы Морозовых, проживающие в с. Зуеве на вольных квартирах, а они с семьями составляют более 4.000 человек.

Там, где для наблюдения за выполнением обязательных постановлений (земств), был создан институт санитарных врачей, и где он получил надлежащее развитие, удалось достигнуть некоторых улучшений.—Нужно однако заметить, что этот институт получил—и большею частью „по независящим обстоятельствам" —очень ограниченное распространение. При этом наблюдается, что там, где строго следят за выполнением обязательных постановлений и где они становятся все более требовательными, фабриканты начинают сокращать до минимума жилые фабричные помещения, а то и вовсе их не воздвигают, раз только по условиям местности и роду производства представляется к этому возможность, и предоставляют пришлым рабочим селиться, где хотят. Да и достигнутые улучшения более, чем скромны!—Переполнения артельных спален живущими в той степени, при которой на 1 человека приходится менее ½ куб. саж. воздуха, что нередко встречалось прежде, в настоящее время уже нет. Но однако и в 1899 г. требуемая обязательными санитарными постановлениями норма—1 куб. саж. воздуха на каждого живущего—не во всех артельных помещениях была достигнута. Встречаются и теперь такие казармы, где приходится воздуха 0,88 к. с., в 2-х—0,72, затем 0,80 и т. п. [1]). Точно так же и в каморках количество живущих не всегда и не везде соответствует норме—1 к. с. на каждого пользующегося каморкой, за вычетом детей до 7-летнего возраста. Между тем эта норма очень низка. Если исключать детей и брать только взрослых, то на каждого человека нужно по крайней мере 1,5 к. с. воздуха и при обязательной вентиляции... С 1895 г. как спанье на сплошных нарах, так и стойло-образные помещения, говорит Скибневский, быстро начинают исчезать и в 1899 г. их нет уже ни на одной фабрике. Одновременно прекращается и невозможное повальное смешение в одной спальне разных полов и возрастов. В 1899 г. общие спальни имелись исключительно отдельные для мужчин и отдельные для женщин, при чем в них семейные рабочие с детьми уже вовсе не проживали: они перешли в каморочные помещения. Спанье всплошную на досчатых помостах также исчезло на всех фабриках; взамен нар

[1]) Жилища фабр.-заводск. рабочих Богородского у. Московской губ. Санитарного врача Скибневского. Изд. Моск. Губ. Земства. 1901 г. Данные относятся к фабрикам с более, чем 50 рабочих.

появились двойные или одиночные кровати, досчатые, а то и железные...

Точно так же санитарный врач Московского уезда, Богословский, в своем отчете за 1895 г. замечает, что „больше всего влияние санитарного надзора отразилась на улучшении жилых помещений фабрично-заводских рабочих. Если по исследованию проф. Эрисмана в 1880—81 г. в большинстве фабричных спальных помещений приходилось на каждого живущего менее 1 к. с.; если по тому же исследованию эти помещения очень часто отапливались железными печами с проведенными от них под потолком железными трубами; если также часто не имелось никаких приспособлений для вентиляции; если в общих спальнях везде были сплошные нары, очень часто в 2 яруса: если рабочие в общих спальнях нередко размещались без различий пола и возраста; если ретирады являлись источником зловония на фабриках, то теперь все подобные явления, если и могут встречаться, то как исключения и на таких заведениях, коих санитарный надзор еще не успел коснуться“... То же свидетельствуют санитарные врачи и других уездов,— так замечает отчет управы.

Достигнутые улучшения однако были еще так недостаточны, что в показаниях самих рабочих, когда они пробивались наружу, очень трудно подметить оптимистические ноты [1]). До сих пор в общих казармах не в редкость можно встретить и семейных рабочих: кровать семейного отделена лишь ситцевой занавеской от общих нар или кроватей, тут же, за занавеской, над семейной постелью и люлька висит. Часто в одной каморке помещается две—три семьи с кучей ребят. Мебель, помимо кроватей, отсутствует как в общих спальнях, так и почти во всех каморках; поэтому поневоле приходится во время перерывов или по окончании рабочего дня сидеть или лежать на кроватях, результатом чего является крайнее загрязнение постелей. „Просушить онучей, портянок негде“, — говорят рабочие. И действительно, никаких отдельных помещений для высушивания одежды нет: сушить, чинить, чистить платье,— все приходится делать тут же, на постелях. Какая же должна быть в казармах и в каморках грязь и вонь! Некоторые профессии положительно делают совместное житье рабочих, казалось бы, невозможным, как, напр., кожевники, сыромятники, красильщики и проч., однако же эти рабочие спят и живут в общих казармах со всеми.

[1]) Фабричные инспектора о рабочем вопросе. Русск. Вед., 1905 г., № 42. Эти сведения относятся к Московской губ. и городу Москве.

„Лошади на конюшне лучше", говорили рабочие о своем житье...

Не лучше обстоит дело с помещениями для рабочих, занятых в водном транспорте.

„Как известно, в среднем на буксирный пароход приходится 15—16 человек команды. Низшая команда помещается в трюме парохода: матросы в носовой, а кочегары—в кормовой части. И те, и другие помещения отличаются многими неудобствами — наружностью и негигиеничностью. Начать с того, что входы в эти помещения бывают иногда без всякой необходимости чрезвычайно узки — через них с трудом можно пролезть; эти люки наглухо закрываются тяжелой покрышкой, лишая света и воздуха находящихся в помещении людей; самый люк располагается иногда весьма близко к борту, благодаря чему бывали случаи падения за борт—именно машинной команды. Если спуститься в эти помещения, то свежему человеку они покажутся скорее каким-то погребом, пещерой, ямой, но только не жильем. Теснота такая, что иногда стола поставить негде, люди спят скорчившись, не имея возможности распрямить усталые члены, так как нет места, чтобы вытянуться на всей койке. По свидетельству санитарных врачей встречаются койки в 4 фута, которые годятся разве для малолетних, а не для взрослых, каково же на этих койках спать взрослым? Иногда матросу приходится спать в самом носу— в том „мертвом" углу, где нет никакого движения воздуха, где грязь и пыль скопляются невозбранно всю навигацию, так как вычистить и вымыть этот угол весьма затруднительно. Тут же, в этом помещении, иногда лежат якорные цепи, веревки, канаты, имущество команды и пр. Вследствие тесноты, воздуха приходится на каждого человека очень мало, да и этот-то воздух очень плох и вреден, загрязняясь людскими испарениями и присутствием под спанью грязной воды. В эту воду попадают через щели частички пищи, пыли и пр., вследствие чего вода загнивает, образуя болото и наполняя сыростью и вредными испарениями все помещение. К этому прибавляется еще запах от грязной одежды: каждому известно, как пахнут крестьянские шубы, поддевки и пр. даже на расстоянии. Благодаря тому что в помещении всегда находятся люди, так как половина команды на вахте, а другая спит, помещение, так сказать, не отдыхает, воздух не успевает очиститься и замениться свежим. Эта замена испорченного воздуха свежим происходит весьма медленно, вследствие недостатка вентиляции: в этих помещениях не только не бывает вентиляторов, но иногда не бывает даже окон, благодаря чему воздух стоит

почти неподвижно. Помещение кочегаров еще хуже и по устройству, и по содержанию: одежды машинной команды пропитываются мазутом, которым загрязняются койки и стены и который в конце уже портит и без того испорченный воздух".

С'езд судоходцев постановил иметь в виду при переделках пароходов жилищные нужды рабочих, используя для этой цели так называемое помещение, состоящее из просторной общей и нескольких отдельных кают и обычно пустующее. Однако, при отсутствии серьезного давления со стороны постановление с'езда туго прививалось к жизни. „При осмотрах пришлось убедиться—говорится в отчете санитарных врачей за 1904 г.,—что буксирные пароходы до сих пор находятся в крайне неудовлетворительном состоянии и что на них незаметно почти никаких улучшений за время существования санитарного надзора. На них оказалась масса недостатков, которые уже совсем не существуют на пассажирских пароходах. Таковы: жилье команды в машинных отделениях, отсутствие аптеки, отсутствие дневного света и отопления в помещениях команды, не обшитые стены и т. п. В текущем году большинство буксирных пароходов осмотрено вновь по первому разу, и потому сравнение с данными предыдущих годов невозможно, но во всяком случае можно сказать, что никаких улучшений на них незаметно. На 156 пароходах первый класс занимается хозяевами, т.-е. собственно пустует, тогда как команда помещается в неудобных и тесных трюмах. Вообще все помещения не обставлены никакими удобствами, не говоря уже о вентиляции, уборных и т. п., часто нет даже дневного освещения и отопления, нет порядочных нар для отдыха, стены не обшиты и т. п. [1]).

Все эти данные показывают, что достигнутое в течение изучаемого периода некоторое повышение заработка было, за редкими исключениями, очевидно недостаточно, чтобы предоставить рабочему населению более или менее удовлетворительную жилищную обстановку, которая является едва ли не важнейшим условием для культурного развития.

ГЛАВА VII.

Санитарные условия производства, врачебная помощь и обеспечение при потере трудоспособности.

Накануне падения крепостного права, в 1859 г., правительством была образована под председательством Штакельберга

[1]) В. Канель.—Судорабочие и судовладельцы. 1906 г. 22—25 стр.

особая комиссия для выработки проекта устава о промышленности, отвечающего потребностям нового времени. В этом проекте содержались подробные правила предосторожности для предупреждения несчастных случаев и для охранения здоровья рабочих, воспрещалось рабочим спать в мастерских на столах и на полу, а также принимать пищу в тех помещениях, где они работают, и устанавливалась ответственность предпринимателей. Однако, эти предположения наткнулись на сильное сопротивление со стороны заинтересованных сфер и остались только на бумаге.

Затем в течение следующего десятилетия были образованы одна за другой еще две комиссии—под председательством Игнатьева и Валуева для урегулирования успевших уже обнаружиться неустройств промышленной жизни в условиях свободного договора между трудом и капиталом; но составленные ими в этом смысле в 1871, 1873 и 1875 г.г. проекты, предусматривавшие ограничение детского и женского труда, ночной работы, принятие мер предосторожности для охранения здоровья и жизни рабочих и т. п., также потерпели неудачу. Между тем в это время в печать стали проникать сведения, рисующие положение дел в очень печальном виде. В 1874 г. по распоряжениям губернского начальства был произведен осмотр фабрик и заводов Владимирской губ., в 1876 г.—по инициативе земства в Московском уезде, а в 1878/9 г. Петербургская земская управа пригласила студентов-медиков для санитарного исследования Петербургского уезда.

„Систематических работ и исследований, направленных к всестороннему изучению фабрично-заводских порядков и условий жизни фабричного населения,—писали Отечественные Записки в №№ 3—4 за 1882 г.,—до последнего времени не предпринималось ни правительством, ни земством, ни тем более частными лицами.

Не удивительно поэтому, что представления большинства нашего общества о фабричном быте не идут далее представления чего-то ужасного, губительно отзывающегося на здоровье рабочих. Но в чем именно заключается ужас положения фабричных рабочих и до какой степени ужасны условия их жизни—это для большинства остается неясным и даже совсем неизвестным“.

Появившиеся вскоре после этого отчеты фабричных инспекторов вместе с материалами земских обследований рисуют уже полную картину той обстановки, в которой приходилось работать многим сотням тысяч мужчин, женщин и детей и

которая сложилась в результате отстранения органов публичной власти от вмешательства.

Относительно рабочих помещений (мастерских), замечает фабричный инспектор Варшавского округа Святловский, можно принять за правило следующее положение: если во вновь воздвигаемых фабриках далеко не всегда обращается внимание на требования строительной гигиены, то в старых фабриках и, особенно, в мелких заведениях эти требования всегда и благополучно игнорируются, и нигде не имеется приспособлений ни для вентиляции, ни для удаления пыли.

„Наилучшим устройством отличаются новые фабрики по обработке прядильных веществ; их теперь зачастую в Привислинском крае устраивают в один этаж, на бельгийский манер. Все здание идет уступами, при чем покатая крыша каждого уступа, как в оранжерее, состоит из стекла, что дает внутрь здания массу рассеянного, приятного для глаз, света. Размеры мастерских в таких фабриках обыкновенно громадны. Так, напр., главная ткацкая мастерская, устроенная по этому типу, на ленточно-тесемочно-кружевной фабрике Гемпеля (Варшав. г.) дает на каждого рабочего до 100 куб. метров пространства. К сожалению, такое устройство встречается редко и в Привислинском крае, а в Харьковском округе и вовсе нет ничего подобного“[1]).

Кожевенные заводы Харьковского округа,—продолжает Святловский,—почти не могут итти в сравнение с таковыми же заведениями Привислинского края и особенно Варшавы, где сосредоточено несколько десятков крупных кожевенных заводов. Все кожевни Харьковского округа—скорее бедные ремесленные заведения, а в Привислинском крае—это крупные фабрики, иногда освещенные электричеством, с несколькими сотнями рабочих. И если в технико-санитарном отношении кожевенное производство у нас в России принадлежит к числу самых больных и отсталых отраслей нашей промышленности, то далеко нельзя сказать того же про подобные заведения Царства Польского. „Но отсюда еще, конечно, далеко до сколько-нибудь идеальной санитарной обстановки, и все, что можно сказать про привислинск. кожевенные заводы, это—что рабочая обстановка здесь лучше, чем в России, но все же очень плоха“.

В мастерских, правда, не спят, как у нас, но зато эти мастерские тоже сыры и зловонны. Особых раздевален для

[1]) В. Святловский.—Санитарное положение фабричного рабочего в Привислинском крае и в Малороссии. 1889 г., 110 стр.

рабочих, где они могли бы оставить свое верхнее платье, и здесь не имеется. В апретурных и отделочных отделениях никаких вентиляционных приспособлений не имеется; точно так же нет и специальных приспособлений для уничтожения вредного влияния пыли.

Очень дурно устроены, далее, на всех варшавских кожевенных заводах приемники, где хранятся плотные отбросы заводов, как-то: шерсть, мездра и проч. В качестве таких приемников служат или простые ямы, или, на лучший конец, плохо сколоченные ящики. Понятно, что такие приемники, особенно в жаркое время года, издают страшное зловоние и пропитывают почву гниющими веществами.

Весьма плохо устроены рабочие помещения почти на всех махорочных фабриках. „Всего ужаснее устроены сушильни, а между тем рабочим приходится иногда сидеть там минут 15 и даже $^1/_2$ часа, вследствие чего их оттуда вытаскивают нередко в глубоком обмороке. При входе в сушильню дух захватывает почти в той же мере, как и при входе в то помещение химических заводов, где добывается соляная кислота".

„Почти повсюду машины размещены тесно, а проходы узки. Ограждение опасных частей механизмов или отсутствует, или недостаточно".

В отчете виленского окружного инспектора д-ра Городкова за 1885 г. говорится, что „устройство осмотренных в округе промышленных заведений с санитарной точки зрения представляет весьма значительные несовершенства. Главные ошибки сделаны были при первоначальном устройстве фабрик, когда, видимо, имелись в виду одни соображения, специально экономические,—удобства размещения станков, машин, а об удобствах для рабочих, в смысле сохранения их здоровья, не было помышления. Из всех осмотренных заведений (271) можно указать только на 5—10 фабрик более или менее удовлетворительных в санитарном отношении".

Относительно количества воздуха и простора лучше всего дело обстоит там, где употребляются станки и машины значительных размеров,—на фабриках, обрабатывающих волокнистые вещества, механических заводах, писчебумажных, обрабатывающих дерево и минеральные вещества, мукомольных мельницах, типо-литографиях и т. д. Там же, где по условиям производства не требуется ни крупных снарядов, ни машин, рабочие имеют обыкновенно комнатный размер, и кубическое содержание воздуха на человека бывает нередко...менее 1 кубической сажени! К заведениям этой категории принадлежат, прежде всего, табачные и спичечные фабрики, а

также большинство ремесленных заведений, особенно гильзовые фабрики. Тут рабочие сидят обыкновенно вплотную друг к другу, и кубическое содержание воздуха на человека редко бывает более $^1/_2$ и даже $^1/_3$ куб. сажени".

Для возобновления воздуха в фабричных помещениях почти всегда встречаются какие-нибудь приспособления. Полное отсутствие их можно встретить только на самых бедных ремесленных заведениях и на маленьких спичечных фабриках, где для этой цели служит... постоянно открытая дверь. Итак, форточки или что нибудь подобное встречаются почти везде, но вот беда: „сеток у форточек обыкновенно нет, и потому последние в зимнее время почти никогда не отпираются рабочими из опасения простуды". Рабочие чаще всего или совсем не обращают внимания на них, или же, как уверяют заведующие фабриками, нередко умышленно портят вентиляторы и затыкают их тряпками. „Словом, вентиляционные приспособления на фабриках края, до появления фабричной инспекции, говоря без преувеличения, существовали только для формы..." „Вопрос о ретирадах,—говорится далее в отчете,—инспекция нашла в довольно безобразном виде. Она настойчиво указывала на необходимость опрятности и дезинфекции этих неприглядных уголков фабричных дворов. ...Почти нигде фабричная инспекция не нашла отдельных и находящихся на известном расстоянии ретирад для женщин и мужчин или, по крайней мере, отделенных друг от друга перегородкой с соответствующими надписями: мужск.—женск., и с первого своего шага обязала фабрикантов устранить такое вопиющее физическое и нравственное безобразие".

В отчете инспектора Киевского округа наше внимание прежде всего привлекают сахарные заводы, как главные, если не единственные представители крупной капиталистической промышленности, так как громадная часть остальных заведений мелки как по числу рабочих, так и по стоимости производства и даже носят полукустарный характер. Сахарные заводы представляют собою огромные каменные здания, постройка которых, со всеми приспособлениями, обходится в сотни тысяч рублей. На один завод, в среднем, приходится 611 челов. рабочих. Имея в виду также и то, что заводы эти находятся в руках интеллигентных лиц и дают хороший доход, можно было бы ожидать, что в них приняты всевозможные меры к благоустройству в санитарном и гигиеническом отношениях, что приняты во внимание все строительные правила и т. д. На деле же это далеко не так. „Из числа 19 осмотренных заводов 5 в санитарном и гигиеническом отношениях

следует признать крайне неудовлетворительными: они тесны и грязны; вследствие тесноты и температура во многих отделениях непомерно высокая... На всех осмотренных заводах не имеется почти никаких особых вентиляционных приспособлений...; нередко рабочие помещения бывают переполнены парами, а часто и резким запахом фильтрпрессной грязи. Поэтому рабочие часто сами устраивают вентиляцию, выставляя или выбивая окна, результатом чего являются постоянные сквозняки". На некоторых заводах „помещения для мойки бураков отличаются крайней сыростью, темны и грязны...; рабочим, при общей сырости, приходится стоять босыми в воде... Если помещения для дефекационных котлов в большинстве заводов удовлетворительны, а в некоторых даже хороши, то паточные отделения в большинстве заводов устроены весьма неудовлетворительно. К числу наиболее вредных работ на сахарных заводах следует отнести работы с известью, которые состоят в гашении, переноске и разбалтывании извести с водою. Мельчайшие частицы ее носятся в воздухе, покрывают платье и тело рабочих, действуя разрушающим образом на то и другое, раз'едают глаза и, несмотря на повязки, проникают в легкие и вызывают разного рода легочные страдания". Помещения для всех этих операций с известью устроены крайне неудовлетворительно. Рядом с помещениями, где температура очень высокая, располагаются отделения совершенно холодные. Но „еще большее зло составляет отсутствие в самых заводах теплых отхожих мест. Таковые из всех посещенных заводов имеются только в двух; во всех же остальных эти места отнесены слишком далеко, так что рабочим, разогревшимся в помещении (до. 40°), босым и полуодетым приходится пробегать весьма значительные расстояния; в некоторых же заводах эта необходимая принадлежность совсем отсутствует, и рабочие отправляют естественные надобности, где попало".

Весьма существенный недостаток почти всех сахарных заводов, — продолжает инспектор Новицкий, — это — отсутствие ограждений при машинах и опасных частях механизмов; существующие ограждения крайне несовершенны и состоят обыкновенно из легких деревянных перил, поставленных кое-как. Передаточные ремни редко бывают закрыты футляром или огорожены.

Обратимся теперь к отчету инспектора Харьковского округа. „На большинстве сахарных заводов рабочие помещения просторны и хорошо освещены (газом и даже электричеством). К сожалению, помещения эти страдают часто недостатком ограждений и некоторой теснотой в расположении аппаратов".

Условия труда очень тяжелые. „Просушивание сахарного песку производится при весьма высокой температуре—35° Реомюра... Работа в паточной положительно вызывает особую, чисто-профессиональную болезнь, именно нарывы на ногах. В паточном отделении рабочий все время стоит в патоке босиком, при чем малейшая ссадина или царапина раз'едается, и дело доходит до флегмоносных воспалений. Высокая температура и господствующие сквозняки вызывают ревматические заболевания. Очень тяжелы и нездоровы работы также в квасильных чанах и при прессах-транспортерах.

Мастерские суконных фабрик (Клинцы, Черниг. губ.) почти все в большей или меньшей степени страдают тесным расположением машин, что, конечно, представляет существенный недостаток с санитарной точки зрения. Особенная теснота замечается в расположении прядильных и крайне опасных чесальных машин.—„Но особенно часто плохи на суконных фабриках „мокрые" отделения,—это настоящие сырые, промозглые подвалы; а, между тем, полураздетые работницы постоянно ходят из них в сушильню, где температура доходит до 40° Ц.". Воздух даже в ткацких крайне спертый и зловонный. А, между тем, это крупные фабрики!

Существует одна фабрика (Головиной), которая во время работы... ходит ходуном. Для того чтобы попасть в помещение, где установлены чесальные машины, нужно пролезть через входное отверстие, отстоящее от парового двигателя с его движущимися частями не более как вершков на 6—7; валы расположены на высоте ниже человеческого роста.

Большая часть табачных фабрик отличается „крайней скученностью рабочих... В огромном большинстве случаев пространство мастерских, иногда очень обширных, решительно не соответствует количеству помещающегося в ней народа. Благодаря этому обстоятельству воздух в них почти всегда спертый, душный, при чем в порче его участвуют не только человеческие испарения, но и недостаток вентиляции, а также примесь продуктов горения газа, керосина и свечей. Вентиляции почти нигде не имеется, а где и устроено какое-либо вентиляционное приспособление, то оно открывается лишь на случай приезда начальства". „Желудочные скоропреходящие боли (гастралгии) знакомы всем табачным работникам. Это, можно сказать, настоящее профессиональное их заболевание. Вообще, нервные страдания (от отравления никотином) так часты на табачных фабриках, что зачастую на вопрос: „ну, как здоровье?", получается от рабочих ответ: „да мы все больны; у всех одышка, у всех головная боль". Просторны, светлы и удовлетворяют

санитарным требованиям только машиностроительные и чугунолитейные заводы, да шерстомойные заведения. Что касается кожевенных заводов, то в них рабочие помещения низки и темны; для стока жидкостей с пола обыкновенно не имеется никаких приспособлений; повсюду сырость и грязь от шерсти и мездры.

На перчаточной фабрике Простова пахнет не лучше, чем в общественных и притом никогда не дезинфицируемых писсуарах, потому что кожи на этой фабрике вымачиваются в открытых чанах, наполненных полусгнившей мочей. Мочу доставляют, конечно, сами рабочие, для чего в помещении в нескольких углах находятся особые чаны, ничем не прикрытые.— В небольших кожевенных заведениях люди спят и едят в тех же зловонных мастерских, где воздух не лучше, чем в плохом анатомическом театре.

В большинстве булочных заведений пекарные помещения весьма плохи. „В большом прянично-конфектном заведении Жукова я нашел повсюду грязь и тараканов; рабочие спали на тех столах, где готовятся пряники и конфекты"... „В кондитерском, пряничном и бараночном заведении Гладкова (Харьков) господствуют повсюду грязь, нечистоты и мусор... Помещение для рабочих найдено в таком отвратительном виде, что приходилось удивляться, каким образом в этой клоаке могли помещаться люди. Теми же недостатками страдают булочные Савельева и Филиппова".

„Вполне удовлетворительно устроенных ретирад мы не видали нигде.—продолжает автор.—В большинстве случаев это нечто совсем примитивное: какие-то досчатые загородки, общие для обоих полов, часто очень тесные, так что один человек с трудом может пошевелиться в них. На некоторых заводах „вовсе не имеется никаких ретирад". Но неудобства еще ничего,—оказывается и здесь бывают несчастные „случаи". Так, например, на варшавском заводе эмалированной посуды ретирадное помещение было приткнуто к стенке котельного отделения, при чем во время бывшего на заводе взрыва парового котла убило работника и работницу, находившихся в этот момент в отхожем месте.

В отчете инспектора Воронежского округа Мирольского отмечается разница между фабриками городскими и деревенскими. „Для городских фабрик и заводов неизбежны и характерны теснота, скученность фабричных построек, а вместе с тем недостаточное освещение мастерских днем: грязь и нечистота вследствие дороговизны и затруднительности вывоза нечистот и отбросов. В сельских местностях почти все заводы

и фабрики расположены просторно, света и воздуха здесь достаточно". Некоторые расположены в лесах. „Но выгодность таких условий с санитарной точки зрения уменьшается тем, что, нуждаясь в воде для производства, в форме двигателя, фабрики и заводы располагаются обыкновенно вдоль рек, озер или прудов, бывают сырые, болотистые, вследствие чего здесь бывают частые туманы, а в жары—вредные испарения с их последствиями для здоровья—лихорадками разных видов". Большинство фабрично-заводских построек—деревянные, иногда на каменном фундаменте, „почти все они черны и мрачны на вид, плохо освещаются и грязно содержатся. В санитарном отношении главный общий недостаток всех фабричных зданий заключается в сквозном ветре, вследствие которого рабочие постоянно подвергаются опасности простудиться. Затем зимой эти здания или не отапливаются вовсе, или же, если и отапливаются, то неравномерность температуры в здании может также пагубно отразиться на здоровье рабочих. При вечерних и ночных работах освещение, преимущественно керосиновое, бывает обыкновенно недостаточное, что нередко ведет к ушибам и увечьям; на одном из заводов Воронежской губ. употребляются керосиновые лампы, ради экономии, без стекла, отчего по заводу идет копоть, дым и вонь, с выделением ядовитой окиси углерода".

Инспектор Казанского округа Шидловский в своем отчете отмечает, что устройство рабочих помещений приспособлено почти исключительно к требованиям производства: „удобства же рабочих, а тем более какие-либо санитарные требования при этом большею частью не приняты в расчет", при чем хозяева обыкновенно ссылаются на то, что „ни один рабочий, в какой бы дурной обстановке ему ни приходилось работать, никогда не жалуется на нее". Но только как ему жаловаться, когда за жалобой следует расчет?

На рогожных заведениях рабочие помещения, которые вместе с тем и жилые, „крайне тесны, грязны, с низкими потолками, а если устроены в нижнем этаже здания, то часто и с земляными полами. Многие из них отличаются также и недостатком света и нередко походят скорее на помещения, устраиваемые для домашних животных, чем на человеческие жилища". На фосфорных заводах и спичечных фабриках,— говорит помощник фабричного инспектора,—где отделяется масса вредных газов, вентиляции не существует никакой или же она крайне неудовлетворительна... На двух заводах, не говоря уже о том, что у многих замечена порча зубов, я встретил троих с вынутыми челюстями, вследствие их полного омертве-

ния (от паров фосфора). „Вслед за спичечными фабриками по своей невозможной в санитарном отношении обстановке следуют мастерские кожевенных заводов, в особенности отделения зольное и дубильное. Обыкновенно эти отделения помещаются в нижних этажах и почти всегда темны, чрезвычайно грязны и без всякой вентиляции. Вследствие обильного выделения аммиачных и других газов в зольных, непривыкший едва ли в состоянии пробыть там несколько минут; так, при осмотре подобного отделения завода № 193, я не в состоянии был пробыть и 3 минут вследствие сильного кашля, возбужденного удушливыми газами, а глаза начало так сильно есть, что я почти ровно ничего не видел. Вообще, устройство кожевенных заводов в санитарном отношении не выдерживает самой снисходительной критики". „Крайне неудовлетворительным состоянием рабочих помещений отличаются фаянсовые и круподерные заводы, в особенности последние: масса пыли, темнота помещений и отсутствие вентиляции, чем вообще страдают осмотренные мною фабрично-заводские и ремесленные заведения, в особенности те из них, где само производство обусловливает выделение газов или пыли". „Мастерские ваточно-писчебумажной фабрики № 129—тесные и крайне ветхие конурки, годные разве к сломке, а не к заводскому действию.

Переходим теперь к Владимирско-Московскому району, центру промышленности, обрабатывающей волокнистые вещества.

Если хлопчатобумажное производство,—говорит инспектор Владимирского округа д-р Песков,— по своей пыли справедливо считается очень вредным, то обработка льна, по употребляемым при нем способам и по той обстановке, при которой она совершается, на всех виденных мною льняных фабриках, представляет собою еще более вредное производство, в особенности для детей. ...Выделяющаяся при обработке льна пыль содержит в себе, кроме волокон, еще кремнекислые соединения, действующие весьма вредно на легкие. Затем вместе с пылью летит иногда костра, которая, попадая в глаза, сильно раздражает их, вследствие чего у всех почти работающих при кардах оказываются красные веки.

Обстановка представляет верх нарушения всяких гигиенических правил. „В то время как в Западной Европе давно уже все чесальные машины, отделяющие пыль, снабжены всевозможными вентиляторами и крышками, у нас на льнопрядильных фабриках, по моим наблюдениям, только на одной все карды были плотно прикрыты". Неудивительно, что всюду такая пыль, что „после пребывания на льнопрядильных фабриках

в течение только нескольких минут я выходил оттуда, весь покрытый пылью, как мукой". Там, где обрабатываются низшие сорта льна,—„трудно становится не только дышать, но и видеть; все в каком-то сером тумане". К этому нужно добавить отделение гнилостных испарений, которыми наполнены бывают мастерские, где стоят так называемые „мокрые ватера". Между тем только на одной фабрике есть приспособления для устранения этих испарений. „На всех же остальных льнопрядильных фабриках мастерские эти крайне грязны, с липким полом и тяжелым гнилым воздухом, а на некоторых фабриках, как, например, Кекина, в мастерских мокрых ватеров атмосфера в момент моего посещения имела буквально запах помойной ямы".

В механических ткацких „работа за станами крайне утомительна. Не говоря уже о страшном шуме, господствующем в этих мастерских, который притупляет чувство слуха, как я не раз это наблюдал, ткачи обыкновенно работают все время, стоя на одном месте, и постоянно находятся в напряженном состоянии духа, ибо нигде не делается так много вычетов всякого рода за порчу товара, как у ткачей..." Между тем на некоторых фабриках приходится работать таким образом при 8-часовой смене: одну неделю по 8 часов, а другую по 16 часов в сутки". Точно так же „на всех прядильных фабриках работа постоянно идет день и ночь; за весьма немногими исключениями, да и то только временами,—с 6-часовыми сменами, а на некоторых фабриках—с 8-часовыми сменами, т.-е. одну неделю работают 8 часов, а другую 16 часов в сутки". На сушильных, крахмальных и спиртовых барабанах температура бывает так высока, что „малолетние не иначе работают, как в одних портках, без рубашки; вспотевшие и раскрасневшиеся, они имеют вид парящихся в бане". Кроме того, воздух наполнен испарениями, иногда далеко не безвредными, от сохнущих окрашенных тканей. „Самые нездоровые мастерские, где работают малолетние, это стригальные, надпральные, ворсовальные и опальные... В них или совсем отсутствуют какие бы то ни было приспособления для удаления отделяющихся при этом громадной пыли и дыма, или приспособления эти были весьма неудовлетворительны" [1].

Что касается ретирад, то они „составляют самое больное место огромного большинства осмотренных мною фабрик"; из 71 промышленных заведений с 53,096 рабочих лишь на одной Шуйской мануфактуре замечено „целесообразное устройство"...

[1]) Фабричный быт Владимирской губ. 1885 г.

В Московском округе на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках из 505 мастерских в 111, т.-е. 22% всего числа их, приходится менее 3 кубических сажен воздуха на человека; в этих 111 мастерских находится 9.149 человек, т.-е. без малого $^2/_3$ всех рабочих. Кроме тесноты, присущей даже этим, с виду столь просторным фабрикам, „данные, относящиеся к 177 мастерским, неоспоримо показывают, что во всех вообще мастерских описываемых (т.-е. бумагопрядильных и ткацких) фабрик преобладает чрезвычайно высокая температура, положительно вредная в нашем климате". В 52 мастерских температура—от 17° до 20°; в 96 мастерских—от 21° до 25°; в 11 мастерских—от 25° до 28°. „Очень нередко в оправдание чрезмерно высокой температуры мастерских фабриканты приводят довод, что это—якобы неустранимое требование производства, зависящее от свойств хлопка. Но это совершенно неверно. Действительно, при очень низкой температуре, ниже 13°, прядение затрудняется—пряжа выходит хуже; но если бы даже надо было держать температуру на 16°—17°, то это еще слишком далеко от обычной температуры прядильных—выше 20° и до 28° [1].

Постоянная и единственно достаточная вентиляция путем искусственных механических приспособлений существует только на одной Раменской мануфактуре. Даже форточек и вертушек в зимних рамах не имеется в 139 мастерских.

На ситценабивных и механических красильно-отделочных фабриках мастерские переполнены еще более, чем на бумагопрядильных и бумаго-ткацких. Из 662 мастерских 167, т.-е. 25,5%, имеют менее 3 куб. саженей воздуха на человека. В них работает 4.152 чел., т.-е. 37,9% всего числа рабочих. Достаточной и целесообразной вентиляции нигде нет,—ворсильные машины на всех без исключения фабриках и стригальные—на всех фабриках, за исключением 2, не имеют никаких приспособлений для предупреждения выделения пыли в атмосферу мастерских. „Нет такого обычая", говорят фабриканты. В 32% всех описанных красилен не оказалось даже форточек.

На химических заводах „в подавляющем большинстве случаев рабочие помещения представляют простые сараи, нередко притом плохо сколоченные, так что благодаря полной и энергической естественной вентиляции воздух в них никогда не

[1]) Сборник статистических сведений по Московской губ., т. IV, вып. II. Общая сводка по санитарн. исслед. 6—18 стр.—Эрисман. Санитарное исследование Клинского уезда. 200 стр.

мог бы быть испорченным, если бы не другая, гораздо более серьезная небрежность в устройстве и содержании осмотренных (21) заводов и грубость и неразумность многих приемов производства, благодаря которым воздух отравляется различными вредными газами, парами и пылью. Эти газы, пары и пыль не только вредят рабочим, причиняя более или менее тяжкие болезни от раздражения дыхательных путей и соединительной оболочки глаз и влияние на пищеварительные пути и зубы, но и прямо их отравляют".

На зеркальных мелких заводах рабочие страдают от отравления ртутными парами. Это обнаруживается в дрожании рук, в общем упадке питания и дурном запахе изо рта. „Общий вид рабочих в высшей степени болезненный, худосочный, цвет лица бледный, с сероватым оттенком; питание тела плохое; десна опухшие". Про рогожные заведения нечего и говорить: „на всех фабриках все без исключения мастерские дают на каждого рабочего или, вернее, живущего менее принятой нами нормы в 3 куб. саж., а $^2/_3$ из них дают менее 1 куб. саж. на человека, не считая притом массы воздуха, вытесняемого мочалой и рогожами". Грязь, сырость, зловоние—ужаснейшие. „Это конюшни, а не мастерские". На 7 кожевенных заводах было найдено отопление „по черному"—без труб. Из 1080 фабрик Московской губ. периодическое мытье полов существовало только на 3!

„На многих фабриках, говорит Янжул, машины расставлены слишком тесно, многие механизмы, требующие ограждения, в действительности не ограждены, что грозит большой опасностью для работающих и ведет на наших фабриках к большому количеству несчастий, начиная с ничтожных порезов и кончая изуродованием и лишением жизни". „Почти полная в настоящее время безответственность хозяев за несчастия с рабочими ведет не только к недостатку ограждений опасных частей машин, но даже к полнейшему невниманию к ним, где они уже существуют. Приведу разительный пример из виденного мною лично. На мануфактуре № 31 в опальне или палильне, между двумя машинами со множеством зубчатых колес, вращающихся в разных направлениях, существует проход всего, примерно, в три четверти аршина, через который в течение суток проходят, нет сомнения, сотни рабочих, и в том числе малолетние; малейшая неосторожность, особенно при господствующем шуме и жаре в этом отделении, один нетвердый шаг или толчок,—и человек в этом проходе легко может зацепиться за ту или другую шестерню и быть изуродованным. Я обратил внимание на этот опасный пункт мастера,

и он мне хладнокровно ответил, что для прикрытия этих машин есть у них деревянные футляры; но у одного из них, недели 2 тому назад, оторвалась крышка и что никак не соберутся ее исправить" [1]).

Переходя к горным промыслам и заводам, состоявшим в ведомстве министерства Земледелия, нужно заметить, что они не подлежали надзору фабричной инспекции и потому материалов для характеристики их положения приходится искать в других источниках. „Железное производство есть самое легкое, самое доступное из 3-х, менее всех изнурительное; медное самое тяжелое и для здоровья самое вредное; золотое—самое развращающее в физическом и нравственном отношении", так говорит д-р Португалов в своей статье „Работа в рудниках, или гигиена рабочих рудокопов" [2]). Рудничную добычу железа д-р Португалов наблюдал в двух местах: на Магнитной или Высокой горе и на горе Благодать. Как тут, так и там—работа поверхностная, надземная. Очень может быть, что именно поэтому у него сложилось представление об этой работе, как самой легкой и менее всех изнурительной. Сперва снимается более или менее толстый слой наносной земли, непосредственно под которой иногда находится самая руда, или она бывает еще прикрыта более или менее толстым слоем каменной породы. Затем ее добывают или кайлом, или порохострельным способом. Несчастных случаев при надземной работе бывает гораздо менее; рудокопы получают задельную плату и работают как им удобней. При таких условиях „рудничный труд едва ли превышает по своей трудности полевые работы".

Но не везде разработка ведется таким образом. На том же Урале, в Пермском, например, округе глубина шахт на многих рудниках достигает 25—30 сажен, с применением паровых под'емов и водоотливных устройств; здесь, конечно, характер работ совершенно иной.

Но даже при открытых, надземных работах—вначале, когда ведутся разведки, копают шурфы,—людям приходится углубляться в землю и работать при менее благоприятных условиях, в узком пространстве. Несчастные случаи здесь не редкость: от отравления при порохострельных работах, от обрыва каната, от выпадения кусков твердой породы и т. д.

Медная руда обыкновенно находится более или менее глубоко в недрах земли. Неудивительно поэтому, что, по словам Португалова, „медное производство сложнее и тяжелее; оно

[1]) Фабричный быт Московской губ. 1884 г.
[2]) Архив судебн. медицины и обществ. гигиены, 1870 г., кн. 4

настоящий каторжный труд. Мы видели однажды стеклянное производство и можем сказать, что это—адский труд. Какой из них легче—трудно сказать. Оба ужасны". О предохранительной одежде для рабочих заводоуправления не имеют и понятия. „На медно-рудянском руднике в Тагиле мы были удивлены", продолжает автор, „тем, как плохо одеты рудокопы. На них было все мокро, и весь костюм их состоял из холщевых портков, зипуна и шапки. Между тем в руднике везде очень сыро, мокро, грязно, везде каплет, вода просачивается всюду и местами довольно холодно; местами же до того жарко, что рудокопы действительно работают нагишом". „Нас уверяли, что г. Демидов, гуманность и истинно-христианская благотворительность которого вошли в пословицу по всей России, не знает [1]) о том жалком положении, в котором находятся его рабочие. В противном случае, не подлежит сомнению, что заводоуправление вынуждено было бы снабдить их если не гуттаперчевыми, то хоть кожаными куртками и кожаными передниками, фланелевыми фуфайками". Проработав часов двенадцать в рудниках, рабочие, усталые и промокшие, выползают на свет божий; так как обыкновенно нигде нет приспособлений, где они могли бы обсушиться и обогреться, то они в таком виде спешат в свою убогую избенку, которая отстоит от рудника в 2 или 3 верстах. „Летом еще бывает сносно, но зимой, и во время пермской холодной весны, когда постоянно дуют самые пронзительные ветры, бывают вьюги, метели, пурга или в 35° мороз, — каково возвращаться в мокрой одежде?"

Самый спуск в шахты или под'ем нередко служит важным источником утомления и несчастных случаев.

На Урале большим распространением для этой цели пользуются лестницы. Из глубоких шахт под'ем в высшей степени изнуряет рабочих, так что после долголетних занятий в шахтах рабочие, хотя и могут еще работать, но совершенно не в состоянии спускаться и подниматься по лестницам, вследствие болезненного расширения легких. Неудивительно также, что эти лестницы часто подают повод к несчастным случаям, так как, особенно при под'еме, рабочие, расслабленные и истощенные, легко падают с лестниц, если последние мокры и скользки и плохо укреплены. Что касается видов заболеваний, преобладающих между горными рабочими, то работа в рудниках и шахтах прежде всего вызывает хрони-

[1]) Автор, очевидно, не подозревал, что многие горнозаводчики предпочитали передавать в руки полиции тех „ходоков", которых рабочие посылали к ним с ходатайствами об улучшении своего положения!

ческие расстройства питания. Отсутствие оживляющего действия дневного света и свежего атмосферного воздуха сильно затрудняет нормальное образование крови, и рудокоп становится анемичным, даже в том случае, если санитарные условия рудника, в общем, удовлетворительны. „Болезнь рудокопов, которую нельзя приравнять к простой анемии, это—так наз. Oligaemia montana (горное малокровие) [1]. Признаки этого глубокого расстройства питания всего организма имеют большое сходство с бледною немочью у женщин. Они главным образом следующие: поразительно бледный, блеклый, нередко совсем восковой цвет лица и всего тела, смертельная бледность губ и слизистой оболочки рта, анемический шум в шейных венах, усиленная деятельность сердца; к этому присоединяется общее исхудание, исчезание жира в подкожной клетчатке и вялость мышц. Больные чувствуют себя слабыми, показывают большую наклонность ко сну, жалуются на шум в ушах, тяжесть в ногах и одышку, главным образом при вхождении на лестницы или на гору. Под конец нередко является водянка нижних конечностей, транссудаты в грудную и брюшную полости, и при явлениях общей водянки и ослабевающей силы сердца наступает смерть".

Заглянем теперь на работы в золотопромышленности. Золото встречается или в виде руды, или в виде россыпей, но рудное золото встречается редко и разрабатывается пока немного. На россыпях же работы ведутся поверхностные и подземные. Какие из них тяжелее—сказать трудно: и те, и другие очень вредны, особенно при чрезмерной продолжительности рабочего дня. На открытом воздухе, в так называемых „разрезах", рабочие страдают от холода и сырости, а в подземных шахтах работают в спертом воздухе и весьма нередко также в сырости. Зимой,—говорится в записке „О санитарных условиях труда и жизни рабочих на золотых приисках Нижнетуринской дачи Гороблагодатского округа" [2],—когда разрабатываются главным образом более глубокие россыпи, труд часто бывает обставлен условиями, в высшей степени разрушительными для здоровья. „Большая часть золотых и платиновых россыпей залегает на глубине 2—10 сажен ниже русла реки; так как глинистые, не пропускающие воду, пласты встречаются весьма редко, то обилие проникающей в шахту воды бывает так велико, что откачивание ее, даже при хорошем содержании золота, считается иногда убыточным. На дне шахты, особенно

[1]) Эрисман.—Профессиональная гигиена, 1877 г., 174 стр.
[2]) Горный журнал, февраль за 1892 г.

в забоях, земля превращается в жидкую грязь, в которой человек (забойщик) тонет обыкновенно вершка на 3—5; если же откачивание идет не особенно успешно или как либо прерывается, то вода быстро поднимается, затопляя рабочих еще выше. Для забойщиков обыкновенно даются хозяйские сапоги, но так как кожа их бывает чаще всего плохого качества, промокаемая, то благоразумные забойщики предпочитают иметь сапоги заказные, непромокаемые; но все-таки значительная часть их пользуется сапогами хозяйскими, и несмотря на железную закаленность здоровья многие забойщики заболевают, наконец, острым ревматизмом. Кроме низовой воды, на рабочего, ведь падает дождь с потолков шахты; и с этой стороны он защищен в весьма редких случаях кожаной курткой; обыкновенно же он промокает насквозь, спасаясь от пронизывающего холода лишь более усердной работой. В среднем, на рабочего полагается добыть от $^1/_3$ до $^1/_2$ куб. саж. песку. Насквозь промокший рабочий вылезает прямо на 30° мороз; быстро покрываясь ледяной корой, бежит к соседнему балаганчику, где ему дают большую рюмку хозяйской водки от смертельной простуды".

Когда золотоносный пласт найден, его извлекают или посредством открытых разрезов, снимая сверху так называемый торф, или посредством орт, проводимых вглубь от боков разрезов; иногда, при очень значительной глубине, орты заменяются шахтами, которые отличаются от первых тем, что вход в них идет не горизонтально и пески извлекаются не в тачках, а бадьями. Открытые работы производятся только весною и летом, а ортовые и шахтовые — и зимою... Забойщики, принимаясь за работу, сначала „подкайливают" пласт земли снизу; при глубоком подкайливании и при некоторой рыхлости пласта иногда большая глыба вдруг обрушивается на рабочих и калечит их или убивает до смерти. Подкайливающие глыбу забойщики вбивают в нее сверху железные ломы и ими отворачивают эту глыбу; затем они разбивают ее кайлами и вместе с возчиками складывают в таратайки. Всего тяжелее работа забойщика, но весьма неприятна и работа галечника, которого из нижнего люка машины обдает грязною водою, пока он сваливает промытую уже гальку в таратайку для отвоза на отвал. За недостатком свечей работы в ортах иногда освещаются соломой (как, напр., на приисках Базанова и Сибирякова), которая дает страшную копоть, вредную для дыхательных органов; и одежда, и сами рабочие покрывались толстым слоем сажи, и даже 2 недели спустя по выходе с работ они продолжали выплевывать черную слюну...

Вот общий тип промыслового рабочего, каким он рисуется по наблюдениям доктора Крутовского [1]) „К 40—50 годам жизни, после 10—16 лет приисковой работы, рабочий представляет из себя преждевременно состарившегося суб'ека с расширенными венами, перерожденными артериями, с гипертрофированным сердцем, которое уже отказывается работать; появляются отеки, застой крови, эмфизема легких, гипертрофия и перерождение печени, параличи и масса других заболеваний, начиная нефритами и оканчивая общим маразмом. Все это хронические, непоправимые нарушения целости организма, обязанные своим происхождением условиям приисковой жизни и работы".

Обратимся теперь к каменноугольным копям. „Если представить себе положение углекопа во время работы в недрах, говорится в статистическом исследовании Екатериносл. губ., то от одного представления делается страшно и жутко" [2])... „Работа производится на большой глубине,—от 16 до 60 сажен, — куда дневной свет не проникает: шахты освещаются дымящими и чадящими масляными лампочками, имеющимися у каждого углекопа при себе. Рабочий день чрезмерно длинен; все это время углекопы находятся в согбенном положении, забойщику приходится отбивать уголь, стоя на корточках, а когда пласт тонок, то и лежа на боку; саночник отвозит уголь ползком на коленях и т. д. Воздух в шахтах сырой, так как большинство их с большим притоком воды; рабочим нередко приходится совершать работы и передвижения по воде в костюме Адама. Дышать приходится угольною пылью вместе с различными тяжелыми для дыхания газами, которые до такой степени вредно действуют на организм, что работа делается невозможной, особенно в летнее время. Свеча не горит, и рабочие вынуждены по нескольку дней не работать. Несмотря на высшую оплату труда летом артели не могут вырабатывать того, что вырабатывают зимой. Нужно привыкнуть к мысли о смерти и не дорожить совсем жизнью, чтобы решиться на рудничный труд, где малейшая оплошность рабочего, недосмотр администрации и т. п. могут окончиться смертью или погребением заживо... Труд углекопа—каторжно-тяжелый труд". По словам Верещинского, бывшего управляющим одним из крупных каменноугольных рудников в области Войска Донского, в сырых копях (а сухих сравнительно мало)

[1]) „Предварительные данные о влиянии условий жизни и работы на золотых промыслах на физическое здоровье рабочих". 1892 г.—Обширный материал собран, далее, у Семевского—„Рабочие на сибирских золотых промыслах". 2 т.

[2]) Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ. 1886 г., т. II и III.

„работа сопряжена со страшными последствиями для здоровья. Минеральная, серно-железистая, пропитанная углекислотой вода буквально съедает организм рабочего, как железо водяных ящиков, которыми она выкачивается и которые превращаются после годовой работы из 3-дюймовых в сквозные. К этому нужно прибавить испарение земли и душный воздух—почему нигде нельзя встретить столько ревматиков, как среди шахтеров"... „Работа в шахтах высотою в 1—2 четверти действительно каторжная"... „Таскать на лямке санки с углем требует много сил. Тяжела также работа и стволового. Он находится постоянно у отверстия шахты внизу, в сыром испарении и в воде. Вода снизу, души с боков и тяжелый воздух для дыхания! Все это надо переносить в течение всей работы и не зевать, а то бадья или клеть от разных случайностей легко могут убить". А затем обвалы, взрывы.

Вообще работа в каменноугольных копях действует очень вредно, порождает известные профессиональные заболевания, даже если применяется усовершенствованная вентиляция и принимаются меры к уменьшению пыли и газов. Пыль, образующаяся при добыче угля, вместе с той, какая попадает в воздух от раздробления угля, покрывает одежду и тело рабочего и проникает не только в дыхательные пути, начиная с их поверхности и кончая глубокой тканью легких и даже плеврою, но и в пищеварительные органы — желудок, кишки, печень, селезенку, почки. Кроме угольной пыли иногда приходится еще вдыхать и каменную, которая еще более вредна. Обычные последствия воздействия пыли—это катарр дыхательных путей, эмфизема легких и хроническое соединительно-тканное воспаление легких. Некоторые шахты временно, а другие постоянно содержат большее или меньшее количество воды, и от промокания одежды рабочие простуживаются и заболевают острым бронхитом, воспалением легких, плевритом, а главным образом, ревматизмом. Вследствие неудобного положения и плохого освещения, — забойщик лежит на спине или боком, а лампа в ногах, — происходят параличи глазных мышц. Продолжительная работа в копях вызывает общий упадок питания, малокровие и общую нервную слабость [1]).

[1]) Рабочий углекоп в Германии старится очень рано: в среднем, он должен бросить работать после 20-тилетнего пребывания в копях и в 40 лет уже инвалид. По данным касс страхования от болезни, средним числом болеет 35 человек в год из 100; процент заболеваемости у рудокопов—51 („Русские Ведомости", 1905 г., март). — У нас на юге России „15 лет непрерывной работы на шахтах и заводах совершенно достаточно, чтобы из молодого, здорового мужика сфабриковать преждевременного старца". Матвеев—„Очерк южно-русской металлургической промышленности". Вестник Финансов за 1896 и 1897 г.

Так как санитарно-гигиенические меры мало помогают делу, то наиболее действительным средством для борьбы с тяжелыми условиями труда в рудниках и шахтах является сокращение рабочего дня до 8 час., а в некоторых случаях и до 6 час. Это было высказано проф. Эрисманом уже в 1877 г. Где же присоединяется опасность отравления, там это время должно быть еще более сокращено. „В ртутных рудниках, вследствие опасности, сопряженной с продолжительным пребыванием в шахте, рабочие не должны оставаться более 3 или 4 час.“ [1]). Случаи отравления часто встречаются также при добыче в рудниках и дальнейшей переработке свинца и цинка. „Почти все рабочие, имеющие дело с цинковым производством, — говорит в своем отчете д-р Бертенсон, — отличаются жалким, истощенным видом, землисто-грязной или серой окраской кожи... 75% литейщиков подвергаются острому отравлению цинком, при чем не раз, а несколько раз... Острое отравление не наблюдается у рабочих цинковых рудников, но зато они страдают болезнями дыхательных органов, расстройством пищеварения и общим упадком питания. У рудокопов, плавильщиков, чистильщиков муфелей и пр. после продолжительной работы от 10 до 12 лет обнаруживаются признаки хронического отравления. Происходит нарушение чувствительности в коже и мышцах, параличи движения, главным образом, в нижних конечностях и пр. Кроме того, рабочие подвергаются и другим вредным влияниям, и предельная трудоспособность рабочего при цинковом производстве падает на 45-й год жизни“. Какие же меры принимаются для борьбы со злом?

Не говоря уже о том, что каких-либо специальных приспособлений для ограничения вреда, причиняемого производством, нет и в помине, но даже элементарных требований гигиены, — продолжает д-р Бертенсон, — на двух цинковых заводах царства Польского не выполняется вовсе. Нет даже самой простой вентиляции. При таких условиях „здоровых рабочих не должно быть вовсе. Оно на самом деле так и есть“. Далее мы узнаем, что из всех копей Домбровского бассейна только на копях Французско-Итальянского о-ва имеется усовершенствованная вентиляция. На каменноугольных копях замоскового и средневолжского округов, говорит тот же исследователь [2]),

[1]) Эрисман. — Профессиональная гигиена, 1877 г., 190 стр.

[2]) Санитарно-врачебное дело на горных промыслах царства Польского. Горный Журнал за 1893 г., т. 4. — Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах замоскового и средне-волжского округов. Горный Журнал за 1895 г., май.

одно из главнейших условий — п р о в е т р и в а н и е — оставляет желать многого: оно везде только естественное.

Только на одной копи (Левинской) имеется, и то лишь для больших работ, паровой вентилятор.—Относительно центра нашей каменноугольной промышленности—юга России корреспондент из Луганска пишет: „О каких-нибудь удобствах, какими пользуются, напр., рабочие соляных копей, угольная администрация даже не имеет и представления; в силу этого работа производится в атмосфере, наполненной едкой угольной пылью и различными вредными для дыхания газами, в мокрой (в некоторых рудниках воды до полуаршина), сырой почве, часто прямо в костюме Адама“ [1]).

Перейдем теперь к рассмотрению обстановки труда на горных заводах. В 90-х годах министром земледелия и государственных имуществ был командирован Л. Бертенсон для осмотра казенных и частных горных заводов и промыслов в санитарно-врачебном отношении—для выяснения вопроса, в какой мере санитарная и врачебная часть на них отвечает нуждам горнорабочего населения. Относительно Урала Бертенсон замечает, что на весьма многих заводах бросается в глаза теснота в отдельных цехах. На Златоустовском заводе, в точильном цехе, где при производстве сухого точения клинков постоянно висит в воздухе мельчайшая пыль, вентиляция крайне недостаточна, и рабочие этого цеха подвергаются в значительной степени серьезным заболеваниям дыхательных органов. На некоторых заводах, как, напр., на Кушвинском, Баранчинском и др., доменные печи, снабженные кожухами старой конструкции, развивают такую высокую температуру, особенно у фурм, что работа делается чрезвычайно тяжелой, почти невыносимой. Редко где на заводах заботятся о непосредственной защите рабочих от повреждений и несчастных случаев. Если больших недочетов в обычных предохранительных приборах у машин, станков, приводов и пр., по словам Бертенсона, не замечено, то зато редко где приходилось наблюдать применение предохранительной одежды, наличников, очков и т. п., даже предохранительные фартуки редко где употребляются, и на самых благоустроенных заводах такие предохранительные приборы, как наличники, очки, лежат в кладовых и в дело не идут. На Воткинском заводе рабочие почти поголовно страдают перемежающейся лихорадкой, так как берега реки Вотки представляют почти сплошное болото и т. д. [2]). Не лучше обстоит

[1]) Новое Слово, кн. 7, за 1896 г.

[2]) Горный Журнал, 1892 г., февраль—Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала.

дело в Польше. Если в II-м горном округе имеются заводы и просторные и тесные, то зато в I-м округе благоустроенных почти вовсе нет; все заводы малопоместительные и даже самые благоустроенные обращают на себя внимание теснотой. Железопрокатный завод „Пушкин“ „более чем неудовлетворителен в гигиеническом отношении“. Заводы Гута-Банкова (чугуно и стале-литейный, рельсопрокатный и железоделательн.) в Домброве, с 2.000 рабочих, обращают внимание скученностью и теснотой не только в помещениях, но и на заводских дворах. Впереди всех, по своему благоустройству, стоят заводы гр. Тарнинского в Стомпоркове. Все цехи—просторны и светлы. „Единственный недостаток: в доменной печи выпускаемые газы, при большом ветре, нередко проникают под колошник и служат причиной угара рабочих. Так, во время нашего посещения двое рабочих едва были приведены в чувство после отравления газами“. Что касается мер безопасности, то, по словам Л. Бертенсона, бьющих в глаза пробелов в охранительных приборах, заграждениях вообще нет, но незаметно также стремления заводовладельцев к введению у себя даже самых простых и несложных улучшений и усовершенствований по части ограждения здоровья рабочих от вредных влияний производства. „Вопросом о предохранительной одежде рабочих также мало занимаются владельцы заводов и рудников царства Польского, как и на Урале. Мы не ошибемся, если скажем, что нигде не обращается внимания на то, чтобы рабочие у механизмов, приводов, станков и проч. не позволяли (!) себе работать в неподходящей одежде, например, в пальто, в рубахах с болтающимися рукавами, в передниках и т. д. Предохранительные фартуки, наличники, очки, за очень редкими исключениями, в инвентаре заводов вовсе отсутствуют“.

Существующими обязательными заграждениями и защитами шкивов, муфт паровых машин, паровых молотов, шестерен и пр., конечно, не может исчерпываться заботливость о здоровье и жизни рабочих, а более широкого и осмысленного отношения к этому вопросу со стороны заводовладельцев не замечается. И в Польше так же, как на Урале, не только никто не утруждает себя изысканием средств для большего обезвреживания производства или промысла, но даже не желает применять того, что для людского блага с успехом применяется у западных соседей.

В средней России, по словам того же автора, даже такие крупные заводы, как, например, Брянский (7.000 раб.), Сормовский (3.000 чел.) и Гусевский, не могут быть названы благоустроенными: мастерские их темны и тесны...

Устройство хорошо вентилируемых и освещаемых рабочих помещений и применение рациональных предохранительных приспособлений тем более необходимо именно на горных заводах, что здесь само производство в высшей степени тяжело и даже опасно и служит причиною разнообразных профессиональных заболеваний и несчастных случаев. Относительно профессиональных болезней нужно заметить, что материалы для статистики их совершенно отсутствуют. На запрос Л. Бертенсона большинство врачей уральских горных заводов ответило, что таковых сведений не имеется; на одном же из больших заводов врач имел даже смелость сообщить, что „профессиональных болезней на вверенном его попечению заводе не наблюдается". В своем отчете о санитарно-врачебном деле на горных заводах и промыслах замосковского и средне-волжского округов Бертенсон добавляет, что не только нет данных о профессиональных болезнях, но „даже представление о них так смутно, что многие заводовладельцы, не только из мелких, но и из крупных, не стесняются письменно заявлять, что „таковых нет", или причисляют к профессиональным болезням „чесотку". Сведения, собранные на месте вышеуказанным автором, приводят к тому общему заключению, что причиной профессиональных болезней является: 1) чрезмерно высокая температура, например, у сварочных, кричных и пудлинговых печей, и 2) насыщение воздуха металлической пылью.

Кроме того, очень часты заболевания глаз у рабочих от попадания в них раскаленного железа и шлака и ушей у рабочих кричного и молотобойного цехов. Достаточно представить себе картину—поистине адскую—труда у литейных, пудлингово-сварочных и кричных печей! „Уже по прошествии 3-х минут рабочий, обливающийся потом, с раскрасневшимся лицом, налитыми кровью глазами, страшно учащенным пульсом и дыханием, выбегает на холод и тушит свой внутренний жар огромным количеством воды. Учащение пульса весьма часто доходит до 160 ударов в минуту, дыхание до 60, температура повышается сплошь и рядом до 38°, нередко до 39° и выше! Потение так велико, что рубаха рабочего при высыхании делается твердою от покрывающей ее коры поваренной соли" [1])... Не только у самых печей температура чрезвычайно высока,—настолько высока, что яйцо, подвешенное на шее рабочего, сваривается,—но даже на некоторых заводах, при тесноте помещений, в срединном пространстве температура достигает 40° Реом.

[1]) Рума.—Материалы для санитарного описания Пермской губ. Вып. I. 1885 г.

Непривычному человеку, попавшему на металлургический завод, когда он в полном ходу, кажется, что он попал в ад кромешный. „Здесь горит адский огонь, обдающий вас нестерпимым жаром, при котором невозможно устоять; тут двигаются на платформах от одного вальца к другому громадные раскаленные глыбы железа, которыми рабочие манипулируют столь же быстро и свободно, как в бильярдной игроки перебрасываются шарами; а там, в воздухе, укрепленный где-то высоко в стропилах, двигается огромный ковш с огненной жидкостью и, достигнув места назначения, наклоняется рабочими и опорожняется, чтобы тотчас же совершить путешествие обратно, для нового наполнения огненной жидкостью. Вот, например, вытягивается проволока: тонкая, раскаленная до-красна проволока с быстротою 20 верст в час летит от одного рабочего к другому, который, подхватив проволоку щипцами, передает ее в соответствующий желобок, чтобы, вылетев оттуда, она была подхвачена следующим рабочим, передающим ее дальше; проволока извивается, подобно змее, и при малейшей оплошности рабочего она может проколоть его где-нибудь“... [1]). Не говоря уже об опасности для жизни, жар в подобных отделениях так велик, что рабочим приходится выпивать невероятное количество воды: многие выпивают в течение рабочей смены более $8^1/_2$ литров (т.-е. $^2/_3$ ведра) воды, а д-р Рума видел случай, когда рабочий выпивал $16^1/_2$ литр. (т.-е. более $1^1/_3$ ведра) в течение $11^1/_2$ рабочих часов! Изнуренный, весь в поту, бросается заводский рабочий в момент перерыва и жадно пьет ледяную воду. „Мне случалось видеть,—говорит д-р Рума,—несколько рабочих сталелитейной фабрики, у которых тотчас после выемки тиглей из печей Сименса шла кровь из носу. Вынимая тигли, рабочие подвергаются действию страшного жара, подобного которому, кажется, не встречается ни в одной из других отраслей горнозаводской промышленности. Несмотря на то что операция эта продолжается только 12—15 минут, этого достаточно, чтобы вызвать у некоторых носовые кровотечения. Рабочие рады им, так как они до некоторой степени облегчают их от тупой головной боли, зависящей от гиперемии (т.-е. переполнения кровью) мозга, которая вызывается влиянием жара“. Как велик жар, можно судить по тому, что на расстоянии одного фута от закрытой печи Сименса ртутный термометр показывал $78^1/_2{}^0$ Реом. или $97,_5{}^0$ Ц. И это при закрытой печи!.. Затем от страшного жара рабочие сталелитейной переходят часто к внешней

[1]) Брандт.—Иностранные капиталы. Часть II, 1899 г. 261 стр.

температуре в 20°, а то и ниже. „Естественно, что при таких условиях они имеют все шансы простудиться, и нельзя удивляться, что к концу серии литья они чуть не все страдают ларингитом", т.-е. воспалением слизистой оболочки гортани. Точно так же пудлинговый мастер у печи выносит страшный жар, причем работает в фабриках холодных, вполне доступных для ветра, и нередко термометры, повешенные один на груди рабочего, а другой на спине, показывают разность в 20°. Во все время смены (от 8 до 12 час.) рабочему приходится очень часто размешивать расплавленную массу, при чем от него требуются значительные физические усилия. „После этого нам часто приходилось видеть рабочих, отправляющихся отдохнуть у входа фабрики на сквозном ветру в температуре 12°, а то и ниже... Рабочие знают, что этим они подвергают себя возможности простуды, но когда им об этом говорят, то они возражают, что иначе нельзя было бы вынести их работу" [1]).—„Факт несомненен,—подтверждает также П. Спасский,—что вообще все работающие у огня в высшей степени подвержены всевозможным острым воспалительным заболеваниям, начиная с простого насморка или ангины и кончая обоюдосторонней крупозною пневмониею и сильнейшим острым желудочно-кишечным катарром, симулирующим настоящую холеру. Состоя в воткинском заводе в качестве местного заводского врача, я заметил, что половина всех случаев заболеваний острым желудочно-кишечным катарром приходится на долю пудлинговых рабочих. Число же последних в общем составе заводских рабочих не составляет и одной шестой доли. Крупозное воспаление легких случается у пудлинговых рабочих также очень часто. В отношении частых заболеваний пудлинговых рабочих желудочно-кишечным катарром следует упомянуть о том, что рабочих нередко „схватывает" тотчас после того, как они после работы проглотят ковшик или два холодной воды. Тут же, на месте, рабочий начинает чувствовать сильное давление под ложкой, начинается рвота, понос и т.п." [2]).

Что касается пыли (металлической), то, как известно, действие ее наиболее вредно там, где образуется мелкая пыль, носящаяся в воздухе. За отсутствием таковой, например, кузнецы, ножевщики, гвоздари, оружейники и даже слесаря, сравнительно мало страдают легочными болезнями; зато весьма подвержены этим страданиям пильные мастера, вырезывающие

[1]) Р. Рума.—Материалы для санитарного описания Пермской губ. Вып. I, 1885 г., 35, 36, 44 стр.

[2]) Опыт изучения влияния некоторых работ Ижевских оружейников на их здоровье. 1888 г., 125—126 стр.

параллельные желобки в назначенном для выделывания пилы куске железа. Богатым источником отложения железной пыли в легкие рабочих служит шлифовка и полировка стальных изделий—ножей, ножниц, вилок и т. д. Эти работы обыкновенно совершаются на сухом точильном камне, приводимом в весьма быстрое движение (2.000—3.000 оборотов в минуту); при этом развивается громадное количество пыли, состоящей из железных и песчаных частичек и непосредственно вдыхаемой рабочими. В селе Павлове—в этом русском Шеффильде—занимающиеся очисткой и шлифовкой стальных изделий редко доживают, по свидетельству Эрисмана, до 45 лет, а чаще всего умирают от чахотки в очень раннем возрасте.

По наблюдениям д-ра Спасскаго над работами Ижевского оружейного завода, влияние металлической и минеральной пыли при точильных и полировочных работах выражается: 1) огромным % заболеваний рабочих катарром слизистой оболочки дыхательных путей, которым страдает из общего числа рабочих (свыше 20 лет)—35,3%; 2) большим % заболевания полировщиков и точильщиков легочною чахоткою и эмфиземою. Первою страдают 14,1%, а второю 30,7% из всего числа рабочих. Катарр дыхательных путей у полировщиков и точильщиков встречается почти в 2 раза чаще, чем у рабочих, находящихся не на пыльных работах, т.-е. у рабочих машинных, слесарных и огневых работ. Легочная чахотка у полировщиков наблюдается в 4 раза чаще, чем у рабочих машинных и слесарных цехов, и в 5 раз чаще, чем у рабочих, занятых огневыми работами... Количество пыли так велико в упомянутых мастерских, что достаточно побыть в них, чтобы потом в течение 2—3 дней отплевывать черноватую мокроту!

В заключение остановимся на положении дела в нефтяной промышленности в Бакинском районе, где добываются и подвергаются переработке ежегодно сотни миллионов пудов нефти. „При посещении и осмотре Бакинских нефтяных промыслов и заводов, говорит в своем отчете известный уже нам Л. Бертенсон [1]), я мог убедиться как в полном отсутствии каких-либо санитарных мероприятий при нефтяном деле, так и в насущной и не-тложной необходимости в таких мероприятиях. Достаточно уже было беглого знакомства с производством и поверхностного осмотра рабочих, чтобы притти к заключению, что производство заключает в себе не мало вредных влияний на здоровье рабочих, и что между этими последними весьма

[1]) Бакинские нефтяные промыслы и заводы в санитарно-врачебном отношении, 1897 г., 33, 41 стр.

многие носят на себе резкие отпечатки этих влияний". На промыслах вредное влияние на здоровье оказывают самые работы при добыче нефти,—тартание и бурение, а также непосредственно сама нефть и ее газы. На заводах же, где все операции совершают действием огня и пара и где производство связано с употреблением едких химических продуктов, опасностью для здоровья и жизни угрожают самые машины и аппараты, а во-вторых—едкие щелочи и кислоты. Наиболее очевидно и характерно проявляется действие нефти и ее продуктов в виде заболевания кожи. Чернорабочие, подвергающиеся более или менее продолжительному влиянию сырой нефти, особенно те, которые при полном почти обнажении тела работают на нефтяных фонтанах и занимаются чисткой нефтяных амбаров и цистерн, поголовно страдают болезнями кожи и подкожной клетчатки. На конечностях, преимущественно нижних, нередко на туловище, а иногда и на лице выступает сыпь, состоящая из узелков, величиною от конопляного зерна до чечевицы. Во многих случаях изъязвления бывают настолько обширны и отеки настолько значительны, что даже выносливые и безучастные к своим недугам рабочие отказываются от работы и ищут госпитальной помощи. Хронические заболевания кожи вызывают нарушения общего здоровья: является раздражительность, бессонница, упадок питания и слабость. „На основании виденного,—говорит Бертенсон,—я могу подтвердить, что рабочие Бакинских промыслов, у которых мне пришлось констатировать хронические сыпи, все без исключения представлялись жалкими по облику и по питанию тела". Болезни кожи у рабочих нефтяных промыслов и заводов чрезвычайно распространены, часто мучительны и тягостны, а иногда и опасны для жизни, так как бывают смертные случаи. К группе профессиональных болезней необходимо отнести и болезни глаз. Особенно страдают фонтанные рабочие. Работая под ливнем нефти, люди, снаряжающие и надвигающие фонтанные щиты, уже по прошествии нескольких минут буквально не могут открывать глаз, пока им не промоют; не только нефть, но ее пыль и газы сильно разъедают глаза, вызывают в них более или менее сильную гиперемию, распухание век и воспаление, с большим или меньшим нагноением. Другим видом профессионального недуга, весьма распространенным, является нервная слабость и нервное истощение тартальщиков. По единогласному заявлению врачей и горных инженеров, близко стоящих к нефтяному делу, у тартальщиков под влиянием крайне однообразной работы, требующей сосредоточенного внимания на одном предмете в те-

чение многих часов (12—14), является переутомление нервных центров и угнетение мозговой деятельности настолько сильное, что рабочие становятся апатичными, несообразительными и нередко даже близкими к состоянию идиотизма. Кроме того, тартание представляет собою манипуляцию физически трудную и неопрятную, так как расплескивается много нефти.

Вопрос об одежде рабочих и приспособлениях для защиты от вредных влияний нефти на Бакинских промыслах и заводах,—продолжает Л. Бертенсон,—совершенно еще не затронут. При всех производствах рабочие остаются в своем платье, а то даже так и совсем обходятся без него: большинство персов работают нагишом.

Далее, не только на промыслах, но и на заводах, не исключая и тех, где добывается из нефтяных отбросов серная кислота, не принимается никаких мероприятий для предупреждения болезнетворных влияний производства. На кислотных заводах, на которых легко приобретаются весьма серьезные болезни дыхательных органов и в самое короткое время искрашиваются зубы—кроме люков в крыше, нет никаких приспособлений для проветривания. По отзывам заводских промысловых врачей, среди рабочих, имеющих дело с регенерацией серной кислоты, „тяжкие формы ларингита и бронхита с кровохарканием и одышкой" не составляют редкости; зубная же костоеда—обычное у них явление". Особенно выделяется своей безобразной гигиенической обстановкой завод Тер-Каспарова, где рабочие „почти поголовно больны, при чем почти у всех уничтожены зубы".

Не принимая, таким образом, в огромном большинстве случаев надлежащих мер к охранению жизни и здоровья рабочих и не считаясь с обязанностью вознаграждать их за несчастные случаи, заводчики и фабриканты даже лечение пострадавших считали для себя тягостью непосильной. Рабочий, получивший увечье или подвергшийся более или менее продолжительному заболеванию, получал расчет и сбывался с фабрики, как предмет, уже к дальнейшей эксплоатации более непригодный. Правда, в 1866 г. по случаю холерной эпидемии был издан закон, обязывающий фабрикантов организовать медицинскую помощь. Но как показали расследования фабричной инспекции, закон этот существовал только на бумаге, а в действительной жизни применения не имел. „Внешним образом статья эта,—говорит в отчете за 1882—83 г.г. московский фабричный инспектор Янжул,—выполняется, так как на всех почти фабриках, вне городов находящихся, существуют больницы; в действительности эти так называемые больницы суще-

ствуют лишь для обхода закона, и никакой действительной медицинской помощи фабричному населению не доставляют. Дело в том, что на значительном числе фабрик под именем больниц разумеются лишь приемные покои из двух, чаще из одной комнаты, с одной или двумя постелями, где в самом лучшем случае больной может пролежать один или два дня, пока фабрика не придумает того или иного способа от него избавиться: отвезти его в ближайшую больницу или расчесть и отправить домой... Но когда даже существует по обстановке и настоящая больница на фабрике, то случается, что все-таки медицинской помощи больной рабочий получить в ней не может. Так, на фабрике № 95 есть больница на 35 кроватей, и по больничным записям многочисленны случаи травматических повреждений: тем не менее больных там не лечат, а отправляют или в Москву для излечения, или просто отпускают с фабрики. ...При больнице обыкновенно имеется фельдшер, хотя не всегда. ...Два раза, например, я встретил такой курьезный случай: обязанности фельдшеров исправляли фабричные лавочники, которых и нужно было вызвать из лавки для того, чтобы показать мне приемный покой"! Из 147 осмотренных фабрик, где живут или регулярно приезжают доктора, „медицинскую помощь на фабриках можно считать почти отсутствующей"... Но и где существует лечение, оно вовсе не бесплатное. „За больницу вычеты составляют обыкновенно от копейки до двух копеек с заработного рубля в месяц". „Врачебное дело и врачебная организация при фабриках и заводах Воронежского округа, говорится в отчете инспектора Миропольского, несмотря на блестящие исключения, находятся в очень неудовлетворительном положении"... Из Казанского округа сообщается, что на очень многих заводах нет „ни больниц, ни какой бы то ни было постоянной врачебной помощи". Кроме того, „далеко не все устроенные фабрикантами больницы заслуживают этого названия", так как в иных не значится „ни одного больного". Инспектор Харьковского округа замечает, что им осмотрено было 658 промышленных заведений с 30.913 рабочими. Более 100 рабочих имели 59 заводов с 17.666 рабочими. Из них только в четырех заведениях при контингенте рабочих в 2.011 человек медицинская организация удовлетворяла вполне закону 1866 г., т.-е. имелась больница, аптека, а также постоянный врач, живущий при заведении. Остальные заведения или прямо не организовали у себя ничего для подания помощи заболевшему рабочему, или же имели вполне фиктивную организацию. Одним словом, из отчета главного фабричного инспектора за 1885 г. мы узнаем, что „из

785 заведений, подлежащих действию постановления 26 августа 1886 г. (т.-е. имеющих не менее 100 рабочих), осмотренных фабричной инспекцией, — врачебная помощь существует только у 38,8% заведений"; но при этом еще „многие приемные покои существуют часто лишь для виду, чтобы только формально исполнить закон: в них иногда не бывает даже коек, и вообще они остаются без употребления или отдаются под квартиры фабричному сторожу". Про Петербургский округ фабричный инспектор Давыдов сообщает, что на очень многих промышленных заведениях устроены или больницы, или приемные покои с небольшой аптекой и фельдшером, доктор—годовой и посещает рабочих 1—2 раза в неделю. Но после всего вышеизложенного мы не удивимся следующему сообщению: „Там, где фабрики и заводы имеют своих годовых врачей и где нет лазаретов, врачи ограничиваются только подписыванием ведомостей, составляемых фельдшерами, и отправкой увечных или трудно больных в больницы... Мне лично известны 3 небольших завода и фабрики, довольствующиеся только ежемесячным представлением ведомостей. Один типографщик предлагал мне за единовременный гонорар в 10 руб. в год принять на себя почетную обязанность ежемесячно подписывать требуемые ведомости, и предлагалось это вполне серьезно, даже с достоинством" [1]). По данным, собранным земским исследованием Московского уезда в 1876 г., на фабриках за немногими исключениями нет ни врачей, ни фельдшеров, ни больниц. Из 156 фабрик только 5 имеют больницы. Но даже и эти больницы служат только вывеской. Хотя врач или фельдшер и приезжают на эти фабрики 3—4 раза в месяц, но заболевшие рабочие или отлеживаются на нарах, или отправляются на исцеление в деревню. Дальних же везут в одну из московских больниц.

Таким образом, в огромном большинстве случаев медицинская помощь была фиктивна, ее не существовало в действительности. Лечение рабочих считалось баловством, если же болезнь или повреждения были серьезны и лишали человека трудоспособности—его сбывали с рук. „Особенно было бы желательно, говорит в своем отчете фабричный инспектор Воронежского округа, воспрещение удалять больных рабочих из заведения, когда эти рабочие заболели на работе или вследствие работы. В отчетном году я узнал, напр., относительно шерстомоен близ г. Воронежа, что женщины и девочки, на-

[1]) „Неделя" за 1879 г. Так пишет врач о положении дел в Петербурге.

нятые в деревнях верст за 10 и за 12, в случае болезни, прямо рассчитываются администрацией, при чем они вынуждены возвращаться домой пешком, так как по бедности у них часто нет средств нанять извозчика довезти их"... Это было явление, обычное повсюду, ибо если промышленники сваливали с своих плеч вознаграждение за увечья и смертные случаи, то как можно ждать от них большого внимания к больным?

„Побитые, не битые,—для нас все равно", так говорил при судебном следователе один из служащих известной фабрики Хлудова. „Я знаю, возразил следователь, что для вас даже изжаренные ничем", намекая на семь возов трупов, оставшихся после пожара на этой фабрике в 1882 г., когда по распоряжению директора Миленча рабочие были заперты в горевшем здании, чтобы лучше тушить пожар...

Даже в Царстве Польском, где в виду большой культурности края, постановка медицинской помощи считалась образцовой—на самом деле обстоит немногим лучше. В Петроковской г., самой промышленной губернии Ц. П., находится 400—500 больших и средних фабрик, на которых работают более 50.000 рабочих, не считая тех, которые работают на каменноугольных копях в Домброве. И из этих 400—500 фабрик только на 3 существует правильно организованная врачебная помощь; на остальных же нет не только больниц, но и постоянных врачей, которые живут иной раз за 20—30 верст. В Лодзи—этом русском Манчестере—на 230 крупных фабрик с 30.000 рабочих есть только 1 фабричная больница при фабриках Шейблера. В Сосновицах—русской Силезии—ни при одной из 14 крупных фабрик с 8—10 тысячами рабочих нет своей фабричной больницы, а все они пользуются больницами горно-промышленных обществ „граф Ренард" и Крамста. Этими 2 больницами заведует 1 врач, который кроме того исполняет обязанности при 11 фабриках, не считая того, что за год у него перебывает до 5½ тысяч амбулаторных больных. Вся медицинская помощь совершается как бы на почтовых. В известный день доктор мчится на всех парах по Сосновицам, и если на фабричных воротах выкинут флаг, значит, есть больной и врач наскоро осматривает его; нет флага—доктор мчится далее. Эта система напоминает того уездного врача доброго старого времени, который по приезде в деревню собирал всех больных и, не выходя из брички, раскидывал в пользу недужных заранее приготовленные медикаменты, порошки, пилюли и проч. Кто что поймает, тем и лечись...

Не лучше обстоит это дело и в горно-заводской промышленности. Даже более того. В виду особых условий, напр., отдаленности от населенных мест, громадных расстояний, в какие поставлены у нас горные промыслы и заводы, оставление на произвол судьбы больных или увечных рабочих представляется явлением еще более пагубным и возмутительным.

В Енисейском округе врач, служивший в первой половине 70 годов, так описывает положение дел в южной части округа. На каждом прииске или существует своя больница, или же имеется одна общая для нескольких соседних промыслов, но есть и такие, где ничего не предпринимается для лечения рабочих... „Промысловые больницы в большинстве случаев малы, тесны, грязны, зимою холодны, без всякой вентиляции или с крайне недостаточной". Некоторые из них прямо ужасны. Входная дверь затворяется не плотно, и в самом низу ее находится несколько довольно больших, ничем не заколоченных щелей, через которые несет страшный холод, рамы ординарные, сверху до низу покрытые льдом, со множеством щелей, посредине стены стоит большая железная печь. Таким образом больные, с одной стороны, находятся под действием жара железной печи, с другой—под влиянием холода, имеющего свободный доступ через множество щелей в окнах, дверях и полу. Кровати расставлены тесно, тюфяки на них грязные, ничем не прикрытые, а на некоторых кроватях их и совсем нет. Больные ходят в тех же грязных рубахах и штанах, в которых они были на работе. Ни одеял, ни простынь—ничего нет.

Состояние больниц на золотых промыслах Томского округа в начале 80-х годов „Сибирская газета" характеризует следующим образом. „Что предлагает большинство приисковых управлений для больных? Нечто похожее на больницу с голыми нарами и фельдшера с его универсальными и неизменными лекарствами: слабительным и рвотным. При этом, заподозривая каждого рабочего в отлынивании от работ, ему дают уменьшенную порцию с'естного, вполне надеясь, что голод скорее всего принудит больного возвратиться к работам и, таким образом, заполучить обыкновенную порцию". А вот официальное описание больницы на прииске Королева, сделанное мариинским окружным врачем в 1883 г. „Больница представляет собою какую-то отвратительную трущобу. В ней я застал 20 человек рабочих в грязном оборванном отрепье, валяющихся без всякой подстилки, частью на грязных нарах, частью на голом полу. Пища, даваемая больным, не сообразуется с родом болезни и скорее способствует окончательной

потере сил, чем их восстановлению и укреплению. Так, напр., рабочий, получивший ушиб или одержимый другою какою-нибудь наружною болезнью, должен довольствоваться $^1/_4$ фунта мяса, что в совокупности с отсутствием всего другого, кроме воды и ограниченного количества ржаного хлеба, при удушливой и зловонной атмосфере норы, называемой больницей, вполне здорового человека может истощить, сделать слабосильным и повергнуть в болезнь". Окружной инженер Реутовский в докладе (1894 г.) о быте рабочих в приисках Томской г. говорит, что при рассмотрении устройства 30 имеющихся на приисках больниц установлено, что в большинстве случаев они совсем не удовлетворяют требованиям гигиены: помещения не имеют правильной вентиляции и отапливаются железными печами, обусловливающими значительные и резкие колебания температуры, по количеству воздуха недостаточны для наличного числа людей, не всегда содержатся в должной чистоте. Большинство таких помещений имеет характер временных построек, плохо приспособленных для зимы!

Только с изданием законов 3 июня 1886 г., 9 марта 1892 г. и 20 февраля 1895 г., предоставивших местным присутствиям по фабричным и горнозаводским делам издавать обязательные постановления по вопросам организации медицинской помощи, а также с расширением в этом направлении прав земского и городского самоуправления положение дел медленно и постепенно стало улучшаться.

В конце девяностых годов министерством финансов было произведено обследование по данному вопросу, которое дало следующие результаты:

	Фабрик с числом рабочих:						
	до 15.	16—50.	51—100.	101—500.	501—1000.	свыше 1000.	Итого.
Всего фабрик, подчиненных фабричной инспекции . . .	8.778	6.795	1.961	1.812	352	194	19.292
Число фабрик, не дающих врачебной помощи	8.625	5.357	1.243	529	43	9	15.804
Число фабрик, оказывающих врачебную помощь	155	838	718	1.283	309	185	3.488[1])

Таким образом из 19.292 промышленных заведений, подчиненных надзору фабричной инспекции, врачебная помощь оказывается только на 3.488, что составляет лишь 18% всего

[1]) Дементьев. Врачебная помощь фабричным рабочим, 1899 г. Изд. м-ва финансов.

их числа. Но зато эти фабрики—наиболее крупные, и в них сосредоточено 1.000.000 рабочих; остальные же—около ½ миллиона лишены специально фабричной врачебной помощи. В некоторых губерниях она организована на 78% фабрик, но, с другой стороны, существуют и такие, где только 1—2% фабрик заботятся о лечении рабочих. Но мало того что организация врачебной помощи отличается случайным характером, зависит от усмотрения предпринимателей,—во многих случаях она оказывается фиктивной. Нередко владельцы фабрик, исполняя предъявленные им требования, содержат такие больницы, которые удовлетворяют этому требованию лишь с формальной стороны, и ни по устройству, ни по содержанию и вообще по организации всего дела совершенно не отвечают своему назначению. Вручая при этом заведывание больницами уездным врачам, через которых губернская администрация осуществляет свой надзор, они считают свои обязательства выполненными, а себя гарантированными от всяких дальнейших притязаний со стороны губернской администрации. В общем выводе треть всех фабричных больниц носит это название формально и не вполне выполняет свое назначение. Нередко там, где подается помощь, она может носить название скорее фельдшерской, чем врачебной, так как количество врачей недостаточно.

Из 662 фабрик, напр., г. Москвы собственные амбулатории имеются только на 246, остальные же 416 фабрик пользуются суррогатами, так сказать, амбулаторий. На все фабрики приходится только 179 врачей, т.-е. 67 фабрик не имеют своего собственного врача. Есть один врач, который заведует 10 фабричными больницами, и притом принимает больных во всех своих амбулаториях в одни и те же дни и часы (11—12 ч.). Мало того, и фельдшера оказываются в недостаточном количестве—всего их 227, так что не хватает ни фельдшеров, ни врачей [1]).

В Петербургской губернии, согласно обязательным постановлениям, фабрики и заводы, имеющие свыше 25 рабочих, обязаны за свой счет организовать медицинскую помощь, но она крайне неудовлетворительна. Только один Путиловский завод хорошо поставил дело, да еще два завода вошли в соглашение с земством. Все остальные заводы, читаем мы в отчетах санитарных врачей Петербургскому губернскому земству за 1902 г., относятся довольно формально к возложенным на них законом обязанностям. Официально везде числится тот или другой врач, приемный покой, при нем постоянный фельдшер. А фактически—приемный покой не более как квартира фельд-

[1]) Известия Моск. Городск. Думы, 1904 г.

шера; сам он — конторщик. Врач показывается на завод 1—2 раза в месяц и даже реже. В лучшем случае, как это заведено на одной больной фабрике, — врач ежедневно приезжает на $1^1/_2$—2 часа из города и сам ведет амбулаторный прием. Один директор фабрики откровенно признавался, что хотя он очень доволен врачем, его аккуратностью и деловитостью, но все же не считает подобную организацию врачебной помощи рациональной, хотя она и санкционирована законом. Рабочие видят врача слишком короткое время; заболевший вне часов его приема в сущности остается без помощи и довольствуется фельдшером. Система наезжающих врачей особенно неудобна при несчастных случаях, родах и внезапных заболеваниях. А между тем такая несовершенная по существу своему организация врачебной помощи обходится фабрике очень дорого—на 600—700 рабочих $3^1/_2$—4 тысячи рублей, т.-е. по 5 рублей на человека.

Рабочие в большинстве случаев вынуждены обращаться в земские амбулатории или к частным врачам.

Что касается врачебной помощи в горнозаводской промышленности, то, согласно официальным данным за 1904 г., положение дел здесь представляется в следующем виде: Общее количество заведений по всей России составляло 4.492 с 487.078 рабочими; при них имелось 339 больниц на 5.269 кроватей и 525 приемных покоев и амбулаторий на 646 кроватей. В среднем, таким образом, одна кровать приходилась на 82 человека, при чем пределами колебания были цифры в 28 человек на предприятиях Западной Сибири и 134 человека на Кавказе. Расход по организации врачебной помощи составлял в среднем 6 р. 74 к. на человека [1]).

Как видно отсюда, $^4/_5$ общего количества горнозаводских предприятий не имело у себя на месте правильно организованной помощи, и каждой больнице или приемному покою приходилось обслуживать по нескольку заведений, нередко расположенных на далеком расстоянии.

О приисках Степного края например сообщается, что медицинская помощь находится в жалком состоянии. Для оказания ее служащим и рабочим „несколькими предприятиями приглашается один общий фельдшер, который и об'езжает прииски 2—3 раза в месяц. Заболевшие рабочие обыкновенно не остаются на приисках и сейчас же, как только почувствуют недомогание, отправляются домой, где обращаются к домашним средствам и знахарям, приисковых же фельдшеров избегают, особенно

[1]) Тигранов и Гусятников. — Врачебная помощь рабочим на горных заводах и промыслах. 1907 г.

киргизы". Иную картину представляют собою Бакинские промыслы: здесь не только рабочим, но и членам их семейств оказывается бесплатно за счет предпринимателей как амбулаторная, так и больничная помощь, для чего имп содержится 2 больницы и 6 амбулаторий. „Больницы оборудованы не только великолепно, но даже раскошно—обстановке их может позавидовать любая столичная клиника; здесь не приходится задаваться вопросом, что имеется у врачей для лечебных и диагностических целей,—правильнее было бы спросить, чего у них нет". Кроме амбулаторной и стационарной помощи организована также квартирная—как врачебная, так и акушерская [1]). Если принять во внимание, что еще в начале девяностых годов подача медицинской помощи находилась еще в зачаточном состоянии, то нельзя не признать, что за последнее десятилетие в этом отношении достигнут значительный прогресс.

На юге России анкета, произведенная в Алмазно-Юрьевском районе, рисует следующую картину. На крупных рудниках и заводах, каковых насчитывается 18 с тридцатью тысячами рабочих, медицинская помощь поставлена вполне удовлетворительно. Не то на мелких. Около ст. Марьевки находится, напр., около 17 мелких и средних предприятий с общим числом рабочих до 2.000 человек, и на всех приходится один приемный покой с двумя—тремя койками, переделанный из старой казармы, с фельдшером из ротных и аптекой с бюджетом в 150—200 р. в год [2]).

Что касается железных дорог, то в 1900 г., согласно отчету о врачебно-санитарном состоянии ж. д., имелось 63 железнодорожных больницы с 1.682 кроватями, 547 врачами, 1.198 фельдшерами и 255 акушерками. Средняя протяженность врачебного участка равнялась 92,9 версты, среднее население врачебного участка—2.601 человек.

Выше нами упоминалось о трудах комиссий Штакельберга, Игнатьева и Валуева по выработке мер для охраны жизни и здоровья трудящихся.

Исписаны были груды бумаги, собраны томы материалов, но утверждения выработанные проекты не получили. Наконец, в 1892 г. при медицинском совете была образована новая комиссия, под председательством Ольхина, „для выработки нормальных правил о врачебной помощи рабочим и санитарных—для фабрик и заводов". В трудах этой комиссии был

[1]) Труды первого Всероссийского С'езда фабричных врачей. Том второй. 1910 г. 58—59 ст.

[2]) Ibidem, 48—49 стр.

изложен проект инструкций по санитарному благоустройству некоторых промышленных заведений, но дальнейшего движения также не имел... Если велика была потребность, заставлявшая даже нашу бюрократию выступать с проектами защиты рабочих, то не менее велика была, очевидно, и сила сопротивления со стороны заинтересованных сфер, о которую непрестанно разбивались все эти попытки. В законе 1881 г. о порядке производства подземных работ и затем в инструкциях окружным инженерам и горным исправникам (в золотопромышленности), правда, уже появляются указания на то, чтобы работы производились без вреда для здоровья и опасности для жизни, но в чем должны заключаться эти меры предосторожности и какой ответственности подлежат горнопромышленники за неисполнение их—обо всем этом ничего не говорилось... Вместо установления в законе точных норм губернским фабричным присутствиям предоставлено было, между прочим, право издавать обязательные постановления о мерах, которые должны быть соблюдаемы для охранения жизни, здоровья и нравственности рабочих во время работ и при помещении их в фабричных зданиях. Эти присутствия были учреждены законом 3 июня 1886 г. сперва в наиболее промышленных губерниях. Членами присутствия состоят: губернатор, вице-губернатор, представители фабричной и горной инспекции, прокурор окружного суда, начальник жандармского управления и представители промышленности. При таком составе их неудивительно, что даже, по мнению г. Литвинова-Фалинского, присяжного защитника нашей правительственной политики, „то, что до настоящего времени сделано фабричными присутствиями, является лишь нерешительным опытом и весьма слабой попыткой к улучшению положения труда в промышленных заведениях“ [1]).

Да они и не особенно торопились воспользоваться предоставленным им, между прочим, правом. Так, московское фабричное присутствие за первые 8 лет своего существования не издало никаких постановлений; большинство же приступило к изданию их только в 1892 г. С 1 июля 1897 г. фабричные присутствия открыты во всех 60 губерниях Европейской России, а по закону 9 марта 1892 г. открыты подобные учреждения и для горно-заводской промышленности, но уже в 1899 г. право издавать общие правила о мерах, которые должны быть соблюдаемы для охранения жизни и здоровья рабочих, было отнято у них и передано Главному по фабричным и горно-заводским делам присутствию. В этой чисто-бюро-

[1]) Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. 1900 г., 213 стр.

кратической перемене г. Литвинов-Фалинский не замедлил, конечно, усмотреть крупный прогресс, — „новый порядок, восклицает он, дает право рассчитывать на то, что на охрану жизни и здоровья рабочих будет обращено внимание, соответствующее важности этого вопроса".

В действительности, однако, новое учреждение за 5 слишком лет своего существования совершенно не проявило своей деятельности в данном направлении.

Мало того; значение даже тех обязательных постановлений, которые уже изданы фабричными присутствиями, ослаблялось в значительной степени тем, что за нарушение их не установлено особой ответственности. По статье же 29 уст. о наказ., налагаемых миров. суд., виновные в неисполнении законных распоряжений, требований или постановлений... подвергаются денежному взысканию не свыше 50 р. Благодаря незначительности подобного взыскания и слабости контроля наши промышленники очень часто обнаруживали полнейшее равнодушие к разного рода обязательным постановлениям.

Так, в своде отчетов фабричн. инспекторов за 1902 г., констатировано 1528 случаев нарушения обязательных постановлений о мерах для охранения жизни и здоровья рабочих во время работы. Но сколько их осталось еще необнаруженными!

При отсутствии санитарного законодательства и специальной ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими немудрено, что большинство наших фабрик и заводов являются, по выражению одного фабричного инспектора, лабораториями травматизма и источниками всевозможных заболеваний. Причиной всех этих несчастных случаев, калечений, увечий, ожогов, болезней и проч. является не злой рок, не беспечность рабочих, не особые явления природы, наукой будто бы еще не исследованные, а такие обстоятельства, как: конструктивные недостатки самих машин и всех механических приборов в смысле их опасности, отсутствие правильного технического надзора в большинстве наших фабрик, игнорирование или незнакомство лиц, руководящих делом, с санитарной наукой и отсутствие предохранительных приспособлений и т. д.

„Значительная часть увечий происходит от причин, которые легко можно было бы устранить[1]). Например, в ткацком деле, по сообщению инж. Микулина, „несчастия от вылета челноков, сопровождающиеся нередко потерею глаза, вполне

[1]) А. Пресс. Защита жизни и здоровья рабочих на фабриках и заводах, 1891 г., стр. 2.

устранимы устройством надлежащего размера решеток"... В прядильном деле „довольно многочисленные несчастия происходят от отсутствия ограждений у погонных колес кареток, блюков, скролей и т. д."—„Тяжелые несчастия происходят при надевании руками или веревками тяжелых 5 или 6-дюймовых ремней на шкив, что, конечно, вполне устранимо устройством механических наводок". Ватера служат причиной хотя немногочисленных, но иногда очень тяжелых (переломов, напр., руки) несчастных случаев, хотя их легко „совершенно" устранить". Очень опасны также трепальные и щипальные машины... но „надлежащее устройство крыши над билом и сетчатым барабаном... устранило бы, если не все, то значительное большинство несчастий этого рода", и т. д., и т. д.[1])

На одной из лучших писчебумажных фабрик Петербурга вертикальная труба, по которой бумажная масса проходит через все 3 этажа, в семидесятых годах чистилась женщинами, которые, раздевшись до-нага, садятся в мешки и, опускаясь в них по трубе, своими плечами и боками обтирают стены ее от налипшей массы. Все их тело покрывалось ссадинами, сыпью, коростами...

В дальнейшем, может быть, такие случаи и вывелись: но равнодушие предпринимателей к жизни и здоровью рабочих сохранилось по-прежнему. В своем докладе московскому отделению русского технич. общества д-р Погожев указывает[2]), что обнаруживающиеся в последнее время технико-санитарные улучшения на некоторых русских фабриках и заводах совершенно не соответствуют гигантскому росту национальной промышленности в период 1882—1898 г. и потому не могли изменить общего ненормального положения дел.

Перейдем к вопросу о несчастных случаях.

Точных записей их на фабриках и заводах в течение долгого времени совсем не существовало, а если они и существовали, то не оглашались. Один крупный московский фабрикант ситца откровенно сознался Янжулу, что на его фабрике доводится до сведения полиции только о таких несчастиях, которых скрыть невозможно... И в этом смысле врачи всегда находились под постоянным давлением со стороны фабричной администрации, внушающей им бросить их затем со статистикой. С другой стороны, директор одной из самых крупных

[1]) Микулин. Несчастные случаи с рабочими на фабриках и заводах Владимирской губ. Труды всероссийск. торгово-промышлен. с'езда, 1896 г., т. III, вып. V.

[2]) Взаимодействие техники и медицины по охране жизни и здоровья рабочих. Записки М. О. Р. Т. Об-ва, 1900 г., вып. VII.

мануфактур в Московск. губ. сообщал д-ру Погожеву, что он, при содействии врача, живущего на фабрике, задумал было вести более точно статистику всех несчастных случайностей на фабрике, записывая одинаково и крупные повреждения и ничтожные царапины. Однако, по словам директора, ему скоро пришлось раскаяться в своем рвении. Исправник сделал ему строжайший выговор и грозил жаловаться губернатору, вследствие того, что на данной фабрике в короткое время было так много несчастных случаев при работе, тогда как на всех других фабриках вверенного ему уезда несчастия случаются гораздо р е ж е.

Лишь в половине 90-х годов было вменено в обязанность всем промышленным заведениям, пользующимся трудом наемных рабочих, завести книгу для записей несчастных случаев. Регистрируются такие повреждения, которые лишают потерпевшего возможности работать в течение 3 и более суток.

Однако наши промышленники, руководствуясь тем соображением, что без статистики „покойней", очень недружелюбно отнеслись к указанному циркуляру министерства финансов. Сведения поступали крайне неаккуратно, и лишь в 1901 г. явилась возможность подвергнуть их разработке. Но и тут из 17.533 промышленных заведений (с 1.690.906 рабоч.) сведения дали только 2.916, т.-е. 16,6% общего их числа; число несчастных случаев в них равнялось 24.744. Большинство предприятий упорно уклонялось все еще от дачи показаний, и официальное издание министерства финансов само признается, что „неустановившаяся у нас регистрация несчастных случаев дала нам за 1901 г. втрое или может быть вчетверо меньше цифры, чем было несчастных случаев в действительности"[1]). Действительно в 1903 г. эта цифра повысилась до 35.138, в 1904 г.—69. 697 и в 1905 г.—71.345 случаев. На 100 рабочих приходилось таким образом в последнем году 1,2 пострадавших.

Что касается горнозаводской промышленности, то здесь, по данным официальных сборников статистических сведений, значилось:

Годы.	Убитых.	Изувеченных.	Всего.
1885	170	504	674
1886	181	540	721
1887	213	703	916

[1]) Статистика несчастных случаев с рабочими в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции, за 1901 г. Изд. 1903 г., 11 стр. Позднейшие цифры взяты из свода отчетов фабричных инспекторов за 1910 г.

Годы.	Убитых.	Изувеченных.	Всего.
1888	244	1.120	1.364
1889	251	1.239	1.490
1890	245	3.508	3.753
1891	332	5.677	6.009
1892	264	5.370	5.631
1893	333	9.932	10.271
1894	371	8.231	8.602
1895	326	10.628	10.954
1896	379	9.499	9.978
1897	406	9.998	10.404
1898	611	20.004	20.615
1899	591	12.730	13.321
1900	640	28.501	29.141
1901	641	22.709	23.360
1902	525	33.088	33.613
1903	512	44.150	44.662
1904	556	66.680	67.376
1905	674	61.509	62.183[1])

Как видно отсюда, условия производства здесь представляют гораздо большую опасность для здоровья и жизни трудящихся, чем в обрабатывающей промышленности: на каждые 100 горно-заводских рабочих приходится несчастных случаев: в 1904 г.—11,1 и в 1905 г.—10,6 или в два с половиною раза больше, чем там.

Особенно выступает эта разница в отношении тяжелых несчастных случаев, оканчивающихся смертью.

В фабрично-заводской промышленности на 100 рабочих таковых случаев приходилось в 1904 г. 0,023 и в 1905 г.—0,019; соответственные цифры для горно-заводской промышленности—0,09 и 0,12, т.-е. в пять раз больше.

Случаев постоянной утраты трудоспособности на 100 фабрично-заводских рабочих приходилось в 1904 г. 0,35 и в 1905 г. 0,49. Но статистика несчастных случаев за эти годы, как уже указывалось выше, была еще далеко не полной и в период 1906—1909 г.г. этот процент колебался от 0,51 до 0,65, составляя в среднем 0,58. Для горнозаводской промышленности соответственных данных совсем не имеется; но если даже исходить из последней нормы, то окажется, что наша крупная промышленность (фабричная и горная) при 2.300.000 занятых в ней рабочих к концу изучаемого периода выбрасывала ежегодно около 13½ тысяч инвалидов, не считая случаев, оканчивающихся смертью. Общая же цифра поврежденных в той или иной степени лиц превышала 130.000.

[1]) См. Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности за соответствующие годы.

Если же принять во внимание, что существуют другие категории рабочих,—напр., железнодорожные, строительные, сельско-хозяйственные, при водных путях сообщения и т. д.,—жизнь которых подвержена всяческим опасностям, то получится громадная масса потерпевших в несколько сот тысяч человек—искалеченных, ушибленных, ошпаренных, задавленных и убитых...

В виду большей достоверности статистики смертных случаев, мы приведем здесь таблицу, составленную Кенпеном[1] и относящуюся к разным странам Европы:

(Коэффициенты убитых на 1.000 человек)

Годы.	Франция.	Бельгия.	Велико-британия.	Пруссия.	Россия.
1890—1895	0,563	0,730	0,792	1,203	1,401
1896—1900	0,610	0,619	0,784	1,180	1,523

Это относится только к каменноугольным копям и к несчастным (смертельным) случаям только от одной причины—обвалов; из этой таблицы видно, что по количеству несчастных случаев с рабочими, оканчивающихся смертью, Россия стоит впереди всех других стран Европы, превосходя, например, Францию в 2½ раза!..

Относительно железных дорог известным знатоком этого дела Вебером было высказано как-то мнение, что путешествие по ним принадлежит к числу наименее опасных препровождений времени. Для пассажиров это пожалуй действительно так: на 123.207.745 чел., например, перевезенных в 1904 г. по железным дорогам Европейской России, приходилось 842 несчастных случая или другими словами—одно происшествие приблизительно на 150.000 человек. Но по отношению к служащим и рабочим положение дел представляется в ином виде. Нижеследующая таблица показывает рост числа пострадавших из них на железных дорогах общего значения Европейской России[2]:

	Убито.	Ранено.		Убито.	Ранено.
1880 г.	256	778	1886 г.	188	719
1881 „	219	689	1887 „	230	782
1882 „	223	630	1888 „	235	890
1883 „	229	708	1889 „	216	783
1884 „	196	602	1890 „	283	920
1885 „	183	609	1891 „	241	1018

[1]) Горнозаводский Листок, № 8 за 1905 г.

[2]) См. Статистические Сборники М-ва Путей Сообщения. Вып. 40 и 85.

	Убито.	Ранено.		Убито.	Ранено.
1892 г.	293	1307	1899 г.	397	5520
1893 „	270	1538	1900 „	477	5574
1894 „	260	2470	1901 „	491	5751
1895 „	301	3446	1902 „	431	6362
1896 „	352	4253	1903 „	555	6532
1897 „	379	4134	1904 „	489	6134
1898 „	405	4790			

Если общее количество несчастных случаев по расчету на 100 человек представляется здесь невысоким (1,1) сравнительно с фабрично-заводской и горной промышленностью, то иначе обстоит дело со смертными случаями. В 1904 г. на 100 занятых железнодорожных служащих и рабочих приходилось 0,08 происшествий, окончившихся смертью, т.-е. почти столько же, сколько на горных промыслах и в четыре раза больше, чем в фабрично-заводской промышленности.

Благодаря отсутствию специальных законов об ответственности предпринимателей, огромная масса получивших увечья или повреждения рабочих, выбрасываясь за ворота промышленных заведений, как инвалиды труда, не находила достаточной защиты своих интересов. В основу общих гражданских законов о вознаграждении потерпевших (том X, ч. I св. закон., ст. 634—687) полагалось не об'ективное понятие профессионального риска, а суб'ективное понятие вины. Доказательство же вины предпринимателя при той особой обстановке, в какой происходят несчастные случаи в промышленных заведениях, не только открывает широкий простор судебной волоките, но и само по себе представляет большие трудности. Если присоединить сюда бедность, темноту и забитость народных масс того времени, то нам не покажется удивительным, что „в лучшем случае,—по словам фабричного инспектора Святловского,—дело оканчивается полюбовной мировой сделкой, с выдачей пострадавшему калеке нескольких рублей серебром". Само собой разумеется, что предприниматели видят причину несчастных случаев в собственной неосторожности рабочих или в шалости малолетних. Но все имеющиеся в наших руках данные единогласно свидетельствуют о полнейшем равнодушии промышленников к жизни и здоровью рабочих.

„Безопасность рабочих, предупреждение несчастий с ними на машинах, приводах и проч. не дает особых забот владельцам фабрик; даже расстановка машин, не регулируемая никакими правилами, делается, как кому вздумается, стараясь наивозможно больше использовать всякое свободное место и не обращая никакого внимания на удобства и безопасность рабочих".

Общая сводка санитарных исследований фабричных заведений Московской губ. отмечает лишь одну фабрику (Рамен-ская мануфактура),—это из 1.080,—где приняты надлежащие меры. „На всех же прочих фабриках приспособления для этой цели, т.-е. ограждение опасных частей машин и приводов, ограждение горячих котлов и проч., встречаются лишь изредка и кое-где". „Особенно это можно сказать,—говорит владимирский фабричный инспектор Песков,—относительно малолетних: почти нет части машины, от которой бы им не приходилось получать каких-нибудь травматических повреждений".

Приведем здесь несколько конкретных примеров—они лучше обрисовывают фабрично-заводские нравы этого времени. На Уткинском заводе графа Стенбок-Фермора один рабочий, Демид Векшин, проработавши 15 лет, сделал прогульный день, и за это все 15 лет были вычтены из срока на пенсию. Проработавши снова 25 лет, Векшин погиб в тюрбине. Трое сыновей его проработало на том же заводе в общей сложности 18 лет, и все 3 погибли на работе от несчастных случаев. В итоге получается 58 лет работы и 4 жизни. В семье осталась в живых старуха жена Демида Векшина, которой заводское управление назначило пенсию—один рубль 72 коп. в год. В Иванове-Вознесенске, на фабрике у г. К. рабочему измяло руку, которую пришлось отнять. Владелец фабрики, по выздоровлении рабочего, прогнал его, не давши ему ни копейки на кусок хлеба. На фабрике Коншина (в Серпухове) смазчик, стоя на лестнице, „стал смазывать шестерню, находящуюся на верху помещения; у лестницы не было крючьев; она выскользнула у смазчика из-под ног, и бедняга полетел в машину, которая также не была ничем ограждена. Зубьями шестерни рабочему оторвало руку и отбросило в одну сторону, а его—в другую. Несчастный скончался в тот же день в ужаснейших мучениях, не переставая умолять сторожа добить его поскорее. Находящийся при фабрике фельдшер, будучи пьян, не мог оказать никакой помощи... Когда вдова (с 4 детьми) явилась на фабрику просить вспомоществования, то директор фабрики Чернак дал 3 рубля и об'явил, что больше не даст". На фабрике Хлудова лопнул цилиндр, при чем в числе пострадавших был один рабочий, которому переломило 4 ребра и обварило обе руки. „Пройдя ряд мытарств, беднята помирился с фабрикой, взяв по 5 рублей за каждое сломанное ребро и считая ни во что кипяток, обварившийся ему руки". В селе Нараевке Подольской г. произошел взрыв парового котла на винокуренном заводе—убито

10 и 9 раненых, получивших ожоги. Причины взрыва—чрезмерное скопление паров, так как ни на одном почти винокуренном заводе небыло манометров. Около 1880 года произошел пожар на фабрике Гивартовского в Москве. Внутри здания 4 этажа соединялись одной деревянной лестницей, которая и сгорела, так что пришлось прыгать с 6 саженной высоты. Сгорело более 40 рабочих и столько же получило увечья. Потерпевшим Гивартовский выдал 5.470 руб., что составляет рублей 65 на человека [1].

Но, может быть, щедрость наших заводчиков и фабрикантов проявлялась в другой какой-нибудь форме; может быть, ценя так низко человеческую жизнь, они более ценили филантропически-благотворительные учреждения, в видах ли честолюбия или ради спасения своей грешной души? Увы! В этот период первоначального накопления капитала им было не до того.

Говоря о несчастных случаях на фабриках Харьковского округа, фабричный инспектор Святловский отмечает, что ни на одном из этих промышленных заведений не принимается никаких определенных мер к облегчению участи пострадавших: ни о богадельнях для увечных, ни о пенсиях потерпевшим нигде не было и речи.

Несмотря на большое количество жертв, говорится в отчете владимирского фабричного инспектора, „только на 3 фабриках... обеспечиваются до некоторой степени рабочие, потерпевшие увечья от машин, в виде кое-каких льгот. Но и эти льготы существуют лишь частным образом, келейно, и знает их только хозяин, который и дарует их, по своему усмотрению, в виде милости“. В отчете инспектора Казанского округа констатируется, что пенсии и единовременные пособия престарелым или каким-либо образом пострадавшим во время службы на фабрике или заводе рабочим выдаются „только у Т-ва Крестовниковых“. В Московской губ. Янжул встретил богадельни для престарелых и убогих рабочих—на 2 фабриках и пенсионный капитал—на одной...

Положение 8 марта 1861 г. о горно-заводском населении казенных горных заводов, освободившее рабочих от обязательных к заводам отношений, отменило прежний порядок производства им пенсий, но не установило нового и только указало принципиально, что лицам, лишившимся возможности продолжать заводские или рудничные работы от увечья, полу-

[1]) Русский Курьер, № 250 за 1880 г. Современные Известия, № 254 за 1880 г. Отечественные записки, № 3 за 1882 г. Неделя, № 21 за 1885 г.

ченного на этих работах, а также вдовам и сиротам умерших, должны производиться за счет завода пенсии. Горный совет 16 ноября 1863 г. предложил руководиться прежними правилами, впредь до издания особого закона, на что последовало согласие министра финансов. Нормы пенсий были таковы: самим пострадавшим рабочим выдавалось от 1 р. 87 к. до 72 р. в год и провиант—женатым по 4 пуда в месяц и на детей по 1 п. на каждого; вдовам рабочих выдавалось от 1 р. 72 к. до 21 р. в год и провианта 2 п. в месяц; дочерям рабочих — деньгами от 1 р. 72 к. до 10 р. в год. В 1894 г. один рабочий, получивший увечье на казенном горном заводе, предъявил в местном окружном суде к заводоуправлению иск о выдаче ему взамен назначенного горным начальством пособия в размере 3 р. 75 к. в год и 5 пуд. муки в месяц — вознаграждения в сумме, необходимой для полного обеспечения его. Окружный суд признал, что положение Горного Совета 16 ноября 1863 г. для суда необязательно и обязал заводоуправление выдавать означенному рабочему по 200 р. в год деньгами—пожизненно. Это был первый случай, а за ним последовали и другие. Может быть, это обстоятельство ускорило несколько издание того закона, которого рекомендовал дожидаться Горный Совет в 1863 г. и который появился лишь к самому концу изучаемого периода лет в виде временных правил 15 мая 1901 г.

Если уж казенные предприятия не стыдились выдавать такое, хуже чем нищенское, вознаграждение увечным, то от частных трудно было ожидать лучшего. Из 118 золотых приисков Пермской г., которым Г. Земская Управа разослала программы в 1897 г., доставили сведения о пенсиях и пособиях только 11. Из них 8 контор сообщают, что пенсии и пособия или не выдаются за отсутствием надобности в том, так как „престарелых и увечных рабочих на приисках не имеется", а золотопромышленник Иванов указывает в об'яснение этого обстоятельства на то, что в законе нет требования о выдаче рабочим пенсии или пособия. Относительно Олекминского Округа Семевский сообщает, что за первую половину 70-х годов он не встретил ни одного упоминания о вознаграждении за увечья.

Что они были не в обычае, видно и из того, что местная администрация даже указывала, что следовало бы установить такие вознаграждения. Между тем уже правилами 1870 г. о найме рабочих на золотые промыслы предписывалась выдача тройной за весь наемный срок платы в случае смерти или тяжелого увечья вследствие непринятия золотопромышленником

предписанных в законе мер предосторожности. Эту статью правил 1870 г. решено было оставить и при пересмотре в половине 90-х годов правил о найме рабочих на золотые промыслы, несмотря на возражения. Так, напр., начальник Томского Горн. управления Денисов указывал, что вознаграждение рабочего за увечье в размере тройной годовой платы слишком недостаточно. По словам окружн. инж. Семипалатинско-Семиреченск. округа, тройная плата за год по контракту составит не более 90 р. для степных округов, что не может обеспечить даже кочевника, получившего такое вознаграждение за увечье. Но как ни скромна сама по себе эта статья правил 1870 г., однако и она обыкновенно игнорировалась; даже некоторые окружные инженеры не знали про ее существование...

Достаточно привести несколько примеров, чтобы выяснить, в какой мере страдают рабочие при отсутствии специальной ответственности предпринимателей и общего обязательного страхования. На руднике Вейермана в 1892 г. убиты наповал 2 рабочих. После продолжительного торга страховое общество выдало отцу одного—30 р., а жене другого с двумя малолетними тоже 30 р. и отправило на родину. На руднике Панченко в 1886 г., при работах ударом полного с углем вагона в живот убит молодой вагонщик. Родные получили за смерть убитого 100 р. от страхов. о-ва, что далеко ниже цен крупного скота на ярмарках в хороший год. На заводе Юза убило на машине рабочего; его жене с 3 малолетними детьми контора выдала единовременное пособие в размере 50 р., и т. д.

Вообще в то время не редко бывали случаи, когда предприниматели просто на просто спускали рабочего с рук, раз он переставал быть пригодным в качестве материала для эксплуатации: „Чуть заболел рабочий, сообщает знакомый нам Верещинский, ему сейчас расчет и чрез гору“. Умирают на дороге или на родине. Такая система практикуется по вполне понятным основаниям: „расходов меньше, да и статистики нет“! С больными рабочими, сообщает другой автор [1]), золотопромышленники поступают гораздо хуже, чем самый жестокосердый человек с своей собакой. Боясь, чтобы рабочий не умер на приске, ему отдают паспорт и выводят его подальше от приисков в тайгу, предоставляя ему заблудиться и умереть голодною смертью. Бывают ужасные случаи. От очевидцев слышал, напр., что одного рабочего с гангреной на ноге,

[1]) Отечественные записки, № 7 за 1875 г.

истомленного болезнью и голодом, нашли живого еще на муравейнике, об'едаемого муравьями: он дико выл и стонал нечеловеческим голосом перед смертью. Другого чахоточного отбили от волка, который обкусывал и глодал ему руку в то время, как он был еще жив, но не мог уже подняться с места в окончательной потере сил от усталости, истомления и голода... — „Рассчитан за болезнью; остался должен столько-то рублей, почему при выздоровлении и должен быть выслан на операции будущего года" — вот обычная формула, которая употреблялась в таких случаях в Енисейской губ.

Оправданием подобного отношения к делу служила в глазах предпринимателей связь промышленных рабочих с землей, что ослабляло вместе с тем и сопротивление последних. Но с дальнейшим развитием капитализма подобное перекладывание издержек производства с самой промышленности на деревню становилось все более и более вопиющим анахронизмом.

Ранее всего брешь в политике невмешательства была пробита в железнодорожном ведомстве, где законом 1888 г. предписывалось обязательное учреждение пенсионных или сберегательно-вспомогательных касс для всех постоянных служащих и рабочих. С 1 января 1893 г. устав пенсионной кассы по распоряжению министра путей сообщения стал вводиться на частных железных дорогах, а в следующем году — на казенных. Капиталы кассы составлялись из взносов служащих в размере 6% их жалования и прилат управления в половинной сумме. На 1 января 1895 г. общее количество членов касс равнялось 182.029 и к 1 января 1906 г. — 374.666 челов. Бюрократичность управления и высокие взносы делали однако эти кассы мало популярными в глазах широкой массы железнодорожников, и в некоторых случаях при организации их возникали недоразумения, сопровождавшиеся волнениями и вмешательством полиции.

С конца восьмидесятых годов появляется у нас частное страхование. Желая упорядочить свои отношения с пострадавшими рабочими, некоторые из крупных предпринимателей начали страховать своих рабочих в частных обществах, а другие — в особых товариществах, основанных на взаимности. В 1898 г. застрахованных таким образом рабочих насчитывалось около 600.000 человек, что составляло приблизительно 28% общего количества рабочих, занятых в фабричной и горнозаводской промышленности.

Но в этих частных страховых учреждениях интересы труда стояли конечно на последнем месте.

Необходимость прочного обеспечения пострадавших рабочих была признана еще комиссией Штакельберга в самом начале шестидесятых годов; но в течение долгого времени правительство не могло преодолеть связанных с ним затруднений и оппозиции со стороны заинтересованных кругов. Лишь 15 мая 1901 г. появляются временные правила о пенсиях для рабочих казенных горных заводов и промыслов; размер последних в случае полной потери трудоспособности, последовавшей от травматических повреждений или профессиональных заболеваний, определен в $^2/_3$ среднего заработка за последние три года.

2 июня 1903 г. был издан затем закон об ответственности предпринимателей за несчастные случаи в предприятиях фабричной и горнозаводской промышленности. Предприниматели обязываются оказывать получившим увечье рабочим бесплатную медицинскую помощь или возместить расходы по лечению, выдавать увечному пособие за все время его болезни в размере $^1/_2$ заработной платы и в случае смерти—30 р. на похороны взрослого и 15 р. — малолетнего. Пенсии должны назначаться при полной потере трудоспособности в размере $^2/_3$ годового содержания потерпевшего, а при неполной — в уменьшенном размере, определяемом соответственно ослабления трудоспособности.

До организации же обязательного страхования с привлечением к участию в создаваемых для сего учреждениях самих рабочих дело так и не дошло. Эта задача была разрешена лишь в следующем периоде.

ГЛАВА VIII.

Рабочая дисциплина.

С падением крепостного права отпали и те специфические методы поддержания рабочей дисциплины, которые практиковались на казенных, кабинетских, поссессионных и помещичьих заведениях. Исчезли военные суды, вывелись так называемые полицейские исправительные наказания, прекратилось наказание палками или розгами по непосредственному распоряжению заведывающих предприятиями. Рабочий стал самостоятельной и равноправной с нанимателем личностью, с которой тот должен был договариваться об условиях работы. И в этих условиях о физическом воздействии на рабочего в целях поддержания дисциплины конечно уже не было и речи. Исключение со-

ставляли только золотые прииски отдаленной Сибири, для которых даже по уставу 1870 г. сохранялись особенные органы, обладающие правом сечения рабочих за нарушение порядка.

Горному исправнику законом предоставлялось подвергать наказанию собственной властью только лишенных прав состояния рабочих, остальные же могли быть наказываемы им лишь на основании постановления партионной расправы. Впрочем, последние не получили широкого распространения. В донесении Олекминского горного исправника 1872 г. упоминается еще о существовании артельных расправ, но добавляется, что они „действуют не только снисходительно, но и с явной поблажкой виновным, страх мести которых парализует решение выборных". Но во время следствий, произведенных по поводу волнений рабочих на приисках Базанова и Прибрежно-Витимской К° в 1876 и 1882 г.г., выяснилось, что на них артельных расправ не было и наказания за маловажные поступки налагались приисковой полицией. В виду этого циркуляром генерал-губернатора Восточной Сибири от 22 февраля 1883 г. было предписано горным исправникам озаботиться их учреждением. Однако и это распоряжение осталось безрезультатным. На промыслах Томской губ. и Енисейского округа во многих договорах встречается пункт о партионных (или артельных) расправах; но с течением времени и здесь этот институт стал отмирать.

Если еще в 60-х годах в очень многих договорах золотопромышленников с рабочими встречается упоминание о телесном наказании, то уже в 70-х годах подобные условия замечаются только в редких случаях. В записке, представленной в 1892 г. енисейскими золотопромышленниками в министерство государственных имуществ, указывается, что „партионные расправы в настоящее время на приисках не существуют". Рабочие не обнаруживали симпатии к подобному самоуправлению и на доводы администрации обыкновенно отвечали, что „судить своего брата не могут и что на это есть начальство". Предприниматели же, инициативе которых закон предоставлял решающую роль при учреждении партионных расправ, также относились к ним в большинстве случаев более чем сдержанно, не ожидая от них энергичных мероприятий в виде розог по отношению к провинившимся товарищам или даже видя в них умаление своего престижа, поскольку те ограничивались лишь наложением штрафа. В виду этого закон 1895 г. уже не содержит в себе упоминания о партионных расправах. Золотопромышленники не раз ходатайствовали о предоставлении горному исправнику права подвергать телесному наказанию наравне со

ссыльно-поселенцами также полноправных рабочих из мещан и крестьян; однако, эта тенденция не встретила в правительственных кругах сочувствия, а последний закон устраняет даже телесные наказания вообще для всех категорий приписных рабочих.

Правда, местные нравы нередко еще долгое время сохраняли следы старого режима—и не только в далеких уголках Сибири, но даже и в центральных губерниях.

Так, напр., в 1870 г. столбцы газет обошло сообщение о любопытном документе, рассылавшемся московской полицией по местным фабрикам и содержавшем в себе те правила для поддержания порядка и нравственности среди рабочих, которые были изданы еще при крепостном праве генерал-губернатором Закревским и предоставляли полиции право в некоторых случаях подвергать последних исправительному наказанию. „Итак, московская полиция—замечают „С.-Петербургские Ведомости“ [1])—собственноручно и публично расписывается в том, что она в настоящее время и судит, и рядит, и самоуправно наказует строптивых... рабочих учит она богу молиться и быть благонравными, а для этого поощряет шпионов, обещая им приличный гонорарий и за каждый донос о неблагопристойности или неблагочестии. И все это совершается в настоящее время и не в каком-нибудь уссурийском крае, не под покровом потемок, а среди белого дня, в нашей белокаменной Москве“.

Но все же подобные курьезы если и случались, то они носили все таки характер недоразумений или злоупотреблений, за которые так или иначе приходилось нести ответственность. Поэтому внимание предпринимателей естественно обратилось в сторону таких методов воздействия на рабочих, которые были бы чувствительны для последних, выгодны для хозяев и вместе с тем имели вид легальности. Таковыми в рассматриваемое время являются различного рода штрафы и вычеты, которые при отсутствии организованного отпора со стороны рабочих не замедлили превратиться в целую систему обирательства и произвола.

Приведем здесь некоторые образцы. На многих фабриках за самовольный уход до срока рабочий лишался 6 или 12-дневного заработка. „На некоторых вычет доходит до месячного заработка рабочего... и, наконец, на Царевской ситцевой мануфактуре рабочий, уходящий ранее срока, лишается, во-первых, месячной платы, которая удерживается постоянно в конторе до самого расчета, и, во-вторых, подвергается еще

[1]) № 317 за 1870 г.

вычету двухнедельного заработка, т.-е. лишается всех плодов шестинедельного труда" [1]). Иногда этот штраф принимает форму вычета известного % из неуплаченного еще рабочему жалованья. „Так как на большинстве наших фабрик определенного срока для расплаты рабочих нет, то сплошь и рядом контора должна рабочим за несколько месяцев и даже за полгода, и, следовательно, означенная система вычетов процентами из жалованья для рабочих еще чувствительнее и тяжелее". На фабрике Зимина за требование расчета прежде срока, означенного в книжке, вычитают 1 р. 50 коп. за каждый месяц.

Правила химического завода Шлиппе гласят: „если рабочий уйдет раньше срока, то в таком случае получает за все время половину договоренной платы". На бумаго-прядильной фабрике Балина и Макарова так строго, что дальше итти некуда: „рабочие и мастеровые, поступившие на фабрику с Пасхи, все обязаны жить до октября месяца, а ежели кто не пожелает жить до срока, то лишается всех заработных денег". В мастерских Волжско-тверского пароходства один пункт правил говорит: „я обязуюсь из своего жалованья оставлять в конторе $^1/_{10}$ часть ежемесячно... В случае провинности моей оставленные в конторе десятые части из жалованья мне не возвращаются" [2]). Повсеместно, говорит фабричный инспектор Харьковского округа, хозяин предоставляет себе право лишать рабочего заработной платы и еще подвергать законной ответственности, если он самовольно оставит работу. На табачной фабрике Кушнарева (Ростов-на-Дону) неустойка за нарушение рабочим срока договора полагается в 100 руб.

На сахарных заводах принято за правило, что рабочий, ушедший ранее срока, теряет право на получение всей заработной платы. Затем существовали еще разные вычеты, как, напр., за оказание медицинской помощи, хотя это было воспрещено законом, за рабочую книжку, на содержание дворника и чистку ретирад и т. д.

Но, строго относясь к нарушению рабочими условий договора и карая их по своему произволу, гг. предприниматели в то же время очень легко относились к своим обязательствам, вернее сказать, их не существовало. „Обязательство, налагавшееся на фабрикантов (св. зак. XI т. уст. пр. фабр.,

---

[1]) Янжул.—Фабричный быт Московск. губ. Отчет за 1882—83 г., 78 стр.

[2]) Санитарное исследование фабричных заведений Клинского уезда. (Сборник статистич. сведений по Московской губ., т. III, вып. 1, 1881 г., 80 и 277 стр.

ст. 104)... нигде, ни на одной фабрике, правилами не признавалось [1]).

„Если контора найдет нужным почему-либо расчесть, то рабочий обязан получить расчет во всякое время, не спрашивая о причине увольнения и не имея на контору претензий"—так говорилось в правилах на одной фабрике.

На шелко-ткацкой фабрике Фландена (Клинского у.) один § устава гласит: „никто от работы отказаться не может ранее условленного срока, контора же имеет право отказать во всякое время". Относительно условия найма, — читаем мы в исследовании Святловского, — не существует особенно резкой разницы для губерний Харьковского фабричного округа и для Привислинского края. Вся сущность этих условий может быть резюмирована в нескольких словах: и там, и тут хозяин, буде он пожелает, может прогнать во всякое время рабочего с фабрики, хотя ст. 54 устава о промышленности заводской и фабричной и требует обязательного предупреждения работника за 2 недели до отпуска. — При столь откровенном нарушении существовавшего закона о найме неудивительно, что нарушались и все прочие. Вопреки закону, в правилах некоторых фабрик существует такое правило: „хозяин имеет право во всякое время за работу цену повысить или понизить". Вообще хозяин фабрики—неограниченный властитель и законодатель, которого никакие законы не стесняют, и он часто ими распоряжается по своему усмотрению: рабочие ему обязаны беспрекословным повиновением, как гласят правила фабрики Гезен и Митчинсон Московской губ. Что касается других правил внутреннего распорядка, за неисполнение которых грозили штрафами, то они „по безграмотству и произволу", говорят составители общей сводки санитарных исследований фабричных заведений Московской губ. за 1879—85 г., „доходили иногда до Геркулесовых столбов нелепости". Так, из 27 пунктов расчетной книжки на мануфактуре Алафузова (в Казани 26 посвящены штрафам и очень крупным до 2—5 руб. за то, например, что рабочий „прошелся, крадучись, по двору". На фабрике Пенкова (Московской губ.) на стенах—такое об'явление: „кто поступил на фабрику, тот не имеет права выхода за ворота; за нарушение правила 1 руб.": или: „так как фабричные дозволяют себе беспокоить хозяина—просить денег, то предупреждаю — выдача денег ближе 20 ноября (а срок расплаты—22 октября) не будет; осмели-

[1]) Сборник статистических сведений по Московской губ. Общая сводка санитарного исследования, т. IV, ч. II, 315 стр.

вшийся спросить раньше будет разочтен совсем". На заводе Мартына (в Харьковском округе) опоздавший на $^1/_4$ часа после свистка штрафуется за $^1/_4$ дня, а опоздавший на 20 мин. и более — как за целый день. На писчебумажной фабрике Панченко за каждый час опоздания вычитается как за 2 дня, а в 3-х типографиях — за каждый час как за три дня. На одной фабрике—штраф в 3 руб. за неприличные слова. На московских фабриках встречаются штрафы за нехождение в церковь—10 коп. в пользу „бедных и больных" и 5 коп. в пользу „доказчика". На кирпичном заводе Якунчикова за опоздание на 15 минут вычитается плата за целый день; если рабочий ляжет не в „назначенном для того месте"—штраф от 50 коп. до 1 руб. Во Владимирской губ. встречаются штрафы за перелезание через фабричный забор, за охоту в лесу, за сборище нескольких человек в одну кучу и т. д. Одним словом, поводы для наложения штрафов насчитываются десятками. А на многих фабриках встречается только одна лаконическая статья—„замеченные в нарушении фабричных правил штрафуются по усмотрению хозяина".

Относительно системы штрафов на известном заводе англичанина Юза (на юге России) корреспондент „Одесского Листка" пишет: „Нужно целую гору невзгод, нужно быть вполне бесприютным, нужно создать положение, при котором приходилось бы выбирать между жизнью и смертью, чтобы принять условия завода Юза".

Правила этого завода представляются целым рядом обязательств, почти невыполнимых со стороны рабочих и в то же время ровно ни к чему не обязывающих заводовладельца. По ним вся жизнь рабочего как бы соткана из штрафов: опоздал на 15 минут на работу — штраф в 3 руб.; покажется ли мастеру или сторожу, что рабочий вышел — штраф увеличивается; не особенно деликатно поздоровался — штраф, и так без конца. Нам приходилось просматривать расчетные листки. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что значительная часть рабочих была оштрафована и притом довольно солидно. Так, некоторые не дополучают $^1/_3$ и даже большей части своего жалованья".

Если мы вспомним, что штрафные деньги в то время шли в пользу хозяина, то нам станет понятным и разнообразие поводов, и строгость взыскания штрафов — это служило способом повышения предпринимательской прибыли. На Никольской мануфактуре Саввы Морозова в Орехове-Зуеве штрафы достигали 800.000 руб. и более в год, составляя до 40% выдаваемой заработной платы. Период торгово-промышленного

угнетения, которым характеризуется первая половина 80-х годов, был временем наибольшего развития предпринимательской изобретательности и энергии в этом направлении. Разрозненные способы взыскания вылились в стройную систему действий, направленных к тому, чтобы свалить тяжесть кризиса с плеч предпринимателей на рабочие массы.

Никогда еще, пишут из Шуи (Владимирской губ.), штрафы на фабриках не достигали такого развития, как в зиму 1880—81 г. [1]). Например, на одной фабрике штрафовали за все, — и за то, что челнок вылетит из станка, и за то, что зубец сломается на шестерне, наконец, штрафы дошли до того, что, несмотря на безработицу, рабочие все до одного потребовали расчета. На другой местной фабрике, в видах сохранения рабочего времени, фабрикант обязал рабочих выходить за отправлением естественной надобности в устроенные для этого на фабрики помещения не иначе, как без верхней одежды.

Некоторые отличия представляет Царство Польское. Благодаря более высокому уровню культуры и большей производительности труда рабочего, столь грубые приемы эксплуатации, которые были обычно для внутренней России, здесь не были известны или, если существовали раньше, то вышли из употребления. Расплата с рабочими производилась еженедельно или раз в 2 недели. „Расплата один раз в месяц почти нигде не практикуется; расплаты же в неопределенные сроки мы не встретили ни разу", замечает по этому поводу Святловский.

Штрафная система точно так же была развита в Привислинском крае значительно слабее. Так, например, 40 сахарных заводов, вместе взятые, при контингенте около 17 тысяч рабочих, взимают с них в год едва лишь 1½ тысячи руб. штрафных денег, кои все целиком поступают на дело вспомоществования рабочим. Между тем в центральном промышленном районе эти штрафы достигали очень крупной суммы, а главное — шли в пользу самих предпринимателей. „Весь первый год после вступления закона 3 июня 1886 г. в силу, говорит Янжул [2]), прошел в борьбе фабрикантов с инспекцией главным образом из-за присвоения себе этих штрафов, с которыми не хочется расставаться". Кроме того и фабричные лавки организованы в Привислинском крае или на началах потребительных обществ, или же фабрики, имеющие их, не только не извлекают из этого никакой выгоды, но ежегодно, при сведении баланса, прилачивают убыток лавки.

[1]) Дело, № 1 за 1883 г.

[2]) Фабричный рабочий в Средней России и в Царстве Польском „Вестник Европы", № 2 за 1888 г.

Произвол хозяев в назначении штрафов, дававший повод во многих случаях к возникновению рабочих волнений, обратил наконец на себя внимание правительства. „Исследованиями местных властей по поводу происходящих в конце прошлого и начале нынешнего года беспорядков на некоторых фабриках в Московской и Владимирской губ. — говорится в записке департамента полиции от 17 мая 1885 г.—было выяснено крайне угнетенное состояние фабричных рабочих, заработок коих с одной стороны под влиянием постепенного сокращения, даже вопреки заключенным договорам, рабочего времени (иногда на целую треть), а с другой—при посредстве совершенно произвольных штрафов уменьшается нередко на 40 и более процентов.

Независимо сего общее падение цен на рабочие руки (приблизительно на 20%), непредвиденные перерывы работы вследствие задержки в выдаче материала, переделки машин и т. п. ставят рабочих на некоторых фабриках не только в невозможность удачивать новинности и содержать семейство, но и зарабатывать на свое личное пропитание [1].

В отношении генерала Шебеко при дознании о беспорядках, происшедших в 1887 г. среди рабочих одной из крупнейших каменноугольных компаний на юге России, точно так же отмечается, что по правилам этой компании „за всякий беспорядок и неисполнение конторы наказывает рабочих штрафом по своему усмотрению; правила обязывают рабочих работать по требованию конторы и в праздничные дни; денежные выдачи производились только шесть раз в год [2].

Законом 3 июня 1886 г. право предпринимателя налагать штрафы и распоряжаться ими по своему усмотрению было подвергнуто ограничению. Устанавливать штрафы разрешалось только в случаях неисправной работы, прогула и нарушения порядка в размере не свыше $^1/_3$ причитающейся рабочему суммы, при чем означенные деньги должны поступать в особый фонд, распоряжение которым хотя и предоставляется хозяину предприятия, но только на нужды рабочих.

В 1892 г. подобные же правила были установлены также для горнозаводской промышленности. Означенные законы уничтожили тот произвол, который получил такое печальное распространение в этом деле; но они не дали рабочим нужных им организаций, которые вели бы систематическую работу как с злоупотреблениями со стороны предпринимателей, так и в направлении воспитания личного достоинства среди рабочих.

[1]) Архив Государственного Совета, дело по журналу № 211 за 1886 г.
[2]) Там же, дело № 99 за 1891.

Мало того—ограничив нанимателей в праве штрафования, закон 1886 г. счел нужным урезать принцип равноправности сторон, установив уголовную ответственность для рабочих, уходящих до срока (арест до 1 месяца).

Поэтому внутренняя атмосфера, господствовавшая на наших фабриках и заводах, продолжала оставаться весьма патриархальной. Вот например выписка из книги „порочных“ на Морозовской фабрике об одном из рабочих.

Сведения квартирного отдела:

1) На его боченке с квасом загорелась тряпка—штраф 1 р.

2) Пьяный в коридоре громко говорил, что все старшие подлецы и грабители. Обходные просили его замолчать, но он не слушался, за что взят в сторожку.—Штраф 2 руб.

3) На улице громко пел песни, за непослушание посажен в сторожку, о чем доложено заведующему хоз. частью.

За непослушание выселить на вольную квартиру. Подпис. Егоров.

Сведения фабрики:

За поздний выход на работы—штраф 50 к.

За поздний выход—50 к.

За грубость мастеру—1 руб.

Оделся за 5 минут до окончания - 50 к.

За непослушание—10 к.

За многоглаголание—50 к.

Жаловался инспектору, что ему выдали плохую говядину—1 р.

Подпис. Гаранин.

На этой же фабрике больница докладывала об увечьях: 1) как передано с фабрики, рабочий N находился в нетрезвом виде, по своей неосторожности попал в кожаный блок, при чем ему отрезало 2 пальца правой руки и помяло конец третьего. 2) При разборке ящиков, по своей неосторожности, получил ушиб в спину. Находился на излечении в больнице 28 дней...

Резолюция Саввы Морозова: дать 50 р. на дорогу; на фабрику вновь не принимать...

„Пойдешь к инспектору, говорят рабочие, а тебя с фабрики вон: хорошо, коли уходят за 2 недели, а то и сразу в шею“. Мастера, в огромном большинстве случаев выходцы из рабочей же среды, теснят рабочих на каждом шагу, требуют взяток и проч. В Московской губ. обычное явление—приношение рабочими мастерам после Пасхи, по возвращении из деревни, деревенских гостинцев: везут яйца, кур и т. п.; этот натуральный обычай так укоренился, что мастер сочтет себя оби-

женным, если кто-нибудь из рабочих обойдет его подарком, и рано или поздно отомстит вольнодумцу. Установление расценок на сдельные работы на большинстве механических заводов находится почти всегда единственно в руках мастера, человека часто некомпетентного, не могущего понять подчас сложного дела выработки действительно правильной цены и стремящегося исключительно выслужиться перед конторой. Всякие сношения и разговоры с администрацией фабрики или фабричным инспектором по поводу неудовольствий и недоразумений с мастерами, порученные рабочими выборным для того товарищам-депутатам, влекут за собой неминуемое увольнение этих лиц с фабрики, а часто и административную высылку на родину, как „зачинщиков". Так близко принимал к сердцу старый режим интересы хозяев-капиталистов.

На некоторых фабриках, расположенных группами в смежных местностях, установился обычай давать знать во все конторы соседних фабрик об уволенном рабочем, и таким образом ему закрывается туда доступ. В Петербурге роль черного листа играет фабричный штемпель, наложенный на паспорт рабочего. Такие черные листы широко распространены в Иваново-Вознесенске, на волжских пароходах и среди золотопромышленников, где рабочие называют их „поганым".

Вследствие натянутых отношений между мастерами и рабочими большое распространение получил обычай насильственного выпроваживания ненавистного мастера с фабрики,—ему засыпают глаза табаком, набрасывают на голову мешок и на тачке вывозят за ворота фабрики.

Культурный уровень администрации наших фабрик и заводов очень хорошо рисует уже тот факт, что на них все еще продолжала существовать кулачная расправа. Согласно своду отчетов фабричных инспекторов, число жалоб на дурное обращение и побои равнялось в 1901 г.—1.366, а в 1902 г.—3.604, из коих 2.956 поданы коллективно. Особенно выделяется в этом отношении центральный район. Именно в московском округе число жалоб в 1901 г. не превышало 161, а в 1902 г. оно выросло до 2.164, из которых 2.098 приходится на одну Московскую губ. Вместе с тем, замечает окружной инспектор, обращает на себя внимание то обстоятельство, что степень основательности заявленных жалоб, не превышавшая в 1901 г. 56%, в 1902 г. возросла до 95%. Сопоставление столь значительного увеличения числа жалоб на дурное обращение и побои в Московской г. с увеличением степени их основательности приводит к вероятному выводу, что рабочие, под влиянием некоторых движений стали строже относиться к пове-

цению заведывающих и их владельцев и начали приносить жалобы на такие их действия, которые в прежнее время оставлялись ими без внимания. В 1903 г. число жалоб понизилось до 2.289 и в 1904 г. до 1.285; но в 1905 г. повысилось до 6.855.

Произвольное увольнение рабочего до срока является до сих пор очень распространенным явлением. Для этого заведывающие обыкновенно ссылаются на п. 4 ст. 105 уст. пром., подводя под дерзость всякое возражение рабочего, а под дурное поведение—неисправную работу. В статье этой не указывается, какая дерзость и к кому относящаяся влечет за собой расторжение договора. По словам старшего инспектора Екатеринославской г., чаще всего происходят столкновения рабочих с мастерами, непосредственно руководящими работами в отделениях заводов: в большинстве случаев не далеко ушедшие по своему образованию и воспитанию от простых рабочих, нередко иностранцы, не знающие русского языка, люди очень грубые. мастера эти очень часто допускают в обращении с рабочими неприличную брань и даже прибегают к кулачной расправе.

Фабричный инспектор Новгородской губ. пишет в 1903 г., что среди владельцев или заведующих встречаются лица, получившие образование, которые считают подобную расправу единственным средством для исправления рабочих.—Директор одной фабрики, дом которого был расположен недалеко, чтобы не запрягать лошадей, приказывал рабочим становиться в дышло и так ездил на фабрику; раз как-то он так разошелся, что стал палкой погонять рабочих с криком: „пошел скорей“, но те его бросили на полдороге... На другой фабрике директор-англичанин на замечание инспектора, что нужны фабричные правила для того, чтобы был порядок, вытащил плетку из кармана со словами: „вот у меня правила“. На Глуховской мануфактуре не редко можно было видеть Захара Морозова, прохаживающегося между станками с засунутой за голенищем плеткой, и если он увидит, что ткач распускает рвань со шпули, то „с остервенением“ набрасывается на него...

Точно так же киевский окружной инспектор сообщает, что у иностранцев жесты часто переходят в рукоприкладство... Естественно, в ответ на такое обращение рабочие реагируют иногда бранью, иногда указанием мастеру, разумеется, не в вежливой форме, на его самоуправство; во всех таких случаях, по представлениям мастеров, к рабочим применяется п. 4 ст. 105. Жалоб на увольнение до окончания срока найма. без законного предупреждения за 2 недели при неопределенном найме, было принесено:

	Единичн.	Коллективн.
в 1901 году.	5127	7243
„ 1902 „	4964	3520

Из них признаны справедливыми:

	Единичн.	Коллективн.
в 1901 году.	2737	2906
„ 1902 „	2646	2398

Таким образом, для фабричной администрации за произвольный отказ от работы не установлено ответственности ни в судебном порядке, ни в административном; между тем рабочие в таких случаях подвергаются уголовной ответственности.

Нельзя не упомянуть здесь еще об одном обычае, который существовал на весьма многих фабриках и заводах, хотя не имел под собой никакой законной почвы,—это, именно, обыск. Ежедневно, в назначенное для отдыха и обеда время, а также и по окончании работ—все уходящие с фабрики рабочие подвергаются тщательному с головы до ног обшариванию и обыску специально поставленными для этой цели сторожами; ни пол и возраст не обращается никакого внимания. На фабрике Бахрушина (в Замоскворечьи) сторожа обыскивают даже приходящих „с воли“ женщин и девушек, прямо во дворе с улицы, на глазах проходящей публики. В Западной Европе давно уже признали всю бесполезность и нецелесообразность этой процедуры и, за непригодностью, упразднили. Но мало того, что этот обычай нецелесообразен, безнравственен, он, кроме того, является совершенно противозаконным с юридической точки зрения. Наш закон допускал обыски, как крайнюю меру, „в случае основательного подозрения“, требуя при этом чтобы „обыски производились непременно по предписанию властей, с соблюдением установленных формальностей и непременно должностными лицами, получившими на сие полномочия“. Фабричных сторожей нельзя считать должностными лицами.. Точно так же нельзя ежедневные поголовные обыски подвести под требуемые законом „случаи основательного подозрения“, и несколько сот или даже тысяч рабочих той или иной фабрики не могут подойти в рубрику „подозреваемых в преступлении“. Что касается осмотра фабричных работниц теми же сторожами-мужчинами, то это является еще более безнравственным и беззаконным, ибо и при вполне легальных, если можно так выразиться, обысках—„для осмотра и освидетельствования лиц женского пола приглашаются... замужние женщины“. Точно так же и специальный фабричный Устав не пре-

доставляет фабрикантам права обыска. Это было известно м-ву финансов, об этом знали фабричные инспектора [1]; однако, обычай продолжал существовать.

Лишь на фабрике „Эмиль Циндель и К°“ обыск был уничтожен; об этом же заявило в письме в „Русск. Ведом.“ (№ 181 за 1902 г.) правление завода Гартман, добавляя, что „обыск рабочих в настоящее время представляет анахронизм для большинства металлургических и машиностроительных заводов в России, последовавших примеру Запада и освободивших уже давно своих рабочих от этой меры, унижающей человеческое достоинство“. Как выяснилось, однако, впоследствии, из требований, выставленных рабочими при стачках, обыски широко практиковались и на металлургических и машиностроительных заводах, и только лишь с 1905 г. начинается массовое уничтожение этого дикого обычая...

Говоря о тех средствах, которые находились в распоряжении предпринимателей для поддержания дисциплины среди рабочих, нельзя не упомянуть также о правительственной политике по отношению к коллективному выступлению трудящихся. Ибо самочувствие рабочего и его поведение в предприятии существенно зависит от того, в какой мере возможно проявление солидарности с товарищами по работе. Запрещение стачек было установлено еще при крепостном режиме. Статья 1792 Уложения о наказаниях 1845 г. грозила наказанием в виде ареста от трех недель до трех месяцев для зачинщиков и от семи дней до трех недель для прочих виновных „за стачку между работниками какого либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истечения установленного с содержателями сих заведений времени для того, чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой ими платы“. Постановление это было заимствовано из иностранного законодательства; поэтому—говорится в замечаниях комиссии по составлению Уложения—„необходимость или по крайней мере пользу оного, кажется, не следует доказывать“.

Однако, истинная причина этой позиции правительства заключалась вовсе не в желании подражать Западу. Ибо там уже в самом начале изучаемого периода одна страна за другой стали отказываться от запрещения рабочих коалиций: так,

---

[1]) „И с точки зрения закона, как и с точки зрения нравственности и уважения человеческой личности, созданный много лет тому назад и соблюдаемый и по сие время обычай ежедневного поголовного обыска уходящих с работы фабричных и заводских рабочих, лишен всякого основания“... так говорится в официальном органе м-ва фин., „Торгово-промышленной газете“, за 1904 г.

Саксония отменила его в 1861 г., Франция—в 1864 г., Бельгия—в 1866 г., Германия—в 1869 г. и Австрия—в 1870 г., не говоря уже об Англии, где это было сделано еще в 1824 г. Между тем у нас означенные репрессии не только не сократились, но и продолжали даже с течением времени усиливаться. Комиссия Игнатьева, учрежденная в 1870 г. для пересмотра устава о найме, „по всестороннем обсуждении вопроса о стачках пришла к тому убеждению, что на стачки рабочих следует смотреть, как на вымогательство, которое не может быть оставлено без взыскания. Закон наш наказывает ссылкой в Сибирь на поселение требование принять на себя какие-либо невыгодные обязательства или отказаться от какого-либо законного права, когда таковое требование было сопровождаемо угрозами или насильственными действиями. Прекращение рабочими работ с целью принудить хозяина на уступки, противные добровольно заключенному договору, заключает в себе все признаки вымогательства или принуждения, за исключением употребления в дело угрозы физическою силой. Но недостаток этого последнего признака вполне восполняется в стачке теми последствиями, которыми грозят стачкующиеся лица не соглашающемуся выполнить их незаконные требования. Последствия эти заключаются в угрозе прекратить работы, а прекращение работ грозит остановкой действий всей фабрики или завода, ставит фирму в невозможность удовлетворить частным или казенным заказам, заставляет платить огромную неустойку и может довести заведение до положительного разорения. В силу этих соображений комиссия признала необходимым не только сохранить постановление ст. 1358 (ранее 1792) улож. о наказ., но развить это постановление еще подробнее, усилив наказание за те их стачки, которые представляются особенно опасными".

С юридической точки зрения, однако, соображения комиссии о том, что экономические последствия стачки вполне заменяют собою насильственные действия или угрозу физическою силою, которые служат необходимым признаком караемого законом вымогательства, являются несомненной и мало убедительной натяжкой. Сама по себе стачка не составляет для нанимателя ни насильственного действия, ни угрозы физической силой.

Правда, она может нанести ему более или менее значительный ущерб, но ведь в подобном же положении находятся и сами рабочие, прибегающие к забастовке. Как правильно было отмечено в отзыве министра юстиции Замятнина, представленном им в 1866 г. в комиссию Штакельберга, „в корне большей части стачек рабочих лежит не желание воспользо-

заться чужим достоянием, а несоответственность заработной платы средствам к существованию и вообще безвыходность положения рабочего класса»[1]).

Тем не менее и несмотря на противоположную практику западно-европейских государств мысль об усилении репрессий против забастовок получила осуществление в 1886 г., когда ст. 1358 была дополнена тремя новыми, а именно: ст. 1358[1]. За прекращение работ на фабрике или заводе по стачке между собою рабочих, с целью принуждения фабрикантов или заводчиков к возвышению заработной платы или изменению других условий найма до истечения срока последнего, виновные подвергаются: подстрекавшие к начатию или продолжению стачки — заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев, а прочие участники—заключению в тюрьме на время от двух до четырех месяцев. Участники стачки, прекратившие таковую и приступившие к работам по первому требованию полицейской власти, от наказания освобождаются.

Ст. 1358[2]. Участники стачки, причинившие повреждение или уничтожение заводского или фабричного имущества, или имущества лиц, служащих на заводе или фабрике, буде содеянное ими не составляет более тяжкого преступления, подвергаются: подстрекавшие к сим действиям или распоряжавшиеся толпой—тюремному заключению на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, а прочие участники—тюремному заключению на время от четырех до восьми месяцев.

Ст. 1358[3]. Участники стачки, принудившие других рабочих, посредством насилия или угроз, прекратить работу или не возобновлять прекращенную, буде учиненное ими насилие не составляет более тяжкого преступления, подвергаются: подстрекавшие к сим действиям или распоряжавшиеся толпой—тюремному заключению на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, а прочие участники—тюремному заключению на время от четырех до восьми месяцев[2]).

Но, не довольствуясь установлением судебных наказаний, правительство сочло нужным дополнить их еще административно-полицейскими репрессиями. После первой же крупной стачки на Невской бумагопрядильне, обратившей на себя общественное внимание, циркуляром министра внутренних дел от 6 июня 1870 г. на основании высочайшего повеления предписывалось губернаторам „при первом известии о стачке ра-

[1]) С. Прокопович.—К рабочему вопросу. 1905 г. 48 стр.

[2]) Н. Полянский.—Стачки рабочих и уголовный закон. 1907 г. 370 стр.

бочих на каком-либо заводе или фабрике, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении главных зачинщиков между фабричными высылать таковых в одну из нижепоименованных губерний: Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Самарскую" [1]).

Вскоре после этого на Реутовской бумагопрядильной фабрике вспыхнули беспорядки: рабочие не требовали повышения заработной платы, а волновались из-за того, что некоторые из их товарищей согласились работать за повышенную плату. Поэтому среди администрации возникло разномыслие: в то время как московский губернатор предлагал высылать руководителей беспорядков, со стороны генерал-губернатора Долгорукова последовал протест на том основании, что в данном случае произошло буйство, но никак не стачка, при чем рабочие стали буйствовать неожиданно, без всяких предварительных уговоров. Спор был разрешен изданием циркуляра 15 декабря 1871 г., в котором разъяснялось, что прекращение работ только тогда называется стачкой, когда оно вызвано желанием добиться повышения платы, и что административное преследование зачинщиков стачек следует применять лишь в самых крайних случаях, когда все предварительные меры не имели успеха.

Эта попытка ввести административное усердие на местах в известные границы не могла конечно исправить того, что было сделано предшествующим циркуляром. К тому же правительственная политика по рабочему вопросу с воцарением Александра III стала принимать все более и более реакционный характер. Когда весною 1883 г. в Ростове на Дону произошли беспорядки, для подавления которых местным властям пришлось затребовать войсковые силы, то на докладной записке министра внутренних дел Толстого царь положил следующую резолюцию: „Если возможно было бы главных зачинщиков хорошенько посечь, а не предавать суду, гораздо было бы полезнее и проще" [2]). Закон 1886 г. не только усилил наказание за стачки, но и расширил понятие последних, об'явив преступным как стремление рабочих к повышению заработной платы, так и к изменению остальных условий найма до истечения срока последнего.

А в циркуляре 5 декабря 1895 г., изданном уже при Николае II, министерство финансов делает еще дальнейший

[1]) Архив м-ва внутр. дел, д-т полиции исполнит. дело № 409 . 1870 г.

[2]) Музей Революции. Сборник I. 1923 г. Р. Кантор. Александр III в заботах о русском народе.

маг. Здесь Витте требует от фабричных инспекторов, чтоб они при каждом подходящем случае внушали рабочим, что „не только незаконность притязаний, но даже стремление к достижению законных прав, по противозаконным или насильственным путем, будут неизбежно приводить не к улучшению, а к ухудшению положения, ибо правительство при таких обстоятельствах не может допустить осуществления желаний рабочих, даже в том случае, если бы фабриканты под влиянием угрозы или по добродушию изъявили согласие на уступки, и закон призван одинаково ограждать как фабрикантов, так и рабочих". Эта же мысль развивается и в циркуляре от 8 апреля 1897 г.: „при возникновении стачки или забастовки надлежит принять меры к убеждению рабочих немедленно возобновить прерванные работы, разъяснив им всю строгость наказания, которому они подлежат за незаконные действия, и объявив, что заявления их не могут быть принимаемы и рассматриваемы до тех пор, пока они не приступят к обычным занятиям и не прекратят беспорядка, запрещенного законом".

В данном пункте однако министерство финансов не встретило поддержки со стороны министерства внутренних дел. Последнее в своем циркуляре от 12 августа 1897 г. предписывало полиции в случае возникновения забастовок принимать меры при посредстве подлежащей инспекции или соответствующего начальства к немедленному рассмотрению причин забастовки и к миролюбивому соглашению сторон: буде же соглашение не последует, то назначить забастовщикам крайний срок стать вновь на работу или получить расчет, а по истечении этого срока, всех не ставших на работу иногородних рабочих, прекративших работы с соблюдением законных сроков, удалять безотлагательно в места родины или приписки, всех же иногородних рабочих, которые забастуют с нарушением срока найма, удалять по этапу".

Таким образом, в отличие от Витте, призывавшего гром и молнию на головы рабочих даже в том случае, если предприниматели готовы были итти на уступки, министерство внутренних дел рекомендовало стремиться к достижению миролюбивого соглашения между сторонами и только в случае отсутствия такового—прибегать к высылке. Но наряду с этим оно значительно расширяло круг лиц, подлежащих репрессиям.

Высылка угрожала теперь не только зачинщикам, как это предписывалось циркуляром 1870 г., но и всем участникам забастовки поголовно. Вместе с тем изменялось и самое понятие о последней. Закон разумел под стачкой лишь такое прекращение работ, которое производилось с целью измене-

условий найма до истечения его срока. Теперь же высылке подвергались и все те рабочие, которые прекращали работы с соблюдением законных сроков.

„Во всех случаях стачек и забастовок,—говорит в заключение министр внутренних дел—я рекомендую преимущественное направление дел в порядке положения об охране в том соображении, что судебное преследование не всегда бывает возможно в виду частого отсутствия всех признаков преступления, предусмотренного ст. 1358 и послед. Улож. о нак., а также в виду того, что означенные статьи закона, налагая на виновных наказания, не сопряженные с лишением или ограничением прав, не обязывают судебного следователя подвергать обвиняемых содержанию под стражей, особенно по окончании следственного производства" [1]).

Как видно из всего вышеизложенного, государственная власть встретила нарождающийся рабочий вопрос во всеоружии репрессий уголовного и административно-полицейского характера. Если вначале для оправдания этого курса внутренней политики выдвигался пример западно-европейских стран, который скоро, впрочем, отпал, а затем сомнительные в юридическом отношении соображения об элементе вымогательства в рабочих стачках, то к концу изучаемого периода выяснилось уже с полной очевидностью, что истинная причина заключается не в этом, а в особенностях нашего государственного строя.

Преследуя забастовщиков, самодержавие имело в виду сделать все возможное для сохранения той патриархальности и того подчинения авторитету в народных массах, которые служили оплотом его существования.

„В России к счастью не существует рабочего класса в том смысле и значении, как на Западе,—читаем мы в известном уже циркуляре от 5 декабря 1895 г.,—и потому не существует и рабочего вопроса: и тот, и другой не будут и не могут иметь у нас почвы для своего рождения, если рядом с проведением заботливости фабрикантов к благополучию рабочих вы (т.-е. фабричные инспектора) приложите все старания к утверждению законности и нравственного долга среди рабочих". Этой же цели должно было служить и преследование стачечного движения. Помешать возникновению у нас рабочего вопроса политика правительства, конечно, не могла, но она могла сообщить ему и действительно сообщила некоторый оттенок своеобразия.

---

[1]) Н. Озеров. — Политика по рабочему вопросу в России. 1905 г. 29—30 стр.

Если на Западе в центре борьбы рабочих стоял капитал, его противодействие и политика, то в России чем далее, тем более рабочие массы стали проникаться мыслью, что их главный враг—самодержавие.

Только уже в самом конце изучаемого периода в правительственных сферах обнаруживаются некоторые признаки охлаждения к принятому курсу. В 1902 г. министерством финансов подготовлен был законопроект о пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договора о найме. Здесь высказываются здравые суждения, что „забастовка не может почитаться актом непосредственного принуждения, заключающим в себе элементы насилия. Рабочие, отказываясь от работы до истечения срока найма, оставляют в полной неприкосновенности личность хозяина и отнюдь не покушаются на захват или уничтожение его имущества. Если следствием поступка рабочих бывают убытки хозяина, то эти убытки совершенно такого же характера, как и те, которые являются следствием отказа от срочной поставки, по установленной цене, каких-либо товаров, в чем никогда не усматривается какой-либо вины. ... Не следует забывать также и того обстоятельства, что досрочная забастовка рабочих не всегда влечет за собой убытки для хозяина; иногда бывает, как показывает практика дела, как раз наоборот. ... Бывали примеры (хотя и редкие), что стачки, выгодные для фабрикантов, вызывались ими искусственно; в донесениях фабричной инспекции имеется по этому поводу достаточный материал. История забастовок, происходивших в течение последнего десятилетия, дает много примеров того вреда, который является результатом стремления быстрого подавления возникших осложнений какой-бы то ни было ценою. Поспешно произведенные аресты вызывали иногда такое озлобление среди спокойных до сего рабочих, что приходилось пускать в дело казаков, после чего, конечно, не могло быть и речи об удовлетворении даже законных пожеланий забастовавших".

Однако, пробить брешь в прочно укоренившихся среди бюрократических кругов навыках мысли было трудно. И даже в новом уголовном уложении 22 марта 1903 г., которое во многих отношениях считалось передовым, наказуемость стачек осталась в неприкосновенности.

Понадобились бурные события революционного 1905 г., чтобы ст. 1358 и 1358[1] потеряли наконец свою силу, и право на стачку перестало быть нормой, считающейся несовместимой с основами русского быта.

ГЛАВА IX.

Рабочие волнения и стачки.

Шестидесятые годы еще не так давно считались периодом благополучия, не знающим рабочих волнений, и потому история рабочего движения в пореформенное время начиналась обыкновенно со стачки на Невской бумагопрядильне в 1870 г. Это мнение, однако, едва ли можно признать теперь строго отвечающим действительности. При судебном разбирательстве дела о вышеупомянутой стачке один из свидетелей показал, что он помнит несколько случаев забастовок, совершенно подобных той, какая имела место в 1870 г., но только до суда тогда дело не доходило. В литературе встречаются также указания, что в шестидесятые годы имел место случай коллективного протеста рабочих на одном из Забайкальских промыслов, а в 1865 г.—стачка на Никольской мануфактуре в Орехово-Зуеве. Более подробных сведений, однако, об этих конфликтах не сохранилось: возможно поэтому, что они не носили серьезного характера. Но среди строительных рабочих нередко имели место крупные столкновения. Так, при прорытии Ново-Ладожского канала летом 1861 г., по донесению производителя работ, некоторые рабочие, получив часть платы в счет заработка, сбежали с работ, при чем часть их была поймана и подвергнута наказанию. Вслед затем „часть взбунтовавшейся против десятника артели, человек до 50, ушли с работы. На пути люди эти были остановлены с помощью местного станового пристава и для прекращения распространяющегося зла все наказаны".

Немного спустя с работ сбежало больше 100 человек, поодиночке и даже небольшими партиями. А летом 1863 г. около 1300 рабочих самовольно бросили работы по прорытию Свирского канала и явились в Ладогу. На сделанный им вопрос, почему они не идут на работы, которые на основании условий, изложенных в книжках, обязались производить до 1 ноября, люди эти отозвались, что они очень измучились и чувствуют себя слабыми здоровьем, тогда как большая часть их видимо в совершенно здоровом состоянии и с полнейшими силами, и невзирая на принятые меры крутости, а затем и строгости, народ очевидно не хотел разуметь своего долга".

Благодаря тому что подрядчик Гладин согласился отпустить рабочих до срока на льготных для них основаниях, приводить

забастовщиков к повиновению не потребовалось, и дело обошлось благополучно [1]).

Незадолго до об'явления „воли", летом 1860 г. среди рабочих, нанятых для постройки Волжско-Донской железной дороги, вспыхнули серьезные волнения, вызвавшие вмешательство военной силы. Произведенное по высочайшему повелению расследование выяснило, что причиной волнения служили как притеснения подрядчика, так и то обстоятельство, что рабочие были законтрактованы им через посредство волостных управлений и многие из них не знали даже срока и главных условий найма [2]). Для предупреждения подобных явлений спешно были выработаны особые правила о найме рабочих для исполнения казенных или общественных работ.

Издание этих правил и прекращение законтрактовывания рабочих через волостные правления несомненно содействовало некоторому упорядочению условий труда при постройках железных дорог, которые стали производиться в дальнейшем усиленным темпом. Тем не менее в 1865 г. на Южной дороге недалеко от Тулы вновь произошло массовое волнение.

5 июня рабочие из крестьян Смоленской и Тверской губ. в количестве 200 человек прекратили работу и явились к губернатору. „Едва я вышел к ним и спросил—говорится в донесении министру путей сообщения,—зачем они пришли, как услышал страшный крик всей толпы. Тогда я приказал бывшему тут полицейскому солдату арестовать кричавшего больше. но его не выдали, и толпа отвечала криком непослушания. Вследствие чего я призвал полицейскую команду и снова сделал увещание рабочим повиноваться закону и быть покорными власти и приказал арестовать выбранного ими старосту и того крестьянина, который кричал более других. Обступив вокруг этих лиц, крестьяне не дали их команде и продолжали кричать: „не дадим, берите всех". При таком явном и дерзком сопротивлении рабочих моей и полицейской власти, я вынужден был предложить губернскому воинскому начальнику привести воинскую команду. По явке последней, я снова увещал крестьян исполнить мое приказание, указывая им на окружавших их нижних чинов и давая им уразуметь, что дальнейшее упорство невозможно и чтобы требуемые мною люди вышли ко мне. Масса рабочих, сильно сплотившись, отвечала мне общим криком, что их не дает и чтобы брали всех. После этого я

[1]) А. Добрынин.—Прорытие Ново-Ладожского канала. Архив истории труда в России, № 10 за 1923 г.

[2]) Архив м-ва внутр. дел департамента полиции исполнительной, дело № 2654/1 за 1860 г.

уже поручил губернскому воинскому начальнику взять старосту и главных зачинщиков, кои по некоторому сопротивлению взяты и арестованы". В дальнейшем выяснилось, что рабочие приходили жаловаться на притеснения подрядчика и дурное обращение с ними на работах приказчика; когда же губернатор произвел аресты, они вернулись на место работ, но работать отказались. Несмотря на обещание разных льгот, они продолжали упорствовать в этом решении и были отпущены по домам [1]).

Таким образом, если понимать стачку не в том узком смысле, как это делает Уложение 1845 г., а в широком значении слова, т.-е. как одновременное прекращение работ в более или менее значительном масштабе для оказания давления на предпринимателя, то нужно будет признать, что современное рабочее движение ведет свое начало не с 1876, а с 1860—61 г., примыкая таким образом непосредственно к движению предшествующего периода. Но в первое десятилетие оно проявлялось слабо. Те слои рабочего класса, которые и до эмансипации работали по вольному найму (а таковых было значительное большинство), не находили вокруг себя благоприятных условий для пред'явления повышенных требований; те же, которые раньше были привязаны к вотчинным или поссессионным предприятиям, теперь получили возможность путем договора найма несколько улучшить свое положение. Горечь недовольства, накопленного при крепостном праве, таким образом смягчилась, и начало нового периода не внушало тревог ни правительству, ни обществу. Рабочего вопроса, как такового, еще не существовало для них [2]). Но в 1870 г. этому благополучию наступил конец.

В мае месяце этого года в некоторых мастерских петербургских портных, а затем на Невской бумагопрядильне произошли стачки, которые были зарегистрированы, как „первые" в России.

На Невской бумагопрядильне 22 мая 63 прядильщика пред'явили главному мастеру Беку требование повысить заработную плату (задельную). Бек приказал сторожу отпереть двери фабрики и заявил, что те из рабочих, которые не согласны работать за прежнюю плату, могут итти домой.

[1]) А. Добрынин.—На постройке и эксплуатации железных дорог. Архив истории труда в России, № 11—12 за 1924 г.

[2]) Даже радикальная и революционная интеллигенция не задумывалась в то время над вопросом о возможных выступлениях рабочего класса; напротив, все помыслы ее были направлены к тому, чтобы предупредить пробуждение у нас пролетариата. „У нас земли столько, что достанет ее нам на десять тысяч лет—говорится в прокламации Михайлова и Шелгунова к молодому поколению (1861 г.). Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Мы не хотим ее пролетариата"...

Рабочие так и сделали: как только дверь была отворена, они спокойно вышли и без шуму разошлись по домам. Но на следующий день уже не стали на работу все 240 прядильщиков, и вследствие забастовки прядильного отделения стала вся фабрика. По внутренним правилам фабрики, рабочий, желавший прекратить работу, обязан был предупредить контору за месяц, в противном случае — лишается месячного заработка. Когда же фабрика отказывала рабочему, расчет производился тотчас же, без предупреждения за месяц.

Когда мастер Бек выгнал рабочих с фабрики, они обратились с своими требованиями в контору фабрики и с жалобами — в полицию. Чтобы не нарушать „общественной тишины", они отправились в участок не всей толпой, а послали туда 3 выборных. Потом подавали обер-полицеймейстеру прошение от имени 800 рабочих, в котором жаловались на администрацию фабрики.

Для об'яснений с директором фабрики и полицией, по их требованию, они выбрали из своей среды 5 депутатов. Что же в результате? Стачечники были преданы суду, который в своем приговоре положил, что „наказуемость стачек по 1358 ст. Улож. о наказ. обусловливается требованиями общественного благоустройства и благочиния", и посадил 54 человека под арест на 3 дня, а 4 выборных и депутатов — на 7 дней, как зачинщиков...

Это событие не замедлило обратить на себя внимания как высшей правительственной власти, так и общественного мнения.

„И у нас случилась стачка рабочих, и нас не оберег бог"—такими словами не то сокрушения, не то растерянности начиналась передовая статья „Нового Времени" [1].

„Отечественные Записки" подчеркивают, что рабочих стачек в том виде, как они нередко случаются за границей, у нас еще никогда не было...

Стачки за границей делаются с заранее определенною целью, напр., с целью уменьшения числа рабочих часов и т. д.. а у нас, на Невской фабрике, рабочие трудились в сутки 15 часов, да сверх того исполняли разные сторонние работы, но они не требовали сокращения срока работы, а просили только, чтобы их не обижали при расчетах. Наши рабочие до такой степени смирны и безответны, что готовы работать без счета часов, сколько влезет, как крепостные помещику лишь бы их не обижали...

[1] N. 168 за 1870 г.

„Настоящее значение стачки, — повторяет радикальный журнал народнического направления, — у нас неизвестно и неподходяще к характеру русских рабочих“ [1]).

„Надо преследовать беспорядки — писали „Русские Ведомости“,—но справедливо ли видеть в одном лишь факте нежелания людей работать за известную плату и требующих повышения ее, справедливо ли видеть в этом нечто преступное и заслуживающее кары? Нельзя пожелать правительству роли усмирителя уподобляемой бунту стачки помощью войск для понуждения рабочих продолжать работу“. „Новое Время“ также выразило пожелание, чтобы стачки рассматривались как нарушение гражданских интересов сторон, а не уголовного кодекса.

В правительстве напротив мягкий приговор окружного суда (который затем по жалобе рабочих был даже совсем отменен Судебной Палатой) вызвал желание пустить в ход репрессивные меры полицейского характера, для предупреждения подобных выступлений, и 6 июля министерством внутренних дел конфиденциально был разослан губернаторам циркуляр нижеследующего содержания.

„Стачка рабочих Невской бумагопрядильной фабрики, как явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения, обратило на себя высочайшее внимание и государю императору благоугодно было... поручить губернаторам, чтобы они имели самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением и в особенности за всеми теми неблагонамеренными личностями, которые могут иметь вредное влияние на толпу, так как без сомнения возникновение стачек между рабочими должно быть положительно приписано влиянию лиц, стремящихся перенести эту, чуждую русскому народу форму выражения неудовольствия на нашу почву, с целью посеять смуту и производить беспорядок и волнения. Но независимо от этого общего наблюдения губернаторам предписывалось, чтобы они при первом полученном известии о стачке рабочих на какой либо фабрике или заводе, не допуская дело до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении полицией главных зачинщиков между фабричными людьми, высылали таковых, не испрашивая предварительного разрешения м-ра внутренних дел. Местом ссылки назначалась Архангельская, Астраханская, Вологодская, Вятская, Костромская, Новгородская, Олонецкая или Самарская губерния [2]).

[1]) „Отечеств. Записки“, № 8 за 1870 г.
[2]) Дело по канцелярии м-ра внутренних дел, № 401 за 1870 г.

Какие обстоятельства побуждали правительство считать стачку Невской бумагопрядильни результатом подстрекательства посторонних, неблагонамеренных в политическом отношении лиц, до сих пор остается невыясненным. Повидимому, здесь мы имеем дело всецело с порождением испуганного воображения. И события скоро обнаружили, что свобода договора не устраняет возможности частых конфликтов между трудом и капиталом и что Россия вовсе не составляет исключения среди других капиталистических стран.

В сентябре 1870 г. рабочие мехового заведения Нечаева в Вологде устроили между собою стачку не приступать к работам до тех пор, пока хозяином не будет отпускаться мягкий хлеб вместо получаемого ими черствого и самовольно артелью в 20 человек, прекратив работу, ушли со двора, угрожая штрафом тем, кто остался при своих занятиях. Из произведенного дознания выяснилось, что рабочие нанимались по словесному договору понедельно с платою от одного до четырех рублей с квартирой и содержанием от хозяина, при чем хлеб выдавался через три, четыре или пять дней после изготовления его. В предупреждение повторения на будущее время подобного рода беспорядков, обнаружившихся между столь значительным числом рабочих в первый раз, губернатор распорядился на основании вышеупомянутого циркуляра м-ва внутренних дел выслать в Архангельскую и Олонецкую губ. двух зачинщиков, мещан Шутькова и Иванова, которые составили от имени рабочих письменное условие, обязывающее не выдавать друг друга, и если хозяин будет расчитывать кого, то и другие должны оставить работу под угрозою штрафа. Стачка продолжалась лишь один день и по высылке руководителей остальные встали на работу [1]).

В апреле 1871 г. вспыхнули беспорядки на Холуницком железоделательном заводе Вятской губ., где работало до 1500 человек. Рабочие жаловались на то, что при переходе завода к иностранцу Вакстафу последний нарушает условия, уплачивая жалование не понедельно, как раньше, а раз в месяц и выдавая его частью с'естными припасами. Требуя увеличения платы, сокращения штрафов и заключения новых условий, они перестали выходить на работу. Вятский губернатор просил разрешения закрыть местные кабаки и применить, прежде введения военной силы, „более полезную и безвредную для народа, еще мало развитого, меру наказания розгами". Министерство внутренних дел разрешило закрыть кабаки, но при

[1]) Архив д-та полиции, 1 ст. III отд. дело № 407 за 1870 г.

водворении спокойствия рекомендовало держаться указанных законом мер. Губернатор ограничился поэтому высылкой 25 зачинщиков в другие губернии под надзор полиции [1].

На приписке Баландина в Северно-Енисейском округе рабочие отказались оставаться далее 10 сентября, хотя по контракту они нанялись до 1 октября на основании нового закона, отменившего более ранний срок обязательного прекращения: с дороги однако исправнику с казаками удалось вернуть их на приписк.

В 1872 г. происходили рабочие волнения на огромной Кренгольмской мануфактуре, при чем выставлены были следующие требования: 1) продлить обеденный отдых на ½ часа, так как одного часа недостаточно, чтобы пообедать, как следует, и запастись новыми силами, 2) вечером раньше прекращать работу детей, обязанных посещать школу, 3) удалить из больницы одного фельдшера, сделавшегося предметом общей ненависти; так как на содержание больницы вычитается 2% из заработка рабочих, то они имеют право на некоторое вмешательство в больничные порядки, 4) уменьшить размер штрафов и 5) установить более точные расценки при поштучной работе. Местный губернатор 21 августа уладил несогласия, повлияв на удовлетворение требований рабочих. Но 9 сентября, во время получки жалованья, среди рабочих стала вестись агитация в пользу подписания адреса ревельскому губернатору о восстановлении прежних порядков; с этой целью в изобилии выдавалась водка, и удалось собрать немалое количество подписей. Тогда депутаты от рабочих, которые принимали участие в заключении полюбовной сделки 21 августа, выбрали из своей среды шесть человек и отправили их ходатайствовать перед властями о защите. Эти депутаты явились в Нарву к жандармскому майору Андрианову с просьбой о заступничестве против проделок фабричной администрации. Но в это время правление Нарвской мануфактуры дало знать становому, что рабочие бунтуют, и просило арестовать депутатов. Начальство не замедлило удовлетворить это ходатайство. Узнав об аресте своих депутатов, рабочие 11 сентября прекратили работы и потребовали освобождения выборных. Когда часть рабочих, пообедавши, направилась к мосту, чтобы итти на работу, стачечники загородили доступ к нему. Хотевшие приняться за работу попытались силой пробиться, но в них полетели камни, и они отступили. Забастовщики, в числе 5000 человек, продолжали волноваться около фабрики, а одна группа

[1] Архив д-та полиции, дело № 450 за 1871

человек в 300 двинулась в Нарву с целью освободить арестованных. Власти встретили ее, успокоили и уговорили вернуться на фабрику... Тем временем был вызван полк солдат, который и разогнал рабочих. 12-го рабочие опять собрались и снова требовали освобождения депутатов. Опять явились солдаты: одному батальону было приказано оцепить рабочих, но те стали отступать в поле и, хватая по дороге грязь и камни, бросали ими в солдат,—те отступили. Потом несколько рабочих было арестовано, остальные разбежались. Войска и после восстановления спокойствия продолжали занимать мануфактуру, работы возобновились только 18 сентября...

Даже на отдаленных приисках Сибири, затерявшихся среди бескрайной тайги, начал мало-помалу пробуждаться рабочий народ. За 60-е годы печатью отмечен был лишь один случай коллективного протеста, то в следующее десятилетие количество их уже увеличивается до десяти...

Так, например, в 1873 г. на прииске К° Сабашникова (Нерчинского округа) 90 человек бросили работы и отправились в г. Читу принести жалобу областному начальству на неправильные действия промыслового управления относительно продовольствия, работ и платы за них. В Чите их посадили в острог, а затем приказали возвратиться на прииск, но они не захотели итти и, разломав печь, встретили конвой кирпичами и досками от нар. Начальник штаба войск Забайкальск. области, явившись с добавочным конвоем, кое-как препроводил их обратно, но по прибытии на прииск они вновь отказались работать, и к ним присоединилось еще 128 человек. Когда на прииск явились следователи, рабочие окружили их, и один из них ударил в грудь акшинского исправника, а другой сказал капитану Винневскому, командированному генерал-губернатором: „покажи-ка нам бумагу, что ты прислан от генерал губернатора". Так как такой бумаги не оказалось, то рабочие заявили, что словам его не верят, и следователи должны были уехать с прииска без результата...

1 декабря того же года в ткацком отделении фабрики Третьяковых в Серпуховском у. не вышли на работу около 700 человек, жалуясь на то, что с заменой постоянных работ сменный заработок их понизился. Вмешательство чиновника особых поручений побудило администрацию повысить плату, и с 10 декабря работы возобновились.

Весною 1874 г. на фабрике Шибаева в Богородском уезде 812 рабочих прекратили занятия. После уговоров со стороны исправника 213 человек возобновили работы, остальные же ткачи, не принимая условий, постановленных фабрикантом,

решили итти в Москву с жалобой на притеснения хозяина; но вскоре и они вернулись к работе (за исключением 35 человек, потребовавших расчета), так как владелец согласился увеличить плату на две копейки за выделку куска миткаля и не взыскивать штрафа за остановку работ, продолжавшуюся три с половиною дня. Однако до пятидесяти человек было уволено администрацией за то, что они более других выражали свое неудовольствие, при чем с них взято письменное обязательство уплатить по частям долг фабрике.

В 1874 г. случилась стачка и в Москве, на суконной фабрике Лазарева. В ткацком отделе ее на „угар" (усушку) ткани полагалось 3—4 золотника на фунт. В октябре Лазарев изменил систему сушки, и когда судебный следователь, производивший следствие по делу, потребовал проверки угара, оказалось, что он теперь достигает 12 золотников на фунт. Так как за недовес ткачи платили по 50 коп. за фунт, то с переменой системы сушки в конторских книгах и расчетных книжках оказались записанными огромные штрафы: они доходили до 6 р. со штуки сукна, тогда как заработок со штуки доходил только до 5 р. Рабочие, у большинства из которых срок найма истек 26 окт. и которые составляли одну ответственную перед хозяином артель, отказались работать на новых началах и требовали восстановления „старых прав". Когда 29 окт. началась стачка, рабочим был прекращен отпуск харчей из хозяйских кладовых и выдача денег на покупку припасов... Одновременно был отдан приказ закрыть ворота и выпускать ткачей с фабричного двора только по особым ярлыкам, выдаваемым по произволу конторщиков. Так просидели рабочие 4 дня. Воспользовавшись моментом, когда ворота были открыты для проезда хозяина, рабочие толпой вырвались из места своего невольного заточения, при чем сбили с ног сторожа. Лазарев призвал полицию и обратился в суд с жалобой, обвиняя рабочих в стачке и беспорядках. Мировой судья признал обвинение рабочих в стачке недобросовестным.

В 1875 г., в первых числах мая, на известном заводе Юза произошло—это уже в третий раз—„прискорбное событие", как выражались газетные корреспонденты. Причиной была несвоевременная выдача заработанных денег и полное отсутствие человеческих условий существования. Рабочие разгромили лавки и трактиры. Были вызваны войска и арестовано около 30 главарей. Перед Троицей беспорядки повторились вследствие тех же причин.

В мае месяце произошли стачки на строющейся Оренбургской жел. дороге. Подрядчики наняли рабочих на земляные работы, обещав плату в 120 р., 95 р. и 70 р. за лето, приняв путевые издержки на свой счет и т. д. Но когда нанятые рабочие прибыли на место, тут им об'явили новые условия: всем по 70 р. за лето, проезд и харчи в пути на счет рабочих. Около 800 человек забастовало. 8 июня явились войска и „усмирили бунтарей", при чем применены были телесные наказания. Зачинщики, в числе 15 человек, административным порядком были сосланы в Архангельскую губ.

1-го июля забастовала ткацкая фабрика Коншина в Серпухове. На этой фабрике с 4.000 рабочих, сверх обычной и широко практиковавшейся системы штрафов, практиковался следующий расчет рабочих: они получали плату за 50 аршин в куске, тогда как кусок принимался только тогда, когда в нем было 60 и более аршин. Кроме того, по праздникам, даже самым большим, работа кончалась лишь в 8 ч. утра—и церкви посещать нельзя было. Стачки привели к тому, что все штрафы были „прощены", была обещана уплата за все количество сработанных аршин и отмена ночной работы накануне праздников. Вместе с этим бдительное начальство не замедлило, конечно, отыскать 5 „наиболее" виновных рабочих, которые были арестованы и отправлены в Москву.

В 1876 г. забастовало около 500 прядильщиков на Никольской фабрике Морозова в Орехове-Зуеве (Владимирск. губ.). 1 марта здесь было вывешено новое лаконическое об'явление: „на прядильщиков за бракованную пряжу будет штраф 50 к. с фунта". Между тем и старые штрафы были здесь непомерны. Через чиновника особых поручений и жандармского офицера удостоверено, что у некоторых рабочих штрафы доходили до 300 руб. по записям в расчетных книжках. Заработной платы нередко не хватало для их покрытия, и в таких случаях вычеты делались с родных, служащих на той же фабрике. Стачка продолжалась неделю. По отзыву губернатора, „событие это оказалось вовсе не имеющим того характера стачки, которая преследуется законом, так как рабочие... обнаружили намерение оставить работы прежде истечения условленного срока найма не для того, чтобы вынудить хозяина фабрики к возвышению получаемой ими заработной платы, а были вынуждены к тому произвольным со стороны управления мануфактуры удержанием у них заработанной договорной платы". 170 человек получили расчет, с других были сложены все штрафы.

В Петербурге были стачки на суконной мануфактуре Штиглица, на механическом заводе Курикина и, наконец, на

Новой бумагопрядильне. Здесь в 1878 г. новый директор распорядился сбавить ткачам задельную плату на 3—5 к. с куска. Сбавка эта была введена без предупреждения за 2 недели. Рабочие, в числе 2.000 человек, 27 февраля отказались работать. Они требовали восстановления старых расценок, введения расчетных книжек, отмены платы за кипяток, сбавки рабочих часов и др. 3 марта дирекция согласилась сократить число часов с 14 до 12, сохранить прежнюю плату и кипяток отпускать даром. Но затем были введены „новые правила", от которых забастовала вся фабрика. В конце месяца, когда был сменен директор и главный мастер, вызывавшие сильное раздражение в рабочей среде, рабочие вернулись к работам. Они добились сохранения старых расценок, проведения невской воды, вместо водочей из Обводного канала, была выдана заработная плата за все время забастовки и даже обещано вычистить отхожие места. Как водится, несколько человек было арестовано... Интересно отметить, что, устроив стачку, рабочие решили обратиться к наследнику престола с жалобой. Прошение было торжественно отнесено к Аничкову дворцу и принято градоначальником. Ответ, хотя и был обещан, но не был дан. Полиции пришлось много поработать...

В конце того же года были стачки на фабриках Кенига, Беккера и Мичри. В первом случае Кенигу, не желавшему уступить, пришлось рассчитать всех рабочих, а на остальных фабриках победа осталась за рабочими и работницами. В 1879 г. на Новой бумагопрядильне снова вспыхнула стачка и перешла тотчас же на фабрику Шау за Невской заставой. Между рабочими обеих фабрик установились постоянные сношения при посредстве выборных, и были выработаны общие требования, пред'явленные хозяевам. Об'единенные стачечники по собственной инициативе обратились с воззванием к рабочим петербургских фабрик и заводов, сущность которого заключалась в словах: „будем же твердо стоять каждый за всех и все за каждого". Надежды на помощь не остались напрасными: сборы делались почти повсеместно, и возбуждение рабочих во время этих сборов было подчас так велико, что грозило перейти, а местами и переходило в забастовку. Стачечники держались спокойно, но полиция арестовывала „зачинщиков"—6 человек из рабочих Шау, 20 чел. с Новой бумагопрядильни и т. д. На следующий день толпа человек около 200 двинулась к дому градоначальника с требованием освободить арестованных. „Мы, рабочие Новой бумагопрядильни, сим заявляем, что не пойдем на работу, пока не будут уважены все наши заявленные хозяину требования. Что же касается полиции, то мы отказы-

ваемся от всякого вмешательства с ее стороны для примирения нас с хозяином, пока не будут освобождены наши товарищи...“ Полиция и жандармы отрезали путь и произошла схватка. Аресты и высылки приняли массовый характер, лавочникам запрещено было выдавать продукты в долг стачечникам и проч.

Продержавшись две недели, рабочие вынуждены были сдаться, получив лишь самые незначительные уступки.

В Костроме, на заводе Шипова и в Москве в вагонных мастерских Курской жел. дор., рабочие, не получая во-время заработной платы, устраивали—в 1878 г.—своеобразные манифестации: надевая на длинные палки рогожные флаги, являлись к конторам и громко требовали удовлетворения своих требований...

В 1879 г. в Киеве в железнодорожных мастерских было увеличено время работы в субботу на 1 час, с 10 до 11 час. В ближайшую субботу все стали работать 11 час., но 17 человек ушло часом раньше. Администрация решила их уволить, но, тогда все 2.000 рабочих выразили свое неудовольствие по поводу прибавки лишнего часа работы и забастовали. Это заставило жел.-дорожное начальство отменить свое распоряжение—и рабочие встали на работу. В Серпухове было в этом году уже несколько стачек. На фабрике Коншина были понижены расценки; тогда рабочие в числе около 4.000 бросили работы—и прежняя плата была восстановлена. Затем были одновременно забастовки на 2 фабриках—Третьяковых (3.500 человек) и Ильиной (400 человек). Рабочие требовали уже надбавки заработной платы, их требования были удовлетворены. 1 августа на приисках Зейской Компании Амурской обл. все рабочие не вышли на работу, считая этот день праздником. Когда же приисковое управление хотело наложить на них за это денежный штраф, рабочие грозили бросить работу и уйти с приисков. Рабочие были преданы суду, но последний всех их оправдал. В июне этого же года на 2 фабриках в Иваново-Вознесенске 1.500 рабочих потребовали повышения платы, на одной—на 10% и на другой—на 8%, на год, до Пасхи. На одной фабрике это требование рабочих было удовлетворено, на другой—они получили прибавку на 10% до Покрова.

Половина рабочих согласилась на эти условия, другая прекратила работу. Дело окончилось арестом нескольких человек. Несколько раньше подобный случай имел место в уезде, около Иваново-Вознесенска.

На фабрике Диля (Моск. у.) 5 человек рабочих потребовали, чтобы им была обозначена плата в расценочных табли-

цах; это законное их желание не было удовлетворено; тогда они заявили еще более законное требование—дать им в таком случае расчет, но и в этом получили отказ. Они отказались итти на работу. Директор фабрики поспешил уведомить начальство о „бунте“. Немедленно, конечно, прискакал становой и урядник. Бунтовщиков повели в стан, затем в полицейское управление, где их заарестовали. Между тем бумага об усмирении целого бунта и о захвате зачинщиков уже шла, куда следует, и недели через три вышла резолюция: отправить по этапу двух в Архангельск и троих в Вологодскую губ.

Так мало-по-малу распространялось движение из одного конца в другой, и там, где хоть раз побывала стачка,—все равно успешная или неудачная,—уже невозможно было искоренить посеянную ею „смуту“...

За ничтожными исключениями, стачки эти носили, в общем, характер оборонительный: большею частью они вызываются понижением расценок, увеличением штрафов, невыдачей заработной платы, сокращением числа рабочих дней и т. п.

Другою особенностью стачечного движения данного времени является его экономический характер: возникая на почве злоупотреблений и притеснений со стороны хозяев-предпринимателей, стачки служили средством самозащиты; рабочие не шли далее требования освобождения арестованных товарищей и политических лозунгов не выставляли. Как мало было еще в то время политического элемента в настроении рабочих, видно из того, что очень часто во время стачек они обращались с ходатайством о заступничестве к той самой власти, от которой исходили отмеченные выше исключительные меры строгости и репрессии... Полицеймейстеры, градоначальники, губернаторы и т. д. то и дело выступают в роли верховного трибунала, к которому они обращаются со своими нуждами. Даже в Петербурге масса еще состояла исключительно из „серых“ людей, недавно попавших в столицу и в целости сохранивших свои деревенские предрассудки. Это прекрасно иллюстрируется на примере стачки на Новой бумагопрядильне (1878 г.), где работало более 2.000 человек. Рабочие были вполне уверены, что „начальство“ немедленно вступится за них, как только ознакомится со смыслом „новых правил“. Разубедить их в этом до поры до времени было делом совершенно невозможным. Ближайшим представителем власти был местный полицейский пристав; к нему стачечники и обратились со своими жалобами. Пристав оказался большим дипломатом; чтобы выиграть время, он ласково принял „ходоков“ и обещал им переговорить с управляющим фабрики. Простодушные рабочие заранее торжество-

вали свою победу. Но прошел день, другой—мелочные лавки начали отказывать стачечникам в кредите, а управляющий не обнаруживал ни малейшей склонности к уступкам. Снова отправились ходоки в участок, но на этот раз их там приняли иначе: пристав заявил, что рабочие обязаны подчиниться новым правилам, „бунтовщикам" же грозил строгим наказанием. Стачечники усмотрели из этого, что он „снюхался" с управляющим, и решили „итти выше", т.-е. к градоначальнику. Ничего не вышло и из этого. Тогда поднялись толки о подаче прошения наследнику, что и было потом исполнено с тем же—для стачки, но не для стачечников—результатом.

Между тем правительство продолжало искать корень зла во влиянии неблагонамеренных лиц. В 1878 г. последовало высочайшее повеление о предоставлении общей полиции и чинам жандармерии свободного доступа на все фабрики и заводы во всякое время—с тем, чтобы обыски на них или аресты кого-либо производимы были в присутствии заведывающего предприятием. В следующем году обязательным постановлением генерал-губернатора Юго-Западного края на хозяев, директоров и управляющих фабриками и заводами возложена была новая обязанность „неуклонно наблюдать за недопущением в среду рабочих распространителей вредных политических учений. В случае же появления таких лиц управление фабрики обязано задерживать их и доносить о том в полицию", под страхом взыскания в административном порядке штрафа до 500 руб. В 1880 г. заводчикам и фабрикантам предоставлено право учреждать при промышленных заведениях специальные полицейские должности за свой счет.

Так шла энергичная подготовка к борьбе с нарождающимся рабочим вопросом, который проявлялся пока еще в столь невинных формах, что—казалось бы—требовал к себе совсем иного отношения. Правда, в конце семидесятых годов появляются первые намеки на зарождение у нас рабочего социализма в отличие от аграрного, который интересовался только общиной и мужиком.

В марте 1879 г. Петроковский губернатор сообщает министру внутренних дел, что в г. Лодзи фабрикант Шейблер предъявил жандармскому офицеру полученное им безымянное письмо за подписью „работник", в котором сообщается о социалистическом движении на фабриках в Варшаве и о присылке оттуда в Лодзь эмиссаров для возбуждения между рабочими стачек. При этом жандармский офицер пояснил, что при самом тщательном наблюдении им не замечено в Лодзи признаков социалистической агитации; но, основываясь на заявлении Шейблера и других

фабрикантов, он обращает внимание на слабый надзор за питейными заведениями, в которых, по их предположениям, пропагандисты могли безнаказанно и незаметно подстрекать рабочих. С своей стороны,—продолжает губернатор,—придавая этому письму некоторое вероятие в отношении собственно Лодзи, где много рабочих из Германии, я допускаю, что проявления пропаганды можно ожидать лишь с изменением нынешних обстоятельств, дающих фабрикантам блестящие доходы, а рабочим—хорошее вознаграждение [1].

Таким образом, говорить не только о политическом характере рабочих забастовок, но даже и вообще о влиянии на них со стороны интеллигенции пока еще было преждевременно.

Возникая непроизвольно на почве различного рода недоразумений с хозяевами или неустройств рабочего быта, волнения и забастовки продолжали повторяться чем далее, тем больше, несмотря на вышеупомянутые репрессии [2].

3 февраля 1880 г. забастовало 200 рабочих на шерстоткацкой фабрике Каверина в Москве, где в счет заработной платы отпускались из лавочки предметы первой необходимости по ценам выше рыночных; наличные же деньги выдавались с вычетом 10% в пользу хозяина. Когда введена была новая пониженная расценка на труд, рабочие заволновались и прекратили работу. При содействии администрации заключено было соглашение, по которому заработная плата оставлена была без изменения, а вычет 10% за уплату наличными отменен.

22 февраля происходила забастовка 1.500 человек в киевских железнодорожных мастерских по случаю столкновения рабочих вагонного цеха с мастером.

9 сентября забастовало 2.600 человек на фабрике Хлудова в Ярцеве, по случаю об'явления о понижении платы на 10% до истечения срока найма, а также из-за недовольства произвольными штрафами. 11 зачинщиков было арестовано, 800 отправлены этапным порядком на родину, а остальные вернулись к работам.

В октябре бастовали вследствие сбавки заработной платы 600 прядильщиков на фабрике Щербаковых в Коломенском у., а несколько позже, вследствие той же причины происходила стачка на ткацкой фабрике Серикова в Серпухове.

[1]) Архив д-та полиции исполнит., дело № 105 за 1879 г.

[2]) См. В. Семевский.—Рабочие на сибирских золотых промыслах. Том II. 1898 г., глава X: волнения и стачки с 1870 по 1895 г. С. Прокопович. Из истории стачек в России. Вестник фабричного законодательства. № 4 за 1905 г. О. Власова.—Материалы для истории русского рабочего движения. Красная Летопись. №№ 5 и 7 за 1923 г.

В начале 1881 г. имело место прекращение работ по случаю понижения платы на фабрике Тряпкина в Нижегородской губ. Летом происходили беспорядки среди грузчиков в г. Рыбинске на почве требования об увеличении заработной платы, а также среди рабочих, занятых устройством Свирского канала, где 120 человек прекратили работу, жалуясь на несвоевременную выплату заработка. После увещания со стороны администрации работы возобновились через три дня.

В июне бежало с работ на Миасских горных промыслах 145 человек; из них 130 добровольно вернулись затем на работу, остальные же упорно отказывались от этого.

В это же время происходила забастовка среди рабочих, производивших разработку торфа у заводчика Кузнецова в местечке Дулево Владимирской губ. Толпа в двести человек явилась в заводское управление с требованием прибавки платы, угрожая в противном случае уехать домой. Заводоуправление прибавило 25 коп. на 1.000 кирпичей, и работы возобновились.

В декабре имело место прекращение работ на фабрике Зубкова в Иваново-Вознесенске. Вследствие поломки и замены цилиндра, от которого зависит ход и правильность работы на всей фабрике, новый заработок ткачей подвергся сокращению, и вместо 12—15 рублей они стали зарабатывать только 8—9 р. в месяц. После безуспешных переговоров с хозяином рабочие прекратили работы и отправили депутацию к полицеймейстеру с просьбой о заступничестве. Был составлен акт, и 348 человек присуждаются к семидневному аресту.

В начале 1882 г. рабочие слесарного отделения Нермского пушечного завода устроили в количестве около 200 человек стачку по случаю назначения главным мастером лица, которое приобрело известность своими притеснениями и совершенным незнанием дела. В феврале 500 рабочих фабрики Дербешева в Иваново-Вознесенске явились толпою к местной администрации с жалобой на то, что купленная хозяином плохая основа существенно уменьшает их заработок.

В начале марта произошла стачка на бумагопрядильной фабрике Кноп и К° (бывший Штиглиц) в деревне Волынкиной под Петербургом, и никто из рабочих не явился на работу. Поводом к этому послужило наложение конторой на рабочих больших и несправедливых штрафов, доходивших до 5 руб. и более в месяц на каждого.

В мае имела место стачка на петербургском гвоздильном заводе, принадлежащем германской акционерной компании, по случаю понижения заработной платы на 10%.

В конце мая прекратили работу ломщики соли на Эльтонском озере, требуя увеличения заработной платы по случаю отмены акциза. Несмотря на уговоры исправника, 200 рабочих собрали свое имущество и стали уходить из занимаемых ими помещений; однако, через некоторое время 150 человек вернулись и согласились работать на прежних основаниях, остальные же ушли домой. В июле забастовало около 200 рабочих на угольных судах в Петербурге. Рабочие требовали повышения заработной платы, при чем угрожали хозяевам побоями: один из шумевших рабочих поднял на багре красный значек. Беспорядки были прекращены, и семь подстрекателей к стачке в тот же день высланы из столицы. В Лодзи фабрикант резиновых изделий изменил некоторые условия найма. Недовольные этим, рабочие отказались на следующий день продолжать работы. Местной власти удалось однако уладить конфликт мирным путем.

В конце июля произошли беспорядки на Горинской мануфактуре Третьякова (Московской губ.). Часть прядильщиков отказалась итти на работу и выбила рамы и стекла в занимаемом ими корпусе. Поводом к этому послужили недоразумения между директором и рабочими по поводу увеличения заработной платы за летние месяцы; рабочим было обещено повышение платы, но последняя однако осталась в прежнем размере. 13 человек зачинщиков были арестованы, и порядок восстановился.

В августе забастовали рабочие Кренгольмской мануфактуры в Нарве. Арестовано было 63 человека подстрекателей и задержан рабочий эстонец, который расклеивал на фабрике письменные воззвания с угрозами по отношению к посещающим мастерские. После ареста названных лиц толпа рабочих в числе около 700 человек требовала их освобождения, но по прибытии воинской команды разошлась.

В этом же месяце произошла стачка артели набойщиков на фабрике Баранова Владимирской губ., недовольных введением паровых машин. После раз'яснения неосновательности их требований, 20 рабочих получили расчет, остальные же продолжали работы.

Около этого же времени отмечена стачка 60 человек ткачей на фабрике Госпара в селе Дайлидах Гроднепской губ., которая закончилась получением прибавки заработной платы.

В октябре около 200 рабочих Невской бумагопрядильни прекратили работу и, собравшись толпой во дворе, требовали увеличения заработной платы; однако, после предупреждения администрации о закрытии фабрики забастовка прекратилась,

12 ноября рабочие сталелитейного завода в селе Александровском под Петербургом отказались в числе 400 человек итти на работу и препятствовали другим рабочим пройти в мастерские. Поводом к этому послужил отказ директора завода в уплате денег за неделю, во время которой работы были приостановлены из-за недостатка работ. Добившись удовлетворения своего требования, рабочие успокоились.

К конце этого же месяца мастеровые столярного цеха в вагонных мастерских Общества юго-западных ж. д. устроили в Брест-Литовске стачку и три дня не являлись на работу. Поводом к этому послужило сокращение работ по опиловке брусьев и соответственное уменьшение платы.. На третий день однако рабочие изъявили согласие работать по уменьшенной цене и вновь были приняты на службу.

По случаю понижения заработной платы имели место также стачки на фабриках Суражского и Сломянского в Белостоке, в Ревеле среди рабочих ткацких фабрик и наконец в мастерских Грязе-Царицынской ж. д. на ст. Борисоглебск.

В 1883 г. случаев волнения рабочих было значительно более. На Вознесенской мануфактуре с переходом ее от Лепешкина к Кнопу новая администрация ввела новые порядки, выразившиеся в понижении заработной платы и скидках. Когда же рабочим было об'явлено, что вследствие застоя в торговле рабочий день сокращается на несколько часов, то они решили отказаться от работы; администрация обратилась за содействием к губернской власти.

В марте произошли беспорядки на золотых приисках Кельбекской системы. По требованию толпы старший полицейский стражник должен был не только освободить арестованного раньше за буйство рабочего, но и арестовать двух полицейских чинов, которых толпы обвиняла в неправильном аресте рабочего.

В апреле на Жирардовской фабрике в Варшаве часть рабочих-женщин ниточного отделения отказалась продолжать работу из-за уменьшения заработной платы. Затем к ним присоединились рабочие ткацкого отделения, и число бастующих достигло 1.500 человек. В виду упорства рабочих была вызвана воинская команда, произведшая аресты подстрекателей. Толпа бросала камни в караул и делала попытки освободить арестованных, так что пущено было в ход огнестрельное оружие. Правление фабрики об'явило об отмене уменьшения платы, и рабочие стали на работу.

В мае на приисках К. в Алтайском округе рабочие отказались выходить на работу, будучи недовольны условиями труда

(работать приходилось целый день в воде) и недостаточной пищей, и 15 человек самовольно ушли с прииска. Настигнув пятерых из них недалеко от прииска, урядник выстрелами из ружья, заряженного дробью, ранил двоих по ногам и, перевязав беглецов, доставил их на прииск. Узнав об этом, артель рабочих бросилась освобождать узников; сопровождавший урядника конюх был избит ими до полусмерти, сам же он едва успел скрыться.

На Сормовском заводе в конце мая произошло волнение между рабочими вследствие задержки в выдачах заработной платы за целые три месяца. Увещания исправника и чиновника на месте не произвели должного действия, и толпа в 1.500 человек двинулась в город с жалобой губернатору. Убедившись в справедливости требований рабочих, последний распорядился об их удовлетворении и волнение прекратилось.

Отмечено затем прекращение работ на бумагопрядильной фабрике Прохоровых в г. Волочке, где рабочие требовали увеличения заработной платы. Получив отказ, около 500 человек взяли расчет и ушли. Подобное же происшествие имело место среди рабочих подрядчика Губонина, занятых на каналах в пределах Петербургской губ. Часть их отправилась толпою в сто человек в Петергоф подавать на высочайшее имя жалобу на подрядчика, но встретившийся по дороге исправник уговорил вернуться и приступить к работам.

На почве обостренных отношений с администрацией имели место волнения на Кренгольмской мануфактуре и на Порткундской фабрике в Ревеле. В последнем случае потребовалось вмешательство вооруженной силы, при чем рабочие отбили арестованных товарищей, забросали камнями директора и обратили в бегство полицию.

В сентябре подмастерья портняжных мастерских Санца, Штеле, Лантье и Бертена в Одессе, в числе 45 человек, обратились к хозяевам с коллективным письмом, требуя повышения платы вследствие воздорожания жизни. Не получая удовлетворения, они оставили работу и вернулись к ней только при содействии администрации.

В октябре на Степановском сахарном заводе Подольской губ. рабочие в числе 350 человек произвели стачку из-за удара, нанесенного директором завода одному из рабочих. Собравшись толпою у конторы, рабочие требовали об'яснения директора по поводу его поступков, при чем ими были выбиты несколько стекол. Стачка продолжалась два дня, а затем местной власти удалось найти пути примирения, при чем правлением завода были сделаны некоторые уступки рабочим. В конце октября

прекратила работу часть ткачей на Большой мануфактуре (Корзинкина) в Ярославле; к ним стали присоединяться другие рабочие и толпа дошла до 700 человек, которые „с бранью и угрозами стали требовать от остальных рабочих участия в стачке, начали снимать ремни и не пускать на фабрику рабочих, проходящих на смену". Были вызваны войска, и шесть зачинщиков арестованы. Причиною волнения были штрафы и преувеличенные требования относительно способа очистки миткаля с обеих сторон ткани. После того как последнее распоряжение было отменено, рабочие успокоились и приступили к работам.

В начале ноября на фабрике товарищества Ерепановых в Вышнем Волочке рабочие бумагопрядильного и ткацкого отделений отказались от работы и потребовали расчета, который и был с ними произведен. К такому поступку их побудила сбавка с заработной платы, произведенная по случаю застоя в делах. Спустя некоторое время часть рабочих согласилась работать за понижепную плату, но работы возобновились только в конце месяца.

В январе следующего 1884 г. на Московской станции Николаевской железной дороги 150 рабочих произвели беспорядки в паровозной мастерской: потушив лампы, перебили стекла, выломали дверь в контору и нанесли несколько ударов участковому начальнику тяги Ламприхту и десятскому, после чего разошлись по домам.

Результатом этих беспорядков было увольнение от службы тридцати рабочих и арест пятнадцати человек.

В марте рабочие ткацкой фабрики Паля под Петербургом собрались в количестве 400 человек у ворот фабрики, не пошли на работу и остановили выходившую в это время утреннюю смену. Недовольство рабочих было вызвано тем, что фабрикант об'явил им сбавку с вытканного куска, в виду нового способа обработки товара. Порядок нарушен не был, и после об'яснения, что размер заработка не подвергнется изменению, рабочие спокойно разошлись.

25 марта произошли беспорядки на угольном руднике Губонина Екатеринославской губ., сопровождавшиеся разгромом лавки, снабжавшей их продуктами по ассигновкам конторы. Как показало расследование, одной из причин, вызвавших беспорядки, было крайне стесненное положение рабочих, которым весьма неаккуратно выдавали их заработную плату, вследствие чего они вынуждены были брать все необходимое у лавочников, чем последние, конечно, пользовались, назначая более высокие цены на товары. По предписанию губернатора исправники об'ехали рудники и заводы, побуждая управления по-

следних удовлетворить до праздников рабочих следуемой им заработной платой.

В апреле около 600 рабочих мастерских Харьково-Николаевской ж. д. при Полтавском вокзале произвели беспорядки, вследствие несвоевременной выдачи заработной платы. По прибытии начальника дороги деньги были выплачены. Но два дня спустя мастеровые вновь прекратили работу, требуя смены начальника мастерских и угрожая насилием тому меньшинству, которое соглашалось работать.

1 мая отказались работать рабочие табачной фабрики Бостанжогло в Москве в числе около 500 человек и потребовали расчета, а в виду замедления в удовлетворении их требования стали шуметь. Прибывшей полицией беспорядок был прекращен и 52 рабочих арестовано. Расследование выяснило, что поводом к беспорядкам послужили неправильные действия нового приказчика, уменьшение рабочего дня и строгая браковка. Сделанные уступки и увольнение приказчика успокоили рабочих, и они вернулись к работам; подстрекатель же их крестьянин Гришин, говоривший дерзости при разборе дела полицмейстеру, был выслан из пределов губернии.

В мае же месяце происходила стачка на фабрике Ермаковых в Вышневолоцком уезде из-за требования прибавки жалования, а также среди рабочих, производящих земляные работы на железнодорожной ветке и пристани на Волге у г. Саратова, которые жаловались на неправильные расчеты подрядчика. Командированному на место происшествия чиновнику удалось склонить обе стороны к взаимным уступкам.

В начале июня происходила стачка рабочих Граевского кирпичного завода, приготовлявших сырцовый кирпич для постройки крепости Осовец в Ломжинской губ. Заявленные ими претензии были признаны однако неосновательными, и на место происшествия отправлена военная команда. Трое наиболее непослушных рабочих были отправлены по этапу на родину, а остальные приступили к работам.

11 июня около 400 рабочих механического завода бр. Малкиель в Москве явились во двор дома канцелярии обер-полицмейстера и подали жалобу на усиление штрафов и увеличение рабочего времени без соответствующего увеличения платы. После переговоров с начальником полиции толпа разошлась, оставив своих представителей для выяснения жалоб, и на следующий день работы возобновились.

В конце месяца толпа рабочих-плотовщиков явилась в канцелярию Киевской судоходной дистанции и заявила требование об увеличении хозяевами платы против определенной

контрактами. Подобные протесты были и раньше, на этот же раз явились три партии недовольных в количестве около 300 человек.

В июле 30 рабочих кирпичного завода Петрова в Шлиссельбургском уезде, оставив работу, ушли для принесения жалобы Петербургскому градоначальнику на неплатеж им жалования. По дороге они были задержаны приставом; шесть человек подверглись аресту, остальные отправлены обратно на завод.

В августе часть рабочих Жирардовской фабрики, прекратив работу, пыталась своим влиянием вызвать общую стачку; но принятыми мерами волнение было приостановлено.

2 октября прекратили работу рабочие бумагопрядильной фабрики Штиглица под Петербургом в количестве 800 человек и разошлись по домам. Причиной забастовки послужило то, что директор фабрики уволил двадцать девочек, которые занимались размоткой пряжи, и возложил эту работу на рабочих других отделений; когда же последние запротестовали, об'явив, что у них своей работы достаточно, директор заявил, что кто не хочет работать на таких условиях, может получить расчет и уходить. Рабочие другого отделения действительно потребовали расчета.

В начале декабря произошло серьезное волнение на Вознесенской мануфактуре из-за сокращения рабочего времени. Когда администрацией фабрики было об'явлено об уменьшении числа рабочих дней с 6 до 5 дней в неделю по случаю сокращения спроса на бумагопрядильные изделия, то рабочие первоначально подчинились этому беспрекословно. Но когда через месяц появилось об'явление о сокращении работы еще на один день, то началась забастовка и с нею вместе возникли беспорядки, вызвавшие вмешательство вооруженной силы. Испорчена была часть фабричного имущества и нанесено оскорбление директору технической части Сиду. Рабочие были расчитаны и выселены из фабричных квартир; но победа все же осталась за ними и работы на фабрике возобновились при шести днях в неделю.

7 января 1885 г. разразилась историческая забастовка на Никольской мануфактуре С. Морозова в Орехове-Зуеве, где в ней принимало участие 7—8.000 человек.

Рабочие разгромили квартиру мастера Шорина, особенно донекавшего их штрафами (которые доходили здесь до 300.000 и более рублей в год, составляя иногда до 40% заработной платы), фабричную контору и харчевой магазин. Несмотря на прибытие войск, 9-го января были разгромлены также

красильное отделение и квартиры мастеров-красильщиков за то, что они не примкнули к забастовке. Главную роль в организации последней играли рабочие Мойсеенко и Волков. Первый принимал участие в стачке на Новой бумагопрядильне в Петербурге (1878 г.), был арестован, 17 месяцев сидел в тюрьме и выслан административным порядком в Енисейскую губернию на $1^1/_2$ года за „принадлежность к тайному политическому обществу". Он пользовался большим авторитетом, и рабочие называли его „студентом". Волков с красным флагом в руках предводительствовал толпою; рабочие называли его „адвокатом". Оба они удерживали рабочих от буйств, старались придать стачке организованный вид, вырабатывали общие требования и т. д. 11-го января во время об'яснения губернатора с толпою Волков передал ему тетрадь с требованиями рабочих; он тут же был арестован вместе с другими выборными. Потом казаки окружили первые ряды толпы и арестовали еще 51 человека. Рабочие бросились отбивать арестованных, разбили помещение, в котором они были заключены, и освободили большинство арестованных. Толпа требовала также освобождения остальных, особенно Волкова, „нашего человека", но безуспешно. После этого 12 января прибыли еще войска, и началась высылка рабочих этапным порядком на родину, через пересыльную тюрьму в Москве. Всего было выслано около 800 человек; 33 было арестовано и посажено во Владимирскую тюрьму. Виновных в стачке судили 2 раза. По обвинению в стачке—17 человек было приговорено к аресту от 10 дней до 3 месяцев. Другой раз—33 человека обвинялись в грабеже, сопротивлении властям и нападении на военный караул; все обвиняемые были по суду оправданы, но Мойсеенко административным порядком был сослан в Шенкурск на 5 лет, Волков в Вологодскую губернию, Шкырин и Гулин в Сольвычегодск...

„Вчера, в старом богоспасаемом граде Владимире, раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса,—так писал Катков в „Московских Ведомостях" на другой день после оправдательного вердикта присяжных заседателей.—В сценах, происходивших на Никольской фабрике, было уже все необходимое, чтобы придать им характер таких же рабочих движений, какие вспыхивают от времени до времени во Франции и Бельгии, как будто (!) и Россия подобно им страдает недугом пролетариата и рабочего вопроса, как будто и наша промышленность представляет готовое поле для борьбы труда с капиталом"... (№№ 146 за 1886 и 30 за 1887 гг.).

После стачки мастер Шорин был уволен и дирекция фабрики с 21 января начала выдавать обратно штрафные деньги, взятые с рабочих с Пасхи; но значение ее заключается не в этом, а в том, что морозовская стачка заставила правительство обобщить и закрепить в виде закона (3-го июня 1886 г.) некоторые из требований рабочих, выставленные ими для защиты от произвола и эксплуатации предпринимателей. В тетради, переданной Волковым губернатору, заключались, между прочим, следующие требования: 1) чтобы им был возвращен штраф с Пасхи 1884 г., 2) чтобы штрафы не превышали 5% с заработанного рубля, 3) чтобы вычеты за прогул не превышали одного рубля, и чтобы хозяин сам платил за прогульные по его вине дни, 4) изменены были условия найма по законам, 5) полный расчет производился по заявлению за 15 дней, при чем хозяин тоже должен предупредить за 15 дней о расчете, 6) чтобы определение доброкачественности товара происходило при свидетелях из рабочих, 7) учрежден был контроль для уравнения платы, 8) жалованье выдавалось не позже 15 числа или в первую по нем субботу, 9) допущен был свободный выбор старост, 10) уволены были неприятные для рабочих служащие и рабочие и т. д. Под влиянием этих событий министр вн. дел уже 4 февр. 1885 г. сообщает министру финансов о настоятельной необходимости „приступить к составлению таких нормальных правил, которые, ограничивая в известной степени произвол фабрикантов, способствовали бы устранению в в будущем прискорбных случаев, имевших место в Московской и Владимирской губерниях".—Бюрократическая машина заработала с необычной быстротой. Временным законом 3 июня 1885 г. была воспрещена ночная работа подростков от 15 до 17 лет и женщин в хлопчатобумажном, полотняном и шерстяном производствах, а 3 июня 1886 г. вышел закон о найме рабочих на фабрики и заводы; 1 октября того же года к ним присоединились еще особые правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих. Права рабочих и предпринимателей при этом значительно ограничивались, а большинству постановлений закона 1886 г. был придан публично-правовой характер путем установления уголовной ответственности за нарушение этих постановлений и подчинения взаимных отношений сторон надзору административной власти. Озабочиваясь „изысканием способов к возможному устранению на будущее время фабричных забастовок и беспорядков", правительство придало закону исключительно административно-полицейский характер. „Издаваемые правила,—гласит определение общего собрания

Госуд. Совета,—имея целью водворение должного благоустройства и порядка на фабриках, касались таких предметов, которые всецело относятся к кругу ведения полиции"... С этим вполне гармонирует и то обстоятельство, что наказания за стачки в этом же году были значительно повышены: по ст. 1358[1] за прекращение работ на фабрике или заводе, с целью принуждения к возвышению заработной платы или изменению других условий найма до истечения срока последнего, виновные подвергаются: зачинщики—заключению в тюрьме от 4 до 8 мес., а прочие участники—от 2 до 4 мес. В сравнении с дореформенным законом 1845 г. наказание увеличилось от 3 до 6 раз; кроме того, нужно заметить, что прежде преступной об'являлась лишь стачка, направленная к повышению заработной платы, если же рабочие требовали, напр., сокращения рабочего дня, то они не могли быть преследуемы. По закону же 1886 г. уголовные кары обрушивались на всякую стачку, направленную к изменению условий найма до истечения срока договора.

Под влиянием сделанных уступок и начавшегося оживления в промышленности стачечное движение затем до начала 90-х годов как бы стихает, хотя и не прекращается совсем. Воспользовавшись этим, предприниматели стали отбирать назад завоеванные у них позиции. В многочисленных заявлениях устно и печатно, они обрушиваются как на фабричное законодательство, так и на фабричную инспекцию, обвиняя первое—в противоречии истинно-русским началам, а вторую—в неблагонадежности и склонности к социализму... Они де считают себя обиженными всем этим новшеством, так как всегда были верны престолу и отечеству и считались „столпами"... Домогательства промышленников увенчались некоторым успехом. Закон 24 апреля 1890 г., который заменил собою ранее изданные постановления о работе малолетних, подростков и женщин, поворачивает теперь уже назад вместо того, чтобы итти вперед. Им узаконялась ночная работа малолетних 12—15-летнего возраста в течение шести часов (закон 1882 г. допускал для них лишь дневные работы и не более 4 ч. сряду) в одном из самых вредных производств—стеклянном; точно так же разрешен был шестичасовой непрерывный труд малолетних и девятичасовой, но $4^1/_2$ ч. сряду, в заведениях, работающих 18 ч. двумя сменами. Затем административной власти (фабричным присутствиям и губернатору) предоставлено было право делать отступления от закона 1885 г., т.-е. разрешать в особо уважительных случаях ночную работу подростков до 17 л. и женщин в хлопчато-

бумажном и др. производствах. Наконец, из запрещения работать малолетним в праздничные и высокоторжественные дни опять-таки администрации предоставлялось право делать из'ятия.

Отчеты фабричных инспекторов, во избежание превратных толкований, уже более не появлялись на свет, а их самих Вышнеградский обещал фабрикантам превратить в „становых приставов", что и было в значительной степени достигнуто...

Голод 1891—1892 г.г., выбросивший из деревни массу крестьян на заработки, дал повод предпринимателям к ухудшению условий труда, а это подлило масло в огонь.

На первое место нужно поставить знаменитую Лодзинскую стачку 1892 г., где, по официальному сообщению, принимало участие 30.000 человек; она закончилась кровавым столкновением рабочих с войсками. В том же году завод Юза на Юге России опять сделался ареной беспорядков и погрома: были сильно повреждены доменные печи и казармы; виновные подверглись военному суду, и несколько рабочих были приговорены к смертной казни.

В 1893 г. стачки и беспорядки захватили Шую, Егорьевск, Петербург, Харьков и Ростов на Дону, а в 1894 г.—Минск, Вильну, Тифлис и опять Петербург, Быстрицкий приписк кабинета его величества и приписки Рязановых.

Что касается позднейшего стачечного движения, то, по сведениям министерства финансов, оно представляется в следующем виде:

ГОДЫ.	Число заведений.	Число участников.
1895	68	31.195
1896	118	29.527
1897	145	59.870
1898	215	43.150
1899	189	57.498
1900	125	29.389
1901	164	32.218
1902	123	36.671
1903	550	86.832
1904	68	24.904

Общее количество стачек за это десятилетие равнялось 1.765, и в них принимало участие 431.254 рабочих.

Ими потеряно при этом 2.079.408 дней; в среднем на одного стачечника приходится 4,8 дня [1]). Эта цифра на взгляд

[1]) В. Варзар.—Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 г.г.

западно-европейского рабочего покажется очень скромной, если вспомнить, что у нас не было профессиональных союзов, а боевые кассы и другие организации могли быть только нелегальными, то значение ее, как аттестата стойкости русских рабочих должно сильно возрасти. Но оно станет еще выше, если принять во внимание те специфические условия, при которых протекали наши стачки. Из 1.765 обследованных столкновений между трудом и капиталом 46% сопровождались особыми обстоятельствами, имеющими целью оказать давление на бастующих. Таковы: призывы войск (269 случаев), расчет бастующих (190), аресты и высылки (164), поголовный расчет (137), разрушительные действия (44), судебные преследования (31): тут не указаны еще выселение с квартир, прекращение отпуска продуктов в кредит и т. д.

Вот, напр., один из типичных случаев, рисующих ту обстановку, в которой рабочим приходилось бороться. На Р-ской мануфактуре (Московской губ.) в 1895 г. 2.000 человек бросило работу, жалуясь на то, что их заставляют работать на ½ часа больше против правил, не платя за этот излишек—причина, кажется, основательная... Но вместо того чтобы удовлетворить их требование, а фабриканта привлечь к ответственности—те, от кого это зависело, прибегнули к устранению рабочих.

Приехал сам губернатор, за ним казаки, а еще сзади — владелец фабрики и вся администрация, бежавшие ранее в Москву. При въезде во двор губернатор остановил коляску у первой большой толпы и приказал всем рабочим уходить по казармам, но они отказались сделать это. Тогда был отдан приказ казакам водворить рабочих в казармы, действуя при этом слегка нагайками. Казаки быстро прогнали все толпы по казармам при помощи нагаек. При этом рабочие бросали в них камнями. Губернатор приказал исправнику, в сопровождении 2 казаков, поочередно подъезжать к каждой из 4 казарм и об'являть рабочим, что в 4 часа утра губернатор будет говорить с ними, а теперь-де приказывает им спать. При этом было брошено из окон в исправника несколько камней и бутылка, но в него не попали. В 4 часа утра сотня казаков выстроилась перед казармой, и губернатор об'явил столпившимся „без шапок" рабочим, что требования о прибавке жалованья не будут уважены, а остальные претензии будут рассмотрены; затем велел стать на работу, а теперь уйти в казармы и т. д. В казарму рабочие ушли, но работать на прежних условиях отказались. Тогда на следующий день казаки опять окружили их и повели в контору. Здесь каждый рабочий оправшивался

отдельно, желает ли он работать на прежних условиях; оказалось, что все желают работать, кроме 18, но администрация сама отказалась принять 51. После этого 130 человек были отправлены в московский тюремный замок с тем, чтобы 61 человек, заподозренных в „бунте", бросании камней и бутылки, предать суду, а остальных выслать по этапу на родину.

Водворив порядок, администрация устраивает пир, при чем, как истинные победители, организуют хоры песельников от бывших на мануфактуре частей войск, которые поют во время обеда по просьбе вице-губернатора „с целью несколько оживить мрачность обстановки на мануфактуре, обнаруживпвшуюся после восстановления порядка"...

В том же году случилась забастовка на Прохоровской мануфактуре в Москве. Немедленно приехал обер-полицмейстер и пригнал 400 городовых, 200 пожарных, 200 казаков и жандармский дивизион. Из толпы были вызваны 40 человек и сейчас же арестованы, а остальным было предложено работать без прибавки, об'явленной накануне, и т. д.[1]).

Несмотря на столь неблагоприятные условия, созданные открытым союзом самодержавия с капиталом, до 50% всех стачек все же оканчивались полной или частичной победой рабочих против 45%, окончившихся в пользу хозяев. И если за второй период можно говорить об известном прогрессе, то все это было достигнуто упорной борьбой, которая наполняла все двадцатипятилетие нашего фабричного законодательства.

Интересно отметить, что более крупные заведения подвергаются стачкам значительно чаще, чем мелкие, т.-е. другими словами концентрация производства усиливала способность и наклонность рабочих к сопротивлению эксплуатации, так что в то время как из 10 мелких заведений (до 20 ч.) затронуто стачками только одно, в разряде фабрик с 1.000 и более рабочими бастовали почти все.

Приведенные выше статистические данные относятся только к стачкам на фабриках и заводах, состоящих в ведении м-ва финансов; таким образом, рабочие горнозаводские, железнодорожные служащие и др. остались совершенно вне регистрации. Благодаря этому официальная статистика показывала действительность лишь в уменьшенном виде. Если широкой публике все эти факты и цифры были еще неизвестны, в виду запрещения касаться этого вопроса в печати, то правительство во всяком случае знало о них очень хорошо, и потому явным

---

[1]) И. Озеров.—Политика по рабочему вопросу в России. 1906 г. 45—50 стр.

лицемерием звучат слова секретного циркуляра, разосланного фабричной инспекции от 5 декабря 1895 г.

„В нашей промышленности,—говорится здесь,—преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и работником. Эта патриархальность во многих случаях выражается заботами фабриканта о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечениях о сохранении лада и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях.

Когда в основе таких отношений лежит закон нравственности и христианского чувства, тогда не приходится прибегать к писанному закону.

В России, к счастью, не существует рабочего класса в том смысле и значении, как на Западе, и потому не существует и рабочего вопроса, и тот и другой не будут и не могут иметь у нас почвы для своего рождения, если рядом с проведением заботливости фабрикантом к благополучию рабочих вы приложите с своей стороны все старания к утверждению законности и нравственного долга среди рабочих".

Уничтожающей критикой этих архаических рассуждений, уместных еще в устах Канкрина, но никак не Витте, послужило широкое движение рабочих масс в самом Петербурге.

После целого ряда стачек на отдельных фабриках и заводах в течение 1894—1895 г.г. здесь вспыхивает весною 1896 г. массовая стачка, охватившая почти все ткацко-прядильные заведения и притом уже не оборонительного, а наступательного характера. Она продолжалась с 24 мая по 17 июня, при чем в июне одновременно бастовало более 30.000 ткачей.

Главным пунктом в требованиях рабочих, которые были выработаны собранием представителей (около 100 человек) от фабрик и напечатаны в особом листке, является сокращение рабочего дня с 12—14 час. до $10^1/_2$.

Эта стачка получила широкую известность не только в России, но и за границей, откуда поступали пожертвования в пользу рабочих, и правительство решило выступить с особым сообщением, где в п е р в ы е открыто указывается, что появилась и стала действовать у нас какая-то неслыханная до сих пор с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к а я организация.

„За подписями „Союза борьбы за освобождение рабочего класса", „Рабочего союза" и „Московского рабочего союза",— говорится там [1]),—появилось 25 различного содержания подметных листков... С достоверностью можно предположить, что сочинители этих листков пытались воспользоваться уже совер-

[1]) „Правительственный Вестник". № 158 за 1897 г.

нившимися стачками, с целью придать им социальный характер и в этом смысле руководить забастовщиками. Обращаясь к рабочим, агитаторы в более ранних листках повторяют те требования, которые уже были заявлены рабочими; указывают на цели, преследуемые западно-европейскими рабочими, убеждают упорствовать в стачке, обещают даже денежную помощь, уже будто бы идущую от германских рабочих, и преподают советы благоразумного поведения, которого рабочие уже держались до появления листков, с самого начала забастовки: но затем листки наполняются возмутительными нареканиями против капиталистов, правительственных установлений и государственной власти. Не ограничиваясь рабочими, авторы листков обращаются к обществу, приглашая примкнуть к русским социал-демократам...".

Небрежный тон правительственного сообщения однако плохо гармонировал с действительным настроением заинтересованных сфер; по крайней мере в з а к р ы т о м заседании 20 дек. 1896 г., происходившем под председательством министра финансов Витте, фабриканты и фабричные инспектора „единогласно" признавали, что причины беспорядков—не в продолжительности рабочего дня, а в подстрекательстве пропагандистов, нарушивших и нарушающих с поразительной дерзостью спокойное течение промышленной жизни...

Что касается самого председателя собрания, то его особенно раздражало то обстоятельство, что на Западе пропаганда ведется исключительно на экономической почве и там в движении принимают участие ученые, государственные деятели, члены парламентов и др., у нас же „пропагандисты принадлежат к подонкам анархизма и нигилизма"...

Однако, присутствовавший в том же заседании министр внутренних дел Горемыкин отметил, что стачки рабочих в последнее время, приняв более острый характер, стали гораздо тактичнее; стачечники стараются не подавать поводов к преследованию за явное нарушение общественного порядка и спокойствия и вынуждают к принятию мер, тяжелых по их последствиям и все же, повидимому, недостаточных: летом прошлого года (т.-е. 1895 г.) за стачки на петербургских мануфактурах было арестовано около 1.000 рабочих [1]).

Результатом петербургских стачек было издание закона 2 июня 1897 г., которым продолжительность рабочего дня во всех отраслях фабричной и горнозаводской промышленности

[1]) Материалы по изданию закона 2 июня 1897 г. Изд. М-ва финансов. 1905 г.

ограничивалась 11½ часами. Хотя мысль о том, что рабочие посмотрят на эту меру, как на вынужденную уступку, положительно отравляла воображение бюрократии, однако в интересах полицейских признано было необходимым положить предел эксплуатации предпринимателей. Последним впрочем вскоре же удалось подорвать в значительной степени значение нового закона, так как, по их настоянию, министерство финансов циркулярами от 5 января и 14 марта 1898 г. отменило установленную ранее норму сверхурочных работ (120 час. в год) и предоставило заключение их „свободному“ соглашению сторон. Вместе с тем 12 августа 1897 г. министр внутренних дел разослал циркуляр губернаторам, где указывалось, что „укоренение в рабочей среде ложного представления о целесообразности всякого рода действий скопом, самоуправства и насилия как по отношению к правительственной власти, так и в отношении фабрикантов и товарищей — представляется весьма опасным для государственного порядка и общественного спокойствия“ и предлагалось всех прекративших работу с соблюдением законных сроков удалять безотлагательно в места родины, а тех, которые забастуют с нарушением срока, удалять по этапу...

„Во всех случаях стачек и забастовок, — говорилось далее,—я рекомендую преимущественное направление дел в порядке положения об охране в том соображении, что судебное преследование не всегда бывает возможно в виду весьма частого отсутствия всех признаков преступления, предусмотренного ст. 1358 и послед. улож. о нак., а также в виду того, что означенные статьи закона, налагая на виновных наказания, не сопряженные с лишением или ограничением прав, не обязывают судебного следователя подвергать обвиняемых содержанию под стражей, между тем как при тревожном настроении рабочего населения данной местности освобождение наиболее энергичных вожаков из-под стражи до полного успокоения умов представляется весьма часто вредным и влечет за собой возобновление беспорядков“.

Не довольствуясь этим, 1 февраля 1899 г. министерство внутренних дел провело закон об учреждении особой фабричной полиции, по расчету: 1 городовой на 250 рабочих, независимо от того — мужского или женского пола, живущих на фабрике или вне ее.

В свою очередь министерство финансов для лучшего же надзора за фабриками увеличило штат фабричных инспекторов.

так что на каждого из них приходилось в 1901 г. 82 заведения с 7.638 рабочими. Однако, это увеличение штатов имело своей целью не столько проведение в жизнь законов по охране труда, ранее очень свободно игнорировавшихся предпринимателями, сколько достижение другой цели.

Дело об'ясняется тем, что „волнения между рабочими приняли еще более обостренную форму и сопровождались пропагандой социал-демократического характера. Необходимо было устранить благодарную почву для этой пропагадны среди неволных элементов рабочего класса, а администрация не имела возможности и времени следить, как следует, ни за упорядочением рабочего вопроса, ни тем более за пропагандою при отсутствии в Тифлисе сыскной полиции, адресного стола и института дворников.

Эти прискорбные явления убеждали в неотложной необходимости приступить к упорядочению рабочего вопроса, что в свою очередь могло быть достигнуто лишь возможно скорым введением здесь фабричной инспекции, органа, „призванного ведать специально рабочий вопрос". Так гласит отчет по делопроизводству государственного совета за 1901—1902 г., и эти слова едва ли нуждаются в комментариях.

Из отчета министра внутренних дел Сипягина, совершившего специальную поездку в промышленные губернии, мы узнаем также, что фабриканты отпускают иногда непосредственно в распоряжение полиции некоторые суммы для содержания тайных агентов на фабриках, иногда же содержат их непосредственно от себя, и тогда полиция нередко пользуется ими для своих целей... Но так как подобные субъекты содержались еще и жандармским управлением, то бывали случаи, что, не зная друг друга, один агент задерживал другого.

Чтобы следить за настроением рабочих, сообщает далее Сипягин, иногда помещают расторопных городовых на фабрику в качестве рабочих, где они, ознакомившись с настроением последних, находят в заработной плате дополнительное вознаграждение за исполнение своих трудных и нередко связанных с личной опасностью обязанностей...

Ободренные столь внимательным и сочувственным отношением власти к своим нуждам, некоторые заводчики и фабриканты самые кутузки для беспокойных элементов стали строить прямо уж у себя дома. Так, владимирский губернатор в своем циркуляре исправникам от 8 февраля 1902 г. указывает, что „устроенные при некоторых фабриках арестантские помещения находятся в крайне неудовлетворительном состоянии,

представляя собой часто маленькую комнату без окон и печей, с земляным или каменным полом, не снабжены кроватями или нарами. Принимая во внимание, что существование таких помещений на фабриках, куда могли бы быть помещаемы пьяные до вытрезвления или задержанные полицией по другим законным основаниям фабричные рабочие, вызывается практической необходимостью, хотя они и не относятся к числу установленных законом мест заключения,—тем не менее нельзя допустить, чтобы арестуемые подвергались таким неудобствам, которые могут вредно отозваться на их здоровьи".

Таким образом все у них было свое: и законодательство [1]), и полиция, и тайные агенты, и тюрьмы. Недоставало еще, чтобы и суд был свой, но так как ему, по министерским циркулярам, делать там было нечего, то выходило, что фабричная территория была особой областью, в которой самоуправно властвовал капитал, т.-е. тем, чем при крепостном праве была помещичья усадьба. Все эти уродливые порождения извращенного творчества, выросшие в атмосфере разлагающегося старого строя, были предвестниками его гибели, но не торжества. Рабочее движение разрасталось с неудержимой силой. В ответ на секретный циркуляр от 5 декабря 1895 г., внушающий фабричным инспекторам, что у нас нет и не может быть рабочего вопроса и что патриархальность отношений останется неизменным достоянием русской промышленности, особое совещание 1896 г., образованное по поводу известных уже нам волнений на петербургских фабриках, сочло нужным напомнить, что увы! „нынешние фабричные рабочие уже далеко не те, какими они были 10—20 лет тому назад". А через 5 лет шеф жандармов Святополк-Мирский в своей записке по поводу новых рабочих волнений выражается уже гораздо определеннее: „Признавая главной причиной беспорядков на заводах в Петербурге противоправительственную агитацию, я не могу не отметить, что в самой жизни рабочих есть не мало условий, облегчающих пропагандистам их разрушительную деятельность. Главнейшим из таких условий представляется совершенная необеспеченность мастеровых с наступлением старости или за неспособностью к работе по болезни. Поставив себе конечной целью создать из рабочих организованные массы для борьбы с правительством за осуществление своих идей, агитаторы, к сожалению, значительно успели в этом. В по-

[1]) При обсуждении или выработке фабричных законов неизменно приглашались представители промышленности как в 1882—1886, так и в 1897—1906 гг.

следние 3—4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над нею. Такой молодежи, к счастью, имеется еще немного, но эта ничтожная горсть террористически руководит всей инертной массой рабочих"...

Стачечное движение, вспыхивавшее во всех концах России и с каждым годом все учащавшееся, не переставало, конечно быть стихийным, но проявления солидарности, сознательности и организованности все увеличивались в нем.

Хождение в полицию с прошениями, бросание в толпу орехов и пряников, как делал, например, Хлудов, все это уже отходит в область предания, как отголосок пережитого прошлого.

По мере же роста сознательности и сплоченности среди рабочих масс изменялся постепенно и самый характер движения.

Возникая на почве повседневных интересов и столкновений между трудом и капиталом, стачки продолжали, конечно, носить характер экономический; но, при большей интенсивности стачечного движения рассматриваемого периода и при росте классового самосознания рабочих, отсутствие того, что называется „политической свободой", так остро ощущалось участниками стачек, что пред политической агитацией развернулось широкое поприще. И действительно, как только прекращение работ или беспорядки охватывают более или менее значительное количество рабочих, распространяются на обширный район,— так тотчас они принимают „антиправительственный" характер.

Встревоженное этими новыми зловещими признаками, которые особенно ярко проявились во время стачек на Обуховском заводе (1901 г.), в Ростове на Дону (1902 г.) и в Златоусте (1903 г.), правительство вынуждено было сделать еще шаг вперед в деле фабричного законодательства. 15 мая 1901 г. были изданы временные правила, которыми для рабочих на казенных горных заводах и рудниках устанавливались пенсии во всех случаях, когда они лишались возможности продолжать работы от увечья или профессиональных болезней, а 2 июня 1903 г. вышел общий закон об обеспечении пострадавших рабочих. Как указывалось в государственном совете, „осуществление предположенного узаконения о вознаграждении фабрикантами рабочих, лишившихся трудоспособности, несомненно послужит одним из наиболее действительных способов к успокоению рабочего населения Империи. Предоставление же этого рода вопросов естественному их течению, как тому бывали примеры и в истории других государств, нередко приводило

к серьезным потрясениям общественного строя... Конечно, в России не имеется социально-демократической партии (как в Германии), но тем не менее правительству все же приходится считаться с подпольной деятельностью лиц, которые избрали рабочих орудием для противоправительственной агитации. Издание обсуждаемого узаконения, предоставляющего рабочим справедливое обеспечение, может иметь последствием значительное уменьшение успеха упомянутой пропаганды. Достижение же подобного результата мерами исключительно полицейской репрессии представляется вообще сомнительным".

10 июня того же года был издан также закон о так называемых фабричных старостах. Распространения он не получил, но интересно отметить, что в мотивировке его звучит все тот же припев: „в интересах предупреждения и пресечения волнений среди фабрично-заводских рабочих представлялось бы весьма желательным, сколько можно более, обеспечить фабричной инспекции удобные способы ознакомиться с пожеланиями рабочих и их нуждами".

Но если рабочее движение, несомненно, являлось движущей пружиной нашего фабричного законодательства, то, с другой стороны, нельзя не отметить, что на данной ступени своего развития рабочий класс не мог еще наложить свою печать на это законодательство. Правительство вынуждено было вступить на путь „охраны труда", так как голыми репрессиями невозможно уже было удержать рабочих от борьбы с эксплуатацией, но самые эти охранительные законы составляли бюрократия и магнаты капитала; о представительстве рабочих там не было и речи. Не принимали последние участия и в наблюдении за исполнением этих законов. При таких условиях неудивительно, что вмешательство государства во взаимные отношения между трудом и капиталом не внесло существенных изменений к лучшему в положение нашего рабочего класса. Оно и понятно. Фабричное законодательство только тогда может играть роль важного фактора в социальной жизни страны, когда оно опирается на активные силы самих трудящихся масс, дополняя и закрепляя их работу, направленную к под'ему своего классового положения. У нас же, в России, фабричное законодательство создавалось именно в целях предупреждения рабочего движения; активная деятельность самих трудящихся отрицалась и подавлялась бюрократией как в первом, так и во втором периоде. Опека шла у нас рука об руку с репрессией: попечение нужно было для того, чтобы, поддерживая веру в заботливость „начальства", сделать ненужной для рабочих их собственную самодеятельность; меры строгости—для того,

чтобы подавить недовольные элементы. Оба же вместе эти средства были направлены к тому, чтобы не допустить у нас самого существования рабочего движения, как явления, несогласного с основами существовавшего государственного строя.

Но, проникнутое насквозь полицейским духом и желанием „не обидеть“ капиталистов, наше фабричное законодательство было неспособно удовлетворить рабочих; репрессии же оказались бессильными против движения, в котором выражались интересы и чаяния нового формирующегося общественного класса.

И едва вышли июньские законы 1903 г., долженствовавшие отнять, по мнению бюрократии, почву у пропаганды, как уж в июле поднялась и прокатилась по югу России от Баку до Одессы огромная волна всеобщего стачечного движения, захватившая в своем потоке не менее 100.000 человек и явившаяся как бы прологом к революционному 1905 году.

ГЛАВА X.

Законодательство о труде.

Как было показано в первом томе, предшествующий, т.-е. крепостной период оставил после себя довольно богатое наследство в виде разнообразных норм, так или иначе регулирующих положение труда; но эти нормы относились преимущественно не к свободным, а зависимым рабочим. С прекращением обязательных отношений перед правительством встала задача определить линию своего поведения в данном вопросе при условиях нового быта, опирающегося на принцип свободного договора, но вместе с тем еще не знающего ни свободы стачек, ни свободы организации трудящихся.

За два года до падения крепостного права, в 1859 г., учреждена была особая комиссия из представителей министерства финансов и министерства внутренних дел под председательством Штакельберга для того, чтобы „полным преобразованием в самой системе законодательства по части промышленности“ поставить эту отрасль народного хозяйства в соответствие с потребностями нового времени. Результатом работ этой комиссии явился в 1862 г. проект устава промышленности, который частью сохранял некоторые старые нормы, частью намечал ряд новых. Воспрещается работа малолетних обоего пола, не достигших 12 лет. Малолетние от 12 до 18 лет не должны находиться на работе более 12 часов в сутки, полагая в том

числе два часа для завтрака, обеда и отдыха. Ночная работа (от 8 ч. вечера до 5 ч. утра) воспрещается лицам, не достигшим 18-летнего возраста. Устанавливаются подробные правила предосторожности для предупреждения несчастных случаев и для охранения здоровья рабочих. Жилые помещения для мужчин и женщин, а где возможно — и детей, должны быть отдельные. Воспрещается устройство нар в 2 яруса. Для каждого работника или работницы должны быть отдельные (по возможности железные) кровати или нары: в последнем случае нары для каждой постели разделять перегородками. В обширных промышленных заведениях воспрещается рабочим спать в мастерских на столах и на полу, а равным образом и обедать в тех помещениях, где они работают; для сей цели должны быть устраиваемы особые помещения и т. д. Устанавливается ответственность предпринимателей за несчастные случаи с рабочими. Для разрешения споров и несогласий, возникающих между хозяевами и рабочими, учреждаются особые промышленные суды. Члены промышленных судов избираются хозяевами и рабочими той местности, в которой учреждается суд, в равном количестве от тех и других. Правом выбора пользуются все рабочие, которые имеют не менее 21 года, занимаются не менее одного года работой в данной местности и не опорочены по суду или общественному приговору. Суд рассматривает, между прочим, просьбы о вознаграждении рабочих за увечья, дела о стачках между рабочими против хозяев или между хозяевами против рабочих, затем все споры между обеими сторонами относительно несоблюдения условий найма, определяет штрафы и взыскания и т. д. Для надзора за промышленными заведениями назначается инспектор с одним или двумя помощниками. Им предоставляется право посещать заведения во всякое время, днем или ночью, требовать предъявления им малолетних, а также конторских книг: о числе и возрасте рабочих, о плате, ими получаемой, о распределении рабочего времени, об условиях найма и о повреждениях, полученных рабочими, и т. д. [1]).

Ни одному параграфу из этих преобразований однако не суждено было осуществиться, и по этому одному уже можно судить, как резко расходились они с действительностью, т.-е. насколько хуже было тогдашнее положение рабочих. Новая быстро растущая сила — промышленный капитал — расчищала себе дорогу к власти и, естественно, не могла мириться с подобными попытками ограничения эксплуатации труда. Особенно вну-

[1]) Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Ч. I—II. 1863 г

пало страх учреждение фабричной инспекции, которой промышленники боялись, как огня. „Учреждение инспекции,—заявляло московское отделение мануфактурного совета,—вместо ожидаемой пользы, принесет вред тем, что уничтожит всякую связь между хозяевами и рабочими, послужит поводом к злоупотреблениям и увеличит число жалоб". Это опасение и то упорство, которое проявили в этом отношении фабриканты, показывает, что они вполне чувствовали, что у них не „все обстоит благополучно".

Особенно ратовали против этого фабриканты центрального района — Морозовы, Хлудовы, Малютин, Прохоров, Шилов... „Им, предпринимателям,—говорит по этому поводу в своем отзыве тверской губернатор граф Баранов,—ужасно не хочется инспектора из чиновников, а хочется из купцов, и притом фабрикантов. Такое невинное желание весьма естественно со стороны человека (речь идет о тверском фабриканте Морозове), у которого на фабрике нет для рабочих не только воскресной школы, но и бани; несмотря на значительное расстояние от города, нет даже теплых в зимнее время жилищ для рабочих. Как ни привык наш народ и к грязи, и к вони, и к холоду, но и тот уже говорит, что в конурах рабочих зимой мерзнет вода; при фабрике нет порядочно устроенных отхожих мест, а все нечистоты сваливаются ими вблизи самой фабрики в маленькую речонку, из которой фабричные пьют воду"...

Общественное мнение было или поглощено вопросами крестьянской реформы, или находилось во власти принципа laissez faire, laissez passer, т.-е. невмешательства государства во внутренние отношения между трудом и капиталом; сам же рабочий класс ждал прежде всего в о л и, не вдаваясь в детали. Поэтому преодолеть сопротивление предпринимательских кругов комиссии Штакельберга не удалось.

Законы и законопроекты о труде, действовавшие или подготовлявшиеся при крепостном праве, теперь казались ненужными и были забыты, так что рабочие массы в новых условиях предоставлялись всецело самим себе. „Свободный" договор должен был сам по себе спасать их. Только там, где государству не приходилось иметь дела с частным предпринимателем, мы встречаемся с некоторыми нормами, имеющими в виду ограждение интересов труда. Так, в положении 8 марта 1861 г. о горнозаводском населении казенных заводов говорится, что дети моложе 12 лет не могут быть принимаемы в заводские работы, а малолетние ниже 15 лет должны употребляться в работу не более 8 часов в сутки и не иначе как днем, а при рудниках—только на поверхности, но не внутри оных.

После крупных беспорядков, которые произошли в 1860 г. среди рабочих, нанятых на постройку Волжско-Донской железной дороги, и были вызваны притеснениями их со стороны подрядчиков, министерство внутренних дел по соглашению с другими заинтересованными ведомствами выработало проект правил о найме рабочих для исполнения казенных, общественных или государственных работ, имеющих целью предупредить рабочие беспорядки, подобные вышеупомянутым, оградить на будущее время рабочих от притеснений и самоуправства и доставить им быстрое правосудие, а также отвратить злоупотребления и произвол подрядчиков и их приказчиков при найме рабочих и расчетах.

Согласно этим правилам наем производится как индивидуальный, так и гуртовой—артелями, состоящими не свыше 100 человек и образующимися по взаимному соглашению своих членов. Каждая артель избирает из своей среды одного старшину и, смотря по величине, одного или двух помощников. Во время работ артели состоят под ведением и в повиновении своих старшин и выборных, которые постоянно наблюдают за точным исполнением всех условий контракта. Подрядчик строго наблюдает, чтобы его приказчики, десятники и нарядчики обращались с рабочими кротко и чтобы все распоряжения своего хозяина передавали в артели через старшин и выборных, а одиночным рабочим через десятников. Подрядчик обязан немедленно удалить от работ того из приказчиков и десятников, который изобличен будет в дурном обращении с рабочими или на кого будут поступать частые жалобы. Продолжительность рабочего дня устанавливается согласно урочному положению 1843 г. При числе рабочих менее 1 тысячи заболевающие отправляются на счет подрядчика в ближайшие больницы, где они пользуются на его счет, или подрядчик приглашает врача и фельдшера для пользования заболевающих на месте работ в особом для сего помещении. Если же работы производятся в местах отдаленных от больниц или число собранных на работу простирается более 1 тысячи человек, то подрядчик устраивает на свой счет теплые лазареты, снабжает оные необходимыми медикаментами и хозяйственными принадлежностями, а также бельем, и содержит опытного врача с достаточным числом фельдшеров. Лазареты устраиваются так, чтобы на каждые 40 человек приходилось по одной кровати. Если рабочий при производстве работ подвергается тяжелому увечью и останется калекою, то подрядчик обязан вознаградить его выдачей двойной за весь наемный срок платы. В случае же смерти от ушиба или полученной раны это вознаграждение

в виде двойной наемной платы выдается семейству пострадавшего. На полицию возлагается обязанность наблюдать, чтобы ко времени прихода рабочих подрядчиком были устроены здоровые и вместительные жилища и если побуждения к тому оказываются безуспешными, то приступить самой к устройству жилищ на его счет. За повторную леность и пьянство подрядчику предоставляется отказать рабочему, рассчитав его по день увольнения, но не иначе, как с согласия лица, заведывающего полицией.

Когда подрядчик или рабочие, предъявившие иск или жалобу, не пожелают разбирательства третейским судом, то они могут обратиться в ближайший уездный суд, который обязан решать подобного рода дела немедленно и без очереди.

Комитет министров одобрил введение этих правил в виде опыта сроком на три года, и 31 марта 1861 г. они получили высочайшее утверждение [1]).

1 декабря 1869 г. было произведено частичное изменение условий найма рабочих на казенных заводах, значительно опередившее ход развития нашего законодательства в частной промышленности. А именно, им запрещается применение женщин для работ как в ночное время, так и внутри рудников. Рабочие при заводе или руднике, не принадлежащие к местному горнозаводскому товариществу, в случае болезни содержатся в заводской больнице в течение одного месяца. Пользование в больнице долее одного месяца производится на счет завода лишь в уважительных случаях; но если болезнь была последствием заводских занятий, то заболевший содержится в больнице на счет завода до совершенного выздоровления.

При заключении условий заводоуправление должно выдавать каждому нанимающемуся рабочую книжку в которую заносятся главные условия найма, отмечаются выдачи жалования, производимые вычеты и так далее, и которая при временных отлучках служит видом для жительства [2]).

Затем 15 августа 1870 г. было утверждено положение о вольнонаемных мастеровых и рабочих в технических артиллерийских заведениях военного ведомства. Им устанавливался для обеих сторон обязательный срок предупреждения — от $^1/_2$ до 2 месяцев (в зависимости от того, идет ли речь о мастерах или рабочих, нанявшихся на год или на меньший срок) в случае желания расторгнуть договор найма без достаточных причин, под угрозою уплаты вознаграждения в размере полумесячного

[1]) Журнал комитета Министров, № 224 за 1861 г.—2-ое Полное Собр. Законов, № 36793.

[2]) 2-ое Полное Собр. Законов, № 47735.

оклада. В отношении заболевших положение идет несколько дальше закона 1 декабря 1869 г. — срок без довольствия в госпиталях продлен до 2 месяцев; кроме того, командиру разрешается за особое усердие выдавать $^1/_2$ заработной платы в течение этого же времени. Ближайшие условия найма предоставлено было определять генерал-фельдцейхмейстеру, и в частности рабочий день им устанавливался в 10 часов; кроме воскресений работы не должны производиться еще и в праздники, установленные для лиц, состоящих на государственной службе — таковых насчитывалось в году 36 (26 церковных и 10 царских дней). Кроме того, рабочие освобождались на два дня для говенья с сохранением поденной платы [1].

По отношению же к частной промышленности как шестидесятые, так и семидесятые годы прошли под знаком невмешательства во внутренние отношения между трудом и капиталом. Только для горных промыслов, где было много бывших поссессионных рабочих, законом 4 июня 1862 г. предусматривались некоторые ограничительные меры, аналогичные тем, какие существовали на казенных заводах. Детей моложе 12 лет запрещалось нанимать на рудничные и плавильные работы, а малолетов от 12 до 18 лет — только с согласия родителей, при чем малолеты ниже 15 лет употребляются в работу не более 8 часов в сутки и не иначе, как днем, а при рудниках — только на поверхности. Больных, получивших увечье или другое повреждение на заводских и рудничных работах, заводы обязаны содержать на свой счет безвозмездно до выздоровления [2]. Но эти правила, изданные как бы по инерции и оставленные без надзора, остались без влияния на практику жизни и были настолько основательно игнорируемы самим правительством, что когда в 1892 г. дошла очередь для применения новых законов об охране труда до горнозаводской промышленности, то о них в официальных материалах даже не упоминалось. Особняком стоит также закон 26 августа 1866 г. об организации при промышленных заведениях приемных покоев для подачи врачебной помощи из расчета 1 койки на 100 человек. Вызванный к жизни страхом распространения холерной эпидемии и не подкрепленный мерами наблюдения за его осуществлением, он не мог пустить крепких ростков в неблагоприятной для него почве и имел только спорадическое применение. 24 мая 1870 г. был утвержден новый устав частной золотопромышленности. Срок найма для сибирских крестьян

[1] 2-ое полное собрание законов, № 48644.
[2] 2-ое полное собрание законов, № 38339.

и мещан определялся им максимум в один год, а для жителей прочих частей империи—не более семи лет (в отличие от общего закона, разрешающего наем на срок не свыше пяти лет). Договор о найме должен заключаться не иначе, как явочным порядком, при чем в него обязательно вносились пункты, касающиеся рабочего дня, количества свободных дней, жилища и пищи, вознаграждения за старательские работы и т. п.

Однако, сама государственная власть принципиально отказывалась, из уважения к принципу свободного договора, от регулирования отношений между трудом и капиталом и потому те скромные попытки в этом направлении, которые имелись в положении 1838 г., не только не получили дальнейшего развития, но наоборот—были устранены, как несогласные с духом нового времени.

Так, исчезли пункты, которыми устанавливались время начала и окончания работ и срок прекращения осенних операций, а также запрещались урочные работы по ночам и в праздничные дни. „Таким образом, золотопромышленникам дан полный произвол", как замечает такой компетентный чиновник, как А. Лоранский, в своей характеристике нового устава. Зато сохранились в неприкосновенности правила, касающиеся вопросов дисциплины. Для сохранения внутреннего порядка между рабочими и для более удобного производства самих работ каждому промышленнику дозволялось разделять нанятых им людей на рабочие партии. В каждую такую партию он назначает от себя старосту, а рабочие с своей стороны двух выборных, которые вместе со старостой составляют партионную расправу, имеющую право подвергать рабочих по словесному приговору за маловажные проступки денежным взысканиям до 3 рублей, аресту до семи дней или наказанию розгами до 20 ударов.

Некоторый шаг вперед можно отметить лишь в вопросе об установлении ответственности предпринимателя за несчастные случаи. Если рабочий при производстве работ подвергнется, вследствие непринятия золотопромышленником предписанных в законе мер предосторожности, смерти или тяжелому увечью, сделавшему его, по удостоверению ближайшего врача и местного исправника, неспособным к труду, то золотопромышленник обязан вознаградить его, семейство или его самого выдачей тройной за весь наемный срок платы. При легком же увечьи, происшедшем вследствие непринятия золотопромышленником узаконенных мер предосторожности и требующем врачебного пособия и временного призрения, больной помещается в лаза-

рете до совершенного выздоровления без всякого вычета из условленной платы [1]).

23 октября 1870 г. состоялось высочайшее повеление о назначении особой комиссии под председательством генерала Игнатьева для выработки устава о личном найме.

Поводом к ее образованию послужили замечания судебных практиков, изложенные в докладе министра юстиции 1867 г., что „в настоящее время повсеместно замечается распущенность в рабочем сословии и совершенное неуважение к договорам", благодаря чему нанимателям причиняются нередко большие убытки. Но так как на ряду с этим нельзя было отрицать наличности нарушения и интересов труда со стороны промышленников, то в проекте устава, выработанном комиссией в 1875 г., встречаются некоторые постановления, направленные к устранению наиболее определившихся неустройств рабочей жизни.

Так, им запрещалось применение детского труда до 12 лет. Малолетние от 12 до 14 лет могут быть употребляемы на дневные работы не более 8 часов, а на ночные—не более 4 часов в сутки.

Была сделана даже попытка к ограничению рабочего дня для взрослых: согласно ст. 224, число рабочих часов для рабочих и мастеровых, имеющих не менее 17 лет, полагается не свыше 10 часов в сутки, при чем каждые два часа работы в ночное время (с 9 ч. вечера до 5 ч. утра) считаются за три часа работы днем. В счет вышеозначенных 10 рабочих часов не входит время, потребное на завтрак, обед и отдых.

Лечение заболевающих рабочих, как в лазаретах, ежели таковые находятся при заведениях, так и в городских больницах, а равно отправка заболевших в больницы производятся на счет нанимателя. Срок, в течение которого рабочий пользуется таким безвозмездным лечением, не может простираться далее срока, на который он был нанят. Расходы же на лечение в тех местностях, в которых со всех чернорабочих взимается особый сбор на устройство больниц, не относится к обязанности нанимателя [2]).

Для обеспечения же интересов предпринимателей в случае уклонения рабочих от исполнения договора найма предполагалось обязательное введение рабочих книжек.

Проект Игнатьева вызвал очень большое количество замечаний и возражений, для рассмотрения и согласования которых пришлось образовать новую комиссию под председательством Валуева.

[1]) 2-ое полное собрание законов, № 48400.
[2]) Архив д-та полиции исполнительной, дело № 281 за 1870 г.

Переработав несколько прежний проект, при чем исчез между прочим пункт об установлении продолжительности рабочего дня не свыше 10 часов в сутки, эта комиссия внесла свои труды на утверждение Государственного Совета.

Однако последний нашел, что затруднения, которые испытывает наша промышленность, зависят вовсе не от общего несовершенства наших законов о найме, а от недостатков исключительно частных. Наиболее существенный из них состоит в том, что в законе не содержится твердого обеспечения для нанимателей в исполнении договора со стороны нанявшихся лиц. В прежнее время установился обычай найма рабочих по словесным, а иногда и письменным домашним договорам, при заключении коих наниматель выдавал задаток нанявшемуся, а последний вручал нанимателю свой паспорт, который служил обеспечением как возвращения данного задатка, так равно и исполнения принятых рабочим на себя обязательств. В течение долгого времени заключенные таким образом сделки считались непротивными закону и достаточно ограждающими интересы сторон.

Но с преобразованием судебных установлений возникло сомнение в том, имеют ли наниматели законное право удерживать у себя паспорта нанятых рабочих. Судебные практики, не находя твердой опоры упомянутому обычаю в действующем законодательстве, разрешили это сомнение в неблагоприятном для нанимателей смысле. Пользуясь сим, рабочие весьма часто нарушают заключенные ими договоры, причиняя тем хозяевам значительные убытки.

Составленные комиссией правила составлены были по соображению с ожидавшеюся отменой паспортной системы.

Поэтому в основу их была положена мысль о введении у нас рабочей книжки, как такого документа, который мог бы вместо паспорта обеспечивать правильное исполнение со стороны рабочего заключенного им обязательства. Между тем отмены паспортов не последовало и нельзя даже ожидать ее в ближайшем будущем. В виду этого введение рабочей книжки при существовании паспортной системы „справедливо возбудило бы неудовольствие и ропот в массах рабочего населения.

...Если подобные последствия вообще нежелательны и прискорбны, то тем более необходимо избегать их в настоящее тревожное время, когда злоумышленники, стремящиеся к ниспровержению существующего государственного и общественного строя—как заявлено в заседании совета министром внутренних дел—постоянно возбуждают рабочих против нанимателей, об'ясняя первым отношения их к хозяевам в совершенно

превратном смысле. Опасаясь, что издание нового закона, построенного на вышеизложенных основаниях, может еще более усилить опасное возбуждение среди рабочих, государственный совет пришел к убеждению, что „издание теперь систематического законоположения о найме было бы несвоевременно и что вместо этого отдельным ведомствам надлежит входить, по мере обнаружившейся потребности, с представлениями по тем частным вопросам, которые требуют разрешения в законодательном порядке [1]). Это мнение 12 мая 1880 г. получило высочайшее одобрение.

Таким образом, десятилетняя работа двух комиссий, направленная к выработке общего устава о найме рабочих и прислуги, кончилась ничем и решено было перейти к частичному и постепенному урегулированию отдельных категорий труда. В записке государственного совета намекалось между прочим на возможность и желательность разработки в ближайшее время вопроса о праве нанимателей удерживать паспорт в обеспечение договора. Однако, вследствие усиления рабочего движения, выдвинувшего на очередь ряд других проблем, соображение это не получило дальнейшего движения.

Исследования причин возникавших в столице беспорядков между рабочими на разных фабриках и заводах—говорится в представлении департамента государственной полиции 6 ноября 1881 г.—приводили к тому заключению, что... общие условия, содействовавшие развитию беспорядков, заключаются в отсутствии законов, определяющих с желательной точностью отношения заводских и фабричных хозяев и их управляющих к рабочим, а равно в недостатке постоянного правительственного надзора за означенными отношениями. ...Отсутствие в действующем законодательстве постановлений, ограждающих рабочих от произвола нанимателей, ставит первых в тяжелую зависимость от последних. Руководствуясь своими экономическими соображениями и не вникая в положение и нужды рабочих, хозяева могут иметь решительное и гибельное влияние на благосостояние рабочих и их семейств. При таких условиях, всякое средство, указываемое рабочим кем бы то ни было для улучшения их быта, принимается на веру без всякой предварительной проверки и с их стороны всегда можно ожидать, что они охотно пойдут за первым встретившимся руководителем, который будет обещать им улучшение их положения.

Отсутствие постоянного правительственного надзора за взаимными отношениями рабочих и фабрикантов, случайность и

[1]) Канцелярия государственного совета, дело № 1052.

пятность правительственного вмешательства даже в тех случаях, когда это вмешательство становится необходимым, приучает рабочих к мысли, что со стороны правительства не прилагается о них заботы, что они предоставлены самим себе, своим собственным силам, а потому учения, призывающие их к противодействию властям, как единственному средству улучшить свое положение, легко находят между ними сочувственный прием и готовых исполнителей".

Так как издание законов, регулирующих взаимные отношения заводчиков и рабочих и устанавливающих постоянный правительственный надзор за их выполнением „требует значительного времени, а между тем возникновение волнений между рабочими не может считаться невозможным и особенно в Петербурге, в виду направленной в среду здешних рабочих врагами существующего порядка пропаганды социально-революционного учения. В виду этого м-во внутренних дел остановилось на мысли о необходимости теперь же принять такие меры, при помощи которых возможно было бы каждому столкновению между фабрикантами и рабочими давать быстрый и благоприятный исход и тем предупреждать дальнейшие волнения рабочих" и предложило образовать при управлении петербургского обер-полицмейстера особую комиссию из членов трех министерств с участием представителей от фабрикантов и заводчиков.

Положением комитета министров 27 ноября 1881 г. таковая комиссия была утверждена в виде временной меры, на три года, при чем ей предоставлялось: 1) издание обязательных постановлений, касающихся соблюдения на фабриках и заводах надлежащих условий помещения и продовольствия рабочих, а также предохранения их от несчастных случаев и оказания им врачебной помощи; 2) принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между хозяевами и рабочими, а также исследование уже возникших неудовольствий с целью прекращения их преимущественно путем миролюбивого соглашения сторон и 3) надзор за соблюдением предпринимателями и рабочими законов и обязательных постановлений.

В июне того же года комитет общества для содействия русской промышленности и торговли представил министру внутр. дел записку, в которой указывалось, что „многочисленные несчастия с рабочими на фабриках, заводах, рудниках и копях заставляют обратить особенное внимание на вопросы об устройстве вспомогательных учреждений для рабочих в России". Таковые представлялись обществу в виде двух государственных касс—одной для страхования фабрично-заводских рабочих от

несчастных случаев и другой—пенсионной для всех живущих наемным трудом, включая прислугу и ремесленников. Для обсуждения этого вопроса с разрешения правительства была назначена особая комиссия, учреждение которой „Новое Время" приветствовало, как „меру не последней важности в борьбе с революционным социализмом. Пенсионной кассой для инвалидов работы будет положено основание общей пенсионной кассы для престарелых рабочих. Сравнительно с западными государствами, где эти учреждения создаются в настоящее время правительствами, Россия находится в более выгодном положении—пауперизм не пустил еще таких глубоких корней, как на Западе, где он является угрозой всему экономическому строю, самой цивилизации. Наши рабочие массы не заражены духом революционного социализма. Во-время поданная рабочим государственная помощь, которая является только дополнением организованной самопомощи и взаимной помощи самих трудящихся, может окупиться сторицею, может дать развитию нашей культуры более спокойное направление, избавит нас от частых потрясений, сделавшихся уделом общества, где благополучие культурного слоя основано на политическом и экономическом господстве его над народом. На Западе высшие слои общества, насколько возможно, отстраняли правительство от забот об экономическом благосостоянии народных масс, зато пользовалось этими почти отчужденными от государства массами для борьбы с правительством из-за власти. В России между властью и народом нет эгоистических посредников. Ничто не должно мешать ей удовлетворять народные нужды, относиться с одинаковой заботливостью ко всем классам населения" [1]).

Эти намеки, однако, не помогли делу. Обсуждение вопроса затянулось до 1889 г., когда министр финансов, отложив в сторону попечение о пенсиях для престарелых и инвалидов, внес в Госуд. Совет проект об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими; но и тут ничего не вышло. Хотя призрак социализма уже появился и стал неотступно преследовать русских министров, но Бисмарка среди них не оказалось. Новый курс начался поэтому с более легких и невинных вещей.

В конце 1881 г. м-во финансов во главе с Бунге, признавая крайне вредным отсутствие узаконений, ограждающих малолетних рабочих от непосильной работы и обеспечивающих им возможность получить элементарное или техническое образование, выработало проект о мерах к ограничению работы

[1]) Новое Время от 5 мая 1883 г.

и школьном образовании малолетков и подростков в промышленных заведениях, которому суждено было стать поворотным пунктом в правительственной политике по рабочему вопросу. На основании правил 1 июня 1882 г. привлечение детей моложе 12 лет к работам на фабриках, заводах и мануфактурах было запрещено. Малолетние от 12 до 15 лет не должны работать более 8 часов в сутки и 4 часов подряд. Ночная работа между 9 ч. вечера и 5 ч. утра для них также не допускается, равно как и работа в воскресные и праздничные дни. Министру финансов предоставлялось право составлять списки особо вредных работ и производств, к участию в которых малолетние вообще не должны допускаться. На фабрикантов возлагается обязанность предоставлять возможность посещать школу тем малолетним, которые не имели свидетельства об окончании курса в начальном училище, на что отводилось 3 часа в день или 18 часов в неделю. Для наблюдения за исполнением закона вводился институт фабричных инспекторов [1]). Последние сначала были учреждены только в четырех округах, но затем законом 12 июня 1884 г. надзор их стал распространяться уже на 60 губерний, т.-е. всю Европейскую Россию вместе с Царством Польским.

10 февраля 1884 г. положением комитета министров была учреждена по примеру Петербурга комиссия по фабрично-заводским делам также и в Москве. В отчете Петербургского градоначальника за 1882 г. удостоверялось, что с учреждением комиссии „настроение фабрично-заводского населения улучшилось: рабочие получили уверенность, что правительство не оставляет своими попечениями улучшения их материального быта и санитарной обстановки и что отныне они имеют возможность законным путем получать восстановление нарушаемой иногда в отношении их справедливости. Такое настроение рабочих составляет, без сомнения, наилучший оплот против возможности распространения в их среде зловредных учений, направленных к совращению их с пути порядка и спокойствия". Поэтому и срок действия комиссии был продлен еще на три года.

Вскоре после этого, 3 июня 1885 г. был издан закон, запрещающий ночную работу для женщин и подростков на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках [2]) Как известно, за промышленным оживлением конца семидесятых годов последовал кризис, особенно тяжело отразившийся на

[1]) 3-е полное собрание законов, за № 906.
[2]) 3-е полн. собр. законов, № 3913.

хлопчатобумажной промышленности. В 1883 г. многие бумагопрядильни Петербурга сократили производство и распустили значительную часть рабочих. Это дало повод С.-Петербургскому градоначальнику Грессеру пригласить прядильных фабрикантов для выяснения причины сокращения работ. Приглашенные фабриканты заявили, что это сокращение вызывается кризисом и что единственным средством для устранения его является повсеместное воспрещение ночных работ. В виду этого они подали прошение, в котором ходатайствовали об издании закона, запрещающего ночные работы несовершеннолетним и женщинам, с той целью, чтобы содействовать сокращению производства, которое достигло в последнее время столь значительных размеров, что переполнились товаром все рынки" [1]).

Хотя со стороны московских фабрикантов, где ночные работы получили наибольшее распространение, это ходатайство встретило сильную оппозицию, однако точка зрения петербургских промышленников получила перевес, так как ослабление кризиса обещало внести успокоение в среду рабочих, волнения которых так опасалось правительство.

Закон 3 июня 1885 г. был издан сначала в виде опыта на три года, но затем не только сохранился в качестве постоянной меры, но и постепенно распространялся на все прочие отрасли промышленности по обработке волокнистых веществ. Так как, однако, даже среди рабочих возникало иногда опасение, что запрещение ночной работы женщин и подростков может повести к прекращению вообще ночных смен, т.-е. к сокращению производства и усилению безработицы, то для облегчения перехода к двухкомплектной дневной работе министерство внутренних дел по соглашению с министром финансов разрешило считать ночным временем на фабриках, пользующихся двумя сменами женщин и подростков по 9 часов в каждой, период суток от 10 ч. вечера до 4 ч. утра.

Между тем рабочие волнения середины восьмидесятых годов вскрыли с полной очевидностью еще целый ряд темных сторон фабричной жизни. Под влиянием известной стачки на мануфактуре Саввы Морозова в Орехове-Зуеве, где работало до 8.000 человек, министр внутренних дел 4 февраля 1885 г. сообщает министру финансов о настоятельной необходимости „приступить к составлению таких нормальных правил, которые, ограничивая в известной степени произвол фабрикантов, способствовали бы устранению в будущем прискорбных случаев, имевших место в Московской и Владимирской губерниях".

[1]) М. Туган-Барановский. Русская фабрика. 1898 г. 383—5 стр.

Комиссии под председательством Плеве, которая разрабатывала проект ограничения ночной работы женщин, поручено было также урегулирование и этого нового вопроса. Последняя констатировала крайне угнетенное состояние рабочих как вследствие сокращения заработной платы в связи с промышленным кризисом, так и от произвольных штрафов, достигающих иногда 40 и более %. „Такое положение дела—говорится в записке департамента полиции,—порождая недовольство среди рабочего люда и приучая его к самоуправству в виде стачек и шумных беспорядков, может быть по справедливости названо угрожающим общественному порядку и спокойствию и представляет благоприятную почву для распространения превратных учений", тем более, что пользование военной силой в таких случаях едва ли может быть желательно, потому что „в глазах раздраженного современными условиями фабричного быта рабочих она является не для прекращения и предупреждения насилия и самосуда, а для защиты произвола фабрикантов".

Результатом работ означенной комиссии явился обширный закон 3 июня 1886 г., который широко проводил принцип правительственной регламентации таких сторон рабочей жизни, которые раньше предоставлялись свободному усмотрению сторон. Так, им предписывается производить выдачу заработной платы при договоре на срок более месяца—один раз в месяц, а при найме на срок не определенный или короче месяца—два раза в месяц. Расплата с рабочими вместо денег купонами, хлебом, товарами и иными предметами воспрещается. При производстве рабочим платежей не дозволяется делать вычетов на уплату их долгов. Заведывающему фабрикой воспрещается взимать проценты за деньги, выданные им в ссуду, а также брать плату за врачебную помощь, освещение мастерских и пользование орудиями производства. Договор найма может быть расторгнут заведующим фабрикою в случае дерзости или дурного поведения рабочего, если оно угрожает имущественным интересам фабрики или личной безопасности кого-либо из лиц, принадлежащих к составу фабричного управления. Рабочему же предоставляется требовать расторжения договора в случае неполучения платы, побоев, тяжких оскорблений, нарушения условий по снабжению рабочих пищей и помещением, а также вследствие работы, разрушительно действующей на его здоровье.

Для надзора за соблюдением на фабриках порядка и благоустройства в более промышленных местах создается особый орган—губернские по фабричным делам присутствия, состоя-

щие из представителей администрации, суда, земства и городского самоуправления (последние были затем заменены фабрикантами) при участии фабричного инспектора. Но представителей от рабочих не было и это обстоятельство бросает яркий свет на ту двухсмысленную позицию, которую продолжала занимать государственная власть по отношению к труду. Наличность систематических притеснений и злоупотреблений своим положением со стороны предпринимателей неоднократно констатировалась в официальных записках, но от того, чтобы узнать правду и вместе с тем действительную причину волнений из уст самих рабочих, самодержавная власть уклонилась, не замечая, что такая закулисная политика еще более революционизирует рабочие массы.

Интересно отметить, что уже в 1867 г. при возбуждении вопроса об образовании комиссии (Игнатьева) для пересмотра устава о найме министром юстиции Замятниным была высказана мысль о желательности приглашения в ней наравне с хозяевами и представителей от рабочих разных отраслей промышленности. Однако, эта простая—казалось бы—мысль, логически вытекающая из признанной в законе равноправности сторон, оставалась неосуществленной в течение всего рассматриваемого периода вплоть до 1905 г., когда в комиссию Шидловского впервые были приглашены представители труда...

В тех губерниях, где вводились фабричные присутствия, наем рабочих должен по закону 1886 г. производиться лишь на основании утвержденных им расчетных книжек, в которые заносились, с одной стороны, имя рабочего, его паспорт, размер заработной платы, основания ее исчисления, сроки платежа, правила внутреннего распорядка и т. п., а с другой—отмечались все выдачи, вычеты и взыскания. Налагать штрафы предпринимателям предоставлялось лишь в случаях: 1) неисправной работы, 2) прогула и 3) нарушения порядка; при этом размер их не должен превышать $^1/_3$ причитающейся рабочему суммы и поступают они не в кассу предприятия, а в особый фонд, которым распоряжается последнее лишь в интересах удовлетворения нужд своих рабочих.

Присутствиям предоставлялось затем право издавать обязательные постановления о мерах, которые должны быть соблюдаемы для охранения жизни, здоровья и нравственности рабочих во время работы и при помещении их в фабричных зданиях, а также в отношении врачебной помощи [1]).

[1]) 3-е полное собр. законов. № 3769.

Открывая новую эру законодательной охраны труда по примеру Запада, правительство, однако, сделало все возможное, чтобы лишить ее серьезного социального значения. Попытки умеренно-либеральных кругов общества европеизировать несколько с помощью новых законов патриархальный быт нашей промышленности встретили яростный отпор со стороны Московского района, который считался столпом отечества. Благонамереннейший проф. Ив. Янжул, отчет которого о фабричном быте Московской губ. получил широкую известность, был заподозрен в социализме и его заставили уйти с поста фабричного инспектора. Дальнейшие отчеты фабричных инспекторов перестали уже публиковаться, а их самих новый министр финансов Вышнеградский обещал фабрикантам превратить в „становых приставов“...[1]) Необходимость государственного вмешательства была, однако, настолько очевидна, что вернуться на старую позицию было уже невозможно.

Вслед за рабочими в фабричной промышленности на очередь был выдвинут вопрос о транспортных рабочих. Крушения на железных дорогах, затрагивающие интересы не только занятых на них служащих, но и широкой публики вообще, побудили правительство еще в 1878 г. издать специальный закон об ответственности владельцев железнодорожных и пароходных предприятий, проводящий ту точку зрения, которая по отношению к другим отраслям промышленности получила себе признание лишь в начале следующего столетия. Согласно этому закону, владельцы означенных предприятий (казна, общества и частные лица) освобождаются от обязанности вознаграждать за вред или убыток, причиненный кому бы то ни было при их эксплоатации, только в том случае, если докажут, что несчастие произошло не по вине управления предприятием или же вследствие воздействия непреодолимой силы. Вознаграждение определяется соразмерно полученному ущербу и выдается, согласно желанию потерпевшего, в виде или единовременной суммы, или периодических пособий[2]). После разрешения этого принципиального вопроса не трудно уже было перейти к организации вспомогательных касс для служащих и рабочих. 11 ноября 1887 г. министром путей сообщения были утверждены временные правила о выдаче ежегодных денежных пособий получившим увечье служащим на казенных железных дорогах:—а) семействам служащих.

[1]) И. Янжул. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. 1907 г. В. Безобразов. Наблюдения и соображения относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции.
[2]) 2-е полное собр. законов. № 58111.

умерших от увечья, и служащим, которые лишились навсегда способности к дальнейшему труду, в размере половины последнего оклада, и б) лицам, которые могут продолжать службу, но в должностях, более легких и оплачивающихся меньшим окладом, в размере половины разницы между старым и новым окладом. А 30 мая следующего года появляется закон, обязывающий общества всех частных ж. д. учреждать для своих служащих и рабочих пенсионные или сберегательно-вспомогательные кассы для выдачи пенсий или единовременных денежных пособий.

Средства кассы составляют: 1) единовременные вычеты из жалования, производящиеся при поступлении на службу в размере, определяемом уставом. 2) ежемесячные в размере 6% вычеты из содержания участников, если оно не превышает 2.400 р. в год и 3) приплата со стороны управления ж. д. в половинном размере. Участниками кассы состоят все лица обоего пола, находящиеся на постоянной службе в железнодорожном обществе [1]).

Труднее было организовать кассы в предприятиях водного транспорта, носящих сезонный характер, и так как рабочие их не беспокоили правительства своими стачками, то оно и не торопилось принимать каких-нибудь мер.

Но о фабрично-заводских рабочих приходилось думать.

В начале 1889 г. министром финансов Вышнеградским была внесена в государственный совет записка по вопросу об ответственности владельцев промышленных предприятий за увечье и смерть рабочих. В основу предлагаемого им проекта были положены соображения, выработанные Советом Торговли и Мануфактур, согласно которым предприниматели по примеру железнодорожных и пароходных компаний освобождаются от ответственности только в том случае, если 1) докажут, что несчастье произошло не по их вине и что ими были приняты все меры предосторожности, или 2) при наличности действия непреодолимой силы. В случае полной неспособности к труду пенсия пострадавшему назначается в размере полного оклада содержания, при неполной же—в процентном отношении к последнему годовому заработку; вместо пенсии может выдаваться единовременное пособие в шестикратном размере последнего годового оклада. Этот проект был передан на заключение различных ведомств, при чем Вышнеградский уступил место Витте, который счел нужным подвергнуть вопрос новой разработке.

[1]) 3-е полное собр. законов, № 5263.

Новый проект возлагал на владельцев фабрик, заводов, строительных работ и горных промыслов обязанность вознаграждать за вред и убытки не только в случае смерти или увечья, но и повреждений в здоровье, происходящих от профессиональных заболеваний. При полной неспособности к труду пенсия пострадавшему назначается в размере полного последнего годового оклада, а при неполной—сообразно ослаблению трудоспособности.

В случае смерти выдается вознаграждение на погребение в размере 20 р. и пенсия членам семьи, в общей сложности не свыше 60% последнего полного годового оклада. Внесенный 15 марта 1893 г. в Государственный Совет, этот проект был им рассмотрен 24 мая, при чем вследствие встретившихся разногласий дело было возвращено в гражданский департамент для новой разработки.

Когда же с окончанием этих работ предположено было поставить вопрос на обсуждение в пленарном заседании Государственного Совета, Витте неожиданно обратился 18 ноября 1896 г. к председателю с просьбой об отложении его на том основании, что представленный им проект уже „не удовлетворяет тем требованиям, которые пред'являются жизнью", и с высочайшего разрешения дело ему было возвращено [1]).

Законом 9 марта 1892 г. правила о найме рабочих, установленные в предшествующее десятилетие для фабричной промышленности, были распространены также на частные горные промыслы (кроме золотых приисков). Надзор за соблюдением должного порядка и благоустройства возлагался здесь на присутствия по горнозаводским делам, а права и обязанности фабричных инспекторов присвоивались окружным инженерам и их помощникам.

Выдача расчетной книжки рабочим делается обязательной. Малолетние, не достигшие 15 лет, и женщины не допускаются к ночным работам, а равно и к работам внутри рудников. Работа для малолетних сверх того не должна превышать 8 часов в сутки.

Предметы потребления в устраиваемых заводоуправлениями лавках должны продаваться по ценам не выше утверждаемых окружными инженерами.

Разрешается устраивать на частных промыслах и заводах, по обоюдному согласию заводовладельцев и работающих людей,

[1]) Архив Государственного Совета, дело по журналу № 64 за 1893 год.

горнозаводские товарищества, имеющие целью разбор возникающих между рабочими несогласий, попечение о рабочих в болезни, старости и при домашних несчастиях, призрение вдов и сирот, распространение нравственности среди рабочего населения и иные меры, полезные для его благосостояния—применительно к правилам о таковых же товариществах при казенных заводах [1]).

20 февраля 1895 г. появляется закон о найме рабочих на частные золотые промыслы.

Определение продолжительности рабочего дня предоставлялось им, как и в правилах 1870 г., свободному соглашению сторон [2]), но работам в праздничные дни был уже положен известный предел. Как известно, пользуясь предоставленной им свободой, золотопромышленники вносили в контракты пункты, обязывающие нанимающихся работать ежедневно, не исключая воскресений; для восстановления сил отводилось обычно всего только 9 — 13 дней в году. Новым законом предписывалось освобождать рабочих от работ в зимнее время (с 1 октября по 1 апреля) не только по воскресеньям, но и в течение 23 других праздничных дней; в летний же период рабочим предоставлялось по два свободных дня в месяц.

Малолетние рабочие от 12 до 15 лет и женщины не допускаются к работам внутри рудников и к ночным работам, каковыми считаются работы, производимые весною и летом между 9 ч. вечера и 5 ч. утра, а осенью и зимою — между 6 ч. вечера и 6 ч. утра. Малолетние рабочие сверх того не должны быть занимаемы работою более 8 часов в сутки.

Что же касается жилищных условий, пищевого довольствия и врачебной помощи, то регулирование всех этих вопросов возлагалось на горнозаводские присутствия. К числу положительных сторон закона 1895 г. нужно отнести также то, что в нем не содержится уже более упоминания о партионных

---

[1]) 3-е полное собр. законов, № 8402.

[2]) По первой редакции проекта в договор найма могло быть вносимо обязательство работать не более как с 5 часов утра до 7 часов пополудни с промежутками на обеденный отдых не менее 2 часов, т.-е. продолжительность рабочего дня определялась в 12 час. с запрещением ночных работ. Но в Горном Совете эта статья была заменена другой, согласно которой число рабочих часов в сутки на промыслах не должно превышать для каждого рабочего 16, включая в это число время на чай, обед и ужин. В конце концов, однако, восторжествовало мнение члена Горного Совета А. Штофа, что при отсутствии закона, ограничивающего продолжительность работ для взрослых в какой бы то ни было отрасли промышленности, „едва ли благоразумно начинать это дело с той именно отрасли производства, которая представляет наименее удобные условия надзора".

расправах и о праве горных исправников подвергать рабочих из ссыльно-поселенцев телесному наказанию [1]).

Вскоре затем получил разрешение вопрос и об ограничении рабочего дня взрослых, перед которым до сих пор правительство останавливалось в нерешительности.

Первое ходатайство этого рода было возбуждено петербургскими фабрикантами еще в 1883 г. С начала девяностых годов заявления о необходимости издания закона, определяющего продолжительность рабочего времени, стали поступать в министерство финансов все чаще и чаще как от отдельных фабрикантов, так и от целых обществ. Наконец летом 1896 года в Петербурге вспыхнула стачка, охватившая почти все прядильно-ткацкие заведения; она продолжалась с 24 мая по 17 июня, при чем бывали моменты, когда одновременно бастовало более 30.000 ткачей. И главным пунктом в требованиях рабочих, которые были выработаны собранием представителей от фабрик в количестве около 100 человек и напечатаны в особом листке, являлось сокращение рабочего дня с 12—14 до $10^1/_2$ часов. Под влиянием этой стачки вопрос об ограничении рабочего дня сдвинулся с мертвой точки.

Правда, на заседании 20 декабря того же года, происходившем под председательством министра финансов Витте, фабрикантами и фабричными инспекторами было высказано единодушное мнение, что причина беспорядков заключается не в продолжительности рабочего дня, а в подстрекательстве пропагандистов, нарушивших и нарушающих с поразительной дерзостью спокойное течение промышленной жизни. Однако в Особом Совещании под председательством обер-прокурора святейшего синода (!) из министров внутренних дел, юстиции и финансов Победоносцев рекомендовал отнестись к вопросу „проще. ...Если бы правительство своевременно пошло на встречу ходатайствам фабрикантов, то он (т.-е. вопрос) не имел бы ни тех размеров, ни того освещения, как ныне. ...Указывают на то, что закон не успокоит умов рабочих, что они в требованиях своих пойдут дальше... Да, восьмичасовая норма, 1 мая и многое другое—это бездна, в которую стремится человечество. Но у нас все это—чужое, наносное и отражается своеобразно. У нас нет условий, которые существуют на западе; до сих пор еще у нас удерживаются патриархальные отношения между фабрикантами и рабочими, не порвана связь с землею. ...Несомненно, что часть рабочих, благоразумных, встретит закон о нормировке рабочего времени, как доказательство высочай-

[1]) 3-е полное собр. законов, № 11391.

шей милости и заботливости правительства. Для другой же части рабочих издание закона будет безразлично, так как эта часть идет всюду, куда ни поведут ее вожаки" [1])...

Эта точка зрения восторжествовала, и заключение совещания получило 23 января высочайшее одобрение. Таким образом, хотя мысль о том, что рабочие посмотрят на ограничение рабочего времени, как на вынужденную уступку, и отравляла сознание правящих сфер, однако, в интересах высшей политики признано было необходимым сделать шаг в ту „бездну, в которую стремится человечество". Согласно закону 2 июня 1897 г., дневное рабочее время не должно превышать $11^1/_2$ часов в сутки, а по субботам и в канупы двунадесятых праздников — 10 ч. Для рабочих, занятых хотя бы отчасти в ночное время, рабочее время не должно превышать 10 ч. в сутки. При рудничных работах время, употребляемое рабочим на спуск в рудник и на под'ем из него, считается рабочим временем.

В росписание праздников, в которые не полагается производить работы, обязательно включаются все воскресные и следующие праздничные дни: 1 и 6 января, 25 марта, 6 и 15 августа, 8 сентября, 25 и 26 декабря, пятница и суббота страстной недели, день вознесенья и второй день сошествия св. духа.

Сверхурочные работы допускаются не иначе, как по особому соглашению заведывающего промышленным предприятием с рабочими. В договоре найма могут быть включаемы условия только о таких сверхурочных работах, которые оказываются необходимыми по техническим условиям производства. Продолжительность подобного рода сверхурочных работ не ограничена законом, те же сверхурочные работы, которые не включены в договор найма, не должны превышать 120 часов в год.

Подлежащим министрам предоставлялось право, по соглашению с министром внутренних дел, допускать отступления от требований настоящего узаконения в смысле усиления или уменьшения их, когда это будет признано необходимым по свойству производства (непрерывность и проч.) или по свойству работ (уход за паровыми котлами, приводами, ремонт текущий и экстренный) и в других особо важных и исключительных

---

[1]) Записка департамента Торговли и Мануфактур об ограничении и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности от 15 марта и 5 апреля 1897 г.—Журнал заседания соединенных департаментов Государственного Совета 24 апреля, 1 и 8 мая 1897 года.

случаях—для отдельных отраслей промышленности или отдельных заведений и разрядов рабочих [1]).

Закон 2 июня побудил и Министерство Путей Сообщения обратить внимание на чрезмерную продолжительность труда некоторых категорий железнодорожных служащих. Циркуляром д-та ж. д. 1897 г. внушалось, что беспрерывное 24-часовое дежурство как телеграфистов при аппаратах по приему и передаче путевых депеш, так и стрелочников и сигналистов при их постах отнюдь не должно быть допускаемо. Очередное дежурство каждого телеграфиста при аппаратах по приему и передаче путевых депеш не должно быть свыше 12 часов, после чего столько же часов беспрерывного отдыха; на станциях же со значительной корреспонденцией продолжительность дежурства должна быть не более 8 часов в сутки. Условия непрерывной службы, определенные для сигналистов при постах и стрелочников циркуляром Д-та ж. д. 2 сентября 1893 г., должны быть отменены и взамен сего восстановлено действие циркуляра 21 февраля 1890 г. (Согласно этому последнему продолжительность очередного дежурства стрелочников и сигналистов на постах с бойким движением, когда требуется безотлагательное пребывание на посту, должно быть не более 8 часов с неменьшим беспрерывным отдыхом после дежурства и с назначением через два дня в третий отдыха в течение целых суток; на постах же с малым движением продолжительность дежурства может быть доведена до 12 часов, при чем часы смены с дежурства должны быть расчитаны так, чтобы время дня и ночи распределялось между всеми стрелочниками одного и того же поста).

Для вышеупомянутых служащих всей станционной территории время, употребленное на проход от места жительства на станцию и обратно, не должно входить в учет времени, определенного на отдых.

15 мая 1901 г. были проведены временные правила о пенсиях рабочим казенных горных заводов и рудников, которые представляют большой интерес в том отношении, что устанавливают право потерпевшего рабочего на вознаграждение не только в случае увечья, но и в случае потери трудоспособности от профессиональных заболеваний. При полной утрате

[1]) Изданными 8 декабря 1897 г. министром земледелия и госуд. имуществ правилами о продолжительности и распределении рабочего времени на горных заводах и промыслах устанавливается, что при непрерывных работах общее число рабочих часов в течение двух последовательных суток не должно превосходить для каждого рабочего вообще 24, в течение же тех двух суток, на которые приходится ломка смен—30.

трудоспособности пенсия назначается независимо от пола и возраста пожизненно в размере $^2/_3$ среднего годового заработка потерпевшего. Оставшейся после смерти его вдове пенсия определяется в половинном размере той суммы, на которую имеет право сам пострадавший. Круглым сиротам пенсия полагается в следующем размере: одному или двум детям — по одной трети каждому, а трем и более — в размере всей пенсии, на которую имел право отец или мать их. При этом рабочие пользуются этими пенсиями независимо от прочих пособий и пенсий, которые могут им следовать из вспомогательных касс, состоящих при горнозаводских товариществах. В целях уравнения прав женщин на вознаграждение разъяснено было, что если они исполняют постоянные работы на казенных заводах и рудниках, то могут быть членами горнозаводских товариществ [1]).

Два года спустя, 2 июня 1903 г., появляется, затем закон, регулирующий некоторые стороны данного вопроса и в частной промышленности.

Согласно этому последнему при несчастных случаях в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности владельцы обязаны вознаграждать рабочих за утрату долее чем на три дня трудоспособности от телесного повреждения, причиненного им работами по производству предприятия или происшедшего вследствие таковых работ. Если последствием несчастного случая была смерть рабочего, то вознаграждением пользуются члены его семейства. Владелец предприятия освобождается от обязанности вознаграждать рабочих и членов их семейств только в том случае, если докажет, что причиною несчастного случая была вина самого потерпевшего. Потеря трудоспособности, последовавшая от профессиональных болезней, законом не предусматривается.

Вознаграждение производится в виде пособий и пенсий. Пособия назначаются со дня несчастного случая по день восстановления трудоспособности или признания утраты ее постоянной в размере половины действительного заработка потерпевшего. Пенсии назначаются в случаях постоянной утраты трудоспособности: при полной утрате ее в размере $^2/_3$ годового содержания потерпевшего, а при неполной — в уменьшенном размере, определяемом соответственно степени ослабления трудоспособности.

Независимо от этого вознаграждения владелец предприятия обязан оказывать получившим увечье бесплатную медицинскую

[1]) 3-е полное собр. законов, № 20087.

помощь, а в случае смерти — выдавать по 30 руб. на похороны взрослого и 15 р.—малолетнего.

Пенсии членам семейства производятся в размере следующих долей годового содержания умершего рабочего: вдове — $^1/_3$ пожизненно; детям обоего пола до достижения ими пятнадцатилетнего возраста—$^1/_6$ при жизни одного из родителей и $^1/_4$ круглым сиротам; родственникам в прямой восходящей линии—$^1/_6$ каждому пожизненно; братьям и сестрам, круглым сиротам, до достижения ими пятнадцатилетнего возраста—$^1/_6$. Но общая совокупность пенсий не должна при этом превышать $^2/_3$ годового заработка потерпевшего.

Наконец, 10 июня того же года был издан закон об учреждении старост в промышленных предприятиях. Согласно этому акту фабричным, заводским и промысловым управлениям предоставляется, с разрешения присутствия по фабричным или горнозаводским делам, распределять своих рабочих на разряды для выбора из своей среды кандидатов в старосты. Из числа избранных по каждому разряду кандидатов управление предприятием утверждает одного старостой данного разряда. Функции последнего заключаются в том, чтобы быть посредником между рабочими, с одной стороны, и администрацией—с другой. Для обсуждения вопросов, относящихся к кругу его ведения, старосте предоставляется собирать рабочих данного разряда в том месте и в то время, которое указывается управлением, при чем староста наблюдает за сохранением порядка. Для обсуждения же дел, относящихся к нескольким разрядам, собираются исключительно старосты этих разрядов; таким образом общих собраний рабочих всего предприятия не допускается.

По распоряжению губернатора старосты, не удовлетворяющие своему назначению, могут быть устранены до истечения срока своих полномочий.

Что послужило поводом к изданию этого закона? Как указывается в об'яснительной записке отдела промышленности, „изучение условий, при которых возникают волнения и беспорядки среди рабочих фабрично-заводской и горной промышленности, привело министерство финансов к убеждению, что одной из важных причин, обусловливающих нарушение спокойного течения фабричной жизни, является крайняя трудность для фабричного управления и для чинов правительственного надзора выяснения истинных желаний и нужд рабочих как при нормальном ходе фабрик, так в особенности в то время, когда уже возникли неудовольствия и волнения".

Правда, промышленники петербургского района и царства польского отнеслись отрицательно к проекту, находя, что организация рабочих в таком виде „облегчает воздействие на рабочие массы со стороны беспокойных зачинщиков и политических агитаторов, участие которых в большинстве случаев беспорядков установлено вполне достоверно.

Так же организация облегчит и ускорит подчинение русских рабочих международной организации рабочих и, конечно, откроет русскую рабочую среду влиянию международных рабочих идеалов, полезность чего для России еще не вполне доказана". Однако, представители московского района заняли иную позицию, считая, что проект „значительно облегчил бы взаимные сношения между заводчиками и рабочими. В настоящее время даже в случае спокойного хода работ, а тем более во время беспорядков никакие об'яснения с рабочими невозможны, и владельцы фабрик совершенно не в состоянии отдать себе отчет в желаниях и настроениях своих рабочих.

Между тем при всем сознании полезности посредников учредить их нельзя, так как закон этого не разрешает. В свою очередь, по об'яснению начальника Сестрорецкого оружейного завода, разделяющего воззрения московских фабрикантов, представители, избираемые иногда рабочими, но не признаваемые таковыми в силу закона, стесняются с должной откровенностью доводить до сведения начальствующих лиц истинные нужды и пожелания рабочих".

Эта точка зрения была поддержана также представителем уральской горной промышленности, который отметил, что на многих заводах институт выборных уже существует, хотя последние избираются для отдельной какой-нибудь надобности. Министр внутренних дел Плеве также признал необходимой надлежащую организацию рабочих и в частности учреждение рабочих старост—в интересах наиболее правильного руководства рабочими массами, ибо трудно иметь дело с массой недисциплинированной и необ'единенной [1].

Однако, время уже было упущено. „Попытки применения закона 10 июня 1903 г. о старостах — читаем мы в своде отчетов фабричных инспекторов за 1905 г.—нигде не привели ни к чему. Во многих губерниях были даже совещания фабрикантов и совокупные стремления их ввести институт старост, на очень многих крупных фабриках были даже выбраны старосты, но все это быстро исчезло вследствие полного недоверия

[1]) Архив государств. совета. Протокол заседаний соединенных департаментов 2, 7 и 9 мая и журнал общего собрания 31 мая 1903 г.

рабочих к этому институту, обусловливающегося, главным образом, правом вмешательства в выборы старост владельцев фабрик и местной административной власти. Старосты, выбранные на основании закона, очень скоро были заменены свободно выбранными депутатами от рабочих и во многих случаях образовались даже примирительные институты из представителей обеих столкнувшихся сторон" (XV—XVI стр.).

Приближалась уже революция, которая должна была дать исход издавна накоплявшемуся в рабочих массах раздражению и поставить на очередь вопрос об общем пересмотре положения нового, созревшего для выступления на арену политической борьбы общественного класса.

ГЛАВА XI.

Рабочие организации.

Как уже известно читателю, почти единственной формой рабочих организаций в предшествующем периоде служили трудовые артели, которые находили себе применение в самых разнообразных сферах народной жизни.

Падение крепостного права принесло значительное оживление для артельного движения. Освобождение труда и уничтожение обязательных отношений подняли дух личной инициативы в трудящихся и увеличили стремление к изысканию новых средств для улучшения своего положения. Вместе с тем, среди передовых элементов нашего общества зародился определенный интерес к идее кооперации и появилась литература, пропагандировавшая необходимость ее применения во имя избежания ужасов пролетаризации населения, испытываемых на западе. Поэтому хотя капитализация народной промышленности не переставала итти своим, все усиливавшимся темпом, сфера приложения артельного начала стала все же более широкой и разнообразной. Некоторые старые формы (напр., артели бурлаков и чумаков) под влиянием изменения бытовых условий вымирают, но на ряду с этим появляются новые.

Вместо обязательных об'единений, требуемых законом 1838 г., на сибирских золотых промыслах стала распространяться в первой половине 60-х годов разработка приисков старателями-золотничниками, частью в виде самостоятельных артелей, частью в виде артелей, содержимых подрядчиками. В 70-х и 80-х годах эта система развилась еще более. С обеднением и измельчанием золотых приисков явилось стремление

к возможно большей экономии, и подобные артели, сокращающие расходы по содержанию многочисленной администрации и создающие особую заинтересованность рабочего в результатах его труда, служили хорошим средством для этого. По закону артели должны были составляться не менее, чем из 10 человек, но состав их обыкновенно колебался от 4 до 8, встречалось иногда и по два человека. За все свои работы как подготовительные (отвод воды, вскрытие торфа и пр.), так и непосредственно по добыче и промывке золота артели старателей получали вознаграждение с золотника. Несмотря на свойственный им риск, золотничные артели представляли для многих большую привлекательность. По словам одного автора (Пантелеева), „кто стал ходить на золотники, тот уже редко возвращается на общие работы, каковы бы ни были превратности золотничной работы". Работая самостоятельно, рабочий чувствует себя свободнее, изменяется даже его способ держать себя и говорить с начальством. Так как золотничные работы требуют от своих членов сметливости, осмотрительности, то замечено, что рабочие сильные и беспечные предпочитали оставаться в разряде общеконтрактных, где работа тяжелее, но не было нужды ломать себе голову.

Для заведывания делами артели старателями выбирался артельный староста, на обязанности которого лежит забота о нуждах артели, распределение работ между ее членами, сдача золота, наблюдение за правильной записью забираемых в приисковой лавке припасов, передача артели распоряжений приискового управления и т. д. Вознаграждение в артелях производилось пропорционально труду каждого; староста оплачивался особо. Если кто-либо из членов оставлял работу ранее конца операции по добровольному соглашению, то из его доли жалованья производился известный вычет. Старатели-золотничники работали не на хозяйской, а на своей нище, забирая припасы и нужные им вещи в счет заработка из приисковых лавок. Жилища же им отводились обыкновенно от приискового управления, нередко, однако, с обязанностью производить в них необходимые исправления; отопление же и освещение они принимали на свой счет [1]).

В некоторых округах, напр., в Канском и Нижнеудинском, более половины приисков разрабатывалось в 1879 и 1880 г.г. старателями, а количество золотничников значительно превосходило число общеконтрактных, доходя до 68% общего коли-

[1]) Семевский—рабочие на сибирских золотых приисках. Т. 2. 1898 г. Гл. IX.

чества. Точно так же в Амурской области старательские работы преобладали на приисках в 90-х годах.

Интересно отметить, что в 1873 г. кабинетские золотые промыслы на Алтае перестали разрабатываться самостоятельно и переданы были целиком старателям-золотничникам за известную плату с золотника. Старатели, которыми могли быть все лица свободных состояний, кроме ссыльно-поселенцев, должны были составлять артели не менее десяти человек; каждая выбирала из своей среды старшего, который сдавал золото за всю артель и получал расчет от смотрителя, а также припасы и инструменты. По расчетному листку старший расчитывался со своей артелью; на ответственности его лежала правильная сдача золота, и он отвечал в случае его утайки. Все артели вместе избирали двух выборных, а смотритель — старосту, которые и составляли втроем артельную расправу.

Подобные артели существовали и на Урале. Здесь их деятельность в некоторых случаях носила более широкий и самостоятельный характер: нередко они на свой страх и риск производили не только разработку россыпей, но и разведки новых месторождений золота.

Вследствие непостоянства самого характера работ, артели устраивались обыкновенно на тот период времени, в который можно надеяться кончить разработку взятого участка; но случается, что одна и та же артель в полном своем составе переходит после разработки одного участка к другому. Так как для производства золотопромывальных работ, вследствие немногосложности их в техническом отношении, не требуется большого количества рук, то число членов артели обыкновенно ограничивается 5—10 человеками, хотя нередко достигает и более высокой цифры. Вследствие незначительности обязательств, соединенных со вступлением в артель, а также вследствие того, что долговременная практика достаточно ясно обозначила эти обязательства, между членами письменных договоров не заключалось, а все делалось на слове, при чем достаточной гарантией служил самый интерес рабочих в успехе деятельности артели. Распределение вырученных денег производилось или в определенные сроки, обычно понедельно, или по мере накопления заработка. Дележ заработка артельщики любят производить круглыми цифрами и часто обрезки, остающиеся при этом, употребляют на какое-либо общее дело, напр., делают вклад в церковь, устраивают попойку и т. п. Когда наличных сил артели оказывается недостаточно для разработки данного участка, она прибегает к найму поденщиков

за обыкновенную плату от лица всей артели и оплачивает из общих средств [1]).

Артельная форма находила себе применение также среди грузчиков, возчиков, каменщиков и плотников, которые издавна привыкли вступать в об'единения, отправляясь на промысел.

Артели бендюжников или дрогалей сосредоточиваются в южно-русских портах—Одессе, Николаеве, Херсоне, Севастополе, Керчи, Бердичеве, Ейске, Мариуполе, Таганроге и Ростове на Дону со специальной целью перевозить хлеб из магазинов в магазины и на суда или обратно; но они занимаются также доставкой из судов в город каменного угля, железа, фруктов и пр., или перевозкой различных тяжестей и мебели по городу. Среди них существует две формы.

В первой—артельное начало выражается лишь по отношению к взаимной гарантии и отстаиванию друг друга при работе, когда в одном и том же месте работает значительное количество рабочего люда,—далее этого артели не идут, каждый член ведет самостоятельно свою жизнь, траты и расчеты; никаких соподчиненных отношений между ними не бывает, и только при уговорах с хозяевами артель выставляет из среды своей того или другого члена как бы в роли старосты.

Более чистую и совершенную форму представляют артели, в которых каждый член участвует непосредственно в снимаемых артелью работах и имеет одну или несколько лошадей и повозку. Живут эти артели вместе на одной квартире, харчуясь из общего котла; но даже в таких случаях почти всегда каждый член содержит свою лошадь на свой счет независимо. Работы производятся гуртом, сообща всей артелью, и в тех случаях, когда одному или нескольким членам приходится работать отдельно, — общий поденный заработок считается артельной выручкой, так что дележ заработков производится большей частью пропорционально количеству рабочих рук или повозок. Сообразно с этим и самые артели составляются так, чтобы было по возможности равное участие труда и капитала со стороны каждого члена. Для управления общим ходом дел артель выбирает старосту, который и ведет артельные расчеты с хозяевами, не получая впрочем никакого вознаграждения за это. Остальные члены—равноправные участники артели.

„Артели плотников и каменщиков—артели чисто великорусского типа, состоящие из совершенно самостоятельных и равноправных рабочих, равномерно распределяющих между собою

[1]) Сборник материалов об артелях. Вып. I. 1873 г. Р. Попов. горнозаводские артели „старателей". А. Шаев. артели в России. 1881 г.

как труд, так и заработок. Но в этом чистом виде они составляют только незначительное меньшинство. Рядом с ними существуют и другого рода формы, уклонившиеся от своего чисто артельного характера и представляющие, так сказать, одну внешнюю оболочку без всякого внутреннего содержания. В таком виде эти формы служат только средством для наживы различного рода кулаков и рядчиков. ...Дело в том, что большинство описываемых артелей ютятся главным образом в городах, как, напр., в Одессе, Николаеве, Севастополе, Херсоне, Таганроге, Ростове на Дону, Екатеринославе, Керчи и пр., а городские работы отдаются большей частью с подряда". В Кубанской области встречаются подобные артели, существующие в течение только выполнения той или другой значительной работы, как постройки ветряной мельницы, церковной ограды, домов и пр., и состоящие из самых разнокалиберных элементов—казаков, солдат, великоруссов и малоруссов. Но они очень редки [1]).

С распространением каменно-угольной промышленности на юге России артельные навыки стали находить себе применение и здесь.

По данным обследования, произведенного екатеринославским земством в 1886 г., артели на рудниках получили уже большое распространение. Так, в Бахмутском уезде, на рудниках Шейермана, Нестеровой и Горнопромышленного общества работы производились ими преимущественно или даже исключительно. Артели составлялись отдельно для подземных и наружных работ в числе от 3 до 15 человек каждая. Работы артелями считаются более выгодными, так как они идут ровнее, да и наблюдение за ними легче, чем за одиночными „упряжными" рабочими. Но к важнейшим условиям, вследствие которых рудничные управления предпочитали иметь дело с артелями, относится несомненно тот пункт договора, на основании которого артель обязуется постоянно содержать такое число рабочих, какое нужно руднику; если у нее не хватает членов, то она должна нанять в недельный срок со стороны, в противном случае управление может нанять рабочих за счет артели. Все без исключения артельные рабочие на поверхности и под землею меняют по-очереди свои занятия и заработок делят поровну, за исключением мальчиков—погонщиков лошадей, которые нанимаются артелью особо.

Точно так же шахтовладельцы Славяносербского уезда, избегая местных рабочих, нанимали для постоянных работ артели

[1]) Ф. Щербина, Очерки южно-русских артелей. 1881 г., 326—372 стр.

из выходцев великорусских губерний. Артели эти нанимались с залогом в исправности работ и на условиях, весьма сходных с существовавшими на рудниках Нестеровой и Горнопромышленного общества, куда эти порядки были перенесены распорядителем последнего.

В некоторых районах трудовые артели приобретали уже характер производительных ассоциаций. Таковы шахты, разрабатываемые крестьянами на принадлежащих им землях. На земле, напр., села Железного, Бахмутского у., все крестьянские шахты—артельные, при чем в состав артели (10 человек) входят и богатые и бедные крестьяне, но инициатором дела всегда являются первые. Они вкладывают за бедных причитающуюся (равную) часть денег в общий капитал предприятия на покупку сруба для шахты, барабана, бадей, подпорок и т. п. и получают обратно эти деньги постепенно, по мере выручки за добытый и проданный каменный уголь. В виде процента бедные уплачивают за каждые 10 р. долга по одной четверти угля.

Разработка каменоломен в селе Луганском также производилась артельным способом; здесь их насчитывалось 47 с 207 членами. В течение года одни выбывали, другие вступали, но начатая яма обыкновенно заканчивалась артелью в ее первоначальном количественном составе. Всякий член артели обязан был иметь все необходимые инструменты, кроме бабы и кайла, приобретаемых за счет артели; починка инструментов также производилась за общий счет. Заработок делился поровну между всеми рабочими. Сбыт продуктов производился самой артелью, хотя некоторые из них находились в зависимости от барышников [1]).

В Славяносербском уезде крестьяне также в виде общего правила организовывались для добывания угля в небольшие артели из 5—6, редко 7—8 человек, из молодежи,—старики почти не встречались. Всего крестьянских шахт насчитывалось 107 и артелей было также 107 с 541 членом. Наемных рабочих обычно не имелось; только у государственных крестьян на 65 артелей с 294 членами приходилось 27 наемных рабочих. „Когда намереваются производить добычу угля, то предварительно сговариваются об основаниях своей внутренней организации... и просят разрешения у общества на розыски при условии закладки новой шахты... Открыв уголь, артель закладывает шахту, которая считается ее полной собственностью,

[1]) Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ. Том II, 1886 г., стр. 308, 367.

в особенности в тех случаях, если это происходит на собственной надельной земле государственных крестьян. При этом нужно заметить, что все участники в первоначальной закладке шахты считаются с равными правами на часть добываемого продукта. По числу их определяется число равных паев в шахте. Каждому забойщику, однако, предоставляется право разбивать свой пай на части и продать или передать другому одну из них на известных условиях".

Но и в предприятиях, организованных на капиталистических началах, артельная форма труда применялась в Славяносербском уезде очень часто. Так, непосредственно конторами было нанято поодиночке всего лишь 271 человек, через подрядчиков — 262 отдельных рабочих и 15 артелей с 237 челов.; наконец, самостоятельных артелей было нанято 31 с 798 рабочими.

Как мы видим, в рассматриваемое время трудовые артели были даже господствующей формой найма рабочих рук. Организация их происходила таким образом.

Некоторые из углекопов, толкаясь долго по рудникам, облюбовывают какой-либо из них, где и поселяются на более или менее продолжительное время, в иных случаях с семьями. Зная хорошо этих рабочих, знакомых с положением рудников и работами в недрах, контора, когда предполагается работа или открытие новой шахты, обращается к ним, чтобы они составили артель. Рабочий начинает списываться с родными и односельцами, которые набирают нужных рабочих в соседних селах. Если же таким путем ему не удается сделать набор, то остальные набираются из посторонних, приходящих на заработки из разных мест, или же из местных крестьян. Последним во многих случаях конторы сами указывают, к кому они должны записаться в артель. Другие же артели являются перед конторой в готовом виде, уже организованными. Они еще у себя на селе собираются партиями итти на заработки. Инициаторами в таких случаях являются горнорабочие, прежде работавшие на рудниках. Они выбираются распорядителями и представителями в артели, чтобы являться в конторы с предложением рабочих рук и для заключения условий [1])".

Новое явление представляют собою трудовые артели на горных заводах Урала. На Кушвинском, напр., заводе они существовали в кричном, листокотельном и ударно-трубочном цехах. Артели эти ежегодно заключали условия, которыми

[1]) Сборник статист. сведений по Екатерин. губ. 1886 г. Вып. III, стр. 278.

определялись существенные отношения как членов артели между собой, так и самой артели к заводоуправлению. За исполненные работы они получают задельную плату через особого доверенного, приобретая все необходимые припасы от заводоуправления по условленным ценам. Заработок между членами делился сообразно с количеством труда и его свойством. На Кушвинском заводе артели производили доменные и литейные работы [1].

Существование подобных же артелей было отмечено и на других горных заводах Урала.

К началу же 70-х годов относится возникновение трудовых об'единений в целом ряде других профессий: появляются артели посыльных, носильщиков при железных дорогах, грузчиков, парильщиков, маляров, мостовых рабочих и т. д.

Более сложный и трудный тип представляют собою производительные артели, берущие на себя функции организации производства и связи его с рынком, т.-е. закупку сырья и сбыт продуктов. При крепостном режиме этот тип был по вполне понятным причинам совсем неизвестен, и только с падением его проявления самодеятельности рабочих в этом направлении стали принимать более широкий характер.

Первым опытом устройства заводских артелей на Урале является, повидимому, Нижнетуринская механическая артель. Мастеровые, занимавшиеся сдельно изготовлением ударных трубок для артиллерийского ведомства, пришли в 1867 г. к мысли взять всю эту операцию на себя артелью. Начальник Гороблагодатских заводов Грамматчиков согласился в виде опыта предоставить им заказ на изготовление 33.000 трубок под условием приглашения особого руководителя. Первый подряд был выполнен вполне успешно, при чем трубки, стоившие раньше казне от 50 до 70 коп., обошлись в 44½ к. Под влиянием успеха число членов артели увеличилось с 60 до 150 человек, и на 1868 г. они получили новый заказ на 180.000 трубок с понижением цены на 4 коп. Членами артели были сделаны многие усовершенствования, и ручные работы стали заменяться машинными. Заказ 1869 г. составил 147.000, 1870 г.—216.000, 1871 г.—180.000 и 1872 г.—270.000 трубок по цене 38—37 коп. Кроме 153 членов работало в артели еще около 10 наемных рабочих. Заработной платы приходилось на члена, в среднем 259 р., не считая дивиденда. Средствами артели было устроено 20 самоточных и токарных станков, перенесена вся фабрика из Николаевского в Нижнетуринский завод

[1] Сборник пермского земства. 1874 г. № 1—4.

и от времени до времени исполнялись, хотя и в незначительном количестве, частные заказы. Но работы на всех не хватало в течение года, а большие частные заказы брать не разрешалось, и многим членам пришлось обратиться к земляным работам на приисках. Казенные заказы были переданы затем в Петербург, и это обстоятельство, вместе с отказом в утверждении устава, привели к закрытию артели [1]).

В 1870 г. главный начальник Уральских заводов Грамматчиков предложил также рабочим Екатеринбургского механического завода взять на себя окончание работ по производству лафет. Рабочие образовали артель под названием „Братство" из 87 человек. Артель должна была брать дрова и уголь из запасов монетного двора по заготовительной цене, материал же для производства и припасы иметь свои; кроме казенных заказов артель могла работать и по частным заказам, с платой в казну за пользование машинами 6% с суммы заказа.

В 1870 г. тверское губернское земство учредило ссудную кассу „для содействия развитию народного хозяйства и промышленности на артельном начале", при содействии которой организованы были сыроваренные, кузнечные (гвоздарные), сапожные, льняные и смолокуренные артели. Подобные же попытки были произведены вятлужским и олонецким земством. В тверской губернии к 1875 г. одних смолокуренных рабочих артелей насчитывалось уже до двадцати, которые об'единяли 200 человек. Но затем движение пошло под гору; земство в виду задолженности артелей прекратило выдачу ссуд, и артели постепенно стали распадаться.

Новый период оживления начинается с 90-х годов. Центром его является Пермская губерния, где земством был основан особый банк для выдачи ссуд кооперативным начинаниям. Но это отразилось почти исключительно на росте артелей кустарного типа. В области же рабочих артелей оживление стало обнаруживаться наиболее заметно в Мальцевском районе, где толчком к образованию артелей послужило сокращение работ на местных заводах под влиянием кризиса. Так, бывшие рабочие Чернятинско-Старской стеклянной фабрики вычитали где-то, что если завод окажется банкротом, то рабочие могут взять его на себя. В силу этого выборные их обратились с соответствующим предложением в конкурсное управление Мальцевских заводов, и благодаря содействию директора-распорядителя Стукалича весною 1890 г. образовалась артель, которой конкурсным управлением переданы были бесплатно (лишь с обяза-

[1]) Сборник материалов об артелях в России. Вып. I. 1873 г.

тельством ремонта зданий завода. Все необходимые для производства материалы артель забирала по определенной цене в конторе заводов, куда сдавала и выделанное стекло. Кроме того заводским управлением утверждались выборные должностные лица артели. В 1891 г. артель состояла из 244 мастеров, при которых работало 30 женщин и 70 детей. В 1893 г. работою было занято 452 души обоего пола. Другая заводская артель в этом же районе образовалась в 1889 г. в селе Любохне из 150 рабочих, взявших в свои руки чугунно-литейный завод. В 1891 г. получил утверждение устав артели литейщиков при чугунно-литейном заводе в с. Радице Брянского у. Орловской губ. С 1888 по 1891 г. существовала артель из 50 человек на Курганском гвоздильном заводе, прекратившая свою деятельность после того, как с прорывом платины уничтожился годный двигатель кузнечных мехов. В 1889 г. после смерти арендатории Абаканского железоделательного завода (в Минусинском округе Енисейской губ.) последний перешел в руки артели из 127 местных мастеров и рабочих [1]. Прочных следов однако эти производительные товарищества не оставили; редкое исключение составляет Павловская металлическая артель, которая, возникнув в 1890 г., дожила впоследствии до превращения в довольно крупную кооперативную фабрику. Другие же скоро распадались, и потому широких размеров движение не приняло.

Другой формой кооперации являются потребительные общества, возникновение которых относится исключительно к данному периоду.

При крепостном праве снабжение промышленных рабочих и служащих производилось обычно из тех магазинов, которые устраивались управлениями фабрик и заводов. На горных промыслах выдача хлебного продовольствия натурою рабочим и их семьям была обязательной; но и в тех отраслях, где таковой обязанности не существовало, устройство продовольственных лавок владельцами практиковалось в широких размерах. Получение натурою более или менее значительной части продуктов первой необходимости, естественно, ослабляло импульс к созданию тех или иных организаций, покоящихся на принципе самодеятельности. С другой стороны, попытки, предпринимавшиеся в некоторых случаях мастеровыми в этом направлении, встречали на своем пути существенные препятствия, коренившиеся в общих условиях того времени. Так, напр., когда на Алтайских заводах отпуск провианта производился за деньги

[1]) В. В. Артельные начинания русского общества. 1895 г.

по пониженным ценам, тогда рабочие пользовались правом выбирать из своей среды особых лиц для закупки муки и других припасов. Выбрав закупщиков, рабочие давали им инструкцию о цене, количестве и качестве продуктов; деньги же на покупку выдавались от заводской конторы, которая потом вычитала стоимость закупленных припасов из жалованья. Точно так же при заключении контрактов маркитантами заводское начальство призывало на торги мастеров и подмастерьев, как представителей интересов рабочих. Они торговались с маркитантами о цене на мясо, о времени открытия лавок и проч. и, с своей стороны, давали обязательство не покупать мяса у других продавцов. Но с 1786 г. выборные уполномоченные для закупок были упразднены, а затем перестали также призывать мастеров и подмастерьев на торги. В связи с этим усилились различные злоупотребления. Недовольные этим рабочие требовали возвращения к прежним порядкам, но добиться ничего не могли. Так, в 1797 г. в Саланрском руднике одна смена бергайеров единогласно предъявила различные жалобы на маркитантов и на то, что „главная команда" утвердила высокие цены на мясо, не спросив рабочих. Разобрав это дело, Саланрская горная контора нашла, что зачинщиков следовало бы, согласно Морскому регламенту, повесить, но в конце концов удовольствовалась тем, что велела их „бити жестоко прутьями". Подобное же дело возникло в 1810 г. — виновные были подвергнуты наказанию „трестьми".

Только с падением крепостного режима и отменой натуральных форм продовольствования рабочих стала постепенно складываться обстановка, благоприятствующая потребительской кооперации, которая на Западе в это время под влиянием обогащающего примера „Ротдельского общества справедливых пионеров" пользовалась уже широкой известностью. И, действительно, она появляется у нас в середине шестидесятых годов в виде так назыв. городских ассоциаций и специальных фабрично-заводских или железнодорожных потребительных обществ. Устав первого общества был утвержден в 1865 г.: это было „первое Рижское потребительное общество". В том же году утверждены уставы Ревельского общества и общества „Бережливость" в Петербурге. В следующем году возникли такие общества в Дерпте, Митаве, Перновс, Юрьеве, Нарве, Пскове и Курске, в 1867—69 г.г.—в Либаве, Киеве, Чернигове, Таганроге, Варшаве, Николаеве и др. городах.

Как видим, первые зачатки появлялись наиболее часто в Прибалтийских городах с большим процентом немецкого населения, в чем сказывалось влияние соседней Германии. Устав

Рижского общества был составлен по образцу Штутгартского, и инициаторы его предполагали даже пригласить в Ригу „отца" немецкого кооперативного движения Шульце-Делича для прочтения лекции о кооперации. По этому же типу организованы были и прочие немецкие общества, а затем уже их пример стал находить себе подражателей и в городах внутренней России. Учредителями обществ являлись деятели городского и земского самоуправления и представители интеллигенции, а членами состояли служащие разного рода, представители свободных профессий и уже на последнем месте—рабочие. Начавшись в значительной мере сверху, движение это долгое время не могло наладиться и окрепнуть. Вызывая при своем возникновении самые радужные надежды, эти общества быстро утрачивали интерес со стороны местного населения и нередко гибли после мимолетного существования [1]).

Иное наблюдается в тех обществах, которые возникли в рабочей среде: здесь не было, с одной стороны, восторженных ожиданий и увлечений, но не было также быстрого охлаждения и апатии—с другой.

Первый опыт устройства рабочего потребительного общества принадлежит Кыновскому заводу на Урале. В 1864 г. среди служащих возникла мысль о совместной выписке чая из Нижнего, а затем, когда этот опыт оказался удачным, стали производить закупку и других товаров. На первых порах никакой продажи не было, и полученный товар просто делился между теми, кто участвовал в коллективной подписке. Только в 1867 г. устраивается общественная лавка, но все еще без устава. Продажная цена была с надбавкой в 10%, которая шла на покрытие расходов и на образование запасного капитала. Для заведывания лавкой избирался распорядитель, который торговал в свободное время, от 2 до 5 часов, получая за это вознаграждение в размере 1% с вырученной суммы. В следующем году руководители дела получили от владельца завода Строганова ссуду в размере 6.000 р., благодаря которой оборот лавки повысился (в 1869 г.—до 15.380 р.). Из чистой прибыли 50% отчислялось в неприкосновенный капитал и 50% делились номинально между членами сообразно числу так назыв. ответственных паев, на которые разделен был запасный капитал, и сумме закупок из лавки,—каковые суммы считались как бы членскими взносами, не подлежащими выдаче до 1881 г., что дало возможность по прошествии десяти лет уплатить долг заводу. В 1870 г. лавка превратилась в общество с утвер-

[1]) Сборник материалов об артелях в России. Вып. III (1875 г.).

жденным уставом,—вначале было 49 членов. Оборот в первый операционный год достиг 24 тыс. р., а чистая прибыль—более трех тысяч руб. В 1874 г., сверх платы за ответственный пай, введена была вступная плата в 10 р., которая затем повысилась до 25 р. с вновь поступающих. Это замедляло приток новых членов, и только к началу девяностых годов число их достигло нескольких сотен. Но во всяком случае устойчивость организации и успешность ее деятельности служила ободряющим примером для других начинаний подобного рода.

В 1871 г. рабочие и мастеровые Александровского механического завода в Петербурге собрали 3.000 р. и открыли кооператив „Общая Польза". Одновременно возникает потребительское общество Невского механического завода, получившее при основании ссуду от заводоуправления в размере 20.000 р. на пятнадцать лет. В 1872 г. появляется первое потребительное общество железнодорожных служащих в Бологом на Николаевской дороге. Вслед за тем возникает целый ряд подобных организаций при различного рода промышленных предприятиях, и к 1890 г. их было уже 96.

Однако, возникновению потребительных рабочих обществ во многих случаях мешало существование на фабриках и заводах продовольственных лавок, принадлежащих хозяевам или зависимым от них.

Об этих лавках нередко упоминалось при крепостном праве, особенно в тех случаях, когда промышленные заведения устраивались вне городских поселений; продолжали они существовать и теперь. Пользуясь отсутствием запрещения в законе и достаточного отпора со стороны рабочих, предприниматели во многих случаях употребляли во зло ту зависимость, в которой очутились последние.

... Харчевые лавки,—читаем мы в „Общей сводке санитарных исследований фабричн. заведений Московской губ. за 1879—85 г.г.",—существуют почти на всех крупных и иногда даже на мелких фабриках, находящихся на более значительном расстоянии от Москвы, на пригородных же фабриках такие лавки встречаются редко. Забор в фабричных лавках нередко прямо обязателен для рабочих: так, напр., на Вознесенской мануфактуре забор провизии производится рабочими исключительно и обязательно из фабричной лавки; то же самое мы встречаем на суконной фабрике Чернышевых, на всех рогожных фабриках, на бумагопрядильной фабрике Балина и Макарова, где рабочим запрещается приносить на фабричный двор более или менее значительные количества съестных припасов; затем на ткацкой фабрике Егорова, где, по условию, артель

обязана брать все припасы в лавке, принадлежащей хозяину или же там, „где он укажет“... На большинстве фабрик забор провизии в фабричной лавке для рабочих официально необязателен, но по существу он для них почти неизбежен, так как вольные лавки, без ручательства конторы, в кредит не отпускают ничего, а расплачиваться с лавочниками наличными деньгами рабочие не в состоянии из-за отсутствия определенных или достаточно частых сроков выдачи заработной платы. Точно так же в отчете инспекторе Владимирском г. Пескова за 1882—83 г.г. констатируется, что „только на очень немногих фабриках и заводах все покупки производятся на наличные деньги, выдаваемые на руки рабочим“; обыкновенно же употребляются книжки или какие-нибудь другие бумажные знаки, по которым производится забор товаров в лавках. Цены в фабричных лавках одной и той же местности и за одно и то же время разнообразятся сильно и нередко отличаются от рыночных на 20 и даже до 80%. Вот, напр., цены за июль 1885 г. на 5 соседних фабриках.

Продукты.	Подольский у. Фабр. № 135.	Серпуховский у. № 134.	№ 139.	№ 142.	№ 14
Хлеб ржан. печеный	1 р. 10 к.—1 р. 15 к.	1 р. 5 к. пуд.	80 к.	75 к.	70 к.
Соль . . .	1 р. пуд.	80 к.	80 к.	60 к.	50 к.
Сало топлен.	9 р. 25 к. пуд.	10 р.	10 р.	9 р. 50 к.	8 р. 20 к.
Масло коноплян. . .	7 р. 20 к. пуд.	8 р. 30 к.	8 р.	7 р. 20 к.	7 р. 20 к.

Между тем вольные цены в г. Серпухове за это время были: хлеб ржаной 70 к. пуд; соль 47—55 к., масло конопл. 6 р. 80 к. пуд и сало топлен. 23—24 к. за фунт. Как велики доходы от этих лавок, можно судить по тому, что годовой оборот на некоторых крупных фабриках в начале 80-х годов достигал 100, 120, 150, 160 и даже 180 тысяч рублей. Если допустить, что такие лавки дают только 10% чистого дохода, то все же в кармане владельцев фабрик окажутся десятки тысяч рублей, полученных ими уже не в качестве фабрикантов, а в качестве торговцев сверстными припасами.

В Харьковском округе фабричные лавки мало распространены, но там, где они есть, товары в них отпускаются по цене, выше рыночной на 25—30—100 %. В Воронежском округе фабричная инспекция хозяйских лавок в осмотренных заведениях встретила лишь 3, да и в тех забор был необязателен. Впрочем, отсюда еще нельзя сделать заключения, что там, где нет хозяйских лавок, не существует эксплуатации рабочих, как потребителей. Так, Эрисман на 6-й губернском

съезде врачей Московского земства констатировал тот факт, что хозяева фабрик наживают большие деньги на пище рабочих, все равно, имеется ли при фабрике лавка, или нет: в последнем случае хозяева берут отступное с соседних торговцев. На больших фабриках эта статья дает им от 8 до 10 тысяч чистого барыша. Даже в Петербургской губ. во многих промышленных заведениях устроены магазины, откуда рабочие могут доставать все необходимое, как-то: пищу, одежду, обувь, белье, табак и проч. При этом цены на все поразительно высокие, как говорится далее в докладе о санитарном исследовании. Так, например, сахар, который можно было купить головою за 16 коп. в Петербурге, здесь в лавках продается по 21—22 к. на наличные деньги и 23—24 к. на книжку; масло коровье самого худшего сорта по 37—38 к. за фунт, между тем как в Петербурге масло хорошее стоит 31—33 к. В такой же пропорции увеличиваются сравнительно с Петербургом цены и на все другие продукты. Фабриканты обыкновенно сами нанимают барыши на этих лавках; некоторые же сдают свои лавки в аренду лавочникам с условием выплаты им определенной суммы.

После издания закона 3 июня 1886 г., затруднившего хлебосольность продовольственных лавок прежнего типа (их существование обусловливалось теперь согласием фабричного инспектора, которому принадлежало такие права утверждать список предметов, продаваемых в лавке, и устанавливать таксу на них) условия для проявления самодеятельности рабочих стали более благоприятными. Голод 1891 г. и последовавший затем подъем цен дал с своей стороны новый толчок к развитию потребительской кооперации. Если с 1865 по 1891 г. было утверждено всего 277 потребительных обществ, то с 1892 по 1905 г. их возникло уже 1530; таким образом, в среднем на один год приходится в первом периоде 10, а во втором—109 обществ. Преобладающее число их относится к типу городских сословных кооперативов. Но значительно явилось также количество фабрично-заводских и железнодорожных обществ: в первом периоде их возникло 96, а во втором уже 245. Некоторые из них успели достигнуть значительных размеров, но почти все они сохранили черты замкнутость и замкнутость. Так например, в обществе при Наволоцкой мануфактуре С. Морозова правление и ревизионная комиссия до 1905 г. состояли „из одних только служащих, преимущественно директоров и служащих высшего ранга". Найденов-рабочие, зависевшие от директоров и служащих на фабрике, боялись критиковать их деятельность, уменьшать их жалованье. Случалось,

ито найщики-рабочие не являлись на собрания, когда предполагалось забаллотировать лицо, стоявшее над ними. Общество было замкнутым и членами его могли быть только рабочие и служащие мануфактуры; однако и последние не обнаруживали к нему большого тяготения: в первые годы из 7000 человек записалось около 5%. Во время рабочих волнений в 1885 г. лавка общества подверглась даже попытке разгрома со стороны толпы.

На юге России известен ряд случаев, когда заводоуправления субсидировали общества потребителей довольно крупными суммами на несколько лет и без процентов (например, Дружковскому обществу до 40.000 руб.). Но зато в правлении обществ участвовали представители завода. Все руднично-заводские потребительные общества носили замкнутый характер, с определенным контингентом лиц (служащие и рабочие предприятия), и за немногими исключениями управлялись лицами из администрации. Нередко слышались заявления, что потребительное общество—это одна форма, в сущности же это не что иное, как заводский лабаз. Забор членов в этих обществах не превышает $^1/_3$ всего забора. Кредит пользовался широким распространением. „Денег у себя рабочий почти не видит. Там, где кредит неограничен, долги за отдельными лицами достигают внушительных цифр 200—500 руб.“.

В отчете о потребительских обществах в Пермской губ. также сообщается, что отличительными чертами их являются замкнутость (членами общества могут быть лишь рабочие и служащие завода или заводского округа) и зависимость от заводоуправлений. Общества получали даровые помещения в заводских зданиях, ссуды под оборотный капитал, займы перед Нижегородской ярмаркой (например, Алапаевское заводоуправление дает обществу на эту цель 20 тысяч руб.). Наконец, заводоуправление гарантировало кредит служащих и рабочих завода в обществе, принудительно удерживая из заработка тех и других следуемое обществу в уплату за забранный товар. Последнее обстоятельство породило огромное распространение перекупки и барышничества, выработало небрежное отношение общества к делу,—закабаленный кредитом потребитель берет, что дадут, и по цене, какую назначат; наконец, здесь же нужно искать об‘яснение нередко наблюдаемому враждебному отношению многих рабочих к обществам, выраженному в кличке „грабиловка“. По своему уставу старые уральские общества тоже далеко не демократичны; пай в большинстве случаев очень высок (20—25 руб.), предусматривается право общего собрания прекратить свободный доступ в общество новых членов, женщины нередко лишались участия в делах

общества, не было ограничено число паев и т. д. [1]). Открытые же и независимые рабочие кооперативы появляются только после 1905 г.

В эпоху расцвета преобразовательных настроений правительством была сделана попытка пересадить с Запада на русскую почву некоторые формы ассоциации, которые казались наименее опасными.

Наибольшее количество казенных рабочих было занято в горно-заводской промышленности. Вопрос о том, как удержать их на месте после освобождения, представлялся для нее делом первостепенной важности. В соседней Пруссии и Австрии учреждения взаимопомощи среди горно-рабочих (так называемого Knappschaften) пользовались всеобщим распространением [2]).

По примеру их при освобождении мастеровых на казенных горных заводах законом 8 марта 1861 г. предусматривалось учреждение так называемых горнозаводских товариществ, в члены которых вступают все мастеровые и рабочие, заключающие договор не менее как на год „для упрочения благосостояния и нравственности горнозаводских мастеровых и привязанности их к горному промыслу". Во главе каждого товарищества стоит попечительный приказ, состоящий из председателя, назначаемого заводским управлением, и четырех членов, избираемых всеми участниками товарищества из своей среды, притом из местных домохозяев—для благонадежности. Ведению приказа подлежит: 1) рассмотрение и обсуждение споров и недоразумений, могущих возникнуть между заводоуправлением и рабочими относительно исполнения работ, удовлетворения за оные жалованьем или задельною платою, следующих на основании договора вычетов и штрафов и соблюдения общепринятого по заводу порядка; 2) заведывание вспомогательной кассой. Средства касс составляют: 2—3% вычеты из заработной платы, равные им взносы от заводоуправления и штрафы. Пособия из них выдаются: 1) больным, 2) пенсии инвалидам, 3) вдовам и детям, 4) временные пособия инвалидам, не получившим пенсий, и 5) в некоторых чрезвычайных несчастиях.

---

[1]) А. Меркулов, Исторический очерк потребительской кооперации в России, 1915 г. М. Хейсин, Кооперативное движение среди рабочих Петербурга. „Вестник Кооперации", № 1 за 1911 г. М. Балабанов. История рабочей кооперации в России. 1923 г.

[2]) Закон 10 апреля 1854 г. сделал в Пруссии учреждение касс обязательным на всех горных промыслах. Кассы эти оказывали бесплатную врачебную помощь, а также выдавали пособия в случае утраты трудоспособности или смерти пострадавшим рабочим или их семействам. Средства составлялись из штрафов и взносов рабочих и предпринимателей; члены правления выбирались в равном количестве обеими сторонами. См. С. Прокопович—Рабочее движение в Германии. 1908 г. 10 стр.

Как видно из вышеприведенного, задачи горнозаводских товариществ не ограничивались одними функциями вспомоществования. Правда, в выработке условий найма попечительные приказы участия не принимали, но все же они могли разбирать разногласия, возникшие между рабочими и заводоуправлением на почве уже заключенного договора. Но даже и эта, очень ограниченная, их роль показалась опасной и неподходящей для русских условий.

Конфликт в Златоусте вскрывают пред нами эту закулисную сторону дела. Летом 1896 г. заводоуправление сделало здесь распоряжение об удлинении рабочего дня на один час и перенесении времени обеда. Вследствие протеста представителей товарищества это распоряжение было отменено. В сентябре управление потребовало от рабочих, чтобы они приняли новые расчетные книжки с новыми условиями найма, и там уже не было упомянуто, что все недоразумения по вопросам найма должны разбираться горнозаводским приказом.

Когда же рабочие запротестовали, заводоуправление объявило, что до тех пор не выдаст уже заработанных денег, пока рабочие не возьмут расчетных книжек, так как „дело рабочих не рассуждать, а исполнять то, что велит начальство".

Лишь после жалобы рабочих министру земледелия и государственных имуществ им было выдано жалованье. 8 февраля 1897 г. состоялось общее собрание, где присутствовало более 1.000 членов товарищества; оно началось с того, что председатель попечительного приказа вычеркнул из программы несколько вопросов, внесенных рабочими. Рабочие запротестовали и добились внесения этих вопросов в программу. На собрании был отменен и опротестован неправильный расход денег из кассы товарищества по единоличному распоряжению председателя попечительного приказа. После долгих прений, во время которых начальство давало уклончивые ответы, рабочие поставили вопрос ребром: могут ли они пользоваться всеми правами, предоставленными им положением 8 марта 1861 г. и если не могут, то почему? Ответ опять получился уклончивый. Тогда рабочие послали телеграмму с тем же вопросом на имя главного начальника уральских горных заводов. На это получился следующий ответ: „Такие вопросы неуместны, противозаконны. Если выходки продолжатся, закрою товарищество"!..

В марте главный начальник приехал сам на завод. Спорный вопрос о том, должны ли все возникающие между управлением и рабочими споры разрешаться попечительными приказами — он разрешил в том смысле, что параграф этот следует применять лишь тогда, когда заводоуправление, по

собственным соображениям, предложит приказу рассмотреть какой-нибудь отдельный случай. Такое решение является совершенно произвольным, противореча и смыслу и букве положения 8 марта 1861 г. Пришлось подкрепить их „свыше". На основании закона 11 марта 1902 г. в члены горнозаводского товарищества поступают: 1) все рабочие, которым обязательно выдаются расчетные книжки, 2) постоянные служащие по вольному найму и 3) из вспомогательных рабочих те, которые постоянно работают по найму непосредственно от заводоуправления. Помощь последнего товариществам выражается в том, что оно 1) содержит больницы и врачей, 2) выдает пособия больным и 3, участвует в составлении товариществами вспомогательных касс [1]).

Таким образом, состав участников товариществ несколько расширяется; увеличен был также размер денежных отчислений со стороны заводоуправлений в пользу рабочих. Но вместе с тем задачи горнозаводских приказов должны были ограничиваться разбором несогласий не между заводоуправлением и рабочими, а лишь между последними; кроме того ограничено было и право общего собрания возбуждать необходимые для управления вопросы. Таким образом не только не было сделано за сорок лет дальнейших шагов вперед, но и робкие попытки начала 60-х г.г. оказались чересчур „либеральными" для приближавшегося уже к своему крушению строя.

Выдача новых расчетных книжек на основании закона 11 марта 1902 г. привела к беспорядкам на златоустовском заводе в марте 1903 г. Рабочие настаивали на отмене новых книжек, видя в них стремление правительства ограничить льготы и права, обеспеченные заводскому населению предшествующими узаконениями. Переговоры толпы рабочих с губернатором Богдановичем кончились тем, что по распоряжению последнего войска дали в безоружную толпу несколько залпов, которыми 48 человек убито и более 80 ранено...

Раньше всего закон 8 марта 1861 г. получил применение на Алагирском заводе и Садонском руднике Терской области, где уже 1 января следующего года открылось горнозаводское товарищество, к которому была присоединена существовавшая раньше ссудо-сберегательная касса. Затем по ходатайствам рабочих разрешено было в 1865 и 1866 г.г. открытие этих товариществ на многих Уральских заводах, а в 1873 г. — на

[1]) 3-е Полное Собр. Законов, № 21186.

Александровском и Кончозерском заводах Олонецкой губ. [1]). На Алтае рабочие Зыряновского рудника, Колыванской шлифовальной фабрики и Змиевского завода постановили в 1885 г. ходатайствовать об открытии у них товарищества. Ходатайство это долго не получало движения; когда же в 1893 г. вновь опросили рабочих, то они ответили, что многие из них состарились и не надеются дожить до пенсии, а молодые не решаются взять на себя ведение этого дела. Дальнейшее развитие товариществ представляется в следующем виде:

Название товариществ.	Число членов.		Состояние кассы: (в рублях).	
	На 1 января 1885 г.	К концу 1905 г.	На 1 января 1886 г.	1 января 1906 г.
Кушвинское . .	296	710	32.389	72.840
Верхнетурское .	356	816	40.615	117.847
Нижнетурское .	401	1293	40.916	56.797
Баранчинское .	177	730	33.340	100.136
Серебрянское . .	406	596	26.314	48.107
Илимское . . .	91	135	11.655	24.545
Воткинское . . .	361	2417	13.489	222.002
Златоустовское .	1009	2886	92.726	301.859
Саткинское . . .	970	839	61.015	166.066
Кусинское . . .	580	1067	30.527	142.610
Каменское . . .	237	418	24.191	45.576
Нижнесысертское .	447	389	42.101	56.042
Олонецкое . . .	897	1037	126.991	237.605
Алагирское . . .	131	167	37.338	74.342
Пермское	—	4851	—	321.636
Артинское . . .	—	225	—	—
	6659	17578	613.612	1.999.253

Всего на 1 января 1905 г. пенсионерами касс горнозаводских товариществ состояло 3.017 лиц, коим выдано пенсий

[1]) Сверх того в период времени с 1866 по 1869 г. возникли товарищества на Миасских промыслах, при Екатеринбургском монетном дворе, Богословских заводах и Туринских рудниках, но в 1881 г. все они ликвидировались в виду упразднения монетного двора в Екатеринбурге и передачи остальных заводов в частные руки. См. Г. Тигранов — Обзор деятельности горнозаводских товариществ в 1881 — 93 г.г. 1895 г. — Вследствие вероятно ликвидации не упоминается также о деятельности товарищества, разрешенного к открытию в 1870 г. на Петровском заводе Нерчинского округа.

на 94.122 руб. Сверх того существует горнозаводское товарищество среди рабочих казенных заводов Западной горной области, средства которого составляются из взносов 3,4 и 6% задельной платы, 1% с сумм, получаемых подрядчиками, из пособий государственного казначейства и др. доходов. Членов товарищества состояло на 1 января 1905 г. 249 челов., а пенсионеров—605, получающих 21.512 р. [1]).

Согласно правилам 4 июня 1862 г. и закону 9 марта 1892 г. подобные товарищества могли устраиваться также на частных горных заводах, по обоюдному согласию обеих сторон. Однако на практике эти статьи остались мертвой буквой и ни один из частных предпринимателей не захотел последовать примеру казны. Отмечая этот факт и подчеркивая, что „Донецкий углепромышленный район остался совершенно в стороне от чиновничьего грюндерства", В. В. Святловский высказывает предположение, что „это обстоятельство вполне об'ясняется тем, что по отношению к уральским рабочим, как к бывшим крепостным, общества взаимопомощи были применены, как средство фактически поддерживать формально отмененное крепостное право" [2]). Едва ли, однако, можно согласиться с подобным об'ясненнем. Ссылка на прежнее крепостное состояние рабочих на казенных уральских заводах бьет мимо цели, ибо в подобном же состоянии находились в свое время рабочие многочисленных частных и поссессионных заводов как на Урале, так и в Подмосковном районе. Неужели владельцы их все были так либеральны и гуманны, что единодушно осудили крепостнические замашки, обнаружившиеся якобы в Горном Департаменте!...

Гораздо проще и естественнее обратное предположение: горнозаводские товарищества потому именно не получили распространения на частных горных заводах, что владельцы их предпочли или совсем обходиться без каких бы то ни было организаций, налагающих на них известные обязательства по отношению к рабочим, или устраивать такие, какие казались им более удобными. Действительно, из материалов, относящихся к данному вопросу, явствует с несомненностью, что все остальные формы организаций взаимопомощи, которые возникали в рассматриваемый период, давали рабочим гораздо

---

[1]) Г. Тигранов — Обзор деятельности горнозаводских товариществ в 1881—1893 г. Отчет Горного Департамента за 1905 г.

[2]) Архив истории труда в России. № 4 за 1922 г. Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих.

менные прав. выход и простора для самодеятельности, чем горнозаводские товарищества [1]).

Таковы, напр., больничные и пенсионные кассы, существовавшие на частных заводах Царства Польского. „Предприниматели, делая в эти кассы сравнительно незначительные взносы, в большинстве случаев самостоятельно управляли этими кассами и лишь изредка допускали к участию в управлении и рабочих. До издания закона 9 марта 1892 г., по которому оплата врачебной помощи рабочим производится предпринимателем, эти кассы были в сущности выгодным делом для капиталистов. Не удивительно, что тотчас же после вступления в силу этого закона предприниматели, за единичными исключениями, прекратили свои взносы". Но в 1900 г. положение касс подверглось регламентации: предприниматели обязаны были делать определенные взносы, а управление ими было из'ято из рук заводской администрации и подчинено горной инспекции.

К концу рассматриваемого периода таких касс насчитывалось в Царстве Польском 13 с общим числом рабочих в 26.000 человек и капиталом свыше 500.000 руб. Так как всех горнорабочих в крае насчитывалось в 1904 г. около 50 тысяч, то кассы, значит, об'единяли более половины общего их числа. Кроме того в 1884 г. утверждены два устава частной ссудной кассы служащих на Пржисухских и Старохованицких горных заводах в Радомской губ. Капитал кассы должен образовываться: а) из обязательных ежемесячных членских взносов от 25 коп. до 10 р., кои возвращаются только при оставлении службы на заводе, из добровольных вкладов не более 120 р., кои возвращаются по требованию вкладчика во всякое время, из 6% поступлений за выданные ссуды и из процентов на капиталы кассы и б) из пени, не более 1% в месяц за просрочку ссуд и из случайных доходов. Ссуды выдаются без поручителей в размере двухмесячного содержания заемщика, а с поручителями—и в большем размере.

Пособия же выдаются наиболее нуждающимся членам или их семействам по постановлению общего собрания. Прибыли или убытки от операций кассы разверстываются между членами пропорционально капиталу и времени его обращения.

В других же горнопромышленных районах случаев учреждения подобного рода организаций известно очень немного. В 1884 г. утвержден был устав Общества пособия горнорабочим на Юге России, а также ссудной кассы служащих на

---

[1]) См. Г. Тигранов—Кассы горнорабочих. 1896 г. С. Прокопович — К рабочему вопросу в России. 1905 г.

Пржисухских и Староховицких горных заводах. В 1886 г. возникла вспомогательная касса Одесских рабочих каменоломен, в 1890 г.—вспомогательная касса рабочих рудников и заводов товарищества Криворогских железных руд, в 1892 г.—ссудо-сберегательная касса служащих и рабочих на Людиновском, Сукременском и Сысертских заводах, в 1893 г.—ссудо-сберегательная и вспомогательная касса служащих Кушвинского Округа (Строганова), в 1894 г.—Общество взаимной помощи штейгеров Южной России и в 1896 г.—ссудо-сберегательная касса для рабочих и служащих на Сормовских заводах.

Среди фабрично-заводских рабочих кассы взаимопомощи наибольшее распространение получили в Царстве польском и Прибалтийском крае, где они начали возникать в дореформенное время (напр., на шерстяной мануфактуре Захерта в Супрасле в 1835 г., мануфактуре Бухгольца в 1847 г. и. т. д). Доходы этих касс составлялись из взносов рабочих в размере 1—3%, штрафов и приплат со стороны фабрикантов, которые вносили 30—50% или сколько не достает на покрытие расходов. На средства кассы рабочие получали медицинскую помощь, лекарства, пособия на похороны и т. д. Управление ими находилось обычно в руках администрации. Так как кассы эти не имели уставов, то они носили полу-легальный характер, и когда в 1891 г. в Западном крае был введен закон 3 июня 1886 г., запрещающий вычеты из заработной платы на медицинскую помощь, то фабричная инспекция все их закрыла. Эта мера, однако, была плохой услугой для рабочих, ибо за отсутствием более совершенной организации означенные кассы все же давали им известное обеспечение. Поэтому вскоре они стали восстанавливаться, но уже на основании утвержденных правительством уставов. Нормальным уставом, выработанным для Варшавской губернии, предусматривалось обязательное устройство касс на всех фабриках с числом рабочих не менее 50. Владельцам предприятий предоставляется право удерживать из заработка рабочих на взносы, но каждый раз в размере не более 1%; к этим средствам присоединяются штрафные суммы и добровольные взносы фабрикантов. Из средств кассы выдаются пособия: 1) больным рабочим в течение не более 6 месяцев в размере $^1/_2$ среднего поденного их заработка; 2) беременным работницам в таком же размере в течение двух недель до и двух после родов; 3) семьям умерших членов кассы на погребение в размере 20 кратного среднего поденного заработка и 4) единовременное пособие при несчастных случаях, которые дают право на пособие из штрафного капитала. В Петроковской губ. кассы

были не обязательны и вычеты могли производиться лишь из заработка тех рабочих, которые выразят на это свое согласие. Довольно широкое распространение получили также кассы в Виленском округе. Заведывание кассами обычно находилось в руках фабрично-заводской администрации, что иногда приводило в случае банкротства предприятия к потере накопленных в кассе средств, как это случилось напр., с акционерным обществом сахарного завода „Леонов" в Варшаве.

Во внутренних же губерниях вспомогательные и пенсионные кассы составляли гораздо более редкое явление, и обычно они носили скромный характер как по числу членов, так и по размеру своих операций. Исключение составляют казенные учреждения, некоторые из которых создавали очень крупные организации. Одной из старейших является касса экспедиции заготовления государственных бумаг. Членов в ней состояло в 1905 г. 3.945 человек, членских взносов поступало 209.592 р., приплаты экспедиции составляли 106.050 р., ссуд выдано на 175.703 р., капитал кассы равнялся 1.484.798 р. Пенсионная касса вольнонаемных служащих по казенной продаже питей заключала в себе в 1903 г. до 50.000 членов, членских взносов поступило 1.071.000 р., прочих сумм 466.036 р., приплаты казны составляли 535.500 р. Сберегательно-вспомогательные кассы служащих и рабочих в учреждениях Морского ведомства насчитывали 28.000 членов. Членские взносы производились в размере 6% жалованья, а Морское ведомство приплачивало сумму, равную половине общего итога членских вычетов.

Больше простора для самодеятельности представляли автономные общества взаимопомощи, в особенности те из них, которые существовали не при каком-либо предприятии, а охватывали рабочих нескольких фабрик и заводов или целого производства. Старейшим является, повидимому, общество взаимопомощи на Александровском заводе, учрежденное в 1861 г. по образцу горнозаводских товариществ с попечительным приказом во главе. Председатель приказа, ведению которого подлежит заведывание кассой взаимопомощи и разбор недоразумений, возникающих между заводоуправлением и рабочими из отношений найма, назначается заводоуправлением, а три члена избираются рабочими. В 1885 г. утвержден устав общества вспомоществования мастеровым и рабочим при Тульском патронном заводе, в 1894 г. возникло общество взаимопомощи мастеровых и машинистов в Астрахани, а в 1898 г.—Харьковское общество взаимопомощи рабочих механических заводов. Последнее развернуло широкую деятельность и пользовалось

большой известностью, ибо устав его не содержал в себе каких-либо ограничений самодеятельности членов и ничего не говорил о вмешательстве администрации.

В 1902 г. получили утверждение уставы обществ взаимопомощи рабочих механического производства и ткачей в Москве, лиц ремесленного и фабрично-заводского труда в Саратове, фабричных граверов в Иваново-Вознесенске, служащих на табачных фабриках Харькова, а в 1904 г. возникло общество рабочих механического производства и собрание фабрично-заводских рабочих в Петербурге. Среди железнодорожных служащих и рабочих первые вспомогательные кассы стали возникать в конце пятидесятых годов, в мастерских Николаевской и Варшавско-Венской ж. д. (1858 г.). На Спб.-Варшавской линии машинистами, начиная с 1861 г., неоднократно возбуждались ходатайства об учреждении пенсионной и вспомогательной кассы, ссылаясь на то, что служба их „одна из самых трудных и самых ответственных служб, в скором времени изнуряющих здоровье и сопряженных с постоянной жизненной опасностью". В 1865 г. правлением общества был выработан проект пенсионной и вспомогательной кассы, согласно которому пенсионный капитал составлялся из удержания 4% жалования служащих и рабочих и дохода от эксплоатации в размере 3% того же жалования, а капитал вспомогательной кассы — из удержания 1% жалования и ежегодного взноса в размере 10.000 р. из доходов эксплоатации. Однако, министр финансов Рейтер признал недопустимым составление капитала из эксплоатационных доходов, опасаясь увеличения приплат правительственной гарантии. Поэтому служащие сами стали устраивать ссудо-сберегательные кассы [1]). Только 30 мая 1888 г. был издан закон, обязывающий все частные железные дороги устраивать для своих служащих и рабочих пенсионные или сберегательно-вспомогательные кассы, уставы коих должны утверждаться Министерством путей сообщения. В пенсионной кассе все служащие и постоянные рабочие состоят обязательными участниками, остальные же входят добровольно. Средства кассы составляются из взносов рабочих, штрафных денег и пособий от управления дороги или правительства. Пенсии и единовременные пособия назначаются лишь по прекращении участия в кассе, независимо от пенсии и пособий, назначаемых на основании общих законов. Заведывание делами кассы принадлежит пенсионному

[1]) Архив истории труда в России. А. Добрынин—на постройке и эксплоатации ж. д.

комитету при главном управлении ж. д., а также местным комитетам при управлении отдельных дорог. Расходы по содержанию кассы относятся на счет казны. Что же касается сберегательно-вспомогательных касс, то их назначение состоит в том, чтобы выдавать денежные пособия служащим и семействам умерших на службе. Капитал кассы составляется из взносов служащих, прилат управлений дороги и особо-вспомогательного фонда, образуемого из штрафов, процентов на капитал, прибыли по операциям и пр. Член кассы, оставляющий службу, получает единовременно весь капитал, имеющийся на его счету по сберегательному фонду. В случае увечья или тяжкой болезни, лишающей возможности обходиться без посторонней помощи, члену кассы независимо от вышеуказанных выдач назначается пособие из особого вспомогательного фонда. Заведывание кассою находится в руках комитета, состоящего из председателя—управляющего дорогой и восьми членов, из которых только четверо избираются членами кассы.

Первая касса по этому Положению была учреждена в 1889 г. на Привислинской ж. д., а затем и на прочих.

С 1 января 1890 г. на всех без изъятия частных железных дорогах стали производиться все вычеты и взносы, указанные законом 28 мая 1888 г., даже на тех, где кассы еще не были организованы. В 1894 г. учреждена пенсионная касса служащих на казенных ж. д., в средства которой согласно Положению 3 июня того же года поступают: 1) штрафы, 2) выручка от продажи невостребованных багажа и грузов, 3) плата за объявления и торговлю книгами и газетами. Служащие вносят 6% содержания, казна—3%. Пенсии выдаются за 15 лет максимум $^1/_2$ оклада, 20 лет—$^3/_4$ и за 25 лет—полный оклад.

В случае потери трудоспособности, по выслуге 10 лет, дыдается усиленная пенсия. Вдове и сиротам, соответственно выслуге лет—$^3/_4$ пенсии работника. О числе членов в кассах вает представление следующая таблица:

	1 января 1895 г.	1 января 1900 г.	1 января 1906 г.
Казенные ж. д.	58.891	184.440	271.799
Частные „ „	123.138	75.872	102.867
Всего	182.029	260.312	374.666

Из общего количества 374.666 членов, насчитывавшихся в 1905 г., 340.763 приходилось на долю мужчин и 33.903—на долю женщин. Почти половина членов, а именно 184.749 че-

ловек, прослужило на железных дорогах до 5 лет, 101.889 ч. (27,2%)—от 5 до 10 лет, 43.754 ч. (11,7%)—от 10 до 15 лет, 19.209 ч (11,7%)—от 15 до 20 лет, 11.350 ч. (3,0%)—от 20 до 25 лет, 8.941 ч. (2,4%)—от 25 до 30 лет и 4.727 ч. (1,3%)—30 и более лет.

Означенные кассы располагали значительными средствами. В 1905 г. на одних казенных железных дорогах удержано было с членов 6% ежемесячных взносов, вступных взносов, вычетов из наградных и т. п. 3.978.942 р. 70 к.; пособия от казны составляли 1.536.759 р. 21 к.; штрафов, арендной платы за буфеты и киоски и пр. поступило 455.339 р. 09 к.[1])

Численный рост промышленного пролетариата и повышение культурного уровня передовых его слоев создали благоприятную почву также для появления нелегальных социалистических организаций, которые ставили себе целью содействовать оформлению классового самосознания в рабочих массах. Уже в начале семидесятых годов кружком Чайковского была начата пропаганда в Петербурге. Летом 1874 г. сторонники издаваемого за-границей П. Лавровым журнала „Вперед“ делали попытки организовать кружки среди трепачей и пильщиков Орловской, Калужской, Тульской и Смоленской губерний, на заводах Мальцева и Мельникова, и впервые именно в это время—на всевозможные мотивы, кроме настоящего—стали раздаваться звуки рабочей марсельезы.

Члены „всероссийской социально-революционной организации“, известной затем по процессу 50, точно так же вели пропаганду почти исключительно среди рабочих—в Москве, Иваново-Вознесенске, Киеве, Туле, Воронеже, Орле и др. местах. По словам обвинительного акта, произведенными в 1875 и 1876 г.г. дознаниями обнаружено „несомненное существование тайного организованного сообщества, задавшегося целью ниспровержения существующего порядка управления и водворения анархических начал в русском обществе. ...Создалось оно под руководством и непосредственным влиянием лиц, оставивших Россию, переселившихся за-границу, преимущественно в Швейцарию, и возвратившихся обратно в отечество с единственной целью заняться пропагандой революционных идей среди рабочего класса Империи“. Желая охватить пропагандой возможно большее число фабрик, некоторые члены женского кружка—Каминская, сестры Любатович, Бардина и Фигнер сами поступили на фабрику в Москве... Двух-месячный

[1]) Отчет пенсионной кассы служащих на казенных железных дорогах за 1905 г. Ч. I. Финансовый отчет. 1907 г. 93—96 стр. Ч. II. Статистическ. отчет. 1908 г.

опыт оказался удачным, и почти на двух десятках фабрик, не считая мелких мастерских, были устроены рабочие кружки из 4—5 человек. Организация издавала за-границей свой орган „Работник", и в феврале 1875 г. члены ее приступили было уже к выработке устава и способов революционной деятельности, но в это время последовал провал.

В Одессе и Ростове в течение 1872—75 г. делались попытки вести пропаганду среди рабочих и составить организацию под именем южно-русского рабочего союза. В уставе этого общества говорится между прочим, что рабочие южнороссийского края, сознавая, что установившийся ныне относительно них порядок не соответствует истинным требованиям справедливости и что достигнуть признания своих прав они могут только путем насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества,—об'единяются в один союз, поставляя себе целью: а) пропаганду идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов, б) об'единение рабочих южно-российского края и в) для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком. Сначала устраивались местными студентами лекции в снятой рабочими квартире и заведена была небольшая библиотека, а затем перешли к организации кассы взаимопомощи, распространению заграничной пропагандистской литературы и устройству сходок, на которых присутствовало до 20—40 человек рабочих. Во главе кружка стоял Е. Заславский и по обвинению в более или менее активном участии в нем было привлечено 14 человек. Все они были признаны судом виновными—Заславский, Рыбицкий и Кравченко приговорены к каторге от 5 до 10 лет, а остальные—в Сибирь на поселение, арестантские роты и трехмесячное тюремное заключение [1]).

В конце 1878 г. С. Халтуриным и В. Обнорским, при наличности около 200 человек, был основан в Петербурге северный союз русских рабочих, который открыто заявил, что по своим задачам он „тесно примыкает к социально-демократической партии Запада" [2]). Программа союза, отражающая на себе одновременно влияние и Маркса, и Лассаля, и Бакунина, распадается на два отдела, из которых первый представляет собою программу-максимум, а второй—программу-минимум. 1) Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне неспра-

[1]) Государственные преступления в России в XIX веке, под редакц. Б. Базилевского. Том второй, 1904 г.

[2]) См. о нем „Былое" № 1 за 1906 г. и Плеханов, Русский рабочий в революционном движении, 1922 г. 67—78 стр.

ведливого. 2) Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права. 3) Уничтожение поземельной собственности и замена ее общинным землевладением. 4) Правильная ассоциационная организация труда, предоставляющая в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

То обстоятельство, что союз об'являл себя тесно примыкающим к социал-демократической партии Западной Европы (т.-е. вернее — Германии), сильно поразило революционные круги, ибо в то время в России господствовали бакунисты, которые очень косо смотрели и на Маркса, и на его сторонников. Программа союза, выработанная на первых двух общих собраниях, отличавшихся резко политическим характером, вызвала многочисленные возражения со стороны „неполитиков". В ответ на это союз послал большое письмо, в котором отстаивал необходимость политической борьбы и доказывалось преимущество политической свободы и гражданских прав.

Халтурину удалось поставить типографию и отпечатать один № листка под названием „Заря рабочего", но распространения он не получил, так как последовал провал. Мечтал он также об одновременной стачке всех петербургских рабочих, что осуществилось только через 25 лет. „Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев северный союз надеется,—так говорится в его программном заявлении,—достичь тех результатов, которые выдвинет и у нас рабочее сословие и заставит его заговорить о себе, о своих правах; посему на обязанности каждого члена лежит священный долг вести посильную агитацию в угнетаемой и отзывчивой на требования справедливости рабочей массе... Итак за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого союза и успех социальной революции в России".

Несколько лет спустя в Петербурге образовался уже определенно социал-демократический кружок, во главе которого стоял Благоев.

Группа состояла исключительно из интеллигентов; в нее входили человек 15—16 студентов и курсисток, один инженер, один журналист и двое нелегальных, бывших членов „Черного Передела". Но на ряду с этим устанавливались связи с рабочими кругами, и сам Благоев „занимался главным образом пропагандой между рабочими, преимущественно на сталелитейном заводе и на Васильевском острове". С 1885 года группой стал выпускаться свой орган—„Рабочий". В передовой статье первого номера настаивалось на том, что „рабочим

в России необходимо бороться, как за ближайшую задачу, за конституционное управление... Политическую свободу мы считали первым необходимым условием для того, чтобы можно было бороться для социалистического переворота. А этот последний мы представляли себе по Лассалю, т.-е. через рабочие ассоциации, субсидируемые государством".

В дальнейшем кружок Благоева вступает в сношения с заграничной „группой освобождения труда" и во втором номере „Рабочего" появляется письмо Г. Плеханова о „современных задачах русских рабочих". Эти задачи сводятся им к борьбе на два фронта, необходимость которой вытекает из двойственного положения рабочего класса. „Во-первых, вы—рабочие, а во-вторых, вы—граждане или—так как граждан у нас пока нет—обыватели русского государства". Отсюда следует, что „вы должны бороться: во-первых, ради своего освобождения от гнета хозяев, от экономической эксплоатации, а во-вторых, ради приобретения тех прав, которые положат конец полицейскому произволу и сделают из вас—пока еще бесправных обывателей—свободных граждан свободной страны. Другими словами, вы должны бороться во имя политической свободы. ...Каждый из вас одновременно является и эксплотируемым рабочим, и бесправным обывателем. Поэтому и все вы в совокупности,—весь русский рабочий класс,—должны одновременно преследовать как политическую, так и экономическую цель"...

Для достижения означенных задач необходимо создание как можно большего числа среди рабочих социалистических кружков, которые помогли бы рабочему классу выйти из распыленного состояния и превратиться в организованную силу. Со временем же „из союза тайных рабочих кружков вы превратились бы наконец в открытую рабочую социал-демократическую партию".

После арестов в 1886—7 г.г. группа Благоева прекратила свое существование, но марксистские идеи постепенно пробивали себе дорогу среди молодежи. „Рассеянные по всей России бывшие заграничные студенты — ученики членов группы Освобождения Труда и высланные из Питера после Благоевского провала распропагандированные им молодые люди собирали повсюду вокруг себя небольшие группки лиц, которые принялись за изучение экономических вопросов" [1]). К концу 80-х годов подобные группки имелись уже в Петербурге, Москве, Казани, Минске, Вильне, Киеве, Туле, Саратове, Самаре, Одессе и многих других местах. Растущая

---

[1]) М. Лядов.—История российской социал-демократической рабочей партии. Часть первая. 1906 г. 45—55 стр.

жажда знания в рабочей массе открывала интеллигенции возможность постепенно все шире и шире распространять идею организации рабочего класса, вовлекать в движение новые кадры снизу. Поэтому хотя полицейские преследования не давали развернуться этой работе, и провалы следовали за провалами, но на месте одних кружков выростали другие и сфера влияния движения таким образом все более и более увеличивалась.

В течение 1890—91 г.г. в Петербурге существовало уже шесть кружков, в которых учащаяся молодежь вела свои занятия, и насчитывалось до ста организованных рабочих. Выступление рабочей группы во время болезни и похорон Шелгунова не замедлило вызвать ряд арестов, но вскоре деятельность кружков вновь оживилась. Направление их первоначально не отличалось определенностью, но уже после первой попытки провести празднование 1 мая оно стало принимать социал-демократический характер [1]).

В 1895 г. разрозненные кружки в Петербурге об'единяются в союз борьбы за освобождение рабочего класса, и вскоре затем подобные же организации возникают в Москве, Киеве, Екатеринославе и др. городах. Появляются социал-демократические газеты: в 1896 г. „Рабочий Листок" и „Рабочая Мысль" в Петербурге, „Вперед" в Киеве, „Голос Рабочего" на еврейском языке, в 1897 г. — „Рабочая Газета на Юге" и „Наше Дело" в Николаеве, в 1898 г.—„Рабочее Знамя" в Петербурге и в 1899 г.—„Южный Рабочий" в Екатеринославе.

Растущее движение выдвигает вопрос о дальнейшем об'единении социалистических элементов в партийную организацию, о которой говорилось еще в семидесятых годах. Впервые эта мысль получает свое осуществление в западном крае, соприкасающемся с более развитыми формами экономической и общественной жизни в соседней Германии и Австрии. В начале девяностых годов возникает Польская социалистическая партия и социал-демократия Польши и Литвы, в 1897 г. Всеобщий еврейский рабочий союз или Бунд, а в 1898 г. союзы борьбы, действовавшие в Петербурге, Москве, Киеве и Екатеринославе, организовали вместе с Бундом с'езд, на котором было провозглашено об'единение их в Российскую социал-демократическую рабочую партию, выработан устав, избран центральный комитет и составлен манифест, в котором главнейшей задачей образовавшейся партии об'являлось свержение самодержавия. Последовавший вскоре провал расстроил налаживавшееся об'еди-

---

[1]) Красная Летопись, № 4 за 1922 г. В. Карелина.—На заре рабочего движения в Петербурге.

нение, но работа на местах продолжала расширяться, и когда в 1903 г. за границей состоялся второй с'езд нелегальных социал-демократических организаций, то на нем присутствовало уже 43 делегата от 26 организаций, из которых 19 находилось в различных промышленных пунктах внутри страны. Этот с'езд не привел к полному об'единению революционных сил, ибо на нем произошло выделение Бунда вследствие отклонения его предложения о федеративном устройстве партии и раскол оставшихся членов из-за организационных разногласий на две группы: большевиков и меньшевиков с Лениным и Мартовым во главе. Но неспособность старого режима справиться с раздирающими его противоречиями обнаруживалась с возрастающей очевидностью, и потому волна революционного настроения, питаемая недовольством широких народных масс, поднималась все выше и выше...

Как видно из всего вышеизложенного, падение крепостного права имело своим последствием значительное повышение активности среди рабочих: увеличилось количество организаций, разнообразие их форм и общее количество обслуживаемых ими лиц. Но полицейские условия старого режима не давали требуемого простора творческим силам рабочего класса и искусственно старались ограничить и стеснить размах его деятельности. Организации боевого типа в виде профессиональных союзов вообще не допускались, так как законом воспрещалось устройство стачек рабочих против хозяев; но и общества взаимного вспомоществования отнюдь не могли считать себя свободными от административного произвола. Когда московские рабочие механического производства выработали вместе с некоторыми благонамеренными профессорами устав подобного общества в духе английских friendly societies, то последний вернулся к ним весною 1902 г. в совершенно искаженном виде, наглядно демонстрировавшем всю глубину отличия России от „прочей за-границы". Так, согласно сделанным поправкам, председатель, казначей и члены правления общества должны были утверждаться обер-полицмейстером по его усмотрению; не допускались к участию в организации лица, состоящие под надзором полиции; отказывалось в выдаче пособия тем рабочим, которые лишались заработка вследствие принятых по отношению к ним административных мер; ограничивался круг книг, допускаемых в библиотеке, и т. п. [1]).

Под напором растущего стачечного движения и появления в нем политической окраски в некоторых правительственных

[1]) И. Озеров.—Политика по рабочему вопросу в России. 1906 г. 225—228 стр.

кругах к концу изучаемого периода получает сочувствие мысль об активном вмешательстве в гущу борьбы с тем, чтобы попытаться направить движение по желательному руслу. Автором этого курса рабочей политики является начальник Московского охранного отделения С. Зубатов, бывший раньше сам революционером [1]).

После ареста нескольких сот рабочих в 1896 г. он вел с ними длинные беседы, убеждая отказаться от политической агитации, а вести только экономическую, и обещая за это легализировать рабочее движение. Для того чтобы предотвратить бурные проявления возмущения рабочих против предпринимателей, выражающиеся в насилиях и разгромах во время забастовок, необходимо—по его мнению—расширение прав фабричных рабочих, которое, однако, должно происходить не в законодательном, а административном порядке. Это расширение прав рабочих должно состоять в об'единении их на каждой фабрике в отдельное целое, имеющее свой комитет, добровольно избираемый рабочими из своей среды. Комитеты намечают желательные изменения в расценках, таксах, распределении рабочего времени и вообще в правилах внутреннего распорядка. Хозяева должны сноситься впредь со своими рабочими не непосредственно, а через комитет. Комитеты отдельных фабрик данной округи состоят между собою в общении в целях достижения однообразия действий. Общий же надзор за ними сосредоточивается в охранном отделении, которое назначает для сего особых агентов из среды опытных и благонадежных рабочих, умудренных долгим опытом в искусстве управлять народными громадами. Дабы утвердить это обоюдополезное для хозяев и рабочих учреждение, чтобы грядущие события не застали их врасплох, охранное отделение озаботилось не только подысканием благонадежных и испытанных в забастовках рабочих (даже из бывших в административной ссылке), но и устройством питомника для образования будущих деятелей, руководимого также людьми, искусными в этой области.

Из питомника Зубатова действительно вышло несколько получивших известность деятелей (напр. д-р Шаевич, жандармский офицер Васильев), которые организовали так называемую независимую еврейскую рабочую партию, развившую оживленную деятельность в Минске, Вильне, Киеве, Екатеринославе и Одессе с целью подорвать значение Бунда. В промежуток времени 1901—1904 г.г. деятельность зубатовцев

[1]) Григорьевский.—Полицейский социализм в России. 1906 г. Былое, № 1 за 1917 г. Н. Бухбиндер—О зубатовщине. Красная Летопись, № 4 за 1922 г.

приняла довольно широкие размеры: устраивались многолюдные лекции и собеседования, организовались союзы ткачей и рабочих механического производства, проведены две патриотические манифестации: по случаю освобождения крестьян и по поводу об'явления войны Японии.

Деятельность этих рабочих организаций, сопровождавшаяся усиленным пред'явлением различных требований к хозяевам, побудила промышленников обратиться с жалобой к правительству, и Зубатову пришлось уйти с своего поста.

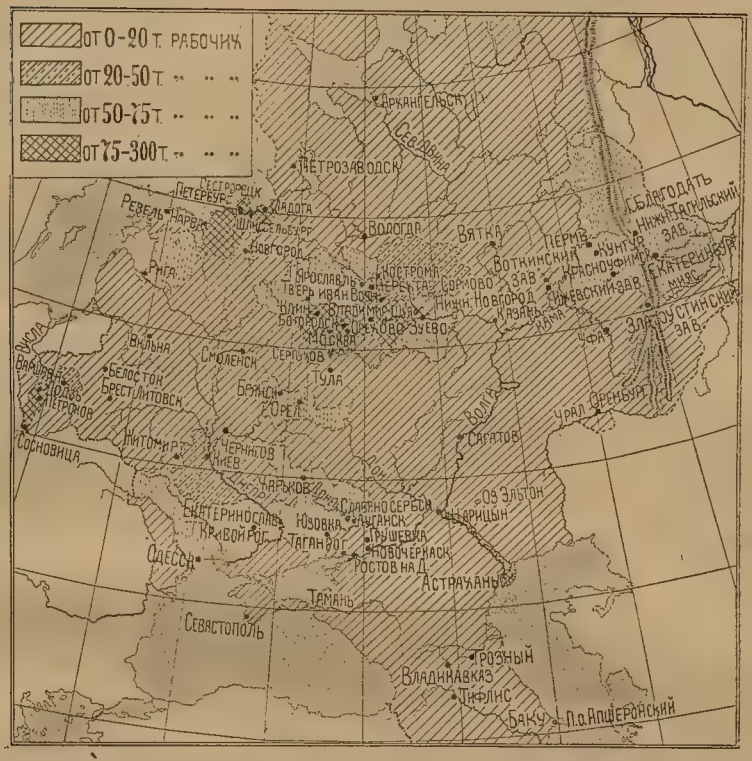
По словам директора д-та полиции Зволянского, „Министерство внутренних дел допустило эти организации, чтобы отвлечь рабочих от антиправительственной агитации, что и действительно на первых порах имело место; но... в дальнейшем московская администрация уже не могла остановить движение, вынуждена была пойти за ним и допустить участие в происходивших на отдельных фабриках и заводах забастовках лиц, не принадлежащих к числу рабочих этих фабрик. Плеве нашел эти организации несоответствующими закону, но полная отмена их была признана невозможной".

Действительно, несмотря на уход Зубатова, 15 февраля 1904 г. был утвержден министром внутренних дел устав общества фабричных и заводских рабочих С.-Петербурга, которое носило подобный же характер. Целью его было предоставить своим членам возможность разумно и трезво проводить свободное от работ время, а также распространять среди рабочего населения, на началах русского национального самосознания, просвещение и способствовать улучшению условий труда и жизни рабочих. Во главе общества поставлен был кружок ответственных лиц, состоящий из учредителей и пополняемый особо достойными членами; из них выбиралось правление, которое утверждалось градоначальником [1]).

Это общество, душой которого был священник Гапон, стало быстро развиваться и к концу 1904 г. насчитывало уже около 7000 членов, распределявшихся по 11 отделам в разных частях города. Но успех его не оправдал ожиданий правительства. И той самой организации, которая должна была служить главным средством отвлечения рабочих от противоправительственной агитации, суждено было в начале января 1905 г. стать исходным пунктом исторической всеобщей забастовки, знаменовавшей собою конец старого режима.

---

[1]) Н. Бухбиндер—К истории Собрания русских фабрично-заводских рабочих. Красная Летопись, № 4 за 1922 г.



Карта промышленных районов Европейской России (по данным 1904 г.).

Карта Азиатской России (с указанием наиболее важных промышленных пунктов).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН.

Абрамович, 92.
Адам, 140, 143.
Айзенберг, А., 52.
Аксенов, 95.
Алафузов, 175.
Александр III, 186.
Аллавердов, 91.
Андрианов, 196.
Багалей, Д., 80.
Базанов, 90, 139, 172.
Базилевский, Б., 278.
Бакунин, М., 278.
Балабанов, М., 267.
Баландин, 196.
Балашева, 52.
Балин, 37, 174, 263.
Баранов, 39, 206, 227.
Бардина, 277.
Бахрушин, 182.
Безобразов, 51, 53, 54, 78, 80, 241.
Бек, 192, 193.
Беккер, 200.
Бенкендорф, 31, 91, 92, 93.
Берд, 11.
Бертен, 208.
Бертенсон, Л., 31, 32, 91, 92, 99, 100, 142, 143, 144, 145, 148, 149, 150.
Бисмарк, 238.
Благоев, 279, 280, 281.
Богданович, 269.
Богомолова, 37.
Борисовский, 110.
Бостанжогло, 210.
Брандт, Б., 71, 72, 96, 146.
Брюханов, 46.
Бунге, Н., 236.
Бутины, 59.
Бухбиндер, Н., 283, 285.
Бухгольц, 273.
В. В., 260.
Вакстаф, 195.
Валуев, 124, 158, 232.
Варзар, 215.
Васильев, 284.
Вейерман, 169.
Векшин, 166.
Верещинский, 66, 140, 169.
Витте, С. 187, 218, 219, 242, 243, 245.
Вишневский, 197.
Владислав, 100.
Власова, О., 204.
Волков, 212, 213.
Вольский, 12.
Вышнеградский, И., 241, 242.
Гапон, св., 285.
Гаранин, 179.
Гартман, 183.
Гезен, 175.
Геркулес, 175.
Гивартовский, 167.
Гладин, 190.
Гладков, 130.
Голгофский, 86.
Головин, 129.
Голубев, П., 9, 81.
Горемыкин, И., 219.
Городков, 106, 126.
Госпар, 206.
Грамматчиков, 258, 259.
Гресер, 238.
Григорьевский, 283.
Гришин, 210.
Губонин, 208, 209.
Гулин, 212.
Гусятников, 157.
Давыдов, 152.
Данилов, 61.
Дементьев, Е. 75. 109, 155.
Демидов, 137.
Денисов, 169.
Дергент, 88.
Диль, 291.
Добрынин, А., 191, 192, 275.
Долгоруков, ген.-губ., 186.

Егоров, 179, 263.
Ерепановы, 209.
Ермаковы, 210.

Жуков, 130.

Зайцев, 72.
Закревский, ген.-губ., 173.
Замятнин, С., 6, 184, 240.
Заславский, 278.
Захерт, 273.
Зволянский, 284.
Зимин, 174.
Зубатов, С., 283, 284.
Зубков, 205.

Иван, 100.
Иванов, 168, 195.
Игнатьев, 124, 159, 232, 240.
Иловайский, 63.
Ильина, 201.
Иордан, 100.
Исаев, А., 254.

Каблуков, Н., 22.
Каверин, 204.
Каминская, 277.
Канель, В., 40, 123.
Канкрин, Г., 215.
Кантор, Р., 176.
Карелин, 281.
Катков, М., 212.
Кекин, 133.
Кениг, 200.
Кноп, 205, 207.
Козьминых-Лапин, 85.
Коншин, 166, 199, 201.
Корзинкин, 209.
Королев, 154.
Котляревский, 51.
Кравченко, 278.
Крамст, 153.
Крестовниковы, 167.
Крутовский, 140.
Кузнецов, 205.
Курикин, 199.
Кушнарев, 174.

Лавров, П., 277.
Лазарев, 198.
Лампрехт, 209.
Лантье, 208.
Лассаль, Ф., 278, 280.
Ленин, Н., 12, 13, 47, 282.
Леонов, 274.
Лепешкин, 207.
Либерман, Л., 28, 68.
Литвинов-Фалинский, 159, 160.
Лоранский, А., 231.
Лукьянов, 89.
Любатович, 277.
Лядов, М., 281.

Макаров, 37, 174, 263.
Малютин, 227.
Мальцев, 113, 277.
Манташев, 91.
Маркс, 278, 279.
Мартов, Л., 282.
Мартын, 176.
Матвеев, 141.
Махоров, 103.
Мацей, 100
Мельников, 277.
Меркулов, А., 267.
Микулин, 160, 161.
Миллер, Д., 80.
Мирзоев, 91.
Митчинсон, 175.
Михайлов, М., 192.
Мичри, 200.
Мойсеенко, 212.
Мордвинов, 48.
Морозов, 24, 120, 171, 179, 181, 199, 211, 227, 265.

Нестерова, 255, 256.
Нечаев, 195.
Николай II, 186.
Нобель, 91.
Новицкий, 111.

Обнорский, В., 278.
Озеров, И., 45, 188, 217, 283.
Ольхин, 158.
Осипов, 111.
Островский, Н., 38, 40.

Пажитнов, К., 78.
Паль, 209.
Пантелеев, 252.
Панченко, 176.
Пастухов, 71.
Пашков, 175.
Песков, 112, 113, 132, 166, 263.
Петр I, 42, 48.
Петров, 211.
Пиндар, 96.
Плеве, В., 239, 250, 284.
Плеханов, Г., 278, 280.
Победоносцев, К., 245.
Погожев, А., 21, 113, 114, 161.
Покровская, д-р, 119.
Полянский, Н., 185.
Попов, 254.
Португалов, д-р, 24, 88, 136.
Преображенский, инж., 46.
Пресс, 160.
Прокопович, С., 185, 204, 267.
Простов, 130.
Прохоров, 208, 217, 227.
Пушкин, 144.

Рагозин, Е. 55, 56, 95.
Ралле, 109.
Ратьков-Рожнов, 106.
Рейтер, м-р фин., 275.
Ренард, 153.

Реутовский, 103, 155.
Розов, 14.
Рума, Р., 145, 146, 147.
Рыкачев, А., 78, 82.
Рыковский, 63.

Саввиных, 58, 59.
Савельев, 130.
Саломин, 62.
Самецкий, д-р, 119.
Свирский, 112, 113.
Святловский, В., 104, 110, 125, 167, 175, 177, 271.
Святополк-Мирский, 222.
Семевский, В., 32, 51, 58, 60, 90, 140, 204, 252.
Серебряков, 139.
Сериков, 204.
Сид, 211.
Симене, 147.
Синягин, Д., 221.
Скибневский, 120.
Сломянский, 207.
Сонгин, 114.
Спасский, 148.
Способин, 113.
Стенбок-Фермор, 166.
Степанн, А., 31.
Строганов, 273.
Стукалич, 259.
Суражский, 207.

Тагиев, 91.
Танский, Ю., 39.
Тарпинский, 144.
Тер-Каспаров, 150.
Тетюков, 59.
Тиграпов, Г., 157, 270, 271, 272.
Третьяковы, 197, 201, 206.
Тряпкин, 205.
Туган-Барановский, М., 12, 238.
Туманьянн, 91.
Фигнер, В., 277.
Филиппов, 130.
Финн-Енотаевский, А., 12.
Фланден, 175.
Флеровский, Н., 73, 84.
Халтурин, С., 278, 279.
Хейсин, М., 267.
Худов, 153, 166, 204, 223, 227.
Циндель, Э., 183.
Чайковский, Н., 277.
Чернак, 166.
Чернышевы, 263.
Шаевич, 284.
Шау, 200.
Шебеко, 178.
Шейблер, 153, 203.
Шейерман, 255.
Шелгунов, Н., 192, 281.
Шибаев, 91, 197.
Шидловский, 6, 111, 112, 131, 240.
Шилов, фабр., 227.
Шипов, фабр., 201.
Шорин, 211, 213.
Штакельберг, 123, 159, 171, 184, 225, 227.
Штейнфельд, 62.
Штиглиц, 199, 205, 211.
Штоф, А., 244.
Шульце-Делич, 262.
Шутьков, 195.
Щербина, Н., 255.
Эрисман, Ф. д-р, 113, 114, 121, 134, 138, 142, 148, 264.
Яковлевы, 52.
Янжул, И., 34, 35, 75, 104, 108, 135, 150, 161, 167, 174, 177, 241.
Якунчиков, 176.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абаканский завод, 260.
Авдеевская волость, 63.
Австрия, 184, 267.
Алагирский завод, 269, 270.
Алапаевский завод, 266.
Алафузовская фабрика, 175.
Александровский завод, 270.
Александровское село, 207.
Аллавердова промыслы, 91.
Алмазно-юрьевский район, 158.
Алтай, 9, 60, 84, 89, 207, 253.
Америка, 10.
Американская компания, 13.
Амурская область 10, 59, 60, 201, 253.
Англия, 26, 184.
Апшеронский полуостров, 10.
Артинский завод, 270.
Архангельская губ., 18, 19, 186, 194, 195, 199, 202.
Астрахань г. и губ., 186, 194, 274.
Базанова прииски, 90, 139, 172.
Баку, 18, 30, 32, 46, 73, 91, 92, 101, 149, 150, 157, 225.
Баландина прииски, 196.
Балаханы, 91, 102.
Балашева зав., 52.
Валина фабрика, 37, 174, 263.
Барапова фабрика, 206.
Баранчинский завод, 143, 270.
Бахмутский у., 62, 63, 64, 66, 93, 255, 256.
Бахрушина фабрика, 182.
Беккера фабр., 200.
Белоруссия, 106.
Белосток, 207.
Бельгия, 184, 212.
Бендин, 100.
Березовский зав., 51.
Бердичев, 254.
Биби-Эйбат, 91.
Богомоловой фабрика, 37.
Богородский у., 119.
Благодать гора и окр., 54, 88, 136, 138, 257.
Богословский окр., 51, 53, 270.
Бодайбо, 60.
Больш. Яросл. мануфактура, 52.
Борисовского зав., 110.
Борисоглебск, 207.
Брест-Литовск, 207.
Брюханова фабрика, 46.
Бухара, 18.
Бухгольца фабр., 273.
Варшава, 18, 19, 36, 104, 125, 203, 207, 261, 273, 274.
Варшавская губ. и окр. 14, 15, 23, 104 125, 126.
Варшавская ж. д., 275.
Вейфмана рудник, 169.
Верхнетурский зав., 270.
Виленская губ. и окр., 19, 23, 35, 75, 106, 126, 174.
Вильна, 215, 281, 284.
Витимская система, 90.
Владимир, 212.
Владимирская губ. и окр., 14, 18, 19, 23, 37, 112, 113, 119, 124, 132, 133, 161, 176, 177, 178, 199, 206, 213, 238, 264.
Вознесенская ман-ра, 207.
Волжско-Донская ж. д., 191, 228.
Волжско-Тверское пароходство, 174.
Вологда гор. и губ., 186, 194, 195, 202.
Волынкина дер., 205.
Волынская губ., 19.
Воронеж, 277.
Воронежская губ. и окр., 23, 66, 130, 131, 152, 264.
Вотка река, 143.
Воткинский зав., 143, 270.
Вышний Волочок, 208, 209.
Вятская губ., 186, 194, 195.
Гартмана зав., 183.
Гезена фабрика, 175.
Гемпеля фабрика, 125, 141.

Германия, 39, 184, 204, 224, 261, 267, 279.
Глуховская м-ра, 181.
Головина фабрика, 129.
Голубовский рудник, 93.
Горинская м-ра, 206.
Горнопромышл. о-ва рудники, 255, 256.
Госпара фабрика, 206.
Гродненская губ., 206.
Грушевка, 61.
Гута-Банкова зав., 144.
Дайлиды село, 206.
Диля фабр., 201.
Домбровский район, 9, 100, 101, 142, 144, 153.
Донецк. бассейн и обл., 9, 19, 66, 68, 93, 140.
Европа Западная, 101, 103, 105, 132, 164, 182, 192, 279.
Ейск, 254.
Екатеринбург, 270.
Екатеринослав, 281, 282, 284.
Екатеринославская губ., 14, 15, 31, 62, 70, 85, 94, 95, 110, 140, 181, 209, 256, 257.
Енисейская губ. и окр., 58, 60, 89, 154, 170, 172.
Железное село, 256.
Жирардовская фабр-а, 207, 211.
Житомир, 27, 77.
Жукова фабр-а, 130.
Забайкальская обл., 190, 197.
Зайсанский у., 103.
Закаспийская обл., 17.
Замоскворечье, 182.
Замосковный край, 98, 99, 142, 145.
Запад, 78, 103, 183, 188, 189, 219, 236, 278.
Захерта ф-а, 273.
Зейская компания, 201.
Зея река, 10.
Зимина ф-а, 174.
Златоустовский зав., 143, 223, 268, 273.
Змиевская ф-а, 270.
Зубкова ф-а, 205.
„Иван", копи, 100,
Иваново-Вознесенск, 46, 180, 201, 205, 275, 277.
Ижевский зав., 147, 148.
Измайловская ф-а, 37,
Илимский зав., 270.
Иловайского рудник, 63.
Ильиной ф-а, 201.
Иркутск, 60.
Каверина ф-а, 204.
Кавказ, 10, 17, 21, 73, 157.
Казанский окр., 35, 111, 131, 151, 167.
Казань, 175, 281.
Калужская губ., 15, 81, 277.
Кальмиус река, 94.
Кальмиусо-Богодуховск. копи, 97.
Каменский завод и рудник, 97, 273.
Канский у., 252.
Каспийское море, 19.
Катунки село, 86.
Кекина ф-а, 133.
Кельбекская система, 207.
Кенига ф-а, 200.
Керчь, 254, 255.
Киев, 111, 119, 201, 261, 277, 281, 284.
Киевск. губ. и окр., 14, 15, 19, 23, 27, 44, 46, 111, 127.
Китай, 18.
Клинский у., 37, 114, 134, 174, 175.
Клинцы, 110, 129.
Кнопа ф-а, 205.
Коломенский у., 204.
Колыванская ф-а, 270.
Кончозерский зав., 270.
Коншина ф-а, 201.
Королева приски, 154.
Корсунский рудник, 70, 94.
Кострома гор. и губ., 14, 18, 46, 186, 194, 201,
Крамста ф-а, 153.
Красноуфимский у., 53.
Кренгольмская ман-а, 196, 206.
Крестовниковых ф-а, 167.
Кривой Рог, 10, 46, 98, 273.
Кузнецова зав., 205.
Кунгурский у., 53.
Курикина зав., 199.
Курляндия, 106.
Курск, 261.
Курская ж. д., 38, 39, 201.
Кусинский зав., 270.
Кушвинский зав., 143, 257, 270.
Кушнарева ф-а, 174.
Кыновский зав., 262.
Кыштымские зав., 16, 54.
Ладога, 190.
Лазорева ф-а, 98.
Левинская копь, 43.
Либава, 261.
Литва, 106.
Лифляндская губ., 14, 15, 19.
Лодзь, 18, 31, 153, 203, 204, 206.
Луганск, 143.
Луганское село, 256.
Людиновский зав., 273.
Магнитная гора, 136.
Макарова ф-а, 37, 174, 263.
Малороссия, 104, 125.
Мальцевские зав., 259.
Манташева пром., 91.
Мариинский окр., 32, 57, 60, 89.
Мариуполь, 254.
Мартына ф-а, 176.

Марьевка станция, 158.
„Мацей и Владислав“ копи, 100.
Мнасские пром., 205.
Минск, 215, 281, 284.
Миньярский зав., 52.
Мирзоева пром., 91.
Митава, 261.
Митченсона ф-а, 175.
Миусский окр., 62, 63, 93.
Мичри ф-а, 200.
Мнацаканова пр., 91.
Могилевская губ., 19.
Морозова ф-а, 24, 176, 199.
Москва, 18, 19, 45, 73, 78, 79, 115, 116, 117, 121, 156, 167, 173, 198, 199, 201, 204, 210, 212, 216, 217, 237, 277, 281.
Московская губ., 14, 18, 34, 37, 41, 42, 85, 113, 114, 119, 120, 121, 134, 135, 136, 162, 167, 168, 174, 175, 178, 179, 180, 206, 213, 238, 241, 263.
Московский окр., 22, 23, 37, 74, 75, 134.
Московско-Владим. район, 34, 36, 132.
Нараевка, село, 166.
Нарва, 196, 197, 206, 261.
Нарвская ман-ра, 196.
Невская бумагопрядильня, 185, 190, 192, 193, 194, 195, 206.
Нерехта, 46.
Нерчинский окр., 10, 197, 270.
Нестеровой рудник, 255, 256.
Нечаева ф-а, 195.
Нижегородка слобода, 112.
Нижегородская губ., 14, 42, 86, 205.
Нижнеисетский зав., 270.
Нижне-Туринский зав., 51, 257, 270.
Нижнеудинский у., 252.
Нижний Новгород, 19, 114.
Николаев, 254, 255, 261.
Николаевская ж. д., 11, 14, 275.
Николаевско-Харьковск. ж. д., 40.
Никольская ман-ра, 190, 199, 265.
Нимской К° пром., 59.
Нобеля пром., 91.
Новая бумагопрядильня, 200, 202, 212.
Новоладожский канал, 190, 191.
Новгородская губ., 19, 181, 186, 194.
Новороссийск. О-ва зав. и шахты, 93, 110.
Новочеркасск, 61.
Обводный канал, 200.
Обуховский зав., 106, 223.
Одесса, 27, 176, 208, 225, 254, 255, 278, 281.
Олекминский окр., 33, 59, 60, 90, 168.
Олонецкая губ., 186, 194, 273.
Орел, 277.
Оренбургская ж. д., 199.
Оренбургский край, 52.
Орехово-Зуево, 12, 176, 190, 199, 211, 238.
Орловская губ., 14, 19.
Осинский у., 53.
Осипова ф-а, 111.
Павлово село, 148, 260.
Паля фабрика, 209.
Панченко рудник, 169, 176.
Пастухова зав., 71.
Пермская губ., 14, 27, 28, 30, 49, 55, 56, 73, 74, 80, 136, 145, 147, 168, 259, 266.
Пермский зав., 205, 270.
Пернов, 261.
Персия, 18.
Петербург, 11, 18, 19, 24, 26, 46, 61, 73, 76, 78, 79, 82, 115, 161; 180, 199, 206, 207, 209, 211, 212, 215, 222, 237, 238, 245, 263, 265, 267, 275, 277, 278, 279, 280, 284.
Петербургская губ., 14, 15, 19, 42, 106, 124, 156, 208, 265.
Петербургский окр., 23, 29, 36, 152.
Петергоф, 119, 208.
Петровск, 18.
Петроковская губ. и окр., 14, 15, 23, 119, 203, 273.
Подмосковный район, 17, 271.
Подольская губ., 14, 15, 19, 85, 166, 208.
Польша, 17, 18, 19, 20, 24, 73, 75, 100, 101, 104, 106, 125, 142, 144, 153, 177, 237, 250, 272, 273.
Порткундская ф-а, 208.
Пржесухские зав., 273.
Прибалтийский район, 18.
Прибрежно-Витемской К° пр., 90, 172.
Привислинский край, 18, 19, 21, 36, 75, 104, 125, 175, 177.
Приморская обл., 10.
„Промышленность“ К° пром., 90.
Простова ф-а, 130.
Прохорова ф-а, 208, 217.
Пруссия, 61, 267.
Путиловский зав., 115, 118, 156.
Раменская ман-а, 109, 134, 166.
Ревель, 207, 208.
„Ренард“ О-ва ф-а, 153.
Реутовская ф-а, 186.
Романы, 102.
Рославль, 35.
Россия, 5, 20, 21, 22, 32, 45, 47, 48, 53, 74, 75, 84, 86, 105, 108, 114, 125, 157, 159, 164, 177, 183, 188, 192, 195, 204, 207, 218, 223, 224, 225, 235, 236, 254, 279.
Россия Азиатская, 11, 17, 20.
Россия Евр., 11, 12, 17, 19, 20, 21, 23, 24, 72, 78, 144, 159, 164.
Рутченовский рудник, 70, 97.
Рыбинск, 205.
Рыковского рудник, 63.

Рязанская губ., 19.
Сабашникова приски, 197.
Сабунчи, 91, 102.
Савельева ф-а, 130.
Садонский рудник, 269.
Саксония, 184.
Салаирский рудник, 261.
Салда река, 87.
Самарская губ., 74, 186, 194, 281.
Саратов, 210, 281.
Саткинский зав., 270.
Свирский канал, 205.
Севастополь, 254, 255.
Северно-Енисейский окр., 33, 59, 103, 196.
Семипалатинско-Семиреченский окр., 169.
Сергиевский зав., 51.
Серебрянский зав., 270.
Серикова ф-а, 204.
Серпухов, 197, 199, 201, 204, 264.
Сестрорецк, 42, 250.
Сибирь, 21, 32, 61, 74, 85, 87, 172, 173, 184, 197, 278.
Сибирь Восточная, 17, 85, 90, 172.
Сибирь Западная, 17, 33, 60, 157.
Сибирякова промыслы, 51, 58, 90, 139, 140, 204, 251.
Силезия, 153.
Симский зав., 52.
Скотоводская вол., 63.
Славяносербский у., 62, 93, 255, 256, 257.
Смоленская губ., 19, 35, 191, 277.
Смоленское село, 106.
Сольвычегодск, 212.
Сормовские зав., 46, 208, 273.
Сосновица, 36, 153.
Средне-Волжский окр., 99, 142, 145.
Староховицкие зав., 273.
Степной край, 103, 157.
Стомпорково, 144.
Сувалкская губ., 19.
Сукременский зав., 273.
Суражского и Сломянского ф-а, 207.
Сысертский зав., 28, 30, 273.
Таганрог, 96, 254, 255, 261.
Тагнева пром., 91.
Тагильский рудник, 137.
Тамбовская губ., 15.
Тверская губ., 18, 19, 191.
Терская обл., 269.
Тетюкова приски, 59.
Тифлис, 18, 215, 221.
Тобольская губ., 52.
Томская губ. и окр., 32, 52, 58, 59, 154, 155, 172.
Третьякова ф-а, 197.
Тула, 42, 191, 274, 277.
Тумаиьянца пром., 91.
Туринский рудник, 44, 270.
Турция, 78.
Умань, 27, 77.
Урал, 9, 17, 28, 47, 48, 51, 53, 54, 55, 56, 68, 80, 81, 84, 87, 88, 136, 137, 143, 144, 253, 257, 258, 271.
Успенского О-ва рудник, 97.
Уткинский зав., 166.
Уфа, 112.
Уфалейский зав., 51.
Филиппова ф-а, 130.
Финляндия, 11, 15, 17, 19.
Фландена ф-а, 175.
Франция, 39, 164, 184, 212.
Франц.-Итальянск. О-ва копи, 142.
Харьков, 79, 80, 215, 261, 274, 275.
Харьковская губ. и окр. 14, 19, 23, 29, 35, 36, 66, 74, 75, 104, 110, 125, 128, 151, 167, 175, 176, 264.
Херсон, 254, 255.
Херсонская губ., 14, 15.
Хлудова ф-а, 153, 166, 204.
Холуницкий зав., 195.
Царевская ман-ра, 173.
Царское село, 11.
Циндаля ф-а, 183.
Черниговская губ., 66, 110, 129.
Черный городок, 92.
Чернышевых ф-а, 263.
Чернятинско-Старская ф-а, 259.
Чита, 197.
Шау ф-а, 200.
Швейцария, 38, 39.
Шейблера ф-а, 153, 203.
Шейермана рудник, 255.
Шенкурск, 212.
Шеффильд, 148.
Шибаева пром., 91.
Шипова ф-а, 201.
Шлиппе ф-а, 174.
Штиглица ф-а, 199, 205.
Шуя, 177.
Щербаковых ф-а, 204.
Эльтонское озеро, 206.
Эстляндская губ., 42.
Юг России, 17, 20, 30, 31, 47, 60, 61, 68, 70, 72, 73, 93, 95, 96, 112, 141, 158, 176, 177, 215, 255, 266, 272.
Юго-Западный край, 203.
Южная ж. д., 191.
Южно-Днепровский зав., 74.
Южно-Енисейский окр., 33, 58, 59, 89.
Юза рудники и зав., 63, 66, 70, 71, 72, 94, 96, 169, 176.
Юзовка, 94, 97, 215.
Якунчикова ф-а, 176.
Ярославль, 52, 74, 209.
Ярославская губ., 14, 18, 42.
Ярцево, 204.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

Глава I. Развитие крупной промышленности . . . . . .

Влияние падения крепостного права на уменьшение производительности в Уральской и Алтайской горнопромышленности.—Возникновение новых районов—Донецкого и Домбровского бассейна, Кривого Рога, Апшеронского полуострова, Амурской и Приморской области.—Общая картина роста горнозаводского производства с 1860 по 1905 г.—Развитие железнодорожной сети и водного транспорта.—Увеличение числа фабрично-заводских предприятий с 1863 по 1905 г.—Статистика производств, необложенных акцизом.—Рост акционерных обществ и суммы капитала, вложенного в промышленность и железные дороги.

Территориальное распределение фабрик и заводов.—Сдвиг с востока на запад и на юг; устойчивость центрального промышленного района.—Рост внешнего товарообмена.

Глава II. Численность и состав рабочего класса 15

Увеличение числа служащих в железнодорожном и водном транспорте; их состав.—Излишние руки в крепостном горном хозяйстве; сокращение их после освобождения.—Общий рост горнозаводского рабочего населения с 1861 по 1904 г.—Распределение его по районам и отраслям производства.—Рост численности фабрично-заводских рабочих и распределение их по производствам.—Концентрация промышленности.—Сосредоточение промышленных предприятий вне городских поселений.—Связь промышленного рабочего населения с землей.—Увеличение кадра постоянных рабочих.

Глава III. Детский и женский труд 23

Расширение сферы применения детского труда на фабриках и заводах в пореформенное время.—Влияние закона 1 июня 1882 г. на последующее резкое сокращение его.—Возрастание участия женщин.—Детский труд в горной промышленности.—Обход предпринимателями запрещений закона.—Женский труд на горных промыслах и железных дорогах.

стр.

Глава IV. Рабочий день 30

Распространение двухсменной работы в горно-заводской промышленности.—Увеличение перерыва для отдыха.—Тенденция к удлинению рабочего периода на золотых промыслах.—Рабочий день в обрабатывающей промышленности по данным фабричной инспекции в начале 80-х годов.—Рабочий день на железных дорогах.—Закон 2 июня 1897 г. и его значение.—Сравнение средней продолжительности рабочего дня в конце второго периода и крепостной эпохи.—Завоевания рабочих в текстильной и металлообрабатывающей промышленности.—Появление восьмичасового рабочего дня.—Сверхурочные работы.—Увеличение числа рабочих дней в году.

Глава V. Заработная плата в связи со стоимостью жизни. 47

Устройство быта горнозаводского населения на казенных заводах Урала и Алтая; разделение его на мастеровых и сельских работников.—Повышение ставок мастеровым в связи с уничтожением крепостной зависимости и отменой казенного пайка. Иллюзии и разочарования рабочих при освобождении.—Заработная плата на золотых приисках в 60—80 годах.—Заработная плата в каменноугольной и металлургической промышленности на Юге России по данным обследования Екатеринославского земства.—Промышленный под'ем и его влияние.—Данные правительственного обследования заработной платы горнорабочих в 1903—1904 годах.—Экономическое положение фабрично-заводских рабочих в начале 60-х годов.—Отчеты фабричных инспекторов первого призыва.—Данные обследования м-ва финансов за 1900—901 г.—Общая картина роста заработной платы и стоимости жизни в течение изучаемого периода.—Переход от хозяйского продовольствия на собственное.—Рост потребностей в рабочем классе.

Глава VI. Жилищные условия 87

Дома рабочих-собственников на Урале.—Рабочие казармы на золотых приисках; их переполнение и антигигиеничность.—Жилищные условия на Бакинских нефтяных промыслах.—Землянки, каюты и балаганы на Юге России.—Преувеличенный характер сообщений об улучшениях, совершенных во время промышленного под'ема.—Жилищные условия в описаниях фабричных инспекторов первого призыва.—Коечно-каморочные квартиры в Москве по данным обследования 1899 г.—Результаты деятельности санитарных органов земского и городского самоуправления по улучшению жилищных условий для промышленных рабочих.—Положение судоходных рабочих.

Глава VII. Санитарные условия производства, врачебная помощь и обеспечение при потере трудоспособности 123

Безуспешность комиссии Штакельберга, Игнатьева и Валуева.—Санитарные условия фабрик и заводов по описаниям фабричных инспекторов первого призыва.—Обстановка труда при добывании железа, меди, золота и каменного угля.—Санитарные условия на горных заводах Урала, Царства Польского, Средней России и Бакинского района.—

стр.

Постановка врачебной помощи по данным первых отчетов фабричной инспекции.—Положение дела на горных промыслах.—Деятельность присутствий по фабричным и горнозаводским делам.—Обследование министерства финансов и горного департамента.—Статистика несчастных случаев на фабриках и заводах, горных промыслах и железных дорогах.—Необеспеченность пострадавших рабочих.—Железнодорожные, пенсионные и вспомогательно-сберегательные кассы.—Частное страхование от несчастных случаев.—Временные правила 15 мая 1901 г.—Закон 2 июня 1903 г. об ответственности предпринимателей.

Глава VIII. Рабочая дисциплина. 171

Ликвидация репрессивных мер крепостного периода.—Партионные расправы и телесные наказания для рабочих на золотых промыслах по закону 1870 г.—Живучесть правил московского генерал-губернатора Закревского. — Чрезвычайное разнообразие штрафов; произвол предпринимателей и нарушение равноправности сторон.—Закон 3 июня 1886 г. и 9 марта 1892 г.—Кулачная расправа на фабриках и заводах.—Обыски.—Развитие законодательства о стачках.—Циркуляр 6 июня 1870 г. о высылке главных зачинщиков без суда в особо предназначенные местности.—Циркуляр министра финансов от 5 декабря 1895 г. и министра внутренних дел от 12 августа 1897 г. о стачках.—Обоснование взгляда на стачки, как явление, несовместимое с основами государственного строя в России.—Последствия подобного направления правительственной политики.

Глава IX. Рабочие волнения и стачки. 190

Рабочие волнения 60-х годов.—Стачка 1870 г. на Невской бумагопрядильне. Проявления общественного мнения и отношение правительства к нарождающемуся „рабочему вопросу".—Стачки 70-х и 80-х годов; оборонительный характер их и отсутствие политического момента.—Стачечное движение с 1895 по 1904 г. по данным министерства финансов; его размеры и результаты.—Бытовая обстановка рабочих волнений.—Появление связи с подпольными организациями. - Стачки, как движущая пружина нашего законодательства о труде.

Глава X. Законодательство о труде 225

Комиссия Штакельберга и намеченные ею мероприятия по охране труда.—Оппозиция фабрикантов и победа принципа невмешательства.—Остатки прошлого в положениях, издаваемых для казенных рабочих.—Торжество фритредерства в правилах о найме рабочих на частные золотые промыслы 24 мая 1870 г.—Труды комиссий Игнатьева и Валуева и их неудача.—Учреждение смешанных комиссий по фабричным делам в Петербурге и Москве.—Закон 1 июня 1882 г. о работе малолетних, как поворотный пункт в политике правительства.—Закон 3 июня 1885 г. о ночной работе женщин и подростков и 3 июня 1886 г. о договоре найма.—Влияние промышленного кризиса и Морозовской стачки.—Закон 30 мая 1888 г. о пенсионных и сберегательно-вспомогательных кассах для железнодорожных служащих и рабочих.—Неудача законопроекта об ответственности предпри-

нимателей за несчастные случаи с рабочими.—Закон 9 марта 1892 г. и 20 февраля 1895 г. о распространении норм по охране труда на горнозаводскую промышленность и золотые промыслы.—Закон 2 июня 1897 г. о продолжительности и распределении рабочего времени в предприятиях фабричной и горнозаводской промышленности.—Циркуляр департамента железнодорожных дел.—Правила 15 мая 1901 г. о пенсиях для рабочих казенных горных заводов и рудников.—Закон 2 июня 1903 г. об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими.—Закон 10 июня 1903 г. об учреждении старост в промышленных предприятиях.

Глава XI. Рабочие организации 251

Оживление артельного движения в условиях нового времени.—Артели старателей на золотых приисках Сибири и Урала.—Артели возчиков, каменщиков и плотников на Юге России.—Трудовые артели на каменноугольных копях Екатеринославской губ. и горных заводах Урала.—Производительная кооперация: артельные каменноугольные шахты и каменноломни Екатеринославской губ.; Нижнетуринская Механическая артель и артель „Братство“ на Урале.—Начинания Тверского и Пермского земства.—Артельное движение конца 80-х и начала 90-х годов.—Возникновение потребительской кооперации.—Кыновское общество.—Рабочие потребительные организации при промышленных предприятиях; их зависимость от последних.—Влияние хозяйских лавок.—Горнозаводские товарищества на казенных заводах.—Больничные и вспомогательные кассы на горных заводах и промыслах Царства Польского, Юга России и прочих районов.—Фабрично-заводские кассы.—Общества взаимопомощи.—Железнодорожные пенсионные и сберегательно-вспомогательные кассы.—Возникновение нелегальных организаций для социально-политической пропаганды среди рабочих.—Кружки Чайковского и Лаврова.—Всероссийская социально-революционная организация.—Южно-русский рабочий союз.—Северно-русский рабочий союз.—Союзы борьбы за освобождение рабочего класса.—Образование социал-демократической рабочей партии.—Попытка направления рабочего движения в анти-революционное русло; Зубатов и его политика.

Цена 1 р. 60 к.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

К. А. ПАЖИТНОВ

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ

Т. III.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД
(с 1905 по 1923 г.)

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:

Книжные магазины Военной Типографии
Штаба Рабоче-Крестьянск. Красной Армии.
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, д. № 4, тел. 544-76.
МОСКВА, Арбат, д. № 21, тел. 579-90.

KC15
П12